

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2023

№ 86

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Голев Н.Д., Иркова А.В. Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингво-юридическая проблема	5
Гриценко Е.С., Аликина А.В. Гендерная тематика как инструмент позиционирования в российском дискурсе трудоустройства	18
Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концептуализация регионального пространства (на материале концепта «Земля»)	34
Коршунова А.С., Лагута Н.В. Категория неоднократности и ее репрезентация в новостном интернет-дискурсе	53
Орлова О.В., Ли Ч. <i>Kитай, китайцы и китайское</i> в современной русскоязычной диаспоральной лингвокультуре	66
Резанова З.И., Степаненко А.А. Дискурсивные варианты тематического моделирования пандемии Covid-19 (новостной медиадискурс VS социальные сети)	84
Шубина Э.Л., Ноздрина А.С. Имена <i>die Herde (стадо), der Schwarm (косяк), das Rudel (стая)</i> как средство квантификации и категоризации	102

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Волков И.О., Жилыкова Э.М. И.С. Тургенев – читатель Аристофана (по материалам библиотеки писателя)	123
Гнюсова И.Ф. Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в.	157
Ковалёв А.В. Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразие смыслов	184
Королева С.Б. Лики счастья в философской лирике В. Брюсова 1895–1905 гг.: зов и поиск истинного бытия	195
Мельникова С.В. Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в.	214
Стрельникова А.Б., Филличева В.В. Поэма Ф. Мистрала «Мирей» в русских переводах	230
Яркова Е.В. «Как можно написать эти глаза?»: экфрасис в повести Г.Д. Гребенщикова «Купава. Роман одного художника» (1936)	243

РЕЦЕНЗИИ

Сысоев П.В. Синергетический подход к обучению иностранному языку. Рецензия: Гураль С.К., Смокотин В.М. Синергетическое поле обучения иноязычному дискурсу. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. 342 с.	258
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Golev N.D., Irkova A.V. Incomplete juridicalization of the vocabulary of the text of a law as a linguistic and linguistic-legal problem	5
Gritsenko E.S., Alikina A.V. Gender issues as a positioning tool in Russian recruitment discourse	18
Demeshkina T.A., Tolstova, M.A. The conceptualization of regional space (based on the concept “zemlya”)	34
Korshunova A.S., Laguta N.V. Category of multiplicity and its representation in the Internet news discourse	53
Orlova O.V., Li Zhidan. <i>Kitay, kitaytsy</i> and <i>kitayskoe</i> in contemporary Russian-speaking diaspora linguaculture	66
Rezanova Z.I., Stepanenko A.A. Discursive variants of thematic modeling of COVID-19 (news media discourse VS social networks)	84
Shubina E.L., Nozdrina A.S. The names <i>die Herde</i> (herd), <i>der Schwarm</i> (shoal), <i>das Rudel</i> (flock) as a means of quantification and categorization	102

LITERATURE STUDIES

Volkov I.O., Zhilyakova E.M. Ivan Turgenev as a reader of Aristophanes (based on Turgenev’s library)	123
Gnyusova I.F. Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century	157
Kavaliou A.V. The problem of “interest” in Shakespeare’s <i>Merchant of Venice</i> : Diversity of meanings	184
Koroleva S.B. Images of happiness in Valery Bryusov’s philosophical lyrics of 1895–1905: The call and the search for true being	195
Melnikova S.V. Travel diaries and memoirs of Archpriest Prokopy Gromov: On the artistry of Siberian spiritual literature of the late 19th century	214
Strelnikova A.B., Filicheva V.V. Russian translations of the Poem “Mireille” by Frédéric Mistral	230
Yarkova E.V. “How one could paint those eyes?”: Ekphrasis in <i>Kupava. Roman odnogo khudozhnika</i> (1936) by George Grebenstchikoff	243

REVIEWS

Sysoyev P.V. Synergetic approach to teaching a foreign language. Book review: Gural, S.K. & Smokotin, V.M. (2023) <i>Synergetic field of teaching foreign language discourse</i> . Tomsk: TSU Press. 342 p.	258
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81-115
doi: 10.17223/19986645/86/1

Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингво-юрдическая проблема

Николай Данилович Голев¹, Анна Валентиновна Иркова²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ngolevd@mail.ru

²a.irkova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению неполной юридизации лексики, рассматриваемой в аспекте лингво-юрдической экспертизы текстов законопроекта как коррупциогенный фактор, который возникает вследствие наличия в таких текстах зон смысловой неопределённости. Исследование показало антиномический характер неполной юридизации. С одной стороны, лексическим источником текста закона выступает общенародный язык, который стихийно пополняет правовой текст; с другой стороны, рациональным путем его обогащают профессиональные участники общения в правовой сфере. По этой причине любой текст закона становится «площадкой» взаимодействия двух противоречивых тенденций. Данное обстоятельство обусловлено не только субъективными, но и объективными причинами, вытекающими из сложной структуры правовой коммуникации, в которой участвуют разные субъекты с разными статусами и интересами: прежде всего это рядовые потребители текста закона и его профессиональные пользователи. Каждая из сторон представляет собой самостоятельную, отдельную детерминанту процесса правового текстообразования.

Ключевые слова: юрслнговстлка, юрлдическая терминология, юрлдизация лексики, дискурсивный анализ, терминологизация

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ+АКО «Лнговстлческий мониторинг социальной напряжённости в Кузбассе» (№ 20-412-420004 р_а).

Для цитирования: Голев Н.Д., Иркова А.В. Неполная юрлдизация лексики текста закона как лнговстлческая и лнгов-юрдическая проблема // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 5–17. doi: 10.17223/19986645/86/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/86/1

Incomplete juridicalization of the vocabulary of the text of a law as a linguistic and linguistic-legal problem

Nikolay D. Golev¹, Anna V. Irkova²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ ngolevd@mail.ru

² a.irkova@mail.ru

Abstract. The article presents a new method for studying the incomplete juridicalization of vocabulary in the aspect of linguistic and legal examination of the texts of a draft law. The project contains two innovative points: 1) today, interdisciplinary interaction in the study of language and its functioning is of particular relevance; 2) in linguistic and legal terms, incomplete juridicalization is a corruption-generating factor, which is reflected in a number of official documents. The problem of uncertainty of legal language is largely due to semasiological factors: synonymy creates many difficulties for linguists and lawyers, confronting them with the difficult task of differentiating such synonymous series as “lichnost” [person], “chelovek” [person], or “litso” [person], or “chest” [honour], “dostoinstvo” [dignity], “dobroe imya” [good name], or “oskorblenie” [insult], “unizhenie” [humiliation], “umalenie” [belittlement], “ochernenie” [denigration], “neuvazhenie” [disrespect]. At the beginning of the article, the authors analyze the project’s scientific and linguistic context. It consists of a discussion of the problem of studying the incomplete juridicalization of vocabulary and the semantic uncertainty of legal texts. As part of the anti-corruption examination of draft laws, one of the tasks is to diagnose points of ambiguity in understanding it. The authors defend the thesis that the linguistic and legal uncertainty of proto-terms can act as a corruption factor. In some cases, the functioning of such speech units with broad semantics gives rise to multiple interpretations. The authors separately characterize the features of the text on the rational use of natural resources. This choice for analyzing the research and expert capabilities of the proposed methodology for studying the lexical component of the text of a law is due to the nature of the object under consideration. The main part of the article proposes the research concept itself. The semasiological approach to the study of a legal text involves considering its lexical composition in the rank of a “general word-legal term”. On this basis, the forming of a system of terms, which is the corresponding lexical branch of the legal language, was modeled in order to test the analysis and determine the degree of its universality for a variety of texts. Juridicalization and lexicographic fixation are related, since the inclusion of a lexeme in a dictionary (reference book, encyclopedia, etc.) seems to be one of the markers of the process of being juridicalized. During the study, the authors highlighted the features of the classification of speech units according to the degree of their juridicalization in the aspect of analysis and linguistic-legal examination of the text of the law; developed a method of continuous semasiological analysis; identified the prospects for using the results obtained in anti-corruption expert examination.

Keywords: legal linguistics, legal terminology, juridicalization of vocabulary, discourse analysis, terminologization

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Kemerovo Oblast Administration, Project No. 20-412-420004 p_a.

For citation: Golev, N.D. & Irkova, A.V. (2023) Incomplete juridicalization of the vocabulary of the text of a law as a linguistic and linguistic-legal problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/1

Неполная юридизация лексики: постановка проблемы

В современном радикально меняющемся мире проблема юридизации различных сфер человеческой жизнедеятельности приобретает особенную актуальность. В настоящее время межпредметное взаимодействие в исследовании языка и его функционирования являет собой весьма перспективную область научных изысканий. В частности, выявление юридических смыслов принципиально важно при проведении антикоррупционной экспертизы, в которой выявляются зоны и точки, порождающие неопределённость смысла [1–8]. В этом плане неполная юридизация представляет собой коррупциогенный фактор, что отражено в ряде официальных документов.

Так, современный этап борьбы с коррупцией обозначил Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9]. Согласно данному закону антикоррупционная экспертиза – это правовая проверка нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения. В инструкции по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов, утверждённой постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. (№ 96) в числе коррупциогенных факторов назван следующий: «юридико-лингвистическая неопределённость – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [9]. Таким образом законодатель «высветил» перед лингвистами лингвистическую проблему и задачу изучения феномена смысловой неопределённости лексики текстов закона. Эта задача так или иначе решается языковедами. Уже имеются отдельные юрислингвистические исследования зоны неопределённости различных терминов, предтерминов и общенародных слов, входящих в текст закона.

В нашем исследовании смоделирована зона неопределённости юридического языка как феномена с широким диапазоном действия и разнообразными проявлениями неполной юридизации. Проблема неопределённости юридического языка во многом обусловлена семасиологическими факторами: синонимия создаёт немало трудностей для лингвистов и юристов, ставя перед ними сложную задачу дифференциации в таких синонимических рядах, как «личность», «человек», «лицо» или «честь», «достоинство», «доброе имя» либо «оскорбление», «унижение», «умаление», «очернение», «неуважение». Очерченная линия разнообразных лексем и словосочетаний с общенародным шлейфом смыслов может быть дополнена.

Настоятельный запрос на изучение таких «не полностью юридизированных» терминов основывается на необходимости проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов, одной из задач которой является диагностирование точек неоднозначности понимания. Антиномический анализ сложности языка связан с сопоставлением юридического языка и литературного языка. Как известно, юридический язык как особый функционально-стилистический регистр органично включается в состав литературного языка. При

этом в связи с переходом понятий из общенародного языка в язык юридических документов образуется зона конфликта и противоречий.

Настоящая статья представляет собой реализацию собственно лингвистического исследования неполной юридизации лексики и смысловой неопределённости юридических текстов. Отдалённым предполагаемым прикладным применением статьи является использование её результатов в области лингвистической экспертизы текстов законопроектов, осуществляемой как в связи с общей оценкой их качества, так и в связи со специальной экспертизой, направленной на выявление в текстах законопроектов коррупционных элементов.

Понятие «юридико-лингвистическая неопределённость» в научно-лингвистическом контексте

В работе В. Вих [10] рассмотрены с философской точки зрения такие категории, как «смутность», «расплывчатость», «диффузность». В статье раскрывается понятие «открытая текстура», связанное с потенциальной смутностью терминов при их применении в экстремальных обстоятельствах. В этом же ключе В.В. Оглезнев [11] актуализирует идею «открытой текстуры» по отношению к юридическому языку, предложенную в своё время английским философом права двадцатого столетия Гербертом Хартом. Автором показано, что в некоторых случаях понятия с «открытой текстурой» являются кластерными категориями: для того чтобы некоторый объект был включён в объём такого понятия, он не должен обладать всеми признаками, входящими в содержание этого понятия.

В ряде работ [2, 12–16] представлены результаты исследования де-юре (моделируемой) и де-факто (реальной) интерпретации понятия «юридико-лингвистическая неопределённость». Юридиколо-лингвистическая неопределённость в таких работах анализируется с различных точек зрения: дихотомии «определённость/неопределённость»; наличия идентифицирующей дефиниции; отношения к системе терминов российского законодательства; вариативности, неоднозначности, двусмысленности, многозначности понимания; основания для процессуальных решений: экспертной оценки, корректирования нормы законопроекта или действующего закона. Полученные результаты позволяют сформулировать следующее определение: коррупционные факторы – это правовые дефекты юридических норм и двусмысленные языковые формулы в тексте нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), создающие предпосылку для коррупционных проявлений.

Комплексное исследование вопросов и существующих проблем в сфере функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации представлено в монографии О.Ю. Рыбакова и О.С. Рыбаковой [17]. Выявлена необходимость совершенствования языка права. В публикации «Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа» [18] раскрываются возможности оценки читабельности законодательных актов России на основе их синтаксического анализа методами компьютерной

лингвистики. Авторы пришли к выводу, что законодательство стало на 30% сложнее с 1991 г.

В некоторых работах анализируются особенности тех или иных предтерминов. Так, например, актуальным на данный момент является вышедший в свет «Словарь терминов российского законодательства: более 6 000 терминов» [19], его автором является М.В. Батюшкина. Словарь отражает специфику системы терминов современного российского права, особенности формулирования легальных дефиниций, иллюстрирует явления терминологической унификации, синонимии, антонимии. В этом же аспекте Н.Н. Голубь и М.А. Осадчий [20] рассматривают такое явление, как нечёткие определители и/или детерминанты. Авторы понимают эти категории как клишированные выражения, выполняющие функцию семантических компрессоров. Вследствие компактности и неразъяснённости семантики эти единицы становятся импульсами деривации значений.

Е.И. Галяшина изучает неполную юридизацию в аспекте возможности предотвращения коррупционных проявлений с помощью лингвистического исследования текстов нормативных правовых актов [21]. Автор приходит к выводу, что выявление правовой и лингвистической неопределённости, которая выступает в качестве одного из коррупциогенных факторов, служит эффективным средством предупреждения взяточничества.

В свою очередь, С.А. Кузнецов и А.А. Соловьев [22] описывают такие обязательные свойства языка юридического документа, как определённость (точность), ясность, стилистическая нейтральность, лингвистическая корректность. В статье приводятся примеры формулировок, не соответствующих правилам и нормам использования языковых средств в правовых актах, а также предлагаются пути преодоления отмеченных несоответствий.

Юридический язык не может быть отделён от естественного языка не только по генетическим, но и по синхронным и функциональным причинам [23]. Термин «юридизация» подчёркивает эволютивность терминообразования в праве и тем самым означает наиболее общую и широкую концепцию не только юридического терминоведения, но и в целом – системы юридических понятий, связанных с приобретением правового статуса социальным явлением [24]. В знаковой для российской юрислингвистики книге «Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» авторы рассматривают термины из закона о защите нематериальных благ личности, указывают на отсутствие однозначности в трактовке таких юридических категорий, как «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление», «унижение чести и достоинства». Далее констатируется такой факт: «Число конфликтов растёт, как говорится, не по дням, а по часам. И буквально в каждом вопросе о содержании понятий, перешедших из обыденного языка в язык юридических документов, является едва ли не определяющим» [25. С. 4–6].

Расплывчатость границ между юридической и общей лексикой чётко обозначена в другой ключевой книге для юридической лингвистики – ра-

боте А.Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [26]. В ней разграничиваются понятия юридически определённых и лингвистически определённых терминов [26. С. 20]. Так, изучение закономерностей неполной юридикации, имеющей эволютивный характер, предполагает отсылку исследования к более глубоким этапам этого процесса, к зонам семантической «напряжённости» смыслов. В работе [27] авторы подчёркивают, что в настоящее время в лингвистике нет единой и общепринятой классификации речевых актов оправдания и одобрения.

Целью настоящей статьи является оценка статуса неполной юридикации как коррупциогенного фактора.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил текст статьи 32 Лесного кодекса Российской Федерации «Сбор и заготовка недревесных лесных ресурсов» [28]. Проведён мониторинг текущего лингвистического статуса всех лексем текста закона [29]. В рамках данной работы ограничимся рассмотрением текста, посвящённого вопросам рационального использования природных ресурсов. Такой выбор для анализа исследовательских и экспертных возможностей предлагаемой методики изучения лексической составляющей текста закона обусловлен характером рассматриваемого объекта. Учитывая специфику предмета исследования, полагаем, что некоторые законопроекты, направленные на регулирование социальных и экономических отношений в узкоспециальных отраслях (хозяйствование, туризм, таможенная деятельность и т.п.) совмещают разнородную лексику в плане ее приближённости к юридической терминологии и отдалённости от общенародного, диалектного или профессионального стратов. Такой материал представляется удобным для постановки и решения задачи типологии лексикона правовых текстов.

Основной метод описания избранного материала – классификационный, исследование направлено на разработку типологии лексики текста закона по степени её юридикации. Под типологией подразумевается градуальная классификация степени юридикации (полноты/неполноты/отсутствия легального истолкования) слов, представленных в текстах законов. Полученная классификация сопровождается количественной характеристикой классов. Полагаем, что количественное распределение единиц, установленных по параметру степени юридикации, показывает усиление и ослабление зоны смысловой неопределённости текста. При проведении количественного анализа текста количественные показатели преобразуются в качественные характеристики, которые обладают потенциалом для демонстрации широкого спектра обозначенных закономерностей.

Неполная юридизация лексики как коррупциогенный фактор¹

В рамках концепции исследования системный семасиологический подход к изучению юридического текста предполагает рассмотрение его лексического состава в ранге «общего слова – юридического термина». На этой основе смоделирован процесс формирования системы терминов, являющейся соответствующей лексической ветвью юридического языка, с целью проверки анализа и определения степени его универсальности для разнообразных текстов.

При этом под *околоюридическими лексемами* понимаются единицы естественного языка, которые в юридическом контексте (дискурсе) обретают неполное юридическое значение и значимость, обладают широкой семантикой и актуализуют смыслы общенародного слова; в свою очередь, *предтермины* представляют собой специализированные единицы языка, которые употребляются в юридическом контексте (дискурсе) для обозначения правовых понятий, но не имеют четко очерченную и закреплённую дефиницию в юридических словарях и справочниках.

Подчеркнём, что юридизация и лексикографическая фиксация связаны, поскольку попадание лексемы в словарь (справочник, энциклопедию и т.д.) представляется одним из маркеров процесса юридизированности. Так, чем выше степень лексикографирования слова, тем сильнее и степень его юридизации.

Лексический пласт ст. 32 Лесного кодекса Российской Федерации «Сбор и заготовка недревесных лесных ресурсов» соответствует нормам современного русского языка с учетом функциональных и стилистических особенностей законодательного текста (табл. 1, 2).

Т а б л и ц а 1

Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	
	В абсолютном выражении	%
Служебные слова	13	11
Местоименные слова	4	3
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	20	17
Слова и связки общенародного употребления	46	39
Околоюридические лексемы	5	4
Предтерминологические лексемы и словосочетания	11	9

¹ В разделе использованы ранее опубликованные материалы из диссертационной работы А.В. Ирковой «Эволютивная юридизация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями чест-, гражд-» [24].

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	
	В абсолютном выражении	%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	7	6
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	12	10
Итого	118	100

Таблица 2

Лексеμο-текстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	
	В абсолютном выражении	%
Служебные слова	34	19
Местоименные слова	5	3
Предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания	21	12
Слова и связи общенародного употребления	77	43
Околоюридические лексемы	7	4
Предтерминологические лексемы и словосочетания	13	7
Собственно юридические лексемы и словосочетания	8	4
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	14	8
Итого	179	100

Сравнение количественных данных, представленных в таблицах, показывает, что наибольшее количество единиц входит в группу «Слова и связи общенародного употребления» (39 и 43% соответственно).

Рассмотрение групп слов (от общенародных до сугубо юридических) по типам их вовлеченности в процесс легального дефинирования, а также подсчет их процентного соотношения к общему количеству слов, использованных в тексте закона, показывают следующие закономерности: *во-первых*, на уровне «Лексеμο-словарной статистики» при подсчёте общего количества слов без повторов доминирующей группой лексических единиц признаются «Слова и связи общенародного употребления» (39%), далее располагаются «Предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания» (17%) и т.д.; *во-вторых*, на уровне «Лексеμο-текстовой статистики» при подсчёте общего количества слов с учётом повторов наиболее частотными словами выступают единицы, входящие в группу «Слова и связи общенародного употребления» (43%), далее по частоте употребления идет группа «Служебные слова» (19%) и т.д.

Ранжирование речевых единиц по степени юридизированности раскрывается следующим образом:

- *служебные слова*: «и»; «от»; «на»; «с»; «в»; «для»; «из»; «к»; «или»; «и (или)»; «без»; «в соответствии с»; «на основании»;
- *местоименные слова*: «других», «другие», «которых», «им»;
- *предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания*: «осуществляются в соответствии с настоящим Кодексом»; «осуществляющие заготовку и сбор недревесных лесных ресурсов»; «вправе возводить навесы и другие некапитальные строения»; «на предоставленных им лесных участках»; «осуществляют заготовку и сбор недревесных лесных ресурсов на основании договоров аренды лесных участков»; «допускается осуществление заготовки елей и (или) деревьев других хвойных пород»;
- *слова и связки общепародного употребления*: «соответствующих лесных ресурсов из леса»; «пни»; «береста»; «кора деревьев и кустарников»; «хворост»; «веточный корм»; «еловая»; «пихтовая»; «сосновая»; «ели или деревья других хвойных пород для новогодних праздников»; «мох»; «лесная подстилка»; «камыш»; «тростник и подобные лесные ресурсы»;
- *околоюридические лексемы*: «изъятие»; «хранение»; «вывоз»;
- *предтерминологические лексемы и словосочетания* (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): «граждане»; «юридические лица»; «аренда»; «предпринимательская деятельность»;
- *собственно юридические лексемы и словосочетания*: «кодекс»; «договоры»; «субъекты»; «купля-продажа»;
- *юрдизированные собственные имена (номенклатурная лексика)*: «Российская Федерация»; «Лесной кодекс»; «ЛК»; «РФ»; «статья»; «ФЗ».

Заключение

Представленная классификация широкого спектра речевых единиц по степени их юридизированности в аспекте анализа и лингво-юридической экспертизы текста закона демонстрирует наличие в тексте зон, порождающих неопределённость смысла. Безусловно, в тексте присутствуют зоны, характеризующиеся определённой (например, номенклатурная лексика). Лингво-юридическая неопределённость предтерминов может выступать коррупциогенным фактором. В некоторых случаях функционирование таких речевых единиц с широкой семантикой служит причиной возникновения множества интерпретаций. Юридические термины представляют собой не только сугубо специализированные единицы языка, но и языковые элементы, которым присущи свойства естественного языка. Они аккумулируют в себе разнообразные значения, изменчивость и многие другие потенциальные характеристики русского национального (общепародного) языка.

Предлагаемая методика сплошного (т.е. непрерывного, охватывающего все без исключения лексемы законодательного текста) семасиологического анализа имеет перспективы использования полученных результатов в рамках антикоррупционной экспертизы. В подобного рода экспертизах традиционно делается акцент на выявлении отдельных – наиболее маркированных по признаку неопределённости смысла – лексических элементов текста

законопроекта. Так, наша методология позволяет рассмотреть всё пространство текста и его отдельных участков в качестве возможной коррупциогенной зоны, что настраивает эксперта на проведение системного семасиологического анализа в направлении от общего к частному.

Список источников

1. *Афанасьев А.Ю.* Юридическая неопределённость в уголовно-процессуальном доказательственном праве как коррупциогенный фактор // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2016. № 1 (33). С. 210–214.
2. *Барабаш О.В.* «Коррупциогенный фактор» как юридический термин: структура, содержание, дефиниция // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* 2015. № 4 (36). С. 156–164.
3. *Барциц И.Н.* Антикрупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикрупционной экспертизы) // *Государство и право.* 2010. № 9. С. 16–25.
4. *Кабанов П.А.* Юридикo-лингвистическая неопределённость как коррупциогенный фактор // *Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко.* Саратов, 2013. С. 462–465.
5. *Кудашкин А.В.* Антикрупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая органами прокуратуры, – эффективное средство противодействия коррупции // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2010. № 4. С. 90–95.
6. *Муртазина Г.М.* Антикрупционная экспертиза муниципальных правовых актов как мера борьбы с коррупцией // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2010. № 1. С. 155–160.
7. *Родионова О.Н.* Антикрупционная экспертиза // *Российский юридический журнал.* 2010. № 1 (70). С. 158–162.
8. *Тухватуллин Т.А.* Антикрупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики // *Российская юстиция.* 2019. № 2. С. 9–11.
9. *Постановление* Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикрупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // *Российская газета.* 2010. 5 марта. № 46.
10. *Vix B.H.* L.A. Hart and the “open texture” of language // *Law and Philosophy.* 1991. Vol. 10. № 1. P. 51–72. doi: <https://doi.org/10.1007/BF00144295>
11. *Оглезнев В.В.* «Открытая структура» правовых понятий и теория семантических прототипов // *Вестник Томского государственного университета.* 2020. № 452. С. 94–98.
12. *Батюшкина М.В.* Юридикo-лингвистическая неопределённость терминов и норм российских законов // *Русистика.* 2021. № 2. С. 138–154. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154
13. *Белоконь Н.В.* Юридикo-лингвистическая неопределённость: содержание понятия // *Вестник Воронежского государственного университета.* 2012. № 1. С. 46–54.
14. *Власенко Н.А.* Категории «неопределённость» и «определённость» в исследовании современного права // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2017. № 1 (37). С. 8–17.
15. *Кабанов П.А.* Юридикo-лингвистическая неопределённость как коррупциогенный фактор // *Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко.* Саратов, 2013. С. 462–465.
16. *Родионова О.Н.* Антикрупционная экспертиза // *Российский юридический журнал.* 2010. № 1 (70). С. 158–162.
17. *Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С.* Языковые парадигмы преодоления неопределённости правовой нормы // *Вопросы права государственного языка и языка права / отв. ред. О.Н. Киянова и др.* Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 124 с.

18. *Сложность* российских законов: Опыт синтаксического анализа / ред. А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 312 с. doi: 10.17323/978-5-7598-2174-8
19. *Словарь* терминов российского законодательства: более 6 000 терминов / авт.-сост. М.В. Батюшкина. М. : ФЛИНТА, 2021. 568 с.
20. *Голубь Н.Н., Осадчий М.А.* Нечеткие определители в аспекте деривации смыслов // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 402–405.
21. *Галяшина Е.И.* Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 147–51. doi: 10.24411/2414-3995-2020-10100
22. *Кузнецов С.А., Соловьев А.А.* Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 27–36. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.2.3
23. *Голев Н.Д., Иркова А.В.* Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 21–27. doi: 10.17223/15617793/452/2
24. *Иркова А.В.* Эволютивная юридизация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями чест-, гражд- : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2020. 25 с.
25. *Понятия* чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Медия, 2004. 326 с.
26. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 591 с.
27. *Жарков И.В., Колтунова Е.А.* Опозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2020. № 15 (26). С. 17–21. doi: 10.14258/leglin(2020)1504
28. *Лесной кодекс* Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 8 ноября 2006 г. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (дата обращения: 09.09.2019).
29. *G\$gen.RU* – инструменты веб-разработчика/ URL: [https://g\\$gen.ru/tools/dlina-seo-text/](https://g$gen.ru/tools/dlina-seo-text/) (дата обращения: 08.08.2022).

References

1. Afanas'ev, A.Yu. (2016) Yuridicheskaya neopredelennost' v ugovolno-protsessual'nom dokazatel'stvennom prave kak korruptsiogennyy faktor [Legal uncertainty in criminal procedural law of evidence as a corruption factor]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1 (33). pp. 210–214.
2. Barabash, O.V. (2015) "Korruptsiogennyy faktor" kak yuridicheskiy termin: struktura, sodержanie, definitsiya ["Corruption factor" as a legal term: structure, content, definition]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 4 (36). pp. 156–164.
3. Bartsits, I.N. (2010) Antikorruptsionnaya ekspertiza v sisteme effektivnogo pravotvorchestva (k razrabotke metodiki provedeniya antikorruptsiyonnoy ekspertizy) [Anti-corruption examination in the system of effective law-making (towards the development of a methodology for conducting anti-corruption examination)]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 16–25.
4. Kabanov, P.A. (2013) Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' kak korruptsiogennyy faktor [Legal and linguistic uncertainty as a corruption factor]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugovolnaya politika, ugovolnyy zakon* [Crime, Criminal Policy, Criminal Law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 462–465.

5. Kudashkin, A.V. (2010) Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov, provodimaya organami prokuratury, – effektivnoe sredstvo protivodeystviya korruptsii [Anti-corruption examination of normative legal acts carried out by the prosecutor's office is an effective means of combating corruption]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 4. pp. 90–95.
6. Murtazina, G.M. (2010) Antikorruptsionnaya ekspertiza munitsipal'nykh pravovykh aktov kak mera bor'by s korruptsiyey [Anti-corruption examination of municipal legal acts as a measure to combat corruption]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 1. pp. 155–160.
7. Rodionova, O.N. (2010) Antikorruptsionnaya ekspertiza [Anti-corruption examination]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1 (70). pp. 158–162.
8. Tukhvatullin, T.A. (2019) Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: voprosy teorii i praktiki [Anti-corruption examination of normative legal acts and their projects: issues of theory and practice]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2. pp. 9–11.
9. Rossiyskaya gazeta. (2010) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 fevralya 2010 g. № 96 "Ob antikorrupciionnoy ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov" [On Anti-Corruption Examination of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts. Decree of the Government of the Russian Federation No. 96 of February 26, 2010]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 March. 46.
10. Bix, B.H. (1991) L.A. Hart and the "open texture" of language. *Law and Philosophy*. 1 (10). pp. 51–72. doi: 10.1007/BF00144295
11. Ogleznev, V.V. (2020) The "open texture" of legal concepts and the semantic prototype theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 94–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/11
12. Batyushkina, M.V. (2021) Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' terminov i norm rossiyskikh zakonov [Legal and linguistic uncertainty of the terms and norms of Russian laws]. *Rusistika*. 2. pp. 138–154. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154
13. Belokon', N.V. (2012) Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost': sodержanie ponyatiya [Legal and linguistic uncertainty: the content of the concept]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 46–54.
14. Vlasenko, N.A. (2017) Kategorii "neopredelennost'" i "opredelennost'" v issledovanii sovremennogo prava [Categories "uncertainty" and "certainty" in the study of modern law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1 (37). pp. 8–17.
15. Kabanov, P.A. (2013) Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' kak korruptsiogennyy faktor [Legal and linguistic uncertainty as a corruption factor]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon* [Crime, Criminal Policy, Criminal Law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 462–465.
16. Rodionova, O.N. (2010) Antikorruptsionnaya ekspertiza [Anti-corruption examination]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1 (70). pp. 158–162.
17. Rybakov, O.Yu. & Rybakova, O.S. (2020) Yazykovye paradigmy preodoleniya neopredelennosti pravovoy normy [Language paradigms for overcoming the uncertainty of a legal norm]. In: Kiyanova, O.N. et al. (eds) *Voprosy prava gosudarstvennogo yazyka i yazyka prava* [Issues of the Law of the State Language and the Language of Law]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
18. Knutov, A.V. et al. (eds) (2020) *Slozhnost' rossiyskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The Complexity of Russian Laws. Experience in syntactic analysis]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. doi: 10.17323/978-5-7598-2174-8
19. Batyushkina, M.V. (ed.) (2021) *Slovar' terminov rossiyskogo zakonodatel'stva: bolee 6 000 terminov* [Dictionary of Terms of Russian Legislation: More than 6,000 terms]. Moscow: FLINTA.
20. Golub', N.N. & Osadchiy, M.A. (2011) [Fuzzy qualifiers in the aspect of derivation of meanings]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Current Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the 4th International Conference. Kemerovo. 4–6 July 2011. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 402–405. (In Russian).

21. Galyashina, E.I. (2020) Lingvisticheskaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo profilaktiki korruptsii [Linguistic examination of normative legal acts as a means of preventing corruption]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2. pp. 147–51. doi: 10.24411/2414-3995-2020-10100

22. Kuznetsov, S.A. & Solov'ev, A.A. (2019) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii v aspekte trebovaniy k russkomu yazyku kak gosudarstvennomu [The Constitution of the Russian Federation in terms of requirements for the Russian language as the state language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 2 (18). pp. 27–36. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.2.3

23. Golev, N.D. & Irkova, A.V. (2020) Continuous semasiological analysis of the lexical composition of the law text (a case study of article 152 of the Civil Code of the Russian Federation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 21–27. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/2

24. Irkova, A.V. (2020) *Evoljutivnaya yuridizatsiya russkoy obshchenarodnoy leksiki: diakhronno-sinkhronny diskursivno-semantichekij analiz leksem s komyami chesti, grazhd-* [Evolutionary jurisprudence of Russian popular vocabulary: diachronic-synchronous discursive-semantic analysis of lexemes with the roots honor-, civil-]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

25. Simonov, A.K. et al. (eds) (2004) *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists]. 2nd ed. Moscow: Medeya.

25. Baranov, A.N. (2013) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic Examination of Text: Theoretical foundations and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.

27. Zharkov, I.V. & Koltunova, E.A. (2020) Oppozitsiya rechevykh aktov odobreniya i opravdaniya v sfere sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [Opposition of speech acts of approval and justification in the field of forensic linguistic examination]. *Yurilingvistika*. 15 (26). pp. 17–21. doi: 10.14258/leglin(2020)1504

28. Consultant Plus. (2006) Forest Code of the Russian Federation: federal law adopted by the State Duma November 8, 2006. [Online] Available from: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (Accessed: 09.09.2019). (In Russian).

29. GSGen.RU – instrumenty veb-razrabotchika [GSGen.RU – Web Developer Tools]. (n.d.) [Online] Available from: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo/text/> (Accessed: 08.08.2022).

Информация об авторах:

Голев Н.Д. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: ngolevd@mail.ru

Иркова А.В. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы ИФИЯМ Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: a.irkova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.D. Golev, Dr. Sci. (Philology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ngolevd@mail.ru

A.V. Irkova, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: a.irkova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 13.12.2021;
approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.17223/19986645/86/2

Гендерная тематика как инструмент позиционирования в российском дискурсе трудоустройства

Елена Сергеевна Гриценко¹, Анастасия Владимировна Аликина²

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)*

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия*

¹ *elena.s.gritsenko@gmail.com*

² *avalikina@hse.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации гендера в различных сегментах российского дискурса трудоустройства. Анализируются объявления о работе и резюме, размещенные на рекрутинговом портале www.hh.ru, специализированных сайтах и в соцсетях. Установлено, что насыщенность гендерными смыслами не характерна для рекрутинговых порталов, однако они широко представлены в неформальных каналах коммуникации. При этом в официальном сегменте гендерно маркированная лексика используется для описания профессиональных компетенций и индексации мировоззренческих установок, а в социальных сетях и онлайн-сообществах гендер выступает как параметр самоидентификации индивида.

Ключевые слова: дискурс трудоустройства, глобализация, гендер, позиционирование, идеология, индексальность

Для цитирования: Гриценко Е.С., Аликина А.В. Гендерная тематика как инструмент позиционирования в российском дискурсе трудоустройства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 18–33. doi: 10.17223/19986645/86/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/86/2

Gender issues as a positioning tool in Russian recruitment discourse

Elena S. Gritsenko¹, Anastasia V. Alikina²

¹ *Moscow State Institute of International Relations MGIMO University,*

Moscow, Russian Federation

^{1,2} *HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

¹ *elena.s.gritsenko@gmail.com*

² *avalikina@hse.ru*

Abstract. The article examines specific features of gender representation in various segments of Russian recruitment discourse. The research material includes job advertisements, resumes and other texts related to the search for jobs and employees posted

on the recruiting portal www.hh.ru, on specialized websites, and in social network groups. In total, 392 texts were selected by continuous sampling with the help of the built-in search tools using gender-marked keywords. The research method combines elements of sociolinguistic analysis, critical discourse analysis, and semantic interpretation. To clarify the results obtained, two interviews with representatives of Nizhny Novgorod recruitment agencies were conducted. The analysis indicates that text saturation with gender meanings and gender-marked forms is not typical for official recruiting portals, yet they are widespread in informal communication channels, such as specialized websites and social network groups. It has been also revealed that while gender-marked vocabulary in the texts from official recruiting portals is used to describe professional experience and index worldviews, in social networks and other online communities gender acts as a parameter of individuals' self-identification. The indexical field of gender in the official segment of the Russian recruitment discourse is ambivalent: there is stigmatization of non-traditional values, on the one hand, and the inclusion of gender topics in the modern "progressive" agenda, on the other hand. The influence of global (Anglophone) discourses and communicative practices on the representation of gender in Russian recruitment discourse is manifested primarily in the informal segment. Gender positioning strategies and various forms of conveying gendered meanings are mostly borrowed: they include non-usual feminines aimed at the explication of the female gender of the referent, preferred pronouns (or "someone's pronouns") and the use of a gender stroke and a gender asterisk as markers of gender inclusivity. Transliteration and hybrids as well as English nicknames of members of gender-related social network groups are widely represented.

Keywords: recruitment discourse, globalization, gender, ideology, indexicality

For citation: Gritsenko, E.S. & Alikina, A.V. (2023) Gender issues as a positioning tool in Russian recruitment discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 18–33. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/2

Введение

Первая половина XXI в. ознаменовалась появлением новых лингвистических концепций, фокус которых в большей степени направлен на социальный контекст, нежели на язык как систему. Это во многом связано с кардинальными изменениями в способах коммуникации, которые обусловлены процессами глобализации, появлением сети Интернет и стремительным развитием информационных технологий. Характеризуя особенности развития языков в глобализирующемся мире, Я. Бломмаерт подчеркивал, что в процесс лингвистической глобализации вовлечены не все коммуникативные практики национального языка: участниками глобализационных трансформаций, как правило, становятся определенные посреднические институты и/ли фрагменты («ниши») коммуникативного пространства [1, 2]. Одной из таких ниш является российский дискурс трудоустройства, сформировавшийся под влиянием глобального дискурса управления персоналом [3].

Дискурс трудоустройства – это «процесс целенаправленного коммуникативного взаимодействия участников рынка труда по поиску работы и работника» [4. С. 39]. Он включает большое количество разножанровых дискурсивных практик: объявления о вакансиях, резюме, сопроводительные и

рекомендательные письма, приглашения на интервью, личные интервью/собеседования, телефонные собеседования/интервью, собеседования с помощью чат-бота, онлайн собеседования/интервью, анкеты, тесты, опросы, предложения о работе (job offers), должностные инструкции, трудовые договоры, обязательства о неразглашении коммерческой тайны предприятия, чек-листы (по подготовке к телефонному интервью) и т.п. Каналы коммуникации участников дискурса включают рекрутинговые порталы, СМИ, корпоративные сайты работодателей и рекрутинговых агентств, наружную рекламу, рекламу в транспорте и др.

Влияние глобального проявляется в терминологической составляющей российского дискурса трудоустройства, представленной транслитерированными англоязычными заимствованиями, и отражается в коммуникативных стратегиях его участников (установка на самопродвижение и саморекламу в резюме, создание привлекательного образа компании-работодателя в объявлениях о работе и т.п.). Анализ жанров российского дискурса трудоустройства показывает, что их структура также соответствует глобальным образцам [5]. Проявлением глобализации и виртуализации общения следует считать и диверсификацию каналов коммуникации участников дискурса трудоустройства, когда наряду с рекрутинговыми порталами растет использование социальных сетей как площадки для поиска работы и привлечения персонала. Об этом свидетельствуют прочно вошедшие в дискурс трудоустройства термины «социальный рекрутмент» или «социальный рекрутинг» (Social Media Recruitment) [6, 7].

Анализируя гендерные особенности дискурса трудоустройства, исследователи в России и за рубежом прежде всего обращаются к социальным аспектам проблемы. В работах зарубежных авторов особое внимание уделяется тому, как язык и дискурс формируют восприятие гендера, мотивируют работника откликнуться на вакансию, оказывают влияние на решение работодателя в отношении найма сотрудника. В частности, отмечается, что гендерные предубеждения (например, стереотип, что женщины менее компетентны, чем мужчины, и не стремятся к карьерному росту) приводят к тому, что женщин реже назначают на руководящие должности и предлагают им более низкую зарплату [8]. В свою очередь, гендерные импликации в объявлениях о вакансиях создают условия, при которых женщины сами отказываются претендовать на определенные должности: например, в сферах, где преобладают сотрудники-мужчины, женщины реже откликаются на вакансии, в описании которых используются стереотипно ассоциируемые с мужчинами слова *leader*, *competitive*, *dominant*; при этом в сферах, где преобладают сотрудники-женщины, использование слов, ассоциируемых с женщинами (например, *support*, *understand*, *interpersonal*), не приводит к количественному дисбалансу откликов со стороны мужчин и женщин [9]. Исследователи также подчеркивают необходимость учета интерсекциональности при изучении гендера в дискурсе трудоустройства; указывается, например, что цветные женщины могут столкнуться с проблемами и предубеждениями, с которыми не сталкиваются белые женщины или цветные мужчины

[10, 11]. Отмечается связь между эгалитарными (gender-fair) коммуникативными практиками сферы трудоустройства и особенностями грамматического строя языка и культуры различных стран [12, 13]. Указывается, что использование инклюзивного языка в объявлениях о вакансиях и материалах по подбору персонала способствует привлечению более разнообразного круга кандидатов [14].

Анализ материалов российского дискурса трудоустройства не дает оснований полагать, что грамматический род существительного, называющего профессию в объявлении о работе, оказывает определяющее влияние на желание женщины откликнуться на вакансию. Например, на портале hh.ru в профессиональных отраслях с наибольшим количеством женских резюме (*Бухгалтерия, управленческий учет и финансы предприятия* – 87%; *Управление персоналом, тренинги* 81%; *Наука и образование* – 78%; *Административный персонал* – 75% и *Спортивные клубы, фитнес, салоны красоты* – 74%) практически все наименования профессий – это существительные мужского рода с метагендерной референцией. Отмечается и готовность женщин рассматривать профессиональные отрасли, традиционно считавшиеся «мужскими» (информационные технологии, телеком) [15].

Вместе с тем исследования показывают, что гендерные стереотипы по-прежнему являются значимым фактором, определяющим особенности восприятия и позиционирования участников дискурса трудоустройства [16]. Анализ гендерных аспектов российской сферы труда ведется в основном в рамках социологии и экономики. Рассматриваются, в частности, влияние гендерных стереотипов на подбор персонала [17] и гендерные асимметрии в сфере занятости [18]; на примере резюме анализируется влияние различных факторов (возраст, стаж работы, образование, личные качества) на конкурентоспособность мужчин и женщин на рынке труда [19]. С лингвистической точки зрения гендерная специфика российской сферы трудоустройства изучена слабо; практически не исследованным до настоящего времени остается ее неформальный цифровой сегмент.

Статья посвящена описанию особенностей репрезентации гендера в различных каналах коммуникации участников российского дискурса трудоустройства и выявлению их функционально-прагматической направленности. Наряду с этим анализируется влияние глобальных коммуникативных практик, связанных с изменениями в концептуализации гендера в англофонной культуре, на речевые стратегии поиска работы/работника в различных сегментах российского коммуникативного пространства. Актуальность исследования обусловлена его включенностью в такие динамично развивающиеся направления современного языкознания, как социолингвистика глобализации и гендерная лингвистика, а также растущим интересом к проблемам изменения русскоязычной картины мира в контексте глобальных социокультурных трансформаций.

Материал и методы исследования

Материалом для анализа послужили объявления о вакансиях и резюме, а также другие тексты, связанные с поиском работы/работника, размещенные (а) на рекрутинговом портале www.hh.ru, (б) на специализированных сайтах для небинарных людей и (в) в социальной группе «Работа для трансгендеров» в социальной сети ВКонтакте в период с октября по декабрь 2022 г. Всего методом сплошной выборки было отобрано 392 текстовых фрагмента, анализ которых проводился с использованием комплекса исследовательских методик, сочетающих элементы социолингвистики, критического дискурс-анализа и семантической интерпретации. Для уточнения полученных результатов были проведены два интервью с представителями нижегородских кадровых агентств.

В ходе анализа мы исходили из того, что глобализация обусловила две мощные тенденции: распространение глобальных (американизированных) теорий и практик, с одной стороны, и определенное сопротивление этим идеям на уровне отдельных стран и регионов, затронутых глобализацией, – с другой [20. С. 23]. Методологически важным для проводимого исследования является положение об одновременном сосуществовании и столкновении глобалистских и традиционных концепций гендера [21]. При этом глобалистские тренды, базирующиеся на отрицании бинарной структуры гендерного концепта, признании текучести и неопределенности гендерной идентичности, которая может не соотноситься с устоявшимися представлениями о мужественности и женственности или представлять собой полное отрицание гендера [22], вступают в противоречие с представлениями значительной части российского общества о гендерных нормах. Одним из проявлений неоднородности социума является неравномерная представленность гендерной тематики в различных каналах коммуникации участников дискурса трудоустройства.

Анализ материала и обсуждение результатов

Исследование выявило, что в официальном сегменте российского дискурса трудоустройства (рекрутинговые порталы) гендерно маркированная информация представлена слабо, тогда как в неформальном сегменте (профильные группы социальных сетей и специализированные сайты) гендер является одним из ключевых смысловых компонентов. При этом независимо от канала коммуникации гендерная тематика служит инструментом позиционирования участников рынка труда – как работников, так и работодателей. Речь идет не только о традиционном делении на мужчин и женщин (на платформе hh.ru предусмотрена/встроена опция указания на пол соискателя при подаче резюме), но и об описании профессионального опыта соискателей, а также о выражении идеологических предпочтений (мировоззренческих установок) работодателей и работников – их приверженности традиционным или либеральным взглядам на гендер.

Гендерная тематика в официальном онлайн-сегменте дискурса трудоустройства

Обратимся к материалам наиболее формального канала коммуникации – рекрутингового портала www.hh.ru. В период проведения исследования на сайте было размещено 40 029 598 резюме и 963 056 вакансий (объявлений о работе). Встроенные механизмы работы с информацией на платформе hh.ru дают возможность отбора резюме и объявлений по ключевым словам. Поиск текстов, имеющих в описании феминитивы (слова типа «авторка», «директорка», «менеджерка» и т.п.), не дал результатов. По мнению представителей нижегородских кадровых агентств, использование неузуальных феминитивов в резюме и объявлениях о работе воспринимается как неуместное, поскольку не соответствует правилам общения в деловой среде. Однако запрос по ключевому слову «гендер» и ввод в поисковое поле лексем, отражающих либерализацию гендерного дискурса (ЛГБТ / LGBT, квир / queer, трансгендер), дал следующие результаты.

Результаты выборки гендерно маркированных резюме по ключевым словам

Ключевое слово	Количество резюме
Гендер	30
ЛГБТ / LGBT	19 / 21
Квир / queer	11
Трансгендер	1

Как видим, количество объявлений и резюме, содержащих заданные слова, весьма незначительно. Вместе с тем, опираясь на них, можно выявить определенные тенденции и описать основные функции гендерных смыслов в официальном онлайн-сегменте российского дискурса трудоустройства.

Анализ текстовых фрагментов, содержащих приведенные выше гендерно маркированные лексемы, показывает, что их упоминание в резюме, как правило, связано с желанием соискателя подробнее охарактеризовать свой профессиональный опыт и подчеркнуть готовность профессионально взаимодействовать с представителями нетрадиционных гендерных групп:

- *опыт психотерапии с представителями ЛГБТ* (психолог, 31 год);
- *оказываю психологическую помощь LGBT* (психолог-консультант, 52 года);
- *толерантна к ЛГБТ* (секретарь, 32 года);
- *большой опыт работы в тематических (ЛГБТ) заведениях* (звукорежиссер, 26 лет);
- *фотограф новорожденных, семейная съемка в роддоме, выписка, гендер пати* (праздник, на котором родители раскрывают пол будущего ребенка).

Подобный опыт работы (сам по себе или как часть общей вовлеченности/погруженности в так называемую «новую» проблематику) индексирует

современность, «продвинутость» и позиционируется соискателями как дополнительное конкурентное преимущество:

– на «ПравДиво шоу», где я работала редактором, мы раскрывали социально значимые темы. От красоты, моды, психологии, безвиза до трансгендеров и подростковых групп смерти (журналист-редактор 29 лет);

– ...фильм «Лицеgeи» об особенностях российских ЛГБТ (из описания опыта работы автора документальных фильмов);

– дополнительно интересуюсь психологией, консультирование ЛГБТ... (психолог 25 лет);

– Помимо съемок в роддоме – семейные съемки в студии, домашние съёмки, съемка-репортаж детских мероприятий, Baby Shower репортажные b2b съёмки (описание вакансии на позицию фотографа проекта «Семейная история»).

В последнем примере упоминание опыта проведения съемок на различного рода мероприятиях выступает в качестве своеобразного «фильтра», позволяющего работодателю отобрать кандидата, знакомого с последними тенденциями в области проведения подобных мероприятий и способах их освещения. Можно предположить, что дискурсивная «престижность» гендерной тематики у части пользователей портала связана с тем, что она ассоциируется с глобальной культурой и англофонными коммуникативными практиками.

Резюме, содержащие ссылки на гендер, публикуются на портале не только на русском, но и на английском языке; при этом в англоязычных текстах гендерно маркированные лексемы создают позитивную семантическую просодию:

– *Completed theses on «Correlation between economic prosperity and modern views: liberalism, atheism, LGBT, etc. (2014–2015);*

– *On Smirnoff I provided cultural research on the most recent 'LGBT inclusive' campaign that were chosen to set the tone of the campaign. (Strategic Planner, 34 y.o.).*

В русскоязычных объявлениях и резюме встречаются два варианта написания гендерно маркированных слов (ЛГБТ и LGBT, квир и queer), широко используются транскрипции, транслитерации и гибриды, что свидетельствует о значительном влиянии глобального английского в данном дискурсивном сегменте, например: *ЛГБТ-френдли* (семейный психолог, 26 лет) и т.п.

Помимо характеристики профессионального опыта, анализируемые лексемы могут использоваться как средство индексации определенной гендерной идеологии – ценностей, которых придерживаются работник или работодатель. В подобных случаях апелляция к гендеру – это часть стратегии, направленной на то, чтобы найти «своего» сотрудника или близкую по духу компанию. Гендерная идеология позволяет выявить нужного кандидата (компанию), опираясь не на профессиональный опыт, а на общность убеждений. Платформа hh.ru предоставляет такую возможность в рубрике «Обо мне», где человек может не только изложить информацию, связанную с профессиональной деятельностью, но и написать о своих увлечениях и взглядах:

– Не люблю попсу, шансон, материшину, спорт-фанатов, ЛГБТ. Семьянин, сторонник «консервативных ценностей» (руководитель проекта, 62 года);

– 17 мая 2013 г. я выступил организатором акции против пропаганды ЛГБТ политики в стране (менеджер по продажам, 31 год);

– Во время как элита Развитых стран через всевозможные финансовые кризисы, войну с террором, экономические санкции, ГМО продукцию, ЛГБТ-сообщества и международные институты с псевдопомощью продолжает паразитировать на населении и организовывать массовый беспорядок... (помощник депутата 34 года);

– Пиарщик, журналист, ЛГБТ-активист, профем, разбираюсь в том, что остальным страшно, непонятно и слишком современно (менеджер по PR и рекламе, 29 лет).

Следует отметить, что если в текстах сторонников традиционных гендерных ценностей упоминание гендерных меньшинств имплицитно отрицательную оценку (осуждение, снисхождение), то соискатели, придерживающиеся либеральных взглядов на гендер, напротив, позиционируют поддержку ЛГБТ как современную, модную тему – свидетельство «прогрессивных» взглядов. Таким образом, можно сделать вывод об идеологически обусловленной амбивалентности индексального потенциала гендера в данном дискурсивном сегменте.

В материале выборки зарегистрированы и случаи включения гендерно маркированной лексики в текст объявлений о работе. Так, в примере ниже вакансия сборщика мебели позиционируется как «настоящая мужская работа» и противопоставляется «немужественным» цифровым профессиям блогера и тиктокера, в одном ряду с которыми упоминаются представители нетрадиционной гендерной ориентации и их сторонники:

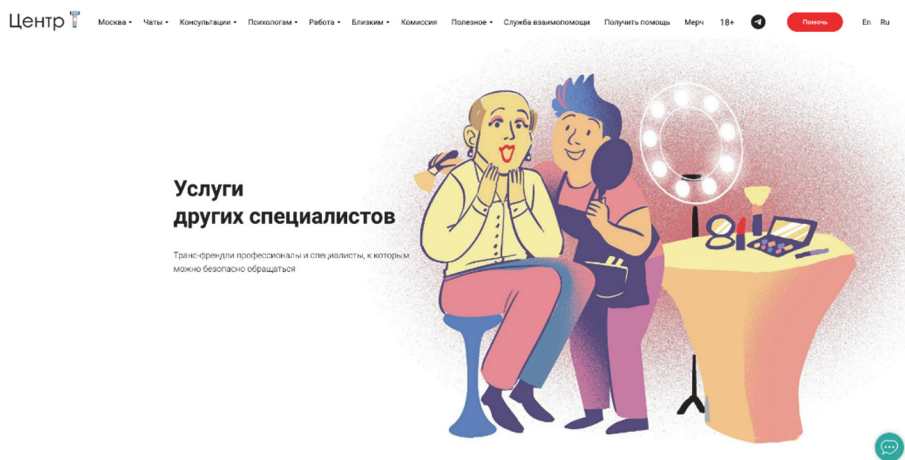
Ты блогер? Тиктокер? Может, Ютубер или ЛГБТ активист? До тебя постепенно начинает доходить, что лайки на хлеб не намажешь, а еще Мама перестала давать деньги? Добро пожаловать в реальный мир Нео! У тебя еще есть шанс найти себя и удивить близких! Получи самую востребованную профессию 2022 года по рейтингу журнала Форбс – сборщик мебели! Приходи к нам на производство! Здесь в команде brutальных мужиков, любящих свое дело, ты отучишься делать селфи и лифтолуки по поводу и без! Узнаешь все тонкости обработки ЛДСП и МДФ, а саморезы будут сниться тебе в коротких перерывах между работой. Ты станешь сильным, целеустремленным, гордым собой и своей новой профессией. Будешь пахнуть не стартапом, а тестостероном! (Производственная компания «Алхимия Мебели»).

Гендер в неформальных каналах коммуникации участников дискурса трудоустройства

Наряду с рекрутинговыми онлайн-порталами каналы коммуникации участников российского дискурса трудоустройства включают специализированные платформы и группы в соцсетях. В последние годы в русскоязычном Интернете появились сайты, целью которых является помощь в адаптации небинарным людям. Одна из таких площадок является сайт «Центр Т»

(www.centre-t.ru), созданный в декабре 2020 г. Для желающих посетить данный сайт действует возрастное ограничение (18+), что, очевидно, связано с требованиями законодательства¹. Помимо предложений о психологической помощи, информирования о терапевтических группах и различных проектах, на сайте есть специальная рубрика с предложениями о работе для трансгендерных людей и лиц, принимающих их мировоззрение.

Визуальное сопровождение рубрики ломает устоявшиеся представления о профессиях и услугах. Например, на изображении ниже в качестве парикмахера-визажиста выступает человек с неопределенным гендером, а клиентом является мужчина с характерным для своего возраста гендерным отличием (лысиной), получивший сервис в виде макияжа.

Изображение в рубрике «Услуги других специалистов» на сайте «Центр Т» (<https://centre-t.ru/others>)

Наряду с предложениями о работе для небинарных персон и лиц с нетрадиционной ориентацией в рубрике представлена реклама специалистов, готовых оказывать им услуги. В период проведения исследования на сайте было 48 объявлений. В языковом плане они отличаются от текстов официальных рекрутинговых порталов неформальным характером и акцентуацией гендерной идентичности (или установкой на гендерную нейтральность). Кроме традиционных для русского языка названий профессий (*помощник/помощница, специалист/специалистка (по электромонтажу), переводчик/переводчица и т.п.*), широко используются неузальные феминитивы², образованные с помощью словообразовательных суффиксов *-ка* и *-ца*

¹ В ноябре 2022 г. был принят Закон «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола» (ст. 6.21 КоАП РФ).

² Исследователи определяют неузальные феминитивы как новейшие наименования лиц женского пола по профессиональной, социальной и иной принадлежности, не зафик-

(админка, любителька, партнерка, дизайнерка, репетиторка, парикмахерка, выжигательница по дереву и др.), а также существительные с гендерным штрихом и гендерной звездочкой, которые обозначают весь спектр гендерных характеристик либо их отсутствие (*тренер_ка, координатор_ка, контент-менеджер_ка, администратор_ка, риелтор_ка, сотрудниц_а, ассистент_ка, СММ-специалист_ка, стажер_ка, Тату мастер*ица* и т.п.).

В связи с ростом интереса к вопросам концептуализации гендера, проблемам гендерного неравенства и гендерного активизма функционирование феминитивов и гендерно-инклюзивных форм в русском языке привлекает особое внимание исследователей [26–28]. При этом справедливо отмечается, что неузуальные феминитивы маркируют лицо по принадлежности к определенной идеологической позиции [29], а их появление в русском языке связано с влиянием феминизма и англофонной культуры [30].

Влияние англофонных коммуникативных практик проявляется также в широком использовании так называемых «предпочитаемых местоимений» (*preferred pronouns, someone's pronouns*) [31. С. 42]. Например, специалисты, предлагающие свои услуги на сайте Центра, неизменно указывают свои местоимения под фото и/или перед описанием услуг:

– Лео (*он/его*). Я Лео, транспарень, местоимения *он/его*. Таролог с опытом в 7 лет.

– Алиса (*она/её*). Я являюсь открытой трансгендерной девушкой. Живу в Москве. Имею высшее филологическое образование (степень бакалавра). Оказываю услуги репетиторства по русскому и литературе.

– Арло (*они/их*). Меня зовут Арло и я занимаюсь татуировкой. Стараюсь создать безопасное пространство для т*людей и нейроотличных персон.

– Привет! Я Лёва – открытая лесбиянка, феминистка и гендер-квир с местоимениями *она/её*. С 2016 года я владелица квир-парикмахерской *Levishkas Head*. Работаю одна, практически только с квир-персонами.

Свои услуги на сайте предлагают и профессионалы с традиционной ориентацией – кинологи, репетиторы, парикмахеры, мастера по маникюру и др. При этом они ориентируются на нормы, принятые в данном сегменте коммуникативного пространства, демонстрируя лояльность к либеральной гендерной идеологии без компрометации собственной (традиционной) гендерной идентичности:

– Светлана (*она, ее*). Мастерница по восковой депиляции.

– Софа (*она/её*). Привет! Я – Софа, и я – портная) Я *absolutely* френдли ко всем людям и животным планеты Земля.

Еще одним примером неформального сегмента российского дискурса трудоустройства является группа «Работа для трансгендеров» в социальной сети ВКонтакте. Группа существует с июля 2016 г.; в период проведения исследования ее участниками были 6 755 человек, количество постов – 262.

сированные в лексикографических источниках [23]. В лингвистической литературе фигурируют также синонимичные названия – «неологизмы-феминитивы» [24] и «феминитивы-инновации» [25].

Основное отличие групп в социальных сетях от рекрутинговых порталов – анонимность [32]. Если на рекрутинговых порталах участники обязаны размещать достоверную информацию о себе / компании (за этим следят администраторы сайта, обладающие правом удаления участника, нарушившего правила размещения объявления/резюме), то участники групп в социальных сетях, как правило, пользуются никами (вымышленными именами).

Обращает на себя внимание то, что у большинства членов рассматриваемой группы английские имена (никнеймы) – *Саманта (Сэм), Toni Saxon, Лео, Стери, Рол, Ангел Софт, Edric Rayner, Nicky Warm, Stella Nyc, Eva Devis* и т.п. Ники-англицизмы индексируют приверженность членов сообщества глобальной культуре, продвигающей право на гендерную самоидентификацию.

Неформальный стиль общения в данном дискурсивном сегменте проявляется в широком использовании разговорной (иногда даже обсценной) лексики в комментариях, а влияние англофонной гендерной идеологии – в значительном количестве англицизмов:

– *Классные навыки. С такими не пропадешь. Уважуха!*

– *Смотри, я ща потихоньку начинаю работать в подборе персонала, есть вот вакансия колл-центра на удаленке, хочешь, попробуем тебе заявку подать?*

– *Всем привет! Предлагаю френдли репетитора по информатике.*

– *Ребятки! Хочу напомнить, что у нас есть замечательные друзья, QUEERPOINT makeover studio +18 – студия гендерных перевоплощений...*

Для наименования профессий члены данной группы активно используют неузальные феминитивы (*админка, психологиня* и др.) и слова с гендерным пробелом (*ищем художни_ц, активист_ок, сотрудни_ц; PR специалист_ка, ассистент_ы, водитель_ница, волонтер_ка* и т.п.). В самопозиционировании и общении между собой коммуниканты последовательно придерживаются принципов гендерной инклюзивности и гендерной неопределенности, используя предпочитаемые и небинарные местоимения:

– *Бэй (он/она/они);*

– *небинарная персона (они/им/их);*

– *Роман (он_а);*

– *Дорогие транс-все!*

– *Я пре-все.*

В отличие от заимствований и калек, к которым, в частности, относятся гендерный штрих и гендерная звездочка, пришедшие в русский язык из немецкого, два последних примера («транс-все», «пре-все») представляют собой образцы локального гендерного словотворчества.

Выводы

Таким образом, роль гендера как инструмента сегментации на рынке труда проявляется не только в делении участников дискурса трудоустройства на мужчин и женщин; гендерная тематика может использоваться при

описании профессионального опыта, как инструмент (само)позиционирования и как индекс гендерных ценностей коммуникантов. Индексальное поле гендера в российском дискурсе трудоустройства амбивалентно: имеют место как стигматизация нетрадиционных ценностей, так и включение их в современную «прогрессивную» повестку.

Насыщенность гендерными смыслами и гендерно маркированными формами не характерна для официальных рекрутинговых порталов, однако они широко представлены в неформальных каналах коммуникации (на специализированных сайтах и в социальных сетях). При этом если в официальном сегменте гендерно маркированная лексика используется для описания профессиональных компетенций и индексации мировоззренческих установок, то в социальных сетях и онлайн-сообществах гендер выступает как параметр самоидентификации индивида.

Исследование подтвердило, что влияние глобальных дискурсов и коммуникативных практик на репрезентацию гендера в российском дискурсе трудоустройства проявляется прежде всего в неформальном сегменте. Заимствуются стратегии гендерного позиционирования и формы репрезентации гендерных смыслов: неузуальные феминитивы – для экспликации женского пола, предпочитаемые местоимения, гендерный штрих и гендерная звездочка – как маркеры гендерной инклюзивности. Широко представлены транслитерация, гибриды, английские никнеймы участников профильных групп в соцсетях.

Проведенное исследование подтверждает приведенный выше тезис Я. Бломмаерта о «нишевом» характере лингвистической глобализации и ее идеологической обусловленности. Полученные результаты углубляют представления о динамике современных речевых процессов и помогают выявить сегменты коммуникации, где происходят речевые трансформации, способные оказывать влияние на изменение социального сознания.

Список источников

1. *Blommaert J.* Commentary: A sociolinguistics of globalization // *Journal of Sociolinguistics*. 2003. № 7 (4). P. 607–623.
2. *Blommaert J.* *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, Cambridge, 2010. 213 p.
3. *Gritsenko E., Alikina A.* English in the Russian-based recruitment discourse // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. № 24 (3). P. 669–686.
4. *Стеблецова А.О.* Дискурс трудоустройства как тип делового дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 8 (72). С. 38–41.
5. *Аликина А.В.* Глобальное и локальное в российском дискурсе трудоустройства : дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 158 с.
6. *Headworth A.* *Social media recruitment: How to successfully integrate social media into recruitment strategy*. London ; Philadelphia ; New Delhi : Kogan Page Publishers, 2015. 205 p.
7. *Архипова Н.И.* Социальный рекрутинг: перспективы и проблемы применения // *Управление человеческими ресурсами: теория, практика, перспективы* : сб. науч. тр. нац. ой научно-практ. конф. Новосибирск, 2019. Вып. 5. С. 6–17.

8. *Arceo-Gomez E.O., Campos-Vazquez R.M., Badillo R.Y., Lopez-Araiza S.* Gender stereotypes in job advertisements: What do they imply for the gender salary gap? // *Journal of Labor Research*. 2022. № 43. P. 65–102. doi: 10.1007/s12122-022-09331-4
9. *Gaucher D., Friesen J., Kay A.C.* Evidence that gendered wording in job advertisements exists and sustains gender inequality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. № 101 (1). P. 109–128. doi: 10.1037/a0022530
10. *Rodriguez J.K., Holvino E., Fletcher J.K., Nkomo S.M.* The Theory and Praxis of Intersectionality in Work and Organizations: Where Do We Go from Here? // *Gender, Work and Organization*. 2016. № 23 (3). P. 201–222. doi: 10.1111/gwao.12131
11. *Bertrand M., Mullainathan S.* Are Emily and Greg more employable than Lakisha and Jamal? A field experiment on labor market discrimination // *American Economic Review*. 2004. № 94 (4). P. 991–1013.
12. *Hodel L., Formanowicz M., Szczesny S., Valdová J., von Stockhausen L.* Gender-Fair Language in Job Advertisements: A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. № 48 (3). P. 384–401. doi: 10.1177/0022022116688085
13. *Wille L., Deros E.* When Job Ads Turn You Down: How Requirements in Job Ads May Stop Instead of Attract Highly Qualified Women // *Sex Roles*. 2018. № 79. P. 464–475. doi: 10.1007/s11199-017-0877-1
14. *Mavisakalyan A.* Gender in Language and Gender in Employment // *Oxford Development Studies*. 2015. № 43 (4). P. 403–424. doi: 10.1080/13600818.2015.1045857
15. *Аликина А.В.* Репрезентация гендера в российском дискурсе трудоустройства (на материале объявлений о работе и резюме) // *Вопросы психолингвистики*. 2021. № 3 (49). С. 30–45. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45
16. *Прядкина И.М.* Гендерная дискриминация на рынке труда на примере крупных сайтов по поиску работы в г. Воронеже // *Научно-исследовательские публикации*. 2014. № 6 (10). С. 89–93.
17. *Шарапова В.М., Борисов И.А., Шарапова Н.В.* Влияние гендерных стереотипов при подборе персонала // *Глобальный научный потенциал*. 2017. № 7 (76). С. 32–35.
18. *Пухов А.В., Конакова А.П.* Гендерный анализ отраслевой структуры рынка труда Республики Саха (Якутия) на основе анализа данных платформы онлайн-рекрутмента // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 11. С. 783–793.
19. *Григорчикова Е.С., Капелюк С.Д.* Анализ резюме как индикатор конкурентоспособности специалистов на российском рынке труда // *Сборник научных статей II международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 55-летию университета / под науч. ред. Ж.Ч. Коноваловой, Т.С. Алексеенко. Гомель : Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2019. С. 90–93.*
20. *Кирилина А.В., Гаранович М.В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*. М., 2022. С. 7–58.
21. *Кирилина А.В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // *Вопросы психолингвистики*. 2021. № 3 (49). С. 109–147. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147.
22. *Гриценко Е.С.* О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // *Вопросы психолингвистики*. 2021. № 3 (49). С. 60–73. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73
23. *Лаппо М.А., Малиновская Н.И.* Параметризация базы данных узальных и неузальных феминитивов // *Вопросы лексикографии*. 2020. 18. С. 52–72. doi: 10.17223/22274200/18/3
24. *Солтыс В.К.* Язык блогосферы рунета: гендерный аспект // *Русистика*. 2020. № 4. С. 454–468. doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-4-454-468

25. Пугачева Е.В. Феминитивы как объект метаязыковой рефлексии интернет-пользователей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 97–105.
26. Самойленко Н.С., Стеленева А.А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126–130.
27. Nessel T., Pipersky A., Sokolova S. Russian femininives: what can corpus data tell us? // Russian Linguistics. 2022. № 46 (2). P. 95–113. doi: 10.1007/s11185-022-09253-w
28. Kirey-Sitnikova Y. Prospects and challenges of gender neutralization in Russian // Russian Linguistics. 2021. № 45 (2). P. 143–158. doi: 10.1007/s11185-021-09241-6
29. Куликова В.А. Неузальные феминитивы в текстах современных электронных СМИ // Исследования активных процессов современного русского языка в России и Венгрии: сборник статей по материалам вебинара, проведенного в online-формате учеными Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия) и Университета им. Л. Этвёша (Будапешт, Венгрия), 16 декабря 2021 г. Н. Новгород, 2022. С. 27–33.
30. Gritsenko E.S., Laletina A.O. Transgressive Russianness: Claiming authenticity in the Russian woman assemblage // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27. № 1. P. 173–193. doi: 10.22363/2687-0088-31179
31. Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 22–51. doi: 10.17223/22274200/18/2
32. Сапон И.В., Леденев Д.В. Исследование уровня анонимности на примере социальной сети «ВКонтакте» // Вестник НГУЭУ. 2018. № 1. С. 232–253.

References

1. Blommaert, J. (2003) Commentary: A sociolinguistics of globalization. *Journal of Sociolinguistics*. 7 (4). pp. 607–623.
2. Blommaert, J. (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Gritsenko, E. & Alikina, A. (2020) English in the Russian-based recruitment discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (3). pp. 669–686.
4. Stebletsova, A.O. (2012) Diskurs trudoustroystva kak tip delovogo diskursa [Employment discourse as a type of business discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8 (72). pp. 38–41.
5. Alikina, A.V. (2022) *Global'noe i lokal'noe v rossiyskom diskurse trudoustroystva* [Global and local in the Russian employment discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Headworth, A. (2015) *Social Media Recruitment: How to successfully integrate social media into recruitment strategy*. London; Philadelphia; New Delhi: Kogan Page Publishers.
7. Arkhipova, N.I. (2019) [Social recruiting: prospects and problems of application]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami: teoriya, praktika, perspektivy* [Human Resource Management: Theory, practice, prospects]. Proceedings of the National Conference. Vol. 5. Novosibirsk. 25–29 April 2019. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management. pp. 6–17. (In Russian).
8. Arceo-Gomez, E.O. et al. (2022) Gender stereotypes in job advertisements: What do they imply for the gender salary gap? *Journal of Labor Research*. 43. pp. 65–102. doi: 10.1007/s12122-022-09331-4
9. Gaucher, D., Friesen, J. & Kay, A.C. (2011) Evidence that gendered wording in job advertisements exists and sustains gender inequality. *Journal of Personality and Social Psychology*. 101 (1). pp. 109–128. doi: 10.1037/a0022530

10. Rodriguez J.K. et al. (2016) The Theory and Praxis of Intersectionality in Work and Organizations: Where Do We Go from Here? *Gender, Work and Organization*. 23 (3). pp. 201–222. doi: 10.1111/gwao.12131
11. Bertrand, M. & Mullainathan, S. (2004) Are Emily and Greg more employable than Lakisha and Jamal? A field experiment on labor market discrimination. *American Economic Review*. 94 (4). pp. 991–1013.
12. Hodel, L. et al. (2017) Gender-Fair Language in Job Advertisements: A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 48 (3). pp. 384–401. doi: 10.1177/0022022116688085
13. Wille, L. & Derous, E. (2018) When Job Ads Turn You Down: How Requirements in Job Ads May Stop Instead of Attract Highly Qualified Women. *Sex Roles*. 79. pp. 464–475. doi: 10.1007/s11199-017-0877-1
14. Mavisakalyan, A. (2015) Gender in Language and Gender in Employment. *Oxford Development Studies*. 43 (4). pp. 403–424. doi: 10.1080/13600818.2015.1045857
15. Alikina, A.V. (2021) Rerezentatsiya genera v rossiyskom diskurse trudoustroystva (na materiale ob"yavleniy o rabote i rezyume) [Representation of gender in Russian employment discourse (based on job advertisements and resumes)]. *Voprosy psikhologingvistiki*. 3 (49). pp. 30–45. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45
16. Pryadkina, I.M. (2014) Gendernaya diskriminatsiya na rynke truda na primere krupnykh saytov po poisku raboty v g. Voronezhe [Gender discrimination in the labor market on the example of large job search sites in Voronezh]. *Nauchno-issledovatel'skie publikatsii*. 6 (10). pp. 89–93.
17. Sharapova, V.M., Borisov, I.A. & Sharapova, N.V. (2017) Vliyanie gendernykh stereotipov pri podbore personala [The influence of gender stereotypes in personnel selection]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 7 (76). pp. 32–35.
18. Pukhov, A.V. & Konakova, A.P. (2021) Gendernyy analiz otraslevoiy struktury rynka truda Respubliki Sakha (Yakutiya) na osnove analiza dannykh platformy onlayn rekrutmenta [Gender analysis of the sectoral structure of the labor market of the Republic of Sakha (Yakutia) based on data analysis of the online recruitment platform]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy ekonomiki*. 11. pp. 783–793.
19. Grigorichikova, E.C. & Kapelyuk, S.D. (2019) [Analysis of resumes as an indicator of the competitiveness of specialists in the Russian labor market]. *Ekonomiko-pravovye perspektivy razvitiya obshchestva, gosudarstva i potrebitel'skoy kooperatsii* [Economic and Legal Prospects for the Development of Society, State and Consumer Cooperation]. Proceedings of the 2nd International Conference. Gomel. 29 March 2019. Gomel: Belarusian Trade-Economic University of Consumer Cooperation. pp. 90–93.
20. Kirilina, A.V. & Garanovich, M.V. (2022) Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium]. In: Kirilina, A.V. & Garanovich, M.V. (eds) *Gendernye aspekty yazyka, soznaniya i kommunikatsii* [Gender Aspects of Language, Consciousness and Communication]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK. pp. 7–58.
21. Kirilina, A.V. (2021) Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium]. *Voprosy psikhologingvistiki*. 3 (49). pp. 109–147. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
22. Gritsenko, E.S. (2021) O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskom izuchenii genera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [On modern trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation (based on the material of the English language)]. *Voprosy psikhologingvistiki*. 3 (49). pp. 60–73. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73
23. Lappo, M.A. & Malinovskaya, N.I. (2020) Parametrizatsiya bazy dannykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov [Parameterization of the database of usual and non-usual feminines]. *Voprosy leksikografii*. 18. pp. 52–72. doi: 10.17223/22274200/18/3

24. Soltys, V.K. (2020) Yazyk blogosfery runeta: gendernyy aspekt [The language of the Runet blogosphere: gender aspect]. *Rusistika*. 4. pp. 454–468. doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-4-454-468
25. Pugacheva, E.V. (2020) Feminitivy kak ob’ekt metazykovoy refleksii internet-pol’zovateley [Feminitives as an object of metalinguistic reflection of Internet users]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (148). pp. 97–105.
26. Samoylenko, N.S. & Stekleneva, A.A. (2019) Feminitivy kak instrument gendernoy differentsiatsii v SMI [Feminitives as a tool of gender differentiation in the media]. *Aktual’nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. 2 (33) pp. 126–130.
27. Nettet, T., Pipersky, A. & Sokolova, S. (2022) Russian feminitives: what can corpus data tell us? *Russian Linguistics*. 46 (2). pp. 95–113. doi: 10.1007/s11185-022-09253-w
28. Kirey-Sitnikova, Y. (2021) Prospects and challenges of gender neutralization in Russian. *Russian Linguistics*. 45 (2). pp. 143–158. doi: 10.1007/s11185-021-09241-6
29. Kulikova, V.A. (2022) [Non-usual feminitives in the texts of modern electronic media]. *Issledovaniya aktivnykh protsessov sovremennoy russkogo yazyka v Rossii i Vengrii* [Research of Active Processes of the Modern Russian Language in Russia and Hungary]. Proceedings of the Webinar. Online. 16 December 2021. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 27–33. (In Russian).
30. Gritsenko, E. & Laletina, A. (2022) Transgressive Russianness: Claiming authenticity in Russian Woman performance. *Russian Journal of Linguistics*. 27 (1). pp. 173–193. doi: 10.22363/2687-0088-311179
31. Gritsenko, E.S. & Sergeeva, M.V. (2020) Sovremennye tendentsii v kontseptualizatsii genera i ikh otrazhenie v britanskoj tolkovoy leksikografii [Modern trends in the conceptualization of gender and their reflection in British explanatory lexicography]. *Voprosy leksikografii*. 18. pp. 22–51. doi: 10.17223/22274200/18/2
32. Sapon, I.V. & Ledenev, D.V. (2018) Issledovanie urovnya anonimnosti na primere sotsial’noy seti “VKontakte” [Study of the level of anonymity using the example of the social network VKontakte]. *Vestnik NGUEU*. 1. pp. 232–253.

Информация об авторах:

Гриценко Е.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Москва, Россия); профессор департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

Аликина А.В. – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: avalikina@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Gritsenko, Dr. Sci. (Philology), professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation); professor, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

A.V. Alikina, Dr. Sci. (Philology), professor, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: avalikina@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/86/3

Концептуализация регионального пространства (на материале концепта «Земля»)

Татьяна Алексеевна Демешкина¹, Мария Анатольевна Толстова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *tolstova_11@mail.ru*

Аннотация. В статье доказывается, что концепт «Земля» занимает центральное место в пространственной концептосфере русских старожилов Среднего Приобья. Об этом свидетельствуют несколько факторов: а) высокая плотность номинативного поля концепта; б) количественный состав лексики, именующей землю, её отдельные участки, свойства и т.д.; в) частотность употребления в речи лексем, наименований земли; г) высокая степень дробности обыденной классификации пространственных и вещественных характеристик земли. Рассматривается региональная специфика концепта.

Ключевые слова: концепт, земля, диалект, говоры Среднего Приобья, ценности, вербализация

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концептуализация регионального пространства (на материале концепта «Земля») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 34–52. doi: 10.17223/19986645/86/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/86/3

The conceptualization of regional space (based on the concept “zemlya”)

Tatiana A. Demeshkina¹, Maria A. Tolstova²

^{1,2} *National Reseach Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *tolstova_11@mail.ru*

Abstract. The article examines the discursive implementation of the concept “zemlya” [earth, land, soil] in the speech of Siberian village inhabitants – descendants of the first settlers from the European part of Russia who came to Western Siberia at the beginning of the 17th century. The relevance of the article is determined by the following

factors. First of all, there has been a significant increase in the number of publications in the last decade on the concept “zemlya”. Secondly, researchers of different scientific fields show interest in this concept. Thirdly, scholars use a wide range of languages and discourses to analyze the specifics of the formation and implementation of the concept. The novelty of this study lies in its interdisciplinary approach to the analysis of the concept, with a focus on the formation and development trends in regions with trans-boundary characteristics, on the modeling of the cultural landscape driven by multi-layeredness and discreteness factors. The identification and description of the conceptual domain of the inhabitants of Siberia during its development by the Russian population reveal the main trends in the development of Siberia and the Middle Ob region, and give evidence of the sustainability of the region’s development, often based on the interaction of opposite vectors (center vs periphery, friend vs foe, city vs village, personal vs institutional, etc.). The basic concepts of folk culture are also a representative source for studying issues related to self-identity, dominating values and guidelines of a particular population group. The article aims at building a model of the conceptual structure of “zemlya” and its implementation in the everyday discourse of rural inhabitants of the Middle Ob region. The material is recorded oral speech of inhabitants of a Siberian village. The units of analysis are words denoting “zemlya”, as well as their variants and utterances with these words selected from the Tomsk dialect corpus. The study of the interaction of objects of different nature (physical substrate, social relations, symbolic coding) determined the methods of analysis. *Zemlya* as a physical object plays a large role at all stages of the formation of Siberian cultural landscape – movement, development, interaction, which created a conceptual field that unites these concepts. The analysis showed that the concept “zemlya” is central to the conceptual domain of Russian old-timers of the Middle Ob region. The following factors identified when constructing the concept prove it: a) a high density of the nominative field; b) the number of words naming *zemlya*, its individual areas, composition, properties, etc.; c) the frequency of using words naming *zemlya*; d) a high degree of fragmentation in the ordinary classification of spatial and material characteristics of *zemlya*. As a physical object, *zemlya* serves as a substrate for the formation of social relations and symbolic coding. All these spheres are closely connected: they intersect, influence each other, and are regulated by the principle of perceiving *zemlya* as a utilitarian value. It is the native speakers’ attitude to *zemlya* as a value that determines the formation of the conceptual, figurative, and value components of the concept. The features of the field structure of the concept are determined by the combination of national and regional components in it, as well as the specifics of the peasant worldview. The nuclear zone includes *zemlya*’s property of forming the basis of human biological existence, not its spatial characteristics. The regional component is revealed most clearly when turning to the history of the development of Siberia by the Russian population. It manifests itself in the perception of Siberia as a region with great opportunities and free lands, as well as in the gradual formation of its own lexical system, reflecting the agricultural development of the Siberian space and the process of interaction with the indigenous population of Siberia.

Keywords: concept, *zemlya*, dialect, Middle Ob dialects, values, verbalization

Acknowledgements: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2023) The conceptualization of regional space (based on the concept “zemlya”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 34–52. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/3

Сложно назвать отрасль науки, объектом которой не являлась бы земля в какой-либо своей ипостаси: как планета, как суша, земная твердь, как почва, грунт, как территория, страна или государство. Не является исключением и лингвистика. Более того, именно лингвистические данные свидетельствуют о понимании человеком роли земли в своей жизни, что проявляется в наличии сетки значений, фиксирующих разные стороны существования изучаемого объекта [1], в частотности функционирования лексемы земля (общая частота – 1074) [2. С. 225], в количестве ассоциаций к стимулу «земля» (85) [3. С. 63]. Обзор публикаций, входящих в РИНЦ, свидетельствует о многоаспектном подходе к феномену земли, рассматриваемому на материале разных языков.

В зоне исследовательского внимания оказались индоевропейские, тюркские и другие группы современных и древних языков. Концепт (понятие, слово и т.д.) «Земля» анализируется в русском, английском, немецком, украинском, белорусском, хакасском, чеченском, древнеуйгурском, бурятском, селькупском, калмыцком и других языках [4–15]. В большинстве работ земле придается статус концепта, который понимается как лингвокультурологический [16], этноспецифический, ментальный, нациообразующий [17], ключевой феномен. В ряде статей делается попытка сузить объем рассматриваемого явления за счет его конкретизации и выделения частных концептов (русская земля, родная земля, сакральная земля и др.) [17–22].

В зону анализа вовлечены разные типы дискурса: медийный [18], художественный [23, 24], обыденный [25], фольклорный [26], диалектный [27] и т.д.

Не менее разнообразен перечень аспектов анализа концепта «Земля»: в работах широко представлен лингвокультурологический, лексикографический, когнитивный, семантический, сопоставительный аспекты. Используются диахронический и синхронный подходы. Осмысление концепта «Земля» осуществляется в рамках дихотомии глобальное – локальное. Отметим, что в настоящее время актуализировалась проблематика, связанная с поисками региональной идентичности, о чем свидетельствует проведение конференций и семинаров, издание трудов по этой тематике (Улан-Удэ, Вологда, Сургут, Донецк), в этой связи также закономерно обращение исследователей к концепту «Земля» (своя, родная и т.д.).

Земля помещается и в поле междисциплинарных исследований, развивающихся в современной науке, таких как культурная география, ландшафтоведение [28].

Краткий обзор работ по интересующей нас тематике показал: а) значительный количественный рост публикаций, появившихся в последнее десятилетие и посвящённых концепту «Земля»; б) интерес к данному концепту исследователей, работающих в разных научных направлениях; в) широкий спектр языков и дискурсов, на материале которых рассматривается специфика формирования и реализации концепта «Земля».

Названные факторы определяют актуальность предпринятого нами обращения к дискурсивной реализации концепта «Земля» в устной речи си-

бирского сельского населения, являющегося потомками первых переселенцев из европейской части России, которые пришли в Западную Сибирь в начале XVII в.

Новизна в подходе к анализу данного концепта обусловлена включенностью его изучения в парадигму междисциплинарных исследований, сконцентрированных на формировании и тенденциях развития регионов с трансграничными характеристиками, моделированием культурного ландшафта, определяемого такими факторами, как многослойность, дискретность. Выявление и описание концептосферы жителей Сибири на протяжении её освоения русским населением даёт представление об основных тенденциях развития Сибири в целом и Среднего Приобья в частности и позволяет получить свидетельства об устойчивости развития региона, базирующегося часто на взаимодействии противоположных векторов (центр / периферия, свой / чужой, город / деревня, личный / институциональный и т.д.). Вторая причина, обуславливающая необходимость исследования базовых концептов народной культуры, заключается в том, что они являются репрезентативным источником изучения проблематики, связанной с самоидентичностью, ценностными доминантами и ориентирами той или иной группы населения.

Цель данной статьи состоит в построении модели концептуальной структуры «Земля» и её реализации в повседневном дискурсе сельских жителей Среднего Приобья.

Материалом послужили записи устной речи жителей сибирских сёл. Единицей анализа являются лексемы, содержащие обозначения земли, а также варианты этих лексем и высказывания, в которых актуализуются названные единицы, выбранные из Томского диалектного корпуса [29]. При анализе используются лексикографические труды томских диалектологов, выполненные на материале говоров Среднего Приобья [30, 31].

Методы анализа определяются избранным подходом к материалу, а именно изучением взаимодействия объектов разной природы: физического субстрата, социальных отношений, символического кодирования. Земля как физический объект играет большую роль на всех этапах формирования культурного ландшафта Сибири: движения, освоения, взаимодействия. В структуре концепта выделяются понятийный, образный и ценностный уровни концепта.

Мы избрали в качестве исходного понятия концепт, несмотря на то, что в последние годы он вызывает негативную оценку и неприятие у научной общественности [32]. Тем не менее его использование в данной работе нам представляется оправданным, поскольку он аккумулирует сведения из разных «миров» (объективного и субъективного, реального и идеального) и показывает «сплав» фактического, эмоционального, аксиологического «словес» сквозь призму языка и речи. Вместе с тем считаем возможным максимально ограничить приёмы исследовательской интроспекции и интерпретации, широко применяемые при концептуальном анализе, и сфокусировать внимание только на способах интерпретации изучаемого объекта жителями

Среднего Приобья. Мы используем элементы корпусного анализа, обращаемся к анализу дефиниций и контекстов, извлечённых из всего корпуса диалектных словарей, созданных на материале говоров Среднего Приобья, прибегаем к методу моделирования.

Отправной точкой наших рассуждений является анализ словарных дефиниций лексемы земля, извлечённых из Вершининского словаря [31], который включает не только диалектные, но и общерусские и просторечные единицы.

В Вершининском словаре лексема земля зафиксирована в семи значениях: 1. Третья от Солнца, обитаемая нами планета; 2. Суша, земная твердь в отличие от водного или воздушного пространства; 3. Почва, грунт. // Поверхность, плоскость, на которой мы стоим, по которой движемся; 4. Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты. // Обрабатываемая используемая в сельскохозяйственных целях почва; 5. Участок земли, территория, находящаяся в чьём-либо владении, пользовании; 6. Страна; 7. Фон (ткани) [31. С. 305].

Два значения имеют дополнительные оттенки: а) «рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты» и оттенок «обрабатываемая, используемая в сельско-хозяйственных целях почва»; б) земля в значении «почва, грунт» дополняется оттенком «поверхность, плоскость, на которой мы стоим, по которой движемся». Пометы, фиксирующие системную принадлежность, свидетельствуют о том, что приведённая лексема функционирует в говоре только в общерусских значениях и не имеет диалектной отмеченности за исключением фразеологизмов и устойчивых сочетаний. Приведём их: **В земле (быть)**. Умереть, быть похороненным: *Мой муж в земле, не пропасть бы мне: Сорок дён вот только живет в земле. Провалиться сквозь (сквозь) землю*. Исчезнуть: *Куды' Анна Васильевна девалась, провалилась сквозь землю; Она намыла его [щенка] да выпустила. И чё-то он нашел. Прихожу, гыт, как сквозь землю провалился, куды'-то девался. Рога в землю*. Разг. О сильном опьянении: *А он уж напился и рога в землю. Рога в землю воткну*. Разг. Умереть: *Скоро уж мне... Рога в землю воткну. Много ли житья осталось? Слухом земля по'льзоватся*. О распространении каких-л. известий: *Слухом земля по'льзоватся*.

Как показывает частотность функционирования в речи лексемы земля, наиболее часто коммуникативную отмеченность получают значения «грунт», «вещество», «территория». Единичные актуализации имеет словоформа земля в значении «планета», «страна», «фон ткани».

Таким образом, анализируемая лексема во всей своей совокупности значений является основным средством вербализации концепта «Земля», о чем свидетельствует также и высокая частотность её функционирования (по данным Томского диалектного корпуса, 2 210 случаев актуализации). Кроме того, в число лексических репрезентантов концепта «Земля» входят варианты лексемы и единицы, мотиватором которых выступает слово земля в каком-либо значении: **земь, земелька, земляшка, земляца**: *Погода снежная – пурга, буран, метель. Метёт из-под земля. Такая непогодь, слякоть;*

*Опять спа'шем это место под зя'бледь пойдёт, не так хоро'ша земля; Нынче редко бывает здесь, чуть-чуть **земельку** сверху смочил; Зёрнышки наливаться будут, **землюшку** помочило; А чтоб не лезли на ру'ки, надо их **землицей** потереть, этим мы спаса'мся от них.*

Понятийный компонент концепта дополняется ценностным, отраженным в коннотативной семантике лексем, и передается через суффиксы субъ-ективной оценки *-юшк*, *-к*, выражающие отношение человека к земле.

Основание для маркирования в качестве одного из основных репрезентатов концепта, безусловно, имеет мотивированное прилагательное **земляной**, актуализирующее семантику «находящийся, расположенный на поверхности земли» и характеризующееся широкой сочетаемостью с существительными, обозначающими преимущественно реалии природного мира (все, что растёт, обитает, живёт или располагается в земле или на ее поверхности): *А далеко ходили, у нас там избушки были тёплые, **земляные** избушки, называются ка-рамо'; Мыши в лесу есть. Их ловят **земляные** медвежки.*

Для прилагательного **земляной** характерно употребление в речи в составе сочетаний с существительными:

– названиями растений: **Земляной ладан**, коров окуривать; **Земляной ладан** – листик, как у того светка'. Широкий, шишечка, как репья; **Песик земляной**, у него орех земляной;

– названиями ягод: **Земляна' малина** – кустики низкие, вид как у малины, вкус кислее малины, клюква, брусника; **Земляна мурушка** по болотам растёт;

– названиями животных: **Крот. Земляной медведок** – это крот, он не вылезает наружу. Если бы он был ростом с человека, он мог бы прорыть Суэцкий канал. Сила большая; **Медведки земляные: земляная медведка** на бору, така' чёрна, даже си'знет; её редко и увидишь, она малошёрсна, как горноста'ль; Колонки у нас есть, горноста'ли. Беленький такой, хвостик чёрненький – **земляной зверёк**; Горноста'ль мышей давит. **Крысу** эту вот **земляную** давит, питается; **Земляной мыши, крот** – это гад.

– названиями насекомых: *А этих изе'й ловили на крючки на смоло'вы, надеть на их насаживать было эти, как вам сказать, конский навоз, **земляных жуков**, жука на'доть было ловить.*

Из «неприродных» реалий (артефактов) прилагательное **земляной** отмечено только в сочетании с названиями построек: *Человек десять было в **земляном бараке**; Омшанники* боле углубляются в землю, стали надзёмные или **земляные**; *Ну в бани, у нас баня была своя выкопана, **земляная баня**, по-чёрному была топилась.*

В контекстах также отражается взаимодействие человека с землёй как почвой, обозначенное общим, недифференцированным названием **земляные работы**: *Оне' сняли всех плотников на **земляные работы***; а также взаимодействие разных видов почвы в зависимости от наличия воды в ней: *Двоеводье – е'т[о] сложная штука. Во-первых, кода' снеговая вода растаяла, затопила и спала, а потом земляная, болотная, то есь наружу выступает. То есь одна вода ушла, а другая пришла.*

Репрезентативный материал, отражающий ценность земли для жизнедеятельности человека, содержится в документах XVII–XVIII вв., созданных в период освоения Сибири русскими первопроходцами, которые, придя на то или иное новое место, в первую очередь, оценивали его с точки зрения пригодности для ведения хозяйства: возможности использования для выращивания зерновых и иных культур, заготовки сена для животных, а также, учитывая специфику природного мира, возможность рыболовства. Многочисленные свидетельства такого отношения к земле находим в деловых документах XVII–XVIII вв.: *...потому на уртам земли многие и пространные и хлебородные и сенные и всякими угоди и рыбными ловлями довольные, Томск, 1688 г.* [33]; *А вдалях... и есть такие угожие места, что будет ваша государева пашия пахать. Кузнецк, 17 в.* [34].

Земля в приведенных документах представлена как территория, пространство с определёнными границами; актуализация номинантов объекта фиксирует динамику освоения Сибири как региона с трансграничными характеристиками. Динамика эта заключается в смене фокуса в документах с актуализации концепта «движение» на концепт «освоение», что обусловлено активизацией познания западносибирских земель и существованием различных фаз осмысления этого пространства: от промысла (в основном пушнины и рыбы) на новой территории – к устройению жизни на ней, к ее освоению, в частности к распашке земель, ведению сельского хозяйства для снабжения растущего населения продовольствием [35. С. 116]. Не менее важным является то, что процесс освоения, «укоренения» на новой земле определил появление в деловой и устной речи поселенцев «специализированных» наименований участков земли, предназначенных для того или иного вида хозяйствования.

Существование сельского человека на протяжении многих веков было неразрывно связано с землей. Разные грани этого существования широко отражены в художественной литературе разных периодов так называемых «деревенщиков» (В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин), а также и в более ранних записях диалектной речи: *Раньше трудно оторваться от своего. Как это без земли будем жить?* (1974 г.).

Отметим, что записи устной речи сельских жителей последних десяти лет демонстрируют тенденцию изменений, произошедших в отношениях человека и земли. Это обусловлено появлением новых технологий обработки земли, возможностью купить продукты питания, отсутствием необходимости выращивать самому овощи, зерно и т.д.: *Раньше много садили. Земля кормила. А сейчас пойдешь, да в магазине все купишь.*

Структурирование концепта «Земля», актуализированного в устной речи сельских жителей сибирского села на протяжении последних семидесяти лет, осуществляется с учётом таких параметров, как физический субстрат, социальные отношения, символическое кодирование, использованных при построении модели описания трансграничного региона [36]. Данная модель позволяет обнаружить черты трансграничности в разных сферах существо-

вания человека, проживающего в регионе, который в географическом отношении уже утратил свойство трансграничности. Тем не менее он осмысливается его жителями как таковой, что проявляется на уровне когнитивных моделей и реализации их в устном дискурсе.

Представим структуру концепта «Земля» по данным устной речи, выделив когнитивные признаки в соответствии с их частотностью.

В результате применения процедуры категоризации и концептуализации выявлены следующие понятийные компоненты концепта «Земля»:

1. Земля как объект хозяйственной деятельности. Описание этого когнитивного признака предполагает обращение к характеристикам земли как физическому субстрату, как объекту межличностных отношений и как ценностному элементу концепта. Дальнейшая конкретизация основана на вычленении более частных характеристик, связанных с возможностью использования земли в хозяйственных целях. Как физический субстрат земля оценивается сельскими жителями, прежде всего, с точки зрения:

а) пригодности/непригодности её для обработки и выращивания сельскохозяйственных культур.

Непригодная земля маркируется лексемами: **неудобица, неудобье, яловатая, бяля'нка**: *Под сенокос **неудобица** шла. Луга здесь заливыны. А вода исключительно до Петрова дня и дольше стоит; Ракитник густой, пешком не прoderёсся, самое **неудобье** и есь; Белянка – это белая земля. А не будем сеять. Там белянка; Яловата земля.* Пригодная земля маркируется единицей **удобие**, находящейся в антонимических отношениях с лексемами **неудобье, неудобница**: *Таки' **удобия** и пропадают да'ром.*

Наиболее типичной причиной, по которой нельзя использовать землю для сельского хозяйства, является болотистый характер местности: *Осоко'рину вставля'шь у лошади. Во'стреньки кочки шишотка называ'тятся, неровна земля. По шишотке плохо косить.* Лес же таким препятствием не является, и большая часть пахотных земель, прежде чем подвергнуться обработке, раскорчевывается: **раскорчеванная / корчеву'шная земля, корчёвка** и др.: *Новь – это нераспаханная земля, где **корчёвка**. Раскорчуешь, лес уберёшь – это новь, потом распашешь да сеешь.* Распаханная земля именуется отдельной лексемой: **Пашня** – *е'то распашанная земля.*

Непригодной земля может становиться в результате длительного использования. В этом случае её оставляют для восстановления. В диалекте существует достаточно большой круг лексем, маркирующих истощённую землю, оставленную для восстановления: **выпаша, выпашь, вупашь, выпушь, выпашонка, упаша** (земля, оставленная на некоторое время под покос), **о'пашь** (земля, оставленная под залежь): *Вупаша' все спа'ханы; Выпаша – ста'ра земля, вы'держана; А душица на полях да на **выпушах** растёт; Парлари'чна трава, кода' паралич. Она на **опаша'х** роди'тятся; Косят его по **упаша'м** и ела'ням.*

Эту группу характеризуют высокая степень частотности функционирования лексем в речи, мотивированность глаголом *пахать* и наличие морфологических, словообразовательных, фонетических вариантов.

Сюда же примыкает лексема **не'поль**, маркирующая брошенную, необрабатываемую землю: *Когда бросают поле – неполь; Неполь – это когда весной не полют луга.*

Земля может быть оставлена на некоторое время и маркирована по времени ее вспашки: **по'дзябель, пар, подпа'рок** – земля, предназначенная для зяби (для осенней вспашки) под посев пшеницы: *Подзябель – пар под пшеницу; А подзябель чистят, корчуют лес; Дак пары и подпарки – одно и то же. Пары' перепашивают.*

б) обработанности / необработанности.

Земля, не подвергавшаяся ранее вспашке и впервые вспаханная: **залог, зало'жная земля, материк, ле'шка, це'лик, цели'к, целиковая земля** и т.д.: *Залог – на пять-шесть лет оставляют, не пахнут; Све'жа земля, не пахана – это залог; Больше на заложную землю сеяли; Целик – земля, кото'ру ни разу не пахали. Надевают на себя, пуд выходил, така' она больша' была; Я говорю, это: «Невозможно садить». Сколько я посадила там – да каки' картове'нь-то! Пряма от таки' выросли... Ну, на... земля-то, она це'лико'ва была.*

Земля, удобренная и вновь вспаханная маркируется лексемой **перепа'р**: *А раньше назьмы' возили и перепашут. Перепар – на неё рожь сеяли.*

Таким образом, на лексическом уровне находят отражение этапы введения земли в сельскохозяйственный оборот (корчёвка), сама обработка (вспашка, удобрение), прекращение обработки (неполь) или приостановка обработки (выпашь). Преобладание собственно диалектных единиц среди лексем, именующих эти процессы, свидетельствует о высокой степени освоенности сибирского пространства русским старожильческим населением, а также о степени значимости земли для жизни жителей села.

В число репрезентантов концепта входят глаголы – названия видов деятельности, отражающие различные этапы возделывания и ухода за землей: **вскапывать, назьмить, удабривать, полоть, окучивать, побивать, белить, прикатывать**: *Зе'мли у нас хоро'ши. Назьми'ть землю надо, уда'бривать землю. Каша лучше сварится; Щас это вот картошку покучивала, она ведь тяжела земля, белить надо; От скота возишь, да на огород – землю назьмить, назём с землёй смешивать, хто удобряет говорит, хто как. Вот и хто говорит – поливаться пошла, а хто – огород поливать пошла. Много наций есть, всяк по-своему и говорит; Каток – прикатание земли [влагу задерживает, придавливая влагу и семена]; Вчера вечером ходила, земля жёстка, побива'ть надо.*

в) характеристики почвы по различным признакам:

1. **Состав почвы.** Наиболее значимым для земледелия является состав почвы, что получает выражение на уровне лексики.

Маркируется плодородная/неплодородная почва, именуются слои почвы сверху вниз, при этом в лексической системе в большей степени отражены верхние слои, что подтверждается наличием вариативности лексем, их частотностью: **гли'нок** (земля с преобладанием глины): *Это кода' земля по-полам с глиной, то суглинок. Коды' одна глина, так это глинок;* верхний

пласт земли: **дёр**, **дёрник**, **дерно**: **Дёрн**, верхний пласт земли; то же, что **дерно**; *Саи'п* – это дель, в дель зашивают дёр. **Дёр** – земля, верхний слой отымают; **Дерник** уж, земля не пахана, **дёр** содрали.

Отметим устойчивое сочетание **родная земля**, обозначающее ненаносной, более глубинный слой, что является значимым при использовании земли в каких-либо хозяйственных целях: *Вот шычас све'рху назём, а там **родная земля**, а в тех домах назёмов нет, там сразу глина, **родна'я земля**; Это назём што ли, до **родной-то земли** то'ко дошли, до глиняной; Я копал-копал, насыту до **родной земли** докопался: сверху-то назём, а снизу **родна' земля**.*

2. **Качественные характеристики почвы**: вербализуются преимущественно через антонимические пары.

В коммуникативный фокус попадают частные оппозиции, маркирующие почву:

– по цвету (черная / белая (светлая), сбела / счерна): *Белянка – это **белая земля**. А не будем сеять; Пряма такой высокий берег и, главное, и земля тут совсем другая: здесь песок, там **чёрная земля**. [Почва здесь плодородная?] У нас – нет: песок. Если не удобрить – ничего не будет. Удобрять нужно каждый год. Удобрять, ну, в смысле, это, навозом покрывается. Там земля ра'зна, она по нашему грунту земля ра'зна. Она пуша'й вечно лежит, на ей хлеб бу'ет. Сё равно как **сбела'**, а та **чёрна, рассыпная, как дробь**. На ей трава как на болоте. Привозная земля была. Никак не называли – **торфяная земля, чёрная**;*

– по степени увлажнения (сырая / сухая): *В **сырой земле** может лежать <триста> лет и не сгниёт, и больше даже; Надо к огороду назьму', там **сыра земля** и песо'шина, а здесь так горит, без назьму; Хорошенький до'жжык прошёл, да **земля сухая** дак;*

– по степени рыхлости (мягкая, рыхлая, рухлая / твердая, жесткая): *Земля **мягкая**, выдёргиваем; **Рухлая** это она **мягкая земля**; Огребать – значит это **мягкая земля**... Копали, земля была **мягкая**. Ботву выдерут, руками копали; если **твёрдая земля** – деревя'нну лопаточку делали; Когда **вспахнут** землю, тогда звали **мягкая**, а сейчас **рыхлая**; Земля **пу'хла, ры'хла**. Землю удобряли назьмо'м; Вчера вечером ходила, **земля жёстка**, побива'ть надо.*

Отметим также, что в диалекте именуется оба члена оппозиции через лексемы **материк** (мягкая, рассыпчатая земля), **глызо'вник** (большое количество глызов (комьев): *Материк – это земля така' ч'ерна, хороша, рассы'ниста, суха. На огурцы всё её во'зют, она не гли'ниста, суха. Земля, лучше кото'ра, – материшная, чёрна; Глызовник – каменистая земля засохнет, говорят: «Вот глызовник один». Плохо вспахал – одни глызы;*

– по наличию чернозема (постная / жирная): *Мокрица – трава такая, вьётся и всегда мокрая, другая мокрица летает, человека кусает, где мокрица завелась, там уже **земля постная**, она всю влагу забирает; Если **плоха-то** земля, то мелкая картошка родится. Рассыпчатая зависит от какой земли посо'дишь. На **жирной** – она жидкая, а на такой – рассыпчатая. В прошлом го'де садили на жирной земле, дак она была крупная и водянистая;*

– по степени прогревания (стылая, мерзлая / теплая): *Тане'рь как только снег сошёл – начинают купаться... Земля стылая; Лёжки временно; осадку делает, мерзлая земля; Земля уже прогрелась, теплая стала.* Лексическую отмеченность получает в диалекте замерзший верхний слой почвы, что, видимо, обусловлено суровыми климатическими условиями: **какра'к, мерзляк: Какрак** – *земля та'ла, а потом её морозом схватит, вот и какрак.*

Специфика приведенных оппозиций заключается в том, что они не только и не столько маркируют отдельные свойства земли, но содержат ее оценку с точки зрения получения урожая. Так, в оппозиции черный / белый нейтрализуется основная сема «цвет» и актуализируется оценочный компонент «хорошая». Таким образом, приведенные антонимические пары формируют модус общей оценки по шкале хороший / плохой, где хороший – это пригодный для земледелия, дающий богатый урожай, а плохой – не являющийся таковым: *Хороший урожай, если земля хорошая.*

2. Земля как элемент ландшафта, поверхность. Физические свойства объекта актуализируются через общее название и видовые номинации, обозначающие виды земель и фиксирующие их пространственную специфику: размер, протяженность, расположение, местонахождение: **поле, луг, лог, логоти'на, ела'нь** (незаливаемое водой, незаболоченное место), **кули'га** (полянка), **чистови'на** (полянка), **кряж** (сухая возвышенная местность большой протяженности) и др.: *Засеют поле, потом боро'нут. Жнут, потом суслоны ставят; Выпускать можно скот на лугах; Кулига есть. С того боку болото и с другого, а посередине поляна, кулига она называется; Чистовина меж лесов, там хороша трава родится; Елань водой не зато'пляет. Это уж где хлеб сеют; Логотина – низменное место, лог; Ела'нь – на полях; по березниками, по осинникам ко'сют – это называется елань; Две дороги были: парабельски тем кряжем ездили... Кряж – как дорога, сухое место.*

Ландшафтные свойства описываемых объектов в коммуникации дополняются указанием на возможность их использования в хозяйственной деятельности. Уточняется, можно ли на них заготавливать сено, орехи, выращивать те или иные культуры. Таким образом, в этой группе репрезентантов концепта сохраняется тенденция, отмеченная нами в предыдущей группе: восприятие окружающего пространства с утилитарных позиций.

3. Земля как объект социальных отношений. Восприятие земли как физического объекта дополняется в сельской коммуникации восприятием ее в аспекте социальных отношений. Она рассматривается как объект, который имеет границы, может быть поделен на участки, продан, поставлен на учёт и т.д. в соответствии с правилами и законами, установленными в определенном социуме. В диалекте отмечены лексемы, обозначающие участок земли, выделенный для рубки леса или обработки: **деляна, отруба', надел, коло'к** (устар.), **поду'шник** (устар.), **план** (устар.), **плант, номер** (место, участок земли, отведенный под дом с надворными постройками), **полости'на** (участок земли, полоса): *Разделёна земля, дак деляна называют; Придёт землемер и отведёт клочок земли. Е'ту тоже называли деляной.*

А всё больше **деляной** прозывается лесной участок; То **деляна**, а то **отруб**'а говорили; **Пы** хозяй'ственному была, свои покосы знали и всё. Пылоса'ми рызделёна земля сы'стыри была. Уж холхо'з съедини'ли и спыхали и всё. Землю делили по душам, по мужским. Он попал в **надел**, если он хоть вчера родился. До советской власти же'нски попадали в **надел**. Не шитьа'ли, она голоса не имела; **Колок**, землю делили, **участком** называли; Мне хоро'ша земля попала, тебе – **плоха**'. В нашем **планту**' болотов много; **План** – поля' раньше называли в лесу; Вот, скажем, дом не на номер поставлен, это урядник разбирает; **Номер** – это уса'дебно место; А раньше землю делили. При земле **отруб**'а. Это твоя **полостина**, а это – моя **полостина**.

Таким образом, анализ понятийного компонента концепта «Земля» показал, что его ядерную зону составляют утилитарные представления о земле и что в диалектной коммуникации актуализируются представления диалектоносителей о земле как об объекте хозяйственной деятельности, что подтверждается количеством номинаций (среди которых преобладают собственно диалектные лексемы) и частотностью их употребления; функционированием большого числа вариантов и мотивированных слов, с помощью которых маркируются понятийные признаки.

Перейдем к анализу образного слоя концепта «Земля», вербализованного языковыми единицами, в семантике которых содержится образный компонент.

Образные номинации включают в себя:

а) **сравнительные обороты**: как **дробь**, как **огонь**, как **гнилушки**, как **пух**: Тайга как стена. Вырос я здесь, далеко на заимке. Та'мотка хлеб другой был, там земля – **гарь**, она **чёрная как дробь**. Там земля ра'зна, она по нашему грунту земля ра'зна. Она пуша'й вечно лежит, на ей хлеб бу'ет. Сё равно как **сбела**', а та **чёрна, рассыпная, как дробь**. Трудистые места – это зовут где **мох, земля, как гнилушки**, непроходимое место; Думаешь, о'споди, хоть бы дожджычек был, **земля же как огонь**. В воскресни был у нас Иван-купатель. **Земля была как пух**. А щас, что земля! Хлеба-то там. Пиеница была вот такая вот! А щас по земле еле стелится. Щас ничё нету.

б) **собственно образные слова**: **ладошка**: Место с выгоревшей травой»: Глядишь – зарева. На эту зареву и выхо'дишь аль на **ладошку**. **Ладошка** – это земля, где трава выгорела.

в) **языковые метафоры**: **сильная, жирная** «плодородная», **слабая** «неплодородная», **голая** «без растительности»: Си'льна земля, она всё родит. **Силы нету у земли**, если урожаю нету. **Сильная земля**, когда удобряешь. А не удобряешь, называ'т плохая земля; Если **плоха**'-то земля, то мелкая картошка родится. Рассыпчатая зависит от какой земли посо'дишь. На **жирной** – она жидкая, а на такой – рассыпчатая»; Ну, у меня тоже кото'ры уходят, а кото'ры ешо' не [в]зошли, **го'ла** земля. Пряма **го'ла** земля. Да'йче проходила, думаю: пойду я, говорю, их поподбиваю. Всё думаю: как-нибудь вы'ташишь бы их! А нет, ничё уж, таки' будут.

Актуализованной в речи оказывается антропоморфная метафора, представляющая поверхность земли как часть органа человека, фиксирующая

отсутствие растительности (**ладошка**). Этот же смысл фиксируется языковой метафорой **голый** (без одежды). В сравнительных оборотах эталонами сравнения выступают различные реалии. Высокая степень проявления признака фиксируется через обращение к стихии огня, через сравнение с артефактами (**дробь**) и биофактами (**гнилушки, пух**), фиксирующими интенсивность проявления признака (**огонь**), величину и структуру почвы.

Осмысление свойств и облика земли через обращение к разным сферам свидетельствует о значимости ее для жизни человека. Преобладающей же является актуализация восприятия земли как живого существа, которое способно к передвижению, может быть сильным или слабым, способно чувствовать усталость и нуждается в отдыхе, чтобы восстановить силы: *На ела'ни косили, в поле были залежи, это земля отдыхает, запу'стят её, она годов десять отдыхает. На ней начинает расти пырей; Выработалась земля; Баерак – крутое место. Сдвигается земля, стаёт обрыв; Си'льна земля, она всё родит. Силы нету у земли, если урожая нет; Бессильна земля, езли назьму' нет. Земля выработалась, как зола. Оставили на одношовку. В одношовку – один раз спашут.* Как живое существо земля может издавать стоны: *Кучерочки мои размилёшеньки, как возжжой дёрнут, земля стонет* [из песни].

Сфера земли может быть источником для моделирования других сфер. В проанализированном материале встретился один перенос: ткань (фон рисунка) – это земля: *Ситчик – земля чёрна и сголуба цветами, такой красивый.*

Ценностная составляющая фиксируется при описании и понятийного и образного компонентов концепта, поскольку «именно ценностное отношение человека к миру образует основу для концептуальной обработки его языка, ибо то, что лишено ценности, либо вообще не номинируется, либо, если и называется, то ни лексически, ни словообразовательно никак не детализируется и не дифференцируется» [37. С. 307]. Лексические и словообразовательные данные дополняются анализом высказываний, посвященных различным аспектам взаимодействия человека и природы.

Земля как физический субстрат является основой **природных ценностей**, поскольку определяет возможность / невозможность биологического существования человека, что маркируется витальным предикатом **родить**: *Си'льна земля, она всё родит.* Этим же свойством земли детерминирована необходимость ухаживать за ней, обрабатывать и беречь ее для того, чтобы она служила достаточным источником питания. *И картошку тут садили землю давали, а как же было в войну да до войны без это... без земли-то? Ведь трудно было без земли.* В рассказах сельских жителей отражены этапы возделывания земли: *Вспашишь землю, посеешь, заборонишь, вот и растёт. Грабли ручные были, вилы деревянные, трёхрогие.*

Восприятие земли как **эстетической ценности** является следствием утилитарного подхода и оценки ее с прагматических позиций: *Землю сроду не пахала, а сама всё копала лопатой. Понасо'дишь картошку дак. Земля тоже любит красоту.*

Земля входит в перечень **социальных ценностей** и служит мерилom благосостояния человека. Обладание, владение землей определяет его **социальный статус**: *Жили богато. Земли не знали граници. Сын живёт в Томске, работает следователем; Он как бы батрак, кода земли не давали.* В то же время низкий социальный статус или гендерная принадлежность лишали человека возможности получить землю: *Кода' не было колхо'зу, ему в сельсо-ве'те руководители не дали земли. «Бродягам земли нет»; Тогда же последнюю корову за налог продавали. А земли на мужжика долю, а на бабу шиши.*

Земля является объектом споров, конфликтов между соседями: *Была и слобо'дна земля, а кто приезжал, те распа'хвали. Дерутся, бывало, из-за земли. Кто сильне', у того и верьх. Были таки' семьи, что всех побива'ли. Кого захо'чут, того и изду'пют.*

Ценность земли связана с **ценностью родины, государства**: *Я хочу, хочу, чтобы так жили и ценили молоды, и ещё у государства, благодарю, что этих павших, кото'ры пали за родину, которы **защищали землю**, вот этим молодым оставили дорогу, что их поминают; Ещё раз прошу, молодые, учитесь, **держитесь, боритесь за землю**. Вам завоевали. Много таки' матеря остались, всю жизнью' плачу.*

Земля входит в перечень **духовных ценностей**: *Это с ра'неишого. **Матушка-земля, земля святая**. И имя отца всегда поминают: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, инно и присно о веки веков. Аминь».*

Земля используется как ритуальное вещество в похоронном обряде и является **ценностью религиозной сферы**: *Вы это, земельку эту унесите, на могилку положьте. Да не давайте старухам-то. Они кото'ры колдуньи (более подробно об этом см. в статье Л.Г. Гынгазовой [27]).*

Таким образом, анализ показал, что концепт «Земля» занимает важное место в концептосфере русских старожилов Среднего Приобья. Об этом свидетельствуют несколько факторов, выявленных в процессе построения концепта: а) высокая плотность номинативного поля; б) количественный состав лексики, именующей землю, ее отдельные участки, состав почвы, свойства и т.д.; в) частотность употребления в речи лексем, наименований земли; г) высокая степень дробности обыденной классификации пространственных и вещественных характеристик земли. Земля как физический объект служит субстратом для формирования социальных отношений. Именно ценностным отношением к земле носителей языка обусловлено формирование понятийного, образного и ценностного компонентов концепта. Особенности полевой структуры концепта обусловлены соединением в нем общенационального и регионального компонентов, а также спецификой крестьянского мировидения: в ядерную зону попадают не пространственные характеристики земли, а ее свойство составлять основу биологического существования человека. Региональный компонент обнаруживается наиболее отчетливо при обращении к истории освоения Сибири русским населением. Он проявляется в восприятии Сибири как края с большими возможностями, свободными землями, а также в постепенном формировании собственной

лексической системы, отражающей процесс земледельческого освоения сибирского пространства и процесс взаимодействия с коренным населением Сибири.

Список источников

1. *Словарь* русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1: А–Й. 1985. 696 с.
2. *Частотный* словарь русского языка: ок. 40 000 слов / сост. В.А. Аграев и др.; под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
3. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 6 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М.: [ИРЯ РАН], 1998. 324 с.
4. *Бавдинов Р.Р.* Историко-культурное пространство концепта «Земля» в древнеуйгурском языке: семантический потенциал и религиозная коннотация (предварительные материалы) // *Вестник ВЭГУ*. 2007. № 29/30. С. 24–29.
5. *Мошина Е.А.* Понятийная основа концепта earth / land (земля) в английской языковой картине мира // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 10 (143). С. 231–239.
6. *Тернавский Н.А.* Шумерские боги ки, энки, эрешкигаль и концепт земли в селькупском языке // *Культурная жизнь Юга России*. 2014. № 2 (53). С. 32–33.
7. *Бетильмерзаева М.М.* Соотношение мышления и языка в этнической ментальности (на примере чеченского концепта «Земля» // Латта») // *Известия Чеченского государственного педагогического университета*. Серия 1: Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 13, № 1 (17). С. 4–12.
8. *Кривалёва О.В.* Концепты «Небо» и «Земля» в русской и немецкой языковых картинах мира : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 213 с.
9. *Кривалёва О.В.* Сопоставительная характеристика концептов «небо» / «Himmel» и «земля» / «Erde» в русском и немецком языках // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13, № 3. С. 562–565.
10. *Дашиева С.Ц.Д., Дамтилон Н.Б.* Пространственные концепты «Небо» и «Земля» в русской, бурятской и китайской фразеологических картинах мира // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 2 (93). С. 444–447.
11. *Череватый С.Ю.* Концепт «Земля» в современном белорусском, русском и украинском поэтическом дискурсе // *Молодость. Интеллект. Инициатива* : материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. 2016. С. 246–248.
12. *Чугунцова А.Н.* Концепт чир («земля») в языковой картине мира хакасов // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 3 (64). С. 338–342.
13. *Есенова Т.С.* «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 5 (59). С. 39–43.
14. *Полякова Н.В.* Вербализация концепта «земля» в селькупском и русском языках // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 9 (111). С. 134–138.
15. *Кузьмина Р.П.* Семантические особенности ключевой лексики-репрезентанта концепта земля в эвенской лингвокультуре // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7-2. С. 135–138.
16. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
17. *Сковородников А.П., Севруженко Н.С.* «Русская земля» как нациообразующий концепт // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2020. № 1. С. 30–46.

18. *Ерофеева И.В.* Концепт «Русская земля» в современном медиадискурсе // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2-2. С. 48–50.
19. *Щурина Ю.В., Вырупаева М.В.* Концепт «Родная земля» в региональном языковом сознании в контексте забайкальского приграничья // Сибирский филологический форум. 2021. № 4 (16). С. 72–82.
20. *Щелокова Л.И.* Концепт «Родная земля» в публицистике военных лет // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 220–231.
21. *Рязанов И.В.* Сакрализация образа земли в архаической картине мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2. С. 84–92.
22. *Лаптева М.Л.* «Земля обетованная» во фразеологической концептосфере русского языка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 766–770.
23. *Туранина Н.А.* Концепты «Воздух» и «Земля» в современной женской прозе // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 264–267.
24. *Леденева В.В.* О концепте земля в концептосфере М.Ю. Лермонтова // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 128–130.
25. *Вырупаева М.В.* Концепт «Земля» в языковом сознании современного сельского жителя (на материале текстов аудиовизуальных СМИ забайкальского края) // Медиа в современном мире : сб. материалов международного научного форума. СПб., 2020. С. 35–37.
26. *Гэн Цзе.* Бинарная оппозиция небо – земля в русском и китайском языках (на материале малых жанров фольклора) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 182 с.
27. *Гынгазова Л.Г.* Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века : материалы международного симпозиума, посвященного 200-летию со дня рождения В.И. Даля, 30 октября – 2 ноября 2001 г. Владивосток, 2002. С. 136–145.
28. *Калуцков В.Н.* Ландшафтная концепция в культурной географии : дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009.
29. *Томский диалектный корпус* // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 05.08.2023).
30. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби* / Том. гос. ун-т, 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary> (дата обращения: 11.08.2023).
31. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
32. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 12–20.
33. *Сказка томского сына боярского Ю. Соболевского. 1686 г.* // РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 750. Л. 120, 127–129.
34. *Словарь русских говоров Сибири* : в 5 т. / сост. А.И. Федоров, Н.Т. Бухарева, Т.А. Голикова, Е.В. Панкратова ; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2004. Т. 1–5.
35. *Инютина Л.А.* Лексическое выражение пространства в картине мира носителя сибирского (томского) старожильческого говора 17–18 веков. Новокузнецк : Редакционно-издательский отдел КузГПА, 2012. 216 с.
36. *Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е.* Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
37. *Вендина Т.И.* Антропология диалектного слова. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. 684 с.

References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Zasorina, L.N. (ed.) (1977) *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka: Okolo 40 000 slov* [Frequency Dictionary of the Russian Language: About 40,000 words]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Karaulov, Yu.N. et al. (1998) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Book 6. Moscow: Institute of Russian Language RAS.
4. Bavdinov, R.R. (2007) Istoriko-kul'turnoe prostranstvo kontsepta "Zemlya" v drevneyugurskom yazyke: semanticheskiy potentsial i religioznaya konnotatsiya (predvaritel'nye materialy) [Historical and cultural space of the concept "zemlya" in the ancient Uyghur language: semantic potential and religious connotation (preliminary materials)]. *Vestnik VEGU*. 29/30. pp. 24–29.
5. Moshina, E.A. (2019) Ponyatiynaya osnova kontsepta earth / land (zemlya) v angliyskoy yazykovoy kartine mira [The conceptual basis of the concept earth / land (zemlya) in the English language picture of the world]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10 (143). pp. 231–239.
6. Ternavskiy, N.A. (2014) Shumerskie bogi ki, enki, ereshkigal' i kontsept zemli v sel'kupskom yazyke [Sumerian gods Ki, Enki, Ereshkigal and the concept of earth in the Selkup language]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2 (53). pp. 32–33.
7. Betil'merzaeva, M.M. (2017) Sootnoshenie myshleniya i yazyka v etnicheskoy mental'nosti (na primere chechenskogo kontsepta "Zemlya" // Latta") [The relationship between thinking and language in ethnic mentality (on the example of the Chechen concept "Zemlya" // Latta)]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Seriya I. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1–13 (17). pp. 4–12.
8. Krivaleva, O.V. (2008) *Kontsepty "Nebo" i "Zemlya" v russkoy i nemetskoy yazykovykh kartinakh mira* [Concepts "Nebo" and "Zemlya" in the Russian and German language pictures of the world]. Philology Cand. Diss. Ufa.
9. Krivaleva, O.V. (2008) Sopostavitel'naya kharakteristika kontseptov "Nebo" / "Himmel" i "zemlya" / "Erde" v russkom i nemetskom yazykakh [Comparative characteristics of the concepts "Nebo" / "Himmel" and "zemlya" / "Erde" in Russian and German]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 3 (13). pp. 562–565.
10. Dashieva, S.Ts.D. & Dampilon, N.B. (2022) Prostranstvennye kontsepty "Nebo" i "Zemlya" v russkoy, buryatskoy i kitayskoy frazeologicheskikh kartinakh mira [Spatial concepts "Nebo" and "Zemlya" in Russian, Buryat and Chinese phraseological pictures of the world]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (93). pp. 444–447.
11. Cherevatyy, S.Yu. (2016) [The concept "Zemlya" in modern Belarusian, Russian and Ukrainian poetic discourse]. *Molodost'. Intellekt. Initsiativa* [Molodost. Intelligence. Initiative]. Proceedings of the 4th International Conference. Vitebsk. 29 April 2016. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 246–248. (In Russian).
12. Chugunekova, A.N. (2017) Kontsept chir ('zemlya') v yazykovoy kartine mira khakasov [The concept of chir ('earth') in the linguistic picture of the world of the Khakass]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (64). pp. 338–342.
13. Esenova, T.S. (2011) "Zemlya" kak lingvokul'turnyy kontsept mental'nogo mira kalmykov ["Zemlya" as a linguocultural concept of the mental world of Kalmyks]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (59). pp. 39–43.
14. Polyakova, N.V. (2011) Verbalizatsiya kontsepta "zemlya" v sel'kupskom i russkom yazykakh [Verbalization of the concept "zemlya" in the Selkup and Russian languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (111). pp. 134–138.
15. Kuz'mina, R.P. (2023) Semanticheskie osobennosti klyuchevoy leksemy-reprezentanta kontsepta zemlya v evenskoy lingvokul'ture [Semantic features of the key lexeme-

representative of the concept zemlya in Even linguistic culture]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 7–2. pp. 135–138.

16. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Akademicheskii projekt.

17. Skovorodnikov, A.P. & Sevruzhenko, N.S. (2020) “Russkaya zemlya” kak natsieobrazuyushchiiy kontsept [“Russkaya zemlya” as a nation-forming concept]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika.* 1. pp. 30–46.

18. Erofeeva, I.V. (2009) Kontsept “Russkaya zemlya” v sovremennom mediadiskurse [The concept “Russkaya zemlya” in modern media discourse]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya.* 2–2. pp. 48–50.

19. Shchurina, Yu.V. & Vyrupeva, M.V. (2021) Kontsept “Rodnaya zemlya” v regional'nom yazykovom soznanii v kontekste zabaykal'skogo prigranich'ya [The concept “rodnaya zemlya” in regional linguistic consciousness in the context of the Trans-Baikal border region]. *Sibirskiy filologicheskiiy forum.* 4 (16). pp. 72–82.

20. Shchelokova, L.I. (2022) Kontsept “Rodnaya zemlya” v publitsistike voennykh let [The concept “rodnaya zemlya” in the journalism of the war years]. *Studia Litterarum.* 2 (7). pp. 220–231.

21. Ryazanov, I.V. (2013) Sakralizatsiya obraza zemli v arkhaischeskoy kartine mira [Sacralization of the image of the earth in the archaic picture of the world]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya.* 2. pp. 84–92.

22. Lapteva, M.L. (2014) “Zemlya obetovannaya” vo frazeologicheskoy kontseptosfere russkogo yazyka [“The Promised Land” in the phraseological concept sphere of the Russian language]. *Kontsept.* 20. pp. 766–770.

23. Turanina, N.A. (2011) Kontsepty “Vozdukh” i “Zemlya” v sovremennoy zhenskoy proze [Concepts “vozdukh” and “zemlya” in modern women’s prose]. *Gumanitarnye issledovaniya.* 4 (40). pp. 264–267.

24. Ledeneva, V.V. (2014) O kontsepte zemlya v kontseptosfere M.Yu. Lermontova [About the concept zemlya in the conceptual somain of M.Yu. Lermontov]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik.* 4. pp. 128–130.

25. Vyrupeva, M.V. (2020) [The concept “zemlya” in the linguistic consciousness of a modern rural resident (based on the texts of audiovisual media in the Trans-Baikal region)]. *Media v sovremennom mire* [Media in the Modern World]. Proceedings of the International Forum. Saint Petersburg. 9–12 November 2020. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 35–37. (In Russian).

26. Gen, J. (2015) *Binarnaya oppozitsiya nebo-zemlya v russkom i kitayskom yazykakh (na materiale malykh zhanrov fol'klora)* [Binary opposition nebo–zemlya in Russian and Chinese languages (based on small genres of folklore)]. Philology Cand. Diss. Kazan.

27. Gyngazova, L.G. (2002) [Dictionary of dialectal linguistic personality as a reflection of the conceptualization of the world]. *Ot slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka* [From the dictionary of Vladimir Dahl to the lexicography of the 21st century]. Proceedings of the International Symposium. 30 October – 2 November 2001. Vladivostok: Far Eastern National University. pp. 136–145. (In Russian).

28. Kalutskov, V.N. (2009) *Landshaftnaya kontseptsiya v kul'turnoy geografii* [Landscape concept in cultural geography]. Geography Dr. Diss. Moscow.

29. Tomsk State University. (n.d.) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus> (Accessed: 05.08.2023).

30. Tomsk State University. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the Middle Part of the Ob River Basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary> (Accessed: 11.08.2023).

31. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

32. Vorkachev, S.G. (2014) Lingvokul'turnaya kontseptologiya i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii) [Linguistic and cultural conceptology and its terminological system (continuation of the discussion)]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 12–20.

33. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. Item 750. Pages 120, 127–129. *Skazka tomского сына боярского Yu. Sobolevskogo. 1686 g.* [The tale of the Tomsk boyar son Yu. Sobolevsky. 1686].

34. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2004) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Vol. 1–5. Novosibirsk: Nauka.

35. Inyutina, L.A. (2012) *Leksicheskoe vyrazhenie prostranstva v kartine mira nositelya sibirskogo (tomского) starozhil'cheskogo govora 17–18 vekov* [Lexical Expression of Space in the Worldview of a Speaker of the Siberian (Tomsk) Old-Timer Dialect of the 17th – 18th Centuries]. Novokuznetsk: Kuzbass State Pedagogical Academy.

36. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomского gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2

37. Vendina, T.I. (2020) *Antropologiya dialektного slova* [Anthropology of the Dialect Word]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

Информация об авторах:

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Толстова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 81'36
doi: 10.17223/19986645/86/4

Категория неоднократности и ее репрезентация в новостном интернет-дискурсе

Анастасия Сергеевна Коршунова¹, Нина Владимировна Лагута²

^{1,2}Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

¹anastasiakorshun1992@gmail.com

²nlaguta@mail.ru

Аннотация. Рассматривается категория неоднократности, средства ее выражения в новостном интернет-дискурсе. На материале региональных новостных интернет-порталов Амурской области выявлены и систематизированы типы неоднократности действия (мультипликативная, дистрибутивная, итеративная), функционирующие в новостном интернет-дискурсе, и то, какими средствами они выражаются. Сделан вывод, что в новостном интернет-дискурсе значение неоднократности действия имеет преимущественно политемпоральный характер с одинаковым набором участников. Повторяемость действия предстаёт циклично оформленной.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория неоднократности, функционально-семантическое поле неоднократности, мультипликативная (собирательная) неоднократность, дистрибутивная (собирательная) неоднократность, итеративная (дискретная) неоднократность, новостной интернет-дискурс

Для цитирования: Коршунова А.С., Лагута Н.В. Категория неоднократности и ее репрезентация в новостном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 53–65. doi: 10.17223/19986645/86/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/4

Category of multiplicity and its representation in the Internet news discourse

Anastasia S. Korshunova¹, Nina V. Laguta²

^{1,2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

¹anastasiakorshun1992@gmail.com

²nlaguta@mail.ru

Abstract. The article aims to study functional and grammatical features of the Internet news discourse of the media topic “culture” with the focus on representation of the functional-semantic category (FSC) of multiplicity. Eighty texts for analysis were

obtained from the Culture section on regional news Internet portals of Amur Oblast from 2019 to 2022. From the texts, we selected lexico-grammatical units expressing the meaning of repeated actions as part of the functional-semantic field of multiplicity. As a result of continuous sampling, we found the total of 350 units. The description method and functional-semantic analysis were used to identify various multilevel linguistic units that express the meaning of action multiplicity. The functional-semantic category of multiplicity is understood as a binary opposition of one-time and repeated action meanings. The feature of multiplicity is coordinated with the corresponding functional-semantic field, which consists of the following mutually complementary elements: semantic classes of predicates that are combined with the meaning of multiplicity, lexical units that express this meaning, and grammatical categories used to represent the semantic feature of multiplicity. The most interesting question here is how the meaning of action multiplicity is realized in the Internet news discourse. Multiplicity is classified into the following semantic types: multiplicative (cumulative) multiplicity, distributive (cumulative) multiplicity, iterative (discrete) multiplicity. The analysis of the selected material shows the following: in the Internet news discourse all types of repetition (iterative, distributive, multiplicative) are realized but with different frequency of occurrence. Thus, it turned out that iterative (discrete) multiplicity is more frequent than distributive (cumulative) one, and multiplicative (cumulative) multiplicity occurs much less frequently. Another finding is that the main means of representing the functional-semantic category “multiplicity” in the Internet news discourse are: verb aspect forms, verbs of multi-act mode of action, lexical markers such as adverbial modifiers of cyclicity, interval, usuality. The latter play an essential role in expressing the iterative meaning. As expected, among the three, adverbial modifiers of cyclicity were the most frequent (53%), adverbial modifiers of interval were almost twice less frequent (28%), adverbial modifiers of usuality turned out the least frequent (19%). The results show that, in the Internet news discourse, the meaning of the multiplicity of an action has a predominantly polytemporal nature with the same set of participants. The multiplicity of the action appears to be cyclically shaped.

Keywords: functional-semantic category of multiplicity, functional-semantic field of multiplicity, multiplicative (collective) multiplicity, distributive (collective) multiplicity, iterative (discrete) multiplicity, Internet news discourse

For citation: Korshunova, A.S. & Laguta, N.V. (2023) Category of multiplicity and its representation in the Internet news discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 53–65. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/4

Введение

Активное развитие и распространение компьютерных технологий влияет на все сферы человеческой жизни. Формирование новых каналов распространения информации воздействует в том числе на развитие языка на всех его уровнях, что не может не привлекать внимание исследователей к изучению языковых особенностей интернет-коммуникации. Особая привлекательность интернет-текстов в качестве объекта исследования обусловлена тем, что они «формируют один из самых значимых сегментов речевой продукции носителей современного русского языка» [1. С. 48].

Одной из важнейших функций сети Интернет является информационная функция, которая наряду с коммуникативной реализуется в массово-информационном, или массмедийном дискурсе. Эта функция в наибольшей степени осуществляется при помощи электронных ресурсов СМИ-изданий, которые используют новостной текст в качестве основного средства распространения информации, что позволяет считать новостной текст базовой единицей массмедийного дискурса и говорить о наличии новостного интернет-дискурса как его разновидности: Е.А. Кожемякин [2. С. 15] наряду с рекламным, промоцийным (PR) типами массмедийного дискурса выделяет также новостной дискурс.

Выбор новостного интернет-дискурса в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в настоящее время он играет важнейшую роль в передаче и распространении информации, а значит, является индикатором языковой и социальной культуры всего общества. Исследованию языковых особенностей новостного интернет-дискурса посвящён ряд научных работ [3–9], в которых рассматриваются лексико-семантические и прагматические особенности языка данного типа дискурса. Грамматическое наполнение текста СМИ ранее изучалось исследователями в разных аспектах: словообразовательные особенности новостного интернет-дискурса [10], морфологические особенности языка рекламы и объявлений [11], синтаксические особенности современных газетных текстов [12] и современных российских электронных СМИ [13]. В настоящее время прослеживается активный интерес и к изучению различных функционально-семантических категорий (далее – ФСК) на материале публицистических текстов: ФСК компаративности [14, 15], ФСК футуральности [16, 17], ФСК эвиденциальности и модальности [18–21]. Однако категории времени, в частности – ФСК неоднократности, в интернет-дискурсе до сих пор не становилась самостоятельным предметом изучения, хотя, на наш взгляд, языковое наполнение данной категории представляет интерес для современной лингвистики, кроме того, безусловное преобладание новостного интернет-текста над печатным в современном мире обуславливает актуальность рассмотрения заявленной категории в данном материале.

Настоящая работа посвящена исследованию репрезентации **функционально-семантической категории** неоднократности в новостном интернет-дискурсе. Для анализа было взято 80 текстов, размещённых в разделе «Культура» на региональных новостных интернет-порталах Амурской области [22–24] с 2019 по 2022 г. В жанровом отношении данные тексты являются заметками, объявлениями и интервью. Материалом для исследования послужили лексико-грамматические единицы, выражающие значение неоднократности действия как части функционально-семантического поля кратности. Отбор произведён методом сплошной выборки, общее количество составило 350 единиц. В исследовании были использованы метод описания и метод функционально-семантического анализа с целью определения различных разноуровневых языковых средств, выражающих значение неоднократности действия.

Исследование и результаты

Время является базовой категорией человеческого существования. С.М. Пометелина уточняет, что «результаты лингвомыслительной деятельности человека находят отражение в языковой модели времени» [25. С. 79]. Новостной интернет-дискурс наряду с другими типами интернет-дискурса является темпоральным. Форма и содержание новостных сообщений соотносятся также с определёнными устойчивыми медиатопиками [26. С. 29], к которым относятся экономика, здравоохранение, наука, образование, туризм, бизнес, спорт, а также культура. Циклический характер новостных сообщений медиатопика «Культура» позволяет предположить, что категория неоднократности репрезентируется в данном медиатопике достаточно разнообразно.

А.В. Бондарко [27. С. 126] выделяет несколько семантических типов неоднократности: мультипликативную (собирательную), дистрибутивную (собирательную) и итеративную (дискретную).

Особенность мультипликативной неоднократности состоит в наличии одних и тех же участников, задействованных в каждой из ситуаций, входящих в состав мультипликативного множества. Кроме того, мультипликативная неоднократность является монотемпоральной, т.е. все ситуации мультипликативного множества протекают в один непрерывно продолжающийся период.

Дистрибутивная неоднократность также является монотемпоральной, но в отличие от мультипликативной в каждой из одинаковых микроситуаций могут принимать участие тождественные (или не вполне тождественные) актанты.

Для итеративной (дискретной) неоднократности характерно наличие одних и тех же участников ситуаций, но эти множественные ситуации протекают в разные периоды, т.е. итеративная неоднократность является политемпоральной.

Рассмотрим особенности репрезентации категории неоднократности в новостных интернет-текстах. Проанализируем семантические типы неоднократности, а также средства, при помощи которых они реализуются.

1. Мультипликативная (собирательная) неоднократность.

Значение мультипликативной (собирательной) неоднократности реализуется при помощи «глаголов многоактного способа действия», которые обозначают «действия, расчленённые на неограниченно повторяющиеся отдельные акты» [27. С. 83], например: *Артист кричал, хлопал и свистел*. Мультипликативное множество ситуаций, представленное в предложении включает в себе несколько одинаковых ситуаций: *Артист крикнул, хлопнул и свистнул*. В каждой из этих ситуаций занят один и тот же актант (артист), и эти ситуации занимают единый непрерывный период, т.е. в данном примере представлена монотемпоральная неоднократность.

В следующих примерах также представлены многоактные глаголы *кричал, стучал, свистел, сверкал, качался*, которые соотносятся с одноактными

глаголами *крикнул, стукнул, свистнул, сверкнул, качнулся*, составляющими множество повторяющихся микроситуаций в рамках одной общей макроситуации, реализующейся при помощи многоактного способа действия (далее – СД): *Он кричали, стучал в надежде разбудить жильцов; Она перенесла всех на морской берег, где свистел солёный ветер, а паруса раздувал сам Борис Гребенчиков; В большинстве городов и районов региона вчера сверкали молнии; Полосатый зверь некоторое время качался на качели в районе Сплавной конторы*. В последнем предложении к семантико-словообразовательному средству (многоактному глаголу *качался*) добавляется лексический маркер – обстоятельство неопределённой длительности *некоторое время*, которое обозначает период, в течение которого разворачиваются микроситуации, включённые в мультипликативную неоднократность.

В примерах: *Сегодня среди ночи собака долго лаяла на Зейской, 44, возле магазина; Сердце колотилось бешено, потому что было неожиданно и очень-очень приятно, что именно в этот год мы стали победителями; Кроме того, некоторые диалоги было не разобрать – один из главных актёров жевал слова* – представлены случаи, когда многоактные глаголы *лаяла, колотилось, жевал* не соотносятся с одноактными глаголами. Такие многоактные глаголы включают в свой состав слабодискретные акты, между которыми сложно выделить какие-либо временные интервалы. В первом предложении многоактный глагол *лаял* дополняется лексическим показателем *долго* со значением длительности.

В новостном интернет-дискурсе мультипликативная (собирательная) неоднократность, репрезентируемая многоактными глаголами, соотносящимися с одноактными, встречается чаще (60% от количества проанализированного материала по данному типу неоднократности), чем не имеющая такой соотнесённости (40% от количества проанализированного материала по данному типу неоднократности). Данный тип неоднократности чаще встречается в жанре интервью, для которого характерна вопросно-ответная форма, предполагающая монотемпоральный характер сообщения и использование глаголов НСВ.

II. Дистрибутивная (собирательная) неоднократность.

Значение дистрибутивной (собирательной) неоднократности выражается при помощи различных лексико-грамматических средств. В следующих предложениях значение дистрибутивной семантики репрезентируется с помощью глаголов дистрибутивно-суммарного СД с приставкой *пере-* (*перешептываться: Женщины «за пятьдесят» за моей спиной перешептываются до начала спектакля; переговариваться: Во время игры участники переговариваются с помощью группового чата приложения WhatsApp; перебирать: Читали стихи и басни, перебирали клавиши пианино и баяна – ну и, конечно, песни под гитару, куда без них; перепилить: Спасатели с помощью бензопил перепилили все упавшие деревья*).

Кроме того, значение дистрибутивной (собирательной) неоднократности передается при помощи глаголов, выражающих постепенный охват результативным действием отдельных объектов: с приставкой **по-** (**попрятать**: *Собаки лениво подняли носы, сверкнули отражением уличных фонарей и спустя мгновение вновь **попрятали** свои морды*); с приставками **раз-** и **рас-** (**раздарить**: *В октябре благовещенец **раздарил** мужчинам 75 роз: реакцию на презент его компаньон снимал на видео*; **раскупили**: *Дедушка принимает только по билетам, которые благовещенцы **раскупили** в первый день продаж еще в октябре*; с приставкой **об-** (**обзвонила, объехала**: *Анна в тот же день **обзвонила** и **объехала** несколько театров*). Все эти глаголы выражают постепенный охват результативным действием отдельных объектов. В этих предложениях объект действия имеет форму множественного числа. Хотя действия обладают явной разорванностью, они воспринимаются как единое целое (СВ глаголов усиливает это впечатление).

Дополнительный конкретизатор *все*, употреблённый в некоторых из приведенных выше примеров, указывает на равенство количества представителей совокупного участника-объекта и количество повторяющихся ситуаций, представленное дистрибутивно-суммарными глаголами.

В следующих примерах значение дистрибутивной (собирательной) неоднократности выражается при помощи глаголов кумулятивного СД с приставкой **на-** (**накосил**: *– С вечера я **накосил** травы, выстелил ею весь кузов*; **надавала**: *Пересчитала, там оказалось ровно 20 рублей. Сообщила это водителю, он опять возмутился, мол, копеек **надавала***). Эти глаголы демонстрируют достижение итогового существенного количества равных результатов посредством многократной реализации действия исходных глаголов. Дополнительные конкретизаторы *почти все, несколько* указывают на меньшее количество повторяющихся ситуаций, чем количество представителей совокупного участника-объекта. В нескольких примерах помимо совокупного участника-объекта также представлен совокупный участник-субъект (*спасатели, собаки, благовещенцы*), т.е. во всех ситуациях дистрибутивного множества и участники-субъекты, и участники-объекты будут разные. Например, дистрибутивное множество микроситуаций, выраженное в предложении: *На новогодние вечеринки «Игра в кальмара» благовещенцы раскупили почти все места*, состоит из одинаковых ситуаций *Благовещенец покупает место*, в каждой из которых разный житель Благовещенска покупает разное место.

Таким образом, в новостном интернет-дискурсе значение дистрибутивной (собирательной) неоднократности чаще выражается при помощи дистрибутивно-суммарного СД с различными приставками (85 % проанализированного материала по данному типу неоднократности), чем при помощи кумулятивного СД с приставкой **на-** (15 % проанализированного материала по данному типу неоднократности). Данный тип неоднократности в большей степени характерен для жанра заметки, однако в жанре интервью также встречается.

III. Итеративная (дискретная) неоднократность.

Итеративная неоднократность в новостном интернет-дискурсе выражается при помощи глаголов несовершенного вида (далее – НСВ), выступающих в неограниченно-кратном значении: «неограниченно-кратное значение может быть присуще практически любому глаголу НСВ, обозначающему квантифицируемый предикат» [27. С. 145]. Глагол при этом может иметь форму настоящего времени, как представлено в следующих примерах: *Ежегодно танцевальный коллектив даёт три сольных концерта – «День Александрийца» осенью, «Рождественский переполох» – в январе и отчётный концерт – в мае; В городе на Амуре они не были никогда – Live UK Pink Floyd Show просто не выступают в залах вместимостью меньше тысячи. Хотя в Хабаровск и во Владивосток летают каждый год; Эту программу филармония традиционно проводит каждый год; Каждый год в этот день цирк «Ап!» празднует в Амурской областной филармонии день рождения; Я приезжаю в Благовещенск каждый год. И с каждым разом я вижу, как город становится более чистым, красивым и интересным; По такому рецепту колледж каждый год готовит необычный коктейль под названием «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства»; Но иногда камерный хор «Возрождение» позволяет заглянуть в своё закулисье; «Тут ещё водолаз иногда проплывает, не обращайтесь внимания»; Хор часто выезжает на гастроли, в этом году они были посвящены 40-летию коллектива; Снежинка тоже пока находится на территории Амурской области между селами Гродеково, Передовое и Николаевка. Птица периодически посещает кукурузные поля; Он постоянно приезжает в Россию вопреки санкциям и отмене культурного года Польшей; Обычно публика встречает «Александрию» аншлагами; Они всегда выходят на сцену яркие, подтянутые, красивые и одухотворенные; В их домах всегда звучит музыка, и все от мала до велика играют и поют.*

Кроме того, итеративная неоднократность в новостном интернет-дискурсе представлена глаголами НСВ прошедшего времени: *Каждый день организаторы проводили новогодние представления – с Дедом Морозом, Снегурочкой и другими зимними героями; Выступления еженедельно собирали полный зал, а страницу голосования на интернет-сайте ТРЦ «Острова» посетили свыше четырёх тысяч пользователей; Без выступления этого певца редко обходилась «Песня года»; Песни из программы «Биение сердца» он периодически пел а капелла; Периодически на самом интересном месте вдруг раздавался звонок мобильного; Украинский коллектив всегда отличался плотным графиком.*

Также итеративная неоднократность выражается при помощи глаголов НСВ будущего времени, реализуемых в новостных текстах: *По средам, пятницам, субботам и воскресеньям горожан и гостей города будут развлекать музыканты, художники, артисты и другие творческие люди; С нового учебного года в школах начнутся внеклассные занятия «Разговоры о важном». Они призваны познакомить детей с культурным наследием страны и побудить самостоятельно изучать историю, заявил Сергей*

Кравцов. Учителя будут проводить их еженедельно по понедельникам первым уроком с 5 сентября; Амурская областная филармония будет периодически проводить подобные мероприятия.

Во всех этих примерах множественные ситуации протекают в разное время, т.е. данный тип неоднократности является политемпоральным. Важно отметить, что для выражения итеративного значения наличия только формы НСВ глагола недостаточно. Важными элементами выражения этого типа неоднократности являются обстоятельства цикличности, интервала и узуальности, входящие в ФСП неоднократности. Так, в представленных выше предложениях неоднократность выражается при помощи обстоятельств цикличности (*ежегодно, каждый год, каждый день, еженедельно, по средам, пятницам, субботам и воскресеньям*), которые конкретизируют итеративное значение. Кроме того, лексическими маркерами, подчёркивающими периодический характер повторяемости действий, являются обстоятельства интервала (*иногда, часто, периодически, редко*). Обстоятельства узуальности, указывающие на регулярный характер повторяемости действий, также представлены в примерах из новостных текстов (*постоянно, обычно, всегда*). Следует обратить внимание на то, что форма будущего времени НСВ глагола не сочетается с некоторыми обстоятельствами узуальности, такими как *обычно, обыкновенно*. Как показывает проанализированный материал, для новостного интернет-дискурса вообще не свойственно употребление формы будущего времени НСВ с обстоятельствами узуальности.

Таким образом, итеративная (дискретная) неоднократность в новостном интернет-дискурсе чаще репрезентируется при помощи глаголов настоящего времени НСВ (61% проанализированного материала по данному типу неоднократности), чем глаголов прошедшего времени НСВ (26% проанализированного материала по данному типу неоднократности). В наименьшей степени значение итеративности выражается в новостном интернет-дискурсе при помощи глаголов будущего времени НСВ (13% проанализированного материала по данному типу неоднократности). Употребление лексических маркеров цикличности, интервала и узуальности подчеркивают политемпоральный характер итеративной (дискретной) неоднократности. Итеративная (дискретная) неоднократность присуща жанру объявления, что обусловлено политемпоральным характером данного типа неоднократности.

Заключение

Проведённый анализ отобранного материала показал следующее: 1) в новостном интернет-дискурсе реализуются все типы неоднократности действия (итеративная, дистрибутивная, мультипликативная); 2) в анализируемом материале чаще встречается итеративная (дискретная) неоднократность (48% от общего количества проанализированного материала), чем дистрибутивная (собирательная) неоднократность (30% от общего количества проанализированного материала). Мультипликативная (собирательная) неоднократность встречается реже (22% от общего количества проанализи-

рованного материала); 3) основными средствами репрезентации ФСК кратности в новостном интернет-дискурсе являются: глагольный вид, глаголы многоактного способа действия, лексические маркеры (обстоятельства цикличности, интервала, узуальности); 4) существенную роль в выражении итеративного значения играют обстоятельства, которые в новостном интернет-дискурсе по частоте использования распределились таким образом: обстоятельства цикличности (53%), обстоятельства интервала (28%), обстоятельства узуальности (19%).

Таким образом, в новостном интернет-дискурсе значение неоднократности действия имеет преимущественно политемпоральный характер с одинаковым набором участников. Повторяемость действия предстаёт циклично оформленной. Преобладание итеративной (дискретной) неоднократности обусловлено тематикой текстов, выбранных для анализа. Цель новостных текстов тематики «Культура» – сообщать о событиях, которые имеют циклический характер и повторяются в разные периоды. Преобладающим жанром является объявление, что объясняется его небольшим форматом, лаконичностью изложения материала, а также политемпоральным характером излагаемых событий.

Список источников

1. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 48–58.
2. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (73), вып. 11. С. 13–21.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020. 180 с.
4. Добросклонская Т.Г. Лингвомедийное конструирование события в новостном дискурсе // Медиалингвистика : материалы V международной научной конференции. СПб., 2021. Вып. 8. С. 108–112.
5. Кудрина Л.В. Структура новостных текстов и их лексические особенности (на примере социальных сетей и интернет-СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 20 с.
6. Кудрина Л.В. Речевые особенности комментария в новостных текстах интернет-изданий // Вестник московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 176–194.
7. Павлова Е.К. Политическая лексика в современном новостном интернет-дискурсе // Вопросы филологии. 2019. № 3–4 (67–68). С. 45–48.
8. Романенко О.В. Особенности динамизации событий в интернет-новостях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 47–55.
9. Сыресина И.О. Новостной дискурс как центральный компонент корпоративного сайта // Язык и действительность: научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : сб. ст. по итогам V международной конференции. М., 2020. Т. 5. С. 381–384.
10. Матасова О.В., Фокеева Ю.А. Продуктивные типы словообразования в германоязычном интернет-дискурсе // Тенденции и проблемы социально-экономического развития России в условиях цифровизации : материалы Всероссийской научно-практической

конференции, Саратов, 21–22 апреля 2021 года / под ред. Н.С. Яшина, К.А. Грандоняна. Саратов, 2022. С. 112–115.

11. Самсонова Л.Н., Кульбертинова С.П. Грамматические особенности рекламных текстов и объявлений (на материале республиканских русскоязычных электронных СМИ) // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : материалы II Международной научно-практической междисциплинарной интернет-конференции, Якутск, 12–18 мая 2014 г. Якутск, 2015. С. 57.

12. Астахова Е.С. Экспрессивный синтаксис: функции в современном газетном тексте // Новые горизонты русистики. 2018. № 3. С. 4–10.

13. Элатик А.А. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 161–168.

14. Шаталова А.В. Сравнительная и превосходная степени сравнения имен прилагательных и наречий как средства репрезентации центра функционально-семантического поля компаративности (на материале текстов современной публицистики в немецком и русском языках) // Филология: научные исследования. 2022. № 1. С. 28–42.

15. Угринович А.Н. Функционирование эксплицитных средств выражения компаративности в немецкоязычных СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 84–91.

16. Сухомлина Т.А. Грамматические репрезентанты категории будущего времени в англоязычных художественном и публицистическом текстах // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 175–179.

17. Мельдианова А.В. Функционально-семантическое поле футуральности (на примере экономических текстов) // Роль и место иностранных языков и связей с общественностью в развитии аэрокосмической сферы Российской Федерации : сб. докл. VII Международной научной конференции ФИЯ МАИ (НИУ), посвященной 85-летию МАИ и Дню космонавтики, Москва, 22 апреля 2015 года / отв. ред. А.К. Каллиоппин. М., 2015. С. 82–93.

18. Скоробач Н.Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 134–139.

19. Решетнева У.Н. Глаголы речи как средства выражения косвенной эвиденциальности в китайскоязычных медиатекстах // Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков : материалы IV Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 4 марта 2021 г. Новосибирск, 2021. С. 382–387.

20. Орехова Е.Н. Субъективная модальность в газетной колумнистике // Лекантовские чтения – 2022 : материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2022 года. М. : Московский государственный областной педагогический университет, 2022. С. 336–341.

21. Хрулева Л.Д. Особенности употребления средств выражения категории модальности в публицистическом тексте // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2023. № 1 (48). С. 101–104.

22. ИА «Амур.инфо», 2019–2022 : офиц. сайт. URL: <https://www.amur.info/culture/>.

23. Amur.net, 2019–2022 – Первый Амурский портал. URL: <http://amur.net/mojo/culture>.

24. ДИА «Порт Амур», 2019–2022 : офиц. сайт. URL: <https://portamur.ru>

25. Пометелина С.М. Когнитивная природа становления грамматической категории времени русского глагола // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (5). С. 77–83.

26. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М. : Флинта : Наука, 2008. 264 с.

27. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 7-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2017. 352 с.

References

1. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A. & Malikova, A.V. (2019) The types and combinatorics of verbal markers of different emotional tonalities in Russian-language internet texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 48–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/6
2. Kozhemyakin, E.A. (2010) Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: towards research methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2–11 (73). pp. 13–21.
3. Dobrosklonskaya, T.G. (2020) *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Medialinguistics: Theory, methods, directions]. Intellektual'naya izdatel'skaya sistema Ridero.
4. Dobrosklonskaya, T.G. (2021) [Linguo-media construction of an event in news discourse]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Proceedings of the 5th International Conference. Vol. 8. Saint Petersburg. 30 June – 02 July 2021. Saint Petersburg: Mediapapir. pp. 108–112. (In Russian).
5. Kudrina, L.V. (2020) *Struktura novostnykh tekстов i ikh leksicheskie osobennosti (na primere sotsial'nykh setey i internet-SMI)* [The structure of news texts and their lexical features (using the example of social networks and online media)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
6. Kudrina, L.V. (2019) Rechevye osobennosti kommentariya v novostnykh tekstakh internet-izdaniy [Speech features of commentary in news texts of online publications]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 176–194.
7. Pavlova, E.K. (2019) Politicheskaya leksika v sovremennom novostnom internet-diskurse [Political vocabulary in modern Internet news discourse]. *Voprosy filologii*. 3–4 (67–68). pp. 45–48.
8. Romanenko, O.V. (2022) Osobennosti dinamizatsii sobytii v internet-novostyakh [Features of the dynamization of events in online news]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2 (857). pp. 47–55.
9. Syresina, I.O. (2020) [News discourse as a central component of a corporate website]. *Yazyk i deystvitel'nost'*. *Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka* [Language and Reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak]. Proceedings of the 5th International Conference. Vol. 5. Moscow. 25–27 March 2020. Moscow: Sputnik +. pp. 381–384. (In Russian).
10. Matasova, O.V. & Fokeeva, Yu.A. (2022) [Productive types of word formation in German-language Internet discourse]. *Tendentsii i problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii* [Trends and Problems of Socio-Economic Development of Russia in the Context of Digitalization]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saratov. 21–22 April 2021. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 112–115. (In Russian).
11. Samsonova, L.N. & Kul'bertinova, S.P. (2015) [Grammatical features of advertising texts and advertisements (based on the material of republican Russian-language electronic media)]. *Gumanitarnye nauki i problemy sovremennoy kommunikatsii* [Humanities and Problems of Modern Communication]. Proceedings of the 2nd International Conference. Yakutsk. 12–18 May 2014. Yakutsk: Mezhdunarodnyy tsentr nauchno-issledovatel'skikh proektov. P. 57. (In Russian).

12. Astakhova, E.S. (2018) *Ekspressivnyy sintaksis: funktsii v sovremennom gazetnom tekste* [Expressive syntax: functions in modern newspaper text]. *Novye gorizonty rusistiki*. 3. pp. 4–10.

13. Elatik, A.A. (2016) *Elementy razgovornogo sintaksisa v yazyke sovremennykh rossiyskikh elektronnykh SMI* [Elements of conversational syntax in the language of modern Russian electronic media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10–3 (64). pp. 161–168.

14. Shatalova, A.V. (2022) *Sravnitel'naya i prevoskhodnaya stepeni sravneniya imen prilagatel'nykh i narechiy kak sredstva reprezentatsii tsentra funktsional'no-semanticheskogo polya komparativnosti (na materiale tekstov sovremennoy publitsistiki v nemetskom i russkom yazykakh)* [Comparative and superlative degrees of comparison of adjectives and adverbs as a means of representing the center of the functional-semantic field of comparativeness (based on the texts of modern journalism in German and Russian languages)]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 28–42.

15. Ugrinovich, A.N. (2022) *Funktsionirovanie eksplitsitnykh sredstv vyrazheniya komparativnosti v nemetsko-yazychnykh SMI* [The functioning of explicit means of expressing comparativeness in German-language media]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya*. 4 (119). pp. 84–91.

16. Sukhomlina, T.A. (2014) *Grammaticheskie reprezentanty kategorii budushchego vremeni v angloyazychnykh khudozhestvennom i publitsisticheskomykh tekstakh* [Grammatical representatives of the category of the future tense in English-language literary and journalistic texts]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 4 (1). pp. 175–179.

17. Mel'dianova, A.V. (2015) [Functional-semantic field of futurity (using the example of economic texts)]. *Rol' i mesto inostrannykh yazykov i svyazey s obshchestvennost'yu v razvitiy aerokosmicheskoy sfery Rossiyskoy Federatsii* [The Role and Place of Foreign Languages and Public Relations in the Development of the Aerospace Sector of the Russian Federation]. Proceedings of the 7th International Conference. Moscow. 22 April 2015. Moscow: Pero. pp. 82–93. (In Russian).

18. Skorobach, N.Yu. (2020) *Kategoriya evidentsial'nosti kak sredstvo formirovaniya modal'nosti somneniya v tekstakh publitsisticheskogo diskursa* [The category of evidentiality as a means of forming the modality of doubt in the texts of journalistic discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (147). pp. 134–139.

19. Reshetneva, U.N. (2021) [Verbs of speech as a means of expressing indirect evidentiality in Chinese-language media texts]. *Vostok-Zapad: teoreticheskie i prikladnye aspekty prepodavaniya evropeyskikh i vostochnykh yazykov* [East-West: Theoretical and applied aspects of teaching European and Eastern languages]. Proceedings of the 4th International Conference. Novosibirsk. 04 March 2021. Novosibirsk: Siberian Transport University. pp. 382–387. (In Russian).

20. Orekhova, E.N. (2022) [Subjective modality in newspaper columnistics]. *Lekantovskie chteniya – 2022* [Lekant Readings – 2022]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 18 November 2022. Moscow: Moscow Region State Pedagogical University. pp. 336–341. (In Russian).

21. Khruleva, L.D. (2023) *Osobennosti upotrebleniya sredstv vyrazheniya kategorii modal'nosti v publitsisticheskomykh tekstakh* [Features of the use of means of expressing the category of modality in a journalistic text]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh*. 1 (48). pp. 101–104.

22. Amur.info. (2019–2022) [Online] Available from: <https://www.amur.info/culture/>

23. Amur.net. (2019–2022) [Online] Available from: <http://amur.net/mojo/culture>

24. Port Amur. (2019–2022) [Online] Available from: <https://portamur.ru>

25. Pometelina, S.M. (2019) *Kognitivnaya priroda stanovleniya grammaticheskoy kategorii vremeni russkogo glagola* [The cognitive nature of the formation of the grammatical category of Russian verb tense]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya*. 1 (5). pp. 77–83.

26. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech'* [Medialinguistics: A systematic approach to the study of media language: modern English media speech]. Moscow: Flinta: Nauka.

27. Bondarko, A.V. (ed.) (2017) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektsional'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. 7th ed. Moscow: LENAND.

Информация об авторах:

Коршунова А.С. – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия). E-mail: anastasiakorshun1992@gmail.com

Лагута Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия). E-mail: nlaguta@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Korshunova, postgraduate student, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: anastasiakorshun1992@gmail.com

N.V. Laguta, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: nlaguta@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 09.11.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/86/5

***Китай, китайцы и китайское* в современной русскоязычной диаспоральной лингвокультуре**

Ольга Вячеславовна Орлова^{1,2}, Ли Чжидань³

¹ *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*

^{2,3} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

^{1,2} *o.orlova13@yandex.ru*

³ *lizhidan@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается специфика лингвокультурной рецепции Китая, китайцев и китайского, а также лингводискурсивные средства ее репрезентации в гипертексте неформальной сетевой коммуникации современной русскоязычной диаспоры Китая. На основе анализа более 5000 контекстов, содержащих этнонимические лексемы с корнем *китай-*, доказывается тезис о том, что по сравнению с образом Китая и китайцев, сложившимся в русскоязычном коллективном сознании, а также формируемым в медиасфере, диаспоральный дискурс значительно расширяет спектр семантико-аксиологических характеристик, связанных с рецепцией и интерпретацией китайской действительности.

Ключевые слова: русскоязычная диаспоральная лингвокультура, сетевой дискурс русскоязычной диаспоры Китая, образ Китая

Для цитирования: Орлова О.В., Ли Ч. *Китай, китайцы и китайское* в современной русскоязычной диаспоральной лингвокультуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 66–83. doi: 10.17223/19986645/86/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/86/5

***Kitay, kitaytsy and kitayskoe* in contemporary Russian-speaking diaspora linguaculture**

Olga V. Orlova^{1,2}, Li Zhidan³

¹ *Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation*

^{2,3} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

^{1,2} *o.orlova13@yandex.ru*

³ *lizhidan@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the specificity of the linguacultural reception of China, as well as linguadiscursive means of its representation in the hypertext of informal network communication of the modern Russian-speaking diaspora. Based on the

analysis of more than 5,000 contexts containing ethnonymic lexemes with the root *kitay-*, the authors justify the thesis that, compared to the image of China and the Chinese that has developed in the Russian-language collective consciousness and formed in the media sphere, diasporal discourse significantly expands the range of topics and subjects associated with the reception and interpretation of Chinese reality. The ethnonymic adjective *kitayskiy* in diaspora network communication demonstrates high frequency rates and extended syntagmatic compatibility, and performs a set of functions, the main of which are identification and cognitive functions, along with the function of actualization of the details of Chinese domestic and social reality and comparison of Chinese realities with the realities of the native culture. Diaspora discourse also expands the range of word-formation innovations, e.g., the occasionalism *kitayskost'*, not recorded in the Russian language usage. In diaspora discourse, new stereotypes about the Chinese are formed that are not peculiar to the general Russian picture of the world. These include the notion of Chinese competition, which partially replaces the typical idea of the diligence of the Chinese or explains its cause, and the notion of Chinese logic, which is oxymoronic in diaspora communication and serves as a skeptical and ironic reflection of facts and situations that seem far from logical and absurd to Russian-speaking people. Two basic semantic models, which implement the collective perceptions of the Russian-speaking diaspora about China as a whole, are identified: (1) China as a personal challenge and transformation and (2) Love for China/Nostalgia for China. The first one accumulates stories about the difficulties faced by foreigners in China and their overcoming through personal cardinal positive transformations. The second is associated with the expression of sincere feelings of affection and love for another country, its culture and people, as well as longing for China, especially provoked by the impossibility of entering China because of the coronavirus pandemic.

Keywords: Russian-speaking diaspora linguaculture, network discourse of Russian-speaking diaspora of China, image of China

For citation: Orlova, O.V. & Li Zhidan. (2023) *Kitay, kitaytsy and kitayskoe* in contemporary Russian-speaking diaspora linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 66–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/5

Образ Китая в российском языковом и общественном сознании: к истории вопроса

Продолжающийся рост присутствия носителей русского языка за рубежом стимулирует внимание к диаспоральным дискурсам и стоящим за ними лингвокультурам в самых разных регионах мира. В 2000-е и особенно в 2010-е гг. с полноценным восстановлением российско-китайских партнерских отношений и значительным увеличением количества русскоязычных в Китае в российской гуманитарной науке активизируется интерес к образу Китая в русском историческом, политическом, религиозном, языковом сознании.

Исследователи отмечают, что уже в конце XIX – начале XX в. «расширение контактов между двумя странами, появление большого количества китайцев сначала на Дальнем Востоке и в Сибири, а затем и по всей России, рост числа русских, работавших и проживавших в Китае, – все это способствовало тому, что формирование образа Китая вышло за рамки элитарной

общественной мысли, становясь достоянием массового сознания» [1. С. 370]. Многочисленная и богатая творческим наследием мастеров слова восточная ветвь русской эмиграции первой половины XX в. закономерно стала объектом филологических исследований образа Китая, запечатленного в художественных и публицистических текстах ее представителей [2–4]. В свою очередь, в XXI в. стимулированная глобализацией, технологизацией и медиатизацией многократная интенсификация двусторонних контактов выдвинула на первый план медиатексты в качестве материала исследований «русского взгляда на Китай» в рамках политологии, культурологии, лингвистики и т.д. [5–8].

Несмотря на то, что восприятие Китая в российском сознании до начала XX столетия называют условным, стереотипно-схематичным [2. С. 21], обусловленным «обывательским любопытством к «экзотическим верованиям» и церемониям «чужой культуры» [1. С. 371], русские литераторы и публицисты в своих произведениях обозначили основные черты китайского народа, ставшие впоследствии типичными в представлении русских о китайцах. Это такие положительные качества, как миролюбие, добродушие, доброжелательность, приветливость, вежливость и особенно – трудолюбие, и отрицательные черты, связанные с исключительными способностями китайцев к торговле: хитрость, лицемерие, скупость, жажда наживы, а также назойливость в проявлении любопытства к иностранцам [1. С. 371–375].

Многочисленную послереволюционную эмиграцию в Китай, сосредоточенную в основном в Харбине, характеризовало то, что «все они жили в Китае как бы в русском «культурном анклав», сохраняя в чистоте родной язык, традиции и вероисповедание» [9. С. 91] (см. также труды Е.А. Оглезневой [10, 11] и др.). Исследователи литературного наследия русских эмигрантов отмечают общность восприятия ими Китая как страны изгнания: «Осознание несходства, непохожести, чуждости китайских реалий вызывает негативные эмоции – страх, тоску, печаль, растерянность». На лексическом уровне это выражается в «эмоционально-окрашенных словах, указывающих на враждебность всего окружающего – людей, природы, даже религии – по отношению к эмигрантам: *И мы – в тоске, за дальним рубежом...*» (Т. Андреева. «Родине») [4. С. 117–118]. Отступление от тональности тотальной «чуждости» возможно лишь в границах от «взгляда русского человека, бок о бок находящегося рядом с китайским окружением, но не ассимилирующегося в нем», до «покоя, который даруют пространства и этнокультурные универсалии китайской жизни» [2. С. 11], или чувства невраждебного и даже доброжелательного, но не родного и до конца не принятого, наиболее ярко выраженного в образе Китая как «мачехи ласковой» в поэзии В. Перелешина (см. [3. С. 20]).

Авторы исследований образа Китая в медиатекстах разного типа (печатных СМИ, радио, блогах и др.) солидарны во мнении о в целом позитивном медиаобразе Китая как «страны с уникальной и богатой культурой» [8. С. 12], о преобладающей тенденции представления Китая в СМИ как «сильного государства, серьезного участника политической и экономической

жизни всего мирового сообщества» и страны, «с которой выгодно сотрудничать» [6. С. 7].

Чэн Юйсяо в диссертационной работе «Образ Китая в российских СМИ: лингвокогнитивный аспект» на основе анализа используемых в медиатекстах метафорических средств, с одной стороны, отмечает положительный образ Китая в сфере политики, экономики, а также признание таких качеств китайского народа, как трудолюбие, активность, упорство, дисциплинированность, практичность, расчетливость, с другой – выявляет негативные характеристики образа Китая: «низкое качество товаров и подделки известных брендов». Наряду с этим исследователь выделяет две противопоставленные «доминантные метафорические модели, формирующие образ Китая в сознании русских читателей: «КИТАЙ – ЭТО ЧУДО», «КИТАЙ – ЭТО УГРОЗА» [7. С. 7–8].

Осуществленный в работе В.И. Абрамовой и Ю.В. Архангельской анализ показал, «что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления о Китае и китайцах: 1) <...> сложное, непонятное, странное; 2) плохое, некачественное». В доказательство этих выводов исследователи приводят, в частности, такие выражения, как «китайская грамота – ‘нечто очень непонятное, недоступное пониманию’; китайский разведчик / шпион – ‘очень хитрый, загадочный человек’; китайские церемонии – ‘излишняя, жеманная вежливость’; как до Пекина / Китая раком / пешком – ‘очень далеко’ или ‘очень долго’; как до китайской Пасхи – ‘никогда’» [12. С. 117].

По сравнению с описанным выше наш материал – тексты сетевой диапоральной коммуникации, служащей прежде всего «для получения людьми опыта и знаний для жизни с высоким уровнем неопределенности и проблем в многокультурном <...> обществе» [13. С. 137], демонстрирует намного более широкий и отличающийся разнообразием спектр связанных с обсуждением, восприятием и оценкой Китая, китайцев и китайского семантико-аксиологических характеристик.

Цель, материал и методы исследования

Цель исследования – описать специфику лингвокультурной рецепции Китая, китайцев и китайского, а также лингводискурсивные средства ее репрезентации в гипертексте неформальной сетевой коммуникации современной русскоязычной диаспоры Китая.

Основным материалом исследования стала обширная и ежедневно пополняющаяся сетевая переписка участников открытой группы «Байки лао-вая» (<https://vk.com/cnlaowai>) социальной сети «ВКонтакте». На момент написания статьи в группе, существующей с 2013 г. и презентующей свой контент как *Невыдуманные истории о жизни иностранцев в Китае. Пишем сами!*, насчитывается более 60 тыс. подписчиков и создано более 21 тыс. постов. Посты представляют собой развернутые тексты разной жанрово-те-

матической приуроченности, каждый из которых, как правило, сопровождается многочисленными комментариями участников. Кроме того, к анализу привлекались тексты, размещенные на других интернет-площадках, предназначенных для общения и информирования русскоязычных в Китае и о Китае: материалы Магазеты – интернет-издания о современном Китае (<https://magazeta.com>), блоги на платформах Live Journal и «Восточное полушарие» ([https:// china-cat.livejournal.com/13826.html](https://china-cat.livejournal.com/13826.html); <https://radiongz-china.livejournal.com/543208.html> <https://polusharie.com>), фрагменты пользовательской переписки на форуме электронного Большого китайско-русского словаря (<https://bkr.info>) и некоторые другие источники.

Всего с опорой на приемы контекстологического и дискурс-анализа, а также корпусной и количественной лингвистики проанализировано более 5000 контекстов, содержащих этнонимические лексемы с корнем *китай-*.

Ход исследования

Относительное прилагательное *китайский*, образованное по узальной продуктивной модели и обозначающее «относящийся к Китаю, китайцам, принадлежащий им, произрастающий, обитающий, созданный, изготовленный и т.д. в Китае», в последние годы демонстрирует, по наблюдениям исследователей, «значительную репрезентативность в медийных текстах и расширение его синтагматики» [14. С. 944]. Действительно, укрепление дружественных отношений двух стран и народов во всех сферах общественной жизни значительно способствует увеличению внимания к Китаю, его экономике, политике, культуре в российском медиапространстве. Отсюда и рост частотности употребления этнонимического прилагательного в медиатекстах, и увеличение разнообразия его контекстуальных партнеров.

Однако показатели и репрезентативности, и сочетаемости данного прилагательного в текстах диаспорального дискурса значительно превышают «среднестатистические», характерные для российских медиакommunikаций. Так, в гипертексте сообщества «Байки лаовая» наблюдается 2 424 включения анализируемой лексики на 21 405 постов, в то время как Газетный корпус Национального корпуса русского языка содержит 13 215 включений в 2 660 026 документах. К сожалению, статистический инструментарий социальной сети «ВКонтакте» не позволяет вычислить ipm (instances per million words) – число употреблений на миллион слов, но даже обычное соотношение количества словоупотреблений к количеству текстовых единиц, входящих в соответствующие текстовые множества, ярко демонстрирует беспрецедентную значимость для диаспоральной лингвокультуры осмысления и описания всего, связанного со страной пребывания.

Что касается типичной сочетаемости прилагательного, не зафиксированного в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина [15], то, на наш взгляд, наиболее объективные данные может предоставить «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова. Размещенный в рамках инициированного Ю.Н. Карауловым проекта

«Информационная система когнитивных экспериментов» электронный вариант «Русского ассоциативного словаря» (<http://thesaurus.ru/dict/>) фиксирует 48 различных реакций на стимул *китайский*, из которых всего 10 не единичных, из которых с более чем двукратным отрывом лидирует реакция *язык* (23), за ней следуют *чай* (11), *фарфор* (9) и *ресторан* (8). Среди единичных реакций также довольно много предсказуемых и легко объяснимых общеизвестными фактами китайской истории и культуры (*иероглифы, император, стена, пагода, монах, рис*) или стереотипными обыденными представлениями о китайском (*баракло, товар, прищур*).

В текстах диаспорального дискурса мы обнаружили более 300 объектов, определяемых прилагательным *китайский*. Подавляющее большинство из них – обычные реалии окружающего иностранца в чужой стране инокультурного мира, который разительно отличается от своего, родного. В данном случае функция этнонимического прилагательного – собственно индентификационно-выделительная. Русскоязычные в Китае пользуются *китайскими банкоматами, магазинами, парикмахерскими*, едят *китайскими палочками китайские продукты: хлеб, колбасу, овощи, фрукты*, в том числе – экзотические, например *китайские куриные лапки*, ездят в *китайских такси, поездах и вагонах*, лечатся *китайскими лекарствами, таблетками и пластырями*, носят *китайские серьги и китайские юбки с китайскими пуговицами* и др.

Если «этноним – это способ оповещения о своей этнической группе» [16. С. 189], то в любом диаспоральном дискурсе этнонимические наименования, связанные со страной проживания, – это способ оповещения на своем языке о собственной диаспоральной, объединенной языком и этнокультурой/этнокультурами группе в ситуации нахождения в иноязыковом и инокультурном окружении, способ адаптации в этом окружении, изучения и освоения этого окружения.

Ярче всего это сочетание идентификационно-выделительной и познавательной функций при использовании этнонимических наименований проявляется в многочисленных текстах, жанр которых можно условно назвать «этнографическими зарисовками»: *Расскажу о своей первой встрече с китайской деревней, вернее не встрече, а виденье. Еду в поезде, глазею в окно, поражаюсь возделанности полей, нет ни клочка не обработанной земли и постоянно мой взгляд попадает на коровники, длинные бетонные здания с малюсенькими окнами-бойницами под самой крышей. О, думаю, сколько у них коров, а вроде бы китайцы молоко не пьют! Потом узнала, что они в таких условиях живут, это жилища.*

Еще один показательный пример – пост под заголовком «Как пахнут китайцы?»: *Я отчетливо помню – когда я несколько лет назад впервые прилетел в Китай, я подумал: «Китай – страна запахов». И это действительно так. Запахи тут – очень другие. Я помню, как запахи меня буквально сбивали с ног, когда я впервые попал на китайский рынок и в китайский супермаркет, когда я впервые пообедал в деревенской «чифаньке» и впервые нюхнул жареного тофу (чифанька – кафе, тофу – соевый творог).*

Авторам, которые обладают незаурядным писательским мастерством, удалось описать ощущение неофита в Китае – отсюда обилие маркеров первичности (обратим внимание, что второй контекст стилистически и ритмически построен на анафористическом повторе наречия *впервые*), передать местный колорит с помощью актуализации бытовых деталей, подчеркнуть интенсивность переживаний и впечатлений, обозначить свою осведомленность об образе жизни китайцев, а также воссоздать постепенность процесса узнавания новой инокультурной реальности с помощью глагольной динамики и обретенное в процессе этого узнавания новое знание. Большинство «этнографических зарисовок» показывают живой интерес их авторов к китайской культуре и быту.

Не только более или менее развернутые этнографические зарисовки, но и диаспоральный дискурс в целом – и посты, и комментарии – изобилуют контекстами (иногда это включение одного высказывания в скобках или подпись под фотографией), в которых актуализируется та или иная присутствующая китайской бытовой или социальной действительности деталь: *Вся жизнь борьба. Островок покоя есть только рядом с китайскими танцующими бабушками* (о повсеместных в Китае организованных танцах на улицах и площадях); *Китайская школьница стоит на коленях перед статуей Конфуция, прося прощения за низкий балл за тест* (подпись под фотографией); *50 человек для китайского класса – это норма; а в китайских вагонах есть такие общественные термосы, чтобы люди могли кипяточку выпить, лапшу заварить* и т.д.

Любознательность, желание узнавать и обсуждать разнообразные сведения о Китае, китайцах и китайском стимулируют членов диаспорального комьюнити коллекционировать факты о китайском вне Китая и на своей родине: *Очень интересно, что в Саратове есть район с названием Тинь-Зинь. Все уже привыкли к этому названию и никто не обращает уже внимания на то, что это название китайское. Оказывается, в древности здесь были китайские торговцы, которые и оставили название в наследство. О как.*

В то же время у членов диаспоральной общественности, чувствующих себя экспертами по Китаю, вызывает скепсис приписывание – в связи с возросшей в последнее время популярностью «всего китайского» – наименования *китайский* различным реалиям в России: *А что это за новый парк в Москве? – Это китайский парк. – Здорово! Но он выглядит совершенно стандартно. Ну-ка, пропустите меня, посмотрю – чем же он такой китайский. – Минуточку, сначала покажите зеленый QR-код и сертификат о шести уколах китайской вакциной. Ведь это – китайский парк!* В данном шутовском диалоге обыгрывается ситуация в Китае, связанная с ограничительными мерами из-за пандемии коронавируса, когда даже в парк разрешается пройти только с зеленым QR-кодом и отметкой о вакцинации.

Прилагательное *китайский* в диаспоральном дискурсе также расширяет свои сочетаемостные возможности за счет оксюморонных по этнокультурному компоненту смысловых коллокаций, когда китайскими обозначаются объекты и субъекты далеких от Китая культур: *Так вот, оказывается, какие*

уши у китайских эльфов!; *Прикольно, китайский Шевичук* (о китайском рок-певце); *Может китайский «левиша» писал*; *Китайский терминатор*; *китайский борец*; *русский текст с китайским вкусом*. Цель таких сочетаний, как правило, объяснить или прокомментировать факт китайской культуры через выделение каких-то черт, особенностей, деталей, которые свойственны собственной, русской или европейской, культуре и являются принадлежностью коллективного информационного тезауруса русскоязычной диаспоры.

Кроме того, отмечено, что в текстах Национального корпуса русского языка, а значит, в актуальном общерусском словоупотреблении, «отсутствует абстрактное существительное с суффиксом *-ость* при наличии в современном языке окказионализмов *русскость*, *немецкость* и других» [14]. Русскоязычный сетевой диаспоральный дискурс восполняет эту лауну: в гипертексте сообщества «Байки лаовая» насчитывается 17 включений этой неолексемы. Данное слово используется в сетевых разговорах об этническом происхождении (*Сегодня 2 раза китайцы спрашивали уж не с Китая ли я? <...> Еще у них есть привычка пристально и долго вглядываться прямо в лицо, может в надежде отыскать явную китайскость; Чтобы добиться признания и положения в китайском обществе, им придется идти на любые подлости и подчеркивать свою «китайскость»* (мнение о судьбе детей из полиэтнических семей в Китае)), а также для описания чего-либо, что, по мнению авторов, обладает типично китайской спецификой: *В этом же дворе напротив костела есть чайная комната, островок китайскости и чайности; Но и в туризме, и в местных развлечениях неизменно ощущается «китайскость»*.

В отношении описанных выше свойственных русской обыденной и медийной картине мира стереотипов о китайцах и китайском, позитивных и негативных, диаспоральный дискурс отличается повышенной сложностью и поливалентностью восприятия китайского мира, что выражается в отступлениях от стереотипов, их детализации или коррекции вплоть до полного отрицания.

Например, известное китайское трудолюбие, почтение к семье и другие качества, приписываемые общественным мнением к положительным, конечно, признаются и подчеркиваются: *Виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия; Китайский юноша бриллиант! Какое уважение к родным и трудолюбие; китайская дисциплина и трудолюбие; всю свою китайскую усидчивость, напор, внимание и трудолюбие; крестьянские цивилизации с культом трудолюбия и презрением к бездельникам*.

Дежурный и предсказуемый прием в диаспоральных обсуждениях – сопоставление и сравнение своего и китайского, как правило, в пользу последнего: *если говорить усредненно и сильно обобщая, то процент трудолюбия, усердия и некоего равнодушия к критике (справедливой) у китайских детишек выше, чем у российских; Хотелось бы, к примеру, чтобы нас уважали за ум, трудолюбие, достижения в различных специальностях и областях,*

умение легко учиться чему-то новому (тому же китайскому!), ну и прочее, а не только за внешние данные и возможность напиваться в барах; Я все чаще и чаще начинаю благодарить и удивляться работоспособности китайского народа. Они делают ту работу, за ту мизерную цену, что русский бы просто не стал делать, даже с условием того, что у русского нет работы.

Однако встречаются описания более сложных конфигураций, подчеркивающие неоднозначность и амбивалентность китайского характера: *При невероятном трудолюбии (неоплачиваемые переработки по 4–6 часов в день это как бы нормально), они совмещают в себе абсолютный пофигизм и страх брать на себя ответственность за принятие решений.*

Опровержения стереотипа о *пресловутом (Может, пресловутое китайское трудолюбие связано с генетикой?)* китайском трудолюбии сочетают в себе, с одной стороны, повышенный градус эмоциональности, выражающийся в лексике сниженного разговорно-просторечного регистра и оценочных прилагательных в превосходной степени, а с другой, – подчеркнутую аргументированность собственных выводов и логичность изложения: *Насчет китайского трудолюбия – фигня, конечно, древняя и беспонтовая. Такие же раздолбай и тунеядцы, как и все прочие. А вот мотивация у них, при дичайшей внутренней конкуренции, в самом деле мощнейшая, нам такой просто не понять даже. И «трудоустойчивость» из-за этого – тоже удивительная. Но вот трудолюбия никакого нет.*

В этом контексте мы наблюдаем, как в диаспоральном дискурсе, наряду со стереотипом о китайском трудолюбии и частично в противовес ему, формируется неостереотип о китайской конкуренции, которая, по мнению авторов, и является истинной причиной расхожего представления о любви китайцев к труду: *Про трудолюбие это полуправда, окрашенная в позитивный тон. На самом деле для китайского трудолюбия даже есть специальное слово 内卷 (нерациональная конкуренция, бессмысленная конкуренция), по сути они живут в состоянии постоянной конкуренции со всеми, больше всех зарабатывать, иметь самый высший уровень образования и т.д. И они сами от этого отнюдь не в восторге, просто невозможно остановиться в окружении такой дикой конкуренции, иначе тебя сожрут.*

Как видим, коммуниканты используют для описания присущей китайскому социуму конкуренции атрибутивы с семантикой самой высокой степени интенсивности (*дичайшая, мощнейшая, самый высший*): *Конкуренция внутри Китая колоссальна, причем такой она была практически во все эпохи. Китайцы привыкли жить в таких условиях жесткой соревновательности, когда для выживания приходится расталкивать друг друга локтями, придумывать новые способы, красть друг у друга изобретения и инновации.*

Коррекция в сторону детализации и расширения смыслового наполнения традиционного стереотипа о китайцах, расставление оригинальных семантико-аксиологических акцентов свойственны и диаспоральным обсужде-

ниям стереотипа о хитрости китайцев в широком понимании – от относительно безобидной черты характера до предосудительного желания обмануть и смошенничать. Так, ряд рассказов о неприятностях, в которых китайцы обманывали доверие русскоязычных иностранцев, сопровождается лаконичными комментариями: *Китайская хитрость*. В этих рассказах представители диаспоры делятся своими историями и мнениями о специфике далеко не бескорыстного отношения китайцев к проживающим в их стране иностранцам: *люблю Китай, но мне тоже кажется, что там надо быть на страже, когда даже с виду милая китайская бабуленька может облапошить; это <...> китайская хитрость. Они прекрасно понимают, что в этом районе тебе надо квартиру, но вдруг согласишься на другой район; Коллеги предупредили, что надо ноут закрывать, документы прятать, бдительность не терять, они хитрые. В первый же день у меня пропала целая стопка документов, т.е. часть моей работы. И это не хитрость, это наглость!; У меня не помещается в голове, как можно соединить слова китайцы и искренние; Бытовая хитрость, желание получить выгоду за счет другого человека; из всего сделают деньги; корыстная хитрость как положительное качество для китайца; Китай любит деньги. Слова «низко» и «ниже достоинства» в Китае маловероятны, когда дело касается финансов. Любые товарно-финансовые отношения с любым китайцем – это необходимость контролировать все и вся. В приведенных контекстах понятие китайской хитрости уточняется и детализируется через такие качества, как желание обмануть и получить не вполне честную выгоду, неискренность, корыстолюбие, подспудная наглость.*

Через призму клише о хитрости и корыстолюбии китайцев рассматривается возможность настоящей дружбы с ними: *Все мои попытки с кем-то из китайцев просто так дружить заканчивались идеей мне что-нибудь продать; китайцы не умеют дружить; Китайцы умеют дружить. Но только если нет финансовых или деловых пересечений.*

Тональность высказываемых суждений варьируется от нейтрально-объективной до открыто негодующей. Например, открытый протест против проявляемых по отношению к приглашенным в Китай иностранным специалистам «притеснений» выражается в следующем тексте с провокативной коммуникативной доминантой: *Мы все едем работать в Китай учить юные души в не пригодных для учебного процесса условиях, жить в сарае, есть там, где принято у местных, говорить, как принято у местных, не выделяться и ни в коем случае не жаловаться на условия, и уж тем более не обращать внимание на китайскую жадность, хитрость и лицемерие. А когда вам на шею сядут, тупые лаоваи, вы не забывайте ножки их придерживать, чтобы не упали (лаовай – иностранец).*

В текстах с авторской интенцией на спокойное объективное представление своих наблюдений и выводов авторы склонны к аксиологической амбивалентности и предлагают читателям самим определяться с оценочным мнением: *Меня давно уже в Китае ничего не восхищает и не возмущает, это*

слишком эмоциональные глаголы. Скажем так, перечислю некоторые особенности китайского характера и уклада жизни, а уж вам решать, какое отношение к ним – позитивное или негативное – иметь. Итак, эгоцентричность китайцев, их слишком громкая и активная речь (скорее гвалт), сложноразучаемая письменность, лень (зачастую разумная), преобладание матриархата в семьях, их коллективизм и привычка легко вторгаться в личное пространство другого человека, и да, запахи их тела, отличные от наших (что связано с многовековыми особенностями питания), их одновременная наивность и непосредственность в одних моментах и хитрость и напор в других, их отличные от наших, но, в большинстве случаев, обоснованные и продуманные с точки зрения их древней философии национальные системы координат в области этикета, особенно: чавканье, плевок на улице, прилюдное пускание «ветров», отрыжка и ковыряние в носу. Их традиция решать все дела через и во время трапезы в ресторанах, их кумовство и продуманное подхалимство, но одновременно щедрость и гостеприимство.

Как видим, стремление автора к объективности и непредвзятости выражается в объяснении наиболее отличных от привычных русскому человеку характеристик китайского характера и образа жизни фактами китайской истории и культуры при выражении уважения к ним, а также в попытке сохранения баланса с помощью уравнивания отрицательно оцениваемых качеств и свойств положительно оцениваемыми.

Хотя стереотип о китайской хитрости не отвергается и не опровергается диаспоральным сообществом, его негативная семантико-аксиологическая модальность смягчается посредством сопоставления с реалиями российской действительности и качествами русского менталитета. Так, китайской хитрости противопоставляется русская смекалка (*русская смекалка против китайской хитрости; китайского долголетия, но богатырского здоровья; китайской хитрости, но русской смекалки*), а с неприглядных характеристик снимается их «китайская прописка» путем описания подобных явлений в других странах и на родине: *Когда замешаны деньги и бизнес, то в любом уголке мира не будет дружбы. Как будто это особенность Китая; Что в Китае, что в России... Мы так близки по духу; По поводу «истинного лица Китая» – видела и блеск и нищету, все как в любой стране. Уважать правила страны, в которой живешь, – и все в порядке, никаких проблем там у меня не было. «Облапошить» могут абсолютно везде, в России в том числе. И «истинное лицо» России ничем не лучше китайского.*

Среди других качеств, приписываемых китайцам, русскоговорящие в Китае особо выделяют любопытство и непосредственность (*китайцы любопытный народ и у них же все открыто, нет секретов друг от друга; Ещё один забавный случай из серии китайской непосредственности*), особенно по отношению к иностранцам (*Всем, конечно, любопытно поглазеть на иностранцев; Иногда любопытные китайцы подходили узнать мою нац принадлежность*), качеств, которые оцениваются в диапазоне от благожелательного принятия (*заметили добрые любопытные взгляды местных; И оружие, шумные и любопытное китайцы мне ближе, чем европейцы.*

И люблю я китайцев, больше, чем европейцев) до досады и раздражения (Удивительно, но за эти годы я так и не осознал, что китайцы могут рассматривать тебя просто из любопытства; это мне кажется немного назойливым!).

Из характеристик, которые обычно не приписываются китайцам в общерусской этнокультурной картине мира, аутентичной для диаспорального дискурса, можно признать *китайскую логику*, в то время как для слова *логика* в русском узусе не типично сочетание с отэтнонимическими прилагательными, но устойчивым является сочетание *женская логика*, используемое со скептико-иронической интенцией. Полагаем, именно эта интенция и лежит в основе анализируемого неостереотипа о китайцах в диаспоральной лингвокультуре, заключающегося в обозначении китайской логикой любых абсурдных с точки зрения русского человека, но типичных для китайской реальности фактов и ситуаций. Данная фраза частотна в качестве единичной реплики-реакции на описание такой ситуации (*Китайская логика...; Китайская логика не дремлет*). Также для диаспоральной коммуникации характерны умозаключения о несовместимости китайского образа жизни и логики: *У меня логика не срывает по поводу поведения китайцев; Потому что логика и китайцы вещь несовместимая?*

Мнения о несоответствии положения дел в китайской действительности принципам разумности и адекватности приводятся из самых разных сфер: от нюансов бытовой повседневности до обобщений о странностях китайского законодательства и свойствах национального менталитета: *Китайская логика <...> Помню была зима, холод, я в Пекине. Покупаю кофе из ларька, чтоб согреться. Жду его минут 10 в итоге мне протягивают стакан – в нем 50% льда; Как вовремя про логику. Вот вчера сидели в парке на коврике для йоги, к нам подошли работники парка и сказали, что согласно новому закону нельзя сидеть на ковриках для йоги, НО можно сидеть на земле или на пакете. Так как вопрос 'почему' в Китае один из запретных, мы так и не поняли, чем провинился бедный коврик. Пекин, весна, 2022; Интересно, как выглядит процесс отнятия логики на китайской таможне?; Кажись, виной тому китаецентризм в их парадигме мышления. Логика простая – представители китайской империи не должны утруждать себя выявлением отличий вассалов (других азиатов). Есть только китайцы и варвары. Других азиатов нет.*

Как и в случае со стереотипом о китайской хитрости, диаспоральному сообществу в дискурсивном представлении страны проживания свойственно стремление к достижению коммуникативного и семантико-аксиологического баланса, когда негативная оценка черт, в целом характеризующихся отрицательно, отчасти снимается и смягчается через обнаружение этих же недостатков у представителей других народов и у себя самих, а также схожести менталитетов: *А ведь без логики, порой, гораздо легче жить и – не только в Китае!; Логика она как правда – у каждого своя; Что-то сомневаюсь, что русские с собой логику возят; Поняла, что китайский и*

русский менталитеты очень схожи. У россиян с китайцами больше сходств, чем с европейцами или американцами.

Довольно сильно отличаются в диаспоральном дискурсе и основные смысловые модели, реализующие коллективные представления о Китае в целом. Если, как было отмечено выше, современный российский медиадискурс, по мнению исследователей, формирует образ Китая в сознании русских читателей через такие модели, как *Китай – это чудо* и *Китай – это угроза* [7. С. 8], то в сетевой коммуникации русскоязычных, проживающих или проживавших в Китае, можно выделить такие тесно взаимосвязанные смысловые модели, как *Китай – личностное испытание и преображение* и *Любовь к Китаю / ностальгия по Китаю*.

Первая из них выражается через описания трудностей в ситуации пребывания в разительно отличающейся от родной инокультурной среде, когда эта ситуация становится настоящим испытанием на прочность: *неподготовленный организм вообще в Китае ломается один раз и навсегда; Китай точно любого сломать может; По приезде в красках и с эмоциями рассказывала о том, как ужасен Китай, какой же жуткий этот город Шанхай. Ни одной положительной эмоции. Ну да, с девочкой случился Китай, такое часто бывает и не только с девочками.*

Как правило, по сходству со сказочными сюжетами о доблестно прошедших испытания героях, истории о первоначальном неприятии Китая и многочисленных трудностях адаптации к китайской жизни заканчиваются благополучным преодолением этих трудностей и навсегда преображающей личностью обретенной любовью к чужой стране, ее людям и культуре. Так, развернутый пост под заголовком «От ненависти до любви – 5 лет» заканчивается позитивным резюме: *И мне здесь теперь по-настоящему хорошо и комфортно. Полюбить Китай мне понадобилось много времени, но я рада, что это случилось, – и сопровождается такими комментариями виртуальных собеседников: Я возненавидела Шанхай в гораздо более драматичных обстоятельствах... А потом перезагрузилась: по работе он мне был уже вполне комфортным, а позже и привязанность пришла, а может, это и любовь уже; А любовь к Китаю, она такая, начнется, не остановишь...*

Произошедшие личностные изменения, связанные с пребыванием в Китае и познанием Китая, члены диаспоры, как правило, описывают не просто как положительные, но коренным образом трансформировавшие их мировидение, в прямом смысле судьбоносные: *Китай это то, что поселяется в тебе и уже не отпускает... После этого ты невольно сравниваешь с ним то, что тебя окружает впоследствии... Китай не оставляет неприятного осадка, и даже неприятности, происходящие там, не воспринимаются как неприятности. Нет негативного послевкуся что ли; Каждый раз сходя с трапа самолета в Китае после каникул я будто возвращалась домой. <...> Это классное ощущение какой-то независимости, открытости и свободы от общественных взглядов. Спасибо Китаю за это большое; Несравненное*

чувство личной безопасности в моем Китае; И я понимаю, что начала исполняться моя мечта – маленький Китай внутри меня освобождается и окружает нас; Очень хорошо понимаю ваши чувства. Китай – это судьба.

Искренняя любовь к Китаю и благодарность этой стране за познанное, увиденное, открытое в окружающей действительности и в себе выражается в заголовках сетевых текстов и ключевых фразах: *Моя любовь к Китаю; Маленький Китай; Я заражена! Я навсегда заражена Китаем!; Я живу в Китае и люблю эту страну; Первый город, в котором выпадает пожить в Поднебесной – это что-то сродни первой любви*, а также ярко проявляется в материалах и комментариях, объединенных темой ностальгии по Китаю, которая особенно актуализировалась в связи с пандемией коронавируса, когда для граждан иностранных государств въезд в Китай стал практически невозможен.

Если общеупотребительным значением слова *ностальгия* в контексте темы эмиграции считается *тоска по родине, по родному дому*, то в дискурсе русскоязычной диаспоры Китая семантика данного слова трансформируется, приобретая значение *тоски по неродной стране*, к которой испытываются очень теплые чувства и желание вернуться наряду с горечью от невозможности исполнить это желание: *Прочитал байку «Китайская коммуналка», и меня захлестнула волна ностальгии; Ностальгируем. Играем с племяшкой в русского дурака китайскими картами; Меня так ностальгией жмыхнуло... Мило, трогательно, ностальгически. В голове поднялся целый ворох таких же воспоминаний из той жизни; Очень скучаю по Китаю, по китайцам, знакомым и не очень, всегда позитивным и приветливым, радующимся жизни; Скучаю по тому Китаю, которого у меня уже не будет; Чем ближе дата нашего возвращения в Россию на пмж, тем острее я ощущаю жгучую, как сычуаньский перец, любовь и тоску по Китаю; А по Китаю очень скучаю!; даже живя в Китае – очень скучаю по Китаю в прошлом; Очень хочу вернуться в Гуанчжоу, жду когда можно будет; Китай закрыт, но вы как глоток китайского воздуха, с его ароматами и запахами!!!*

Конечно, актуализация в диаспоральном дискурсе ностальгической линии во многом ситуативно обусловлена – недаром многие контексты выдвигают тему тоски по прошлому, «докоронавирусному» Китаю, однако общая тенденция на выражение чувств признательности и благодарности этой стране очевидна.

Итоги исследования

Подведем итоги. По сравнению с образами Китая и китайцев, сложившимися в русскоязычном коллективном сознании, а также формируемыми в медиасфере, диаспоральный дискурс значительно расширяет спектр семантико-аксиологических характеристик, связанных с рецепцией и интерпретацией китайской действительности.

От этнонимического прилагательного *китайский* в диаспоральной сетевой коммуникации демонстрирует высокие показатели частотности и расширенную синтагматическую сочетаемость и выполняет комплекс функций, главными из которых выступают идентификационно-выделительная и познавательная функции, наряду с функцией актуализации деталей китайской бытовой и социальной действительности и функцией сопоставления китайских реалий с реалиями родной культуры. Также диаспоральный дискурс расширяет круг словообразовательных новаций, включая в словоупотребление неотмеченный в русскоязычном узусе окказионализм *китайскость*.

Семантика и аксиология традиционных стереотипов о Китае и китайцах подвергается в диаспоральной лингвокультуре значительной коррекции и детализации. Так, китайское трудолюбие не только выделяется и подчеркивается, но и сравнивается с русским трудовым поведением, описывается в амбивалентной соотнесенности с другими чертами китайского характера и образа жизни и даже отвергается и опровергается. Китайская хитрость детализируется и осмысливается через такие качества, как желание обмануть и получить не вполне честную выгоду, неискренность, корыстолюбие, подспудная наглость.

Свойственное диаспоральной коммуникации в целом стремление к сохранению коммуникативного и семантико-аксиологического баланса в обсуждении специфики страны проживания реализуется, во-первых, посредством сочетания текстов открытой негативной экспрессии с текстами нейтральной объективной модальности с интенцией их авторов на уравнивание отмечаемых отрицательных и положительных черт, а во-вторых, с помощью смягчения и нейтрализации отрицательных коннотаций через сопоставление китайских и инокультурных / российских аналогичных реалий.

В диаспоральном дискурсе формируются неостереотипы о китайцах, не свойственные общерусской картине мира. К неостереотипам относится понятие о китайской конкуренции, которое отчасти замещает типичное представление о трудолюбии китайцев или объясняет его причину, а также понятие китайской логики, носящее в диаспоральной коммуникации оксюморонный характер и служащее скепτικο-ироническому осмыслению фактов и ситуаций, представляющихся русскоязычным авторам далекими от логики, абсурдными.

Выделены две основные смысловые модели, реализующие коллективные представления русскоязычной диаспоры о Китае в целом: *Китай – личностное испытание и преображение* и *Любовь к Китаю / ностальгия по Китаю*.

Список источников

1. Титаренко А.С. Представления русских о китайском национальном характере (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы Международной междисциплинарной конференции. Екатеринбург, 2015. С. 368–379.

2. Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2018. 22 с.

3. Цзя Ю. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 29 с.
4. Цуй Л. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 112–119.
5. Нестерова О.А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010. 40 с.
6. Ван С. Китай в печатных российских СМИ (номинативный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 23 с.
7. Чэн Ю. Образ Китая в российских СМИ: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2020. 24 с.
8. Му Ю. Медиаобраз Китая в текстах русскоязычных блогов об искусстве (коммуникативно-прагматический и медиалингвистический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 207 с.
9. Таскина Е.П., Мухин И.А. Русские из Китая: Судьбы репатриантов 40–50-х годов XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91–99.
10. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск, 2009. 351 с.
11. Оглезнева Е.А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 81–92.
12. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2021. № 1 (5). С. 115–124.
13. Пешикова В.М. Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 124–141.
14. Минеева З.И. Словообразовательное гнездо с вершиной Китай в современном русском языке // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, вып. 6. С. 942–952.
15. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983. 688 с.
16. Рассоха М.Н. Этнонимические наименования как маркеры идентичности в языке и культуре // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 189–196.

References

1. Titarenko, A.S. (2015) [Russians' ideas about the Chinese national character (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Identichnost' i migratsiya v menyayushchemsya mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Identity and Migration in a Changing World: Methodology, experience of empirical research]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 10–11 April 2015. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 368–379. (In Russian).
2. Senina, E.V. (2018) *Obrazy vzaimnogo vospriyatiya russkikh i kitaytsev v russkoy i kitayskoy literature i publitsistike pervoy poloviny XX v.* [Images of mutual perception of Russians and Chinese in Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Blagoveshchensk.
3. Jia, Yu. (2019) *Obraz Kitaya v poezii Arseniya Nesmelova i Valeriya Pereleshina* [The image of China in the poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Tsui, L. (2015) *Yazykovye sredstva sozdaniya lingvokul'turnogo obraza Kitaya v lingvokul'ture dal'nevostochnoy emigratsii* [Linguistic means of creating the linguistic and

cultural image of China in the linguistic culture of the Far Eastern emigration]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 4. pp. 112–119.

5. Nesterova, O.A. (2010) *Sovremennye kommunikativnye praktiki v prostranstve rossiysko-kitayskogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya* [Modern communicative practices in the space of Russian-Chinese intercultural interaction]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.

6. Van, S. (2012) *Kitay v pechatnykh rossiyskikh SMI (nominativnyy aspekt)* [China in printed Russian media (nominative aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

7. Cheng, Yu. (2020) *Obraz Kitaya v rossiyskikh SMI: lingvokognitivnyy aspekt* [The image of China in the Russian media: linguistic and cognitive aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

8. Mu, Yu. (2022) *Mediaobraz Kitaya v tekstakh russkoyazychnykh blogov ob iskusstve (kommunikativno-pragmaticheskiy i medialingvisticheskiy aspekty)* [Media image of China in the texts of Russian-language blogs about art (communicative-pragmatic and medialinguistic aspects)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

9. Taskina, E.P. & Mukhin, I.A. (2009) *Russkie iz Kitaya. Sud'by repatriantov 40–50-kh godov XX veka* [Russians from China. The fate of repatriates of the 1940–1950s]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 91–99.

10. Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [Russian language in the eastern countries (based on Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

11. Oglezneva, E.A. (2013) *Yazyk russkogo vostochnogo zarubezh'ya v zerkale leksikografii* [The language of the Russian eastern abroad in the mirror of lexicography]. *Voprosy leksikografii*. 1 (3). pp. 81–92.

12. Abramova, V.I. & Arkhangel'skaya, Yu.V. (2021) *Inokul'turnye toponimy, etnonimy i ikh derivaty v russkoy leksike i frazeologii: simvol'y, etalony, stereotipy, lingvokul'turnye kody* [Foreign cultural toponyms, ethnonyms and their derivatives in Russian vocabulary and phraseology: symbols, standards, stereotypes, linguocultural codes]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznanie*. 1 (5). pp. 115–124.

13. Peshkova, V.M. (2013) *Diaspornye pechatnye izdaniya kak al'ternativnoe mediynoe prostranstvo dlya reprezentatsii etnokul'turnogo raznoobraziya Rossii* [Diaspora printed publications as an alternative media space for representing the ethnocultural diversity of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 4 (16). pp. 124–141.

14. Mineeva, Z.I. (2019) *Slovoobrazovatel'noe gnezdo s vershinoy Kitaya v sovremennom russkom yazyke* [Word-formation nest with the vertex China in the modern Russian language]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 6 (29). pp. 942–952.

15. Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (eds) (1983) *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of Combinability of Words in the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

16. Rassokha, M.N. (2010) *Etonimicheskie naimenovaniya kak markery identichnosti v yazyke i kul'ture* [Ethnonymic names as markers of identity in language and culture]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2. pp. 189–196.

Информация об авторах:

Орлова О.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия); профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Ли Чжидань – аспирант Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: lizhidan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Orlova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation); professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Li Zhidan, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lizhidan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2023;
одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 19.01.2023;
approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.17223/19986645/86/6

Дискурсивные варианты тематического моделирования пандемии Covid-19 (новостной медиадискурс VS социальные сети)

Зоя Ивановна Резанова¹, Андрей Александрович Степаненко²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *rezanovazi@mail.ru*

² *stepanenkone@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты сравнительного исследования репрезентации тем новой коронавирусной инфекции в новостных текстах официальных СМИ и социальной сети «Твиттер», проведенного на основе совмещения методов дискурс-анализа и математического автоматического анализа текста (Латентное размещение Дирихле (LDA) в сочетании с методом выявления ключевых слов TF-IDF. Характеризуются темы, общие и различающие два дискурса, а также особенности концептуального моделирования в общих и различных темах.

Ключевые слова: коронавирус, Covid-19, пандемия, инфодемия, новостной дискурс, социальные сети, «Твиттер», автоматическое тематическое моделирование

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01001).

Для цитирования: Резанова З.И., Степаненко А.А. Дискурсивные варианты тематического моделирования пандемии Covid-19 (новостной медиадискурс VS социальные сети) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 84–101. doi: 10.17223/19986645/86/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/86/6

Discursive variants of thematic modeling of COVID-19 (news media discourse VS social networks)

Zoya I. Rezanova¹, Andrei A. Stepanenko²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *rezanovazi@mail.ru*

² *stepanenkone@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a comparative research of the representation of the topic related to the novel coronavirus infection in the news texts of official

Russian state media and the social network Twitter. We compared the COVID-19 pandemic topic modeling in two different types of discourse and detected the similarities and differences that show in common themes, in the nature of the variability of similar topics' conceptual modeling in the discourses. The analysis was based on the combination of discourse analysis and text mining. The discourse analysis method was applied at the initial stage of the project to justify the choice of the material (types of texts and their genre varieties in the two discourses) and at the final stage of discourse analysis to interpret the results of the automatic analysis of topic modeling. The text mining method included Latent Dirichlet allocation (LDA), which was applied in combination with the TF-IDF keyword detection method. The study was carried out based on the text material of RIA, TASS and Lenta.ru information agencies (10,499,390 tokens) and Twitter (1,163,511 tokens) published in 2020. This period is characterized as the beginning of infection, the first wave and the peak of COVID-19 in the Russian Federation. Thus, the unprecedented global scale of the new coronavirus infection, the severe course of the disease, the high mortality rate, the resulting restrictions, including restrictions on global travel, the need for strict quarantine measures within the country, and the treatment of the ill in medical institutions are the topics that united the state-owned media and the "independent" Internet discourse in the country in the first year of the pandemic. What should also be noted is the high level of unity in the lexical representation of the topics in the two discourses. However, the same topics are parts of different thematic units in the discourses. Topics on Twitter are combined and coordinated with themes that reveal a personal projection of the course and experience of the pandemic: the residents' tracking of the daily statistics on the new infection, deaths and recoveries, which caused active discussions; testing procedures, experiences of the course of the disease, and changes in private life associated with restrictions. The difference between the topic of quarantine restrictions, common for both the state media and the Internet discourse, and the Twitter-specific topic of life in self-isolation represented by lexemes that actualize the topic of personal life, is illustrative in this respect.

Keywords: coronavirus, COVID-19, pandemic, infodemic, news discourse, social networks, Twitter, automated topic modeling

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01001.

For citation: Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Discursive variants of thematic modeling of COVID-19 (news media discourse VS social networks). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 84–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/6

Пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19 затронула практически все аспекты жизни человека. Одним из непосредственных социальных последствий пандемии явилась инфодемия, которая представляет собой переизбыток как онлайн-информации, так и офлайн-информации, характеризующейся наличием противоположных мнений, оценок, слухов. Социальная значимость феномена инфодемии была осознана мировым сообществом, что отразилось в ряде документов ВОЗ, ООН и ЮНЕСКО, в которых дано ее определение и содержится призыв ко всем государствам «принимать меры по противодействию ложным слухам и дезинформации... и содействовать предоставлению научно обоснованных данных в распоряжение общественности» [1]. Большие кризисы дают весьма репрезентативный материал

для исследования направленности информационных потоков, степени их согласованности и вариативности. Феномен инфодемии был осознан как социально значимый в период распространения атипичной пневмонии SARS в 2003 г. [2. С. 941], но в исследовательский фокус ряда гуманитарных наук, в первую очередь социологии и журналистики [3], попал в период распространения пандемии Covid-19.

Проблемное поле инфодемии в пределах лингвистических исследований разрешается прежде всего в логике дискурс-анализа. При этом, на наш взгляд, ключевым является вопрос о соотношении информации, распространяемой государственными институтами, в частности государственными медиа, и персональных, личностных «ответов» на социальные потрясения, транслируемых в социальных сетях (СС). Новостной медиадискурс и персональные интернет-дискурсы занимают ключевое положение в интерпретации ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции и вместе с тем характеризуются разнонаправленностью как общих институционально, так и лично обусловленных интересов их субъектов.

Значимыми при изучении информационных потоков в период ситуаций социальных рисков станут определение доминирующих тем обсуждения в новостном информационном пространстве и социальных сетях и актуализация ключевых концептов в их рамках, определение степени их совпадения и различий, основных зон несовпадений информационных фокусировок событий.

Уже в работах Т. ван Дейка был убедительно обоснован принцип структурирования событийного ряда в новостном дискурсе по принципу релевантности, обусловленному процессами институционального и социального производства и потребления новости [4. С. 125, 137]. Современная медиалингвистика обращена не только к отражательно-информационной, но и интерпретационной функции новостей. Все больше осознается необходимость исследования тематических фокусировок в новостном потоке как способов объективации точек зрения, «фокусов» эмпатии официальных акторов медиадискурса. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, в медиалингвистике при анализе новостей решающее значение имеет анализ того, как в новости реализуется интерпретация события и каков их диапазон в разных медиа [5. С. 19].

Современные медийные коммуникации переживают существенные трансформации в связи с широким распространением социальных сетей, которые вывели в пространство медиа в качестве активных акторов человека, транслирующего не только и не столько институционально обусловленную, сколько личностную позицию. При этом одну из лидирующих площадок в данном коммуникационном пространстве современных социальных сетей занимает «Твиттер», что отмечается в ряде зарубежных и российских исследований (см. обзор в [6]). С одной стороны, «Твиттер» стал площадкой представления институциональных позиций, он широко используется представителями разных социальных институтов, прежде всего в политической и бизнес-коммуникации (см., например, анализ в [7–9]). С другой стороны, эта социальная сеть, обеспечивая возможность адресанта «самостоятельно

определять тему, содержание и форму твита», создает условия для развития межличностной, групповой и массовой коммуникации, нередко реализуемой «без учета национальных, культурных, государственных, экономических и политических границ», что делает его привлекательным «для абсолютно любых пользователей, независимо от возраста, пола, национальности, социального положения и политических взглядов» [9. С. 32].

Проведенный нами анализ англоязычной литературы, посвященной информационным аспектам Covid-19, по данным сайта <https://arxiv.org>, расположившего препринты статей всех тематик, связанных с пандемией, выявил, что значительно преобладают исследования того, как пандемия интерпретируется в социальных сетях. При этом число обращений к новостному дискурсу значительно уступает исследованиям проблем распространения информации в «Твиттер»; отмечена одна работа, в которой анализируется степень смысловой близости текстов новостей и текстов в «Твиттер» (T. Matthew Osborne et al.), доминирующей темой является распространение фейков (Wilton O. Júnior et al., Gullal S. Cheema et al., Hui Yin et al., Jan Philip Wahle et al., Elnaz Zafarani-Moattar et al., Mrinal Rawat et al., Dongwoo Lim et al.). Представленные на сайте исследования выполнялись на основе применения математических методов анализа текстов социальных сетей и СМИ.

Результаты анализа русскоязычного сегмента исследований, посвящённых информационному аспекту пандемии Covid-19, свидетельствуют о незначительном числе работ, раскрывающих направления интерпретации пандемии в массмедиа. Как правило, это работы социологической направленности, обобщенно рассматривающие информационные процессы в официальных СМИ и СС [2, 3, 13]. Отметим следующие значимые аспекты, отраженные в публикациях: инфодемийный характер информационного сопровождения пандемии [2, 3], проблемы информационных рисков и фейков [2, 10], «страхогенности» СМИ и социальных сетей [11], тематическое представление пандемии в новостных медиа и социальных сетях [12, 13].

Ряд работ выполнен в логике дискурс-анализа с применением интерпретативных интроспективных методов и методов концептуального моделирования текстов СМИ и социальных сетей разных жанров. В результате авторы исследований представляют типовые контексты актуальных тем, формируемые в текстах концепты [14, 15]. Однако полагаем, что на современном этапе исследований информационных потоков необходимо расширение лингвистической методологии, дополнение качественных собственно лингвистических текстологических методов, интроспективного анализа количественными методами автоматического математического анализа текстов.

В данной статье мы представляем результаты сравнительного исследования репрезентации тем в новостных текстах официальных СМИ и твитах, проведенного на основе совмещения методов дискурс-анализа и методов математического автоматического анализа текста. Метод дискурс-анализа был применен на начальном этапе проекта, при обосновании выбора материала – типов текстов, фиксирующих варианты жанровые типы двух дис-

курсов, и на заключительном этапе – при интерпретации результатов анализа текстов с использованием методов автоматического анализа. Из спектра математических методов тематического анализа текста были применены метод латентного размещения Дирихле (LDA, Latent Dirichlet allocation) в сочетании с методом выявления ключевых слов TF-IDF.

Цель проведенного анализа – сравнить направленность тематического моделирования ситуации пандемии Covid-19 в двух типах дискурсов, выявить степень сходств и различий, проявляющуюся в наличии общих тем, а также в характере вариативности концептуального моделирования одних и тех же тем в сравниваемых дискурсах.

Исследование проведено на материале текстов новостей информационных агентств РИА, ТАСС и Лента.ру (10 499 390 токенов) и твитов СС Твиттер (1 163 511 токенов за период с 01.01.2020 по 31.12.2020), представленных в следующих временных интервалах: а) РИА – со 2 января по 28 декабря 2022; б) Лента – с 1 августа по 28 декабря 2020 г.; в) ТАСС – со 2 января по 30 декабря 2020 г. Данный период является первой волной, началом и пиком заболеваемости и распространения Covid 19 в РФ. Сбор текстового массива данных новостных агентств осуществлен при помощи автоматического скрипта (веб скрапер), написанного на языке программирования R 4.0.2 и пакета rvest 1.0.0; скрапер текстов СС Твиттер был осуществлен на базе языка программирования Python 3.

Необходимая при математическом анализе предобработка текстов включала токенизацию, лемматизацию, приведение всех слов в единый (нижний) регистр, удаление малоинформативных лексических единиц, удаление «стоп-слов», удаление высокочастотных и низкочастотных лексических единиц в соответствии с абсолютной частотой их встречаемости. Последний тип удаления был обусловлен тем, что подобные лексические единицы редко являются тематическими. Препроцессинг и последующий анализ был осуществлен при помощи языка программирования R 4.0.2 и библиотеки quanteda. Лемматизация была осуществлена при помощи программы Mystem 3.0.

При решении задачи автоматического тематического моделирования были использованы следующие частные методы. Нормализация матрицы частот на основе относительной нормализации лексических единиц в документе ($TF_{t,d} = m/n$), где m – абсолютная частота лексемы; n – количество слов в документе, была обусловлена различием в объеме текстов как самих новостных агентств, так и текстов «Твиттера». Таким способом исключалось влияние объема текста на результат исследования. Второй вариант нормализации был основан на применении классической формулы TF-IDF: $TF-IDF_{t,d} = TF_{t,d} IDF_t$, где TF – относительная частота слова в документе, а IDF – логарифм количества документов, в которых встретился термин (слово), деленный на количество всех документов. В качестве удельного веса (Score measure) каждого вектора оценки документа d применялось суммирование TF-IDF в d (документе):

$$Score(q, d) = \sum_{t \in q} TF-IDF_{t,d}$$

Высокий удельный вес лексической единицы демонстрирует «важность» текущей темы в коллекции документов.

Далее были составлены частотные матрицы лексических единиц двух групп тексты новостных агентств и тексты социальной сети «Твиттер» со следующими колонками: текст (text), препроцессинг (stem), источник (source: риа, лента, тасс), тип (type: новость, твиттер), краткое псевдоназвание текста (MetaDoc). Колонка «текст» включает исходный текст новости или пост «Твиттера»; «препроцессинг» – вывод результата алгоритмов препроцессинга; колонка «источник» демонстрирует ресурс, из которого был взят текст: риа, лента, тасс, твиттер; колонка «тип» включает два варианта разметки принадлежности текста к жанру: новость или твит; колонка «краткое псевдоназвание текста» – иератор, включающий название источника (например, тексты информационного агентства ТАСС размечены как tass и номер текста – 1: tass1)

Далее был применен алгоритм Латентного размещения Дирихле (LDA, Latent Dirichlet allocation) [16. Р. 56]. Основной принцип работы LDA заключается в создании матрицы, которая отображает комбинацию тем (абстрактных тематических категорий, которые скрыты в документах) и слов в документах. Сначала каждый документ представляется как набор слов и их частот. Затем модель LDA рассчитывает вероятности наличия тем в каждом документе и вероятности наличия определенных слов в каждой теме. Сама модель LDA была ограничена гиперпараметрами, которые значительно влияют на качество работы модели. Список гиперпараметров был ограничен: а) количеством тем; б) значениями α и β , где α – плотность тем в документе (чем выше его значение, тем больше тем содержится в одном документе), β – плотность терминов в теме (чем выше коэффициент, тем больше количество терминов в теме. Гиперпараметры подбирались эмпирически, по соответствию параметров α и β уровню $< 0,95$ при наиболее когерентном или полном выводе лексем в каждой теме. Ограничение количества тем основывалось на метрике R. Deveaud [17. Р. 61–84]. Данный тип метрики позволил выявить 12 оптимальным тем, которые представлены в таблице. Таким образом, была найдена оптимальная модель для данной коллекции документов с гиперпараметрами и темами для всего корпуса текстов.

В результате применения алгоритма были получены списки тематически связанных слов, из которых для визуализации были взяты пять наиболее вероятных слов. В качестве примера отобразим полученный результат выделенных тем и распределения в них лексем (рис. 1).

Гистограмма, представленная на рис. 1, демонстрирует распределение вероятностей встретить каждую лексему в каждой из выявленных двенадцати тем.

Рис. 1. Гистограмма распределения пяти наиболее вероятных лексем в 12 темах

На втором шаге были объединены методы LDA и меры выявления ключевых слов $TF-IDF$; на этой основе выявлены ключевые темы для того или иного класса текстов (СМИ и социальной сети «Твиттер»). В данном случае суммируется средневзвешенное значение $TF-IDF$ всех слов, входящих в соответствующую тему.

В результате также были получены группы тематически связанных слов, из которых для дальнейшего анализа были взяты по 20 слов, характеризующиеся наибольшим уровнем совокупной частотности¹. Далее был проведен количественный анализ единиц каждого подкорпуса («Твиттер» и СМИ). В результате анализа был присвоен класс подкорпуса в таблице выявленных тем. Если слова были распределены равномерно, то присваивался класс «Твиттер»+СМИ (колонка «Корпус» в таблице).

¹ С развернутым списком лексем и тем можно ознакомиться по ссылке: URL: https://docs.google.com/document/d/1OU56LZ867XQQnAn5i0_8mazCumyf-hyJ9wluBHO SIJU/edit?usp=sharing

**Примеры тем, выделенных методом LDA
и методом выявления ключевых слов TF-IDF**

ID	Лексические репрезентанты	Название темы	TF-IDF	Корпус
1	Карантин, Украина, короновирус, закрывать, дома, Казахстан, самоизоляция, отменять, корона, паника, Киев, Беларусь, чемпионат, матч, команда, почему, футбол, побеждать, Алматы, выходить, клуб, украинец, Зеленский, читать, интересно, страшно	Эмоциональные реакции на пандемию и спорт	0.103507100046159	«Твиттер»
2	Случай, новый, Китай, заражение, число, здравоохранение, covid, страна, последний, скончаться, вспышка, заболевание, данные, воз, сутки, провинция, выявлять, мир, зафиксировать, всемирный, общий, ухань, власть, организация, пневмония, заражать	Начало распространения короновирусной инфекции в мире	0.103419162819095	СМИ
3	Коронавирус, Италия, эпидемия, вирус, Москва, пандемия, заражать, умирать, смерть, заболеть, Испания, распространение, подробно, борьба, Франция, заражаться, Германия, Европа, Иран, тест, здоровье, статистика, итальянский, Петербург, Великобритания, Грузия	Распространение пандемии в мире	0.102927835638728	«Твиттер»
4	Режим, рейс, работа, вводить, Москва, ограничение, гражданин, школа, мера, транспорт, самоизоляция, турист, аэропорт, приостанавливать, общественный, россиянин, пассажир, граница, закрывать, дистанционный, власть, обучение, мероприятие, разрешать, территория, авиакомпания	Государственные ограничительные меры в пандемию	0.101949517675341	«Твиттер»
5	Маска, рука, просто, друг, нужно, магазин, понимать, делать, дом, помогать, никто,	Частная жизнь в условиях пандемии	0.101525484917406	«Твиттер»

ID	Лексические репрезентанты	Название темы	TF-IDF	Корпус
	выходить, продукт, бумага, очень, жить, ходить, туалетный, гречка, вообще, носить, мыть, купить, вода, находить, бояться			
6	Край, пациент, инфекция, коронавирусный, медицинский, больница, штаб, республика, умирать, оперативный, правительство, сообщение, помощь, федеральный, новосибирский, центр, случай, зарегистрировать, выздороветь, говорить, врач, район, находиться, лечение, медик, округ	Госпитализация, лечение Covid-19 в РФ	0.101318170336452	СМИ
7	Компания, экономика, доллар, рынок, цена, поддержка, бизнес, рост, нефть, миллиард, процент, кризис, снижение, спрос, банк, уровень, развитие, объем, млрд, мера, программа, проект, экономический, эксперт, доход,	Экономика в пандемию	0.0988424006205264	СМИ + «Твиттер»
8	Вирус, вакцина, врач, исследование, ученый, препарат, заболевание, грипп, университет, лечение, животное, риск, институт, испытание, лекарство, болезнь, система, отмечать, иммунитет, первый, клинический, инфекция, лаборатория, наука, мир, центр	Исследования вируса и разработка вакцины	0.0969448467714175	СМИ + «Твиттер»
9	США, Трамп, президент, заявлять, американский, дело, информация, штат, СМИ, суд, происходить, отношение, борьба, несколько, Белый дом, издание, называть, представитель, Китай, пытаться, власть, давать, писать, заявление, мир	Политика в США в период пандемии	0.0962885262239954	СМИ
10	Страна, президент, Путин, глава, военный, голосование, совет, государство, депутат, принимать, российский, ЕС,	Политика РФ в период пандемии	0.0955722832614734	СМИ

ID	Лексические репрезентанты	Название темы	TF-IDF	Корпус
	ООН, выборы, поправка, конституция, сила, участие, право, комиссия, министр, правительство, заседание, партия, участок			
11	Онлайн, театр, фильм, показывать, становиться, проект, русский, ребенок, программа, концерт, история, хороший, зритель, музей, спектакль, фестиваль, проходить, самый, главный, культура, видео, песня, московский, роль, артист, участник	Культура в пандемию	0.0951839257944702	СМИ + «Твиттер»
12	Covid, мир, данные, коронавирус, последний, ситуация, портал, представить, страна, случай, сообщить, число, новый, заявить, здравоохранение, актуальный, скончаться, статья, отметить, организация, объявить, заражение, коронавирусный, инфекция, фиксировать, выявить	Статистика заболеваемости коронавирусом	0.093674010682404	СМИ

Так как алгоритмы на выходе выдают только списки слов с обозначением частотности и их взаимной встречаемости, на следующем этапе анализа было проведено маркирование класса тем. Существует ряд подходов, позволяющих решить данную задачу, их можно разделить на два типа. К первому относятся варианты автоматической разметки за счет готовых алгоритмов нейронных сетей [18], глубокого обучения [19], векторов [20], онтологий [21]. К преимуществам вариантов решения задачи первого типа можно отнести скорость работы, а к недостаткам – зависимость от корпуса, на котором была обучена модель. Если тексты, в которых осуществляется разметка, не совпадают с обученной моделью, то вероятность ошибки автоматического маркирования темы значительно увеличивается. Так как тексты новостей и «Твиттер» очень зависят от текущей информационной повестки, значения векторов и сам словарь могут меняться.

Подобным подходам противопоставляются экспертный анализ групп слов и обозначение тем. При этом исследователи при выборе имени темы либо используют метод «тренированной интроспекции», представляя авторскую интерпретацию семантической связи слов в сочетании с методиками лингвистического или литературоведческого анализа [22. С. 227], например, мотивного анализа художественного текста [23], либо расширяют список

экспертов, являющихся носителями языка и обладающих разным объемом специальных знаний. Есть мнение, что последний способ позволяет точнее определить эмпирическую значимость маркера темы, а в тематическом моделировании художественного текста экспертная оценка необходима [24]. В нашем исследовании мы опирались на экспертные оценки. В качестве экспертов выступили филологи, сотрудники лаборатории лингвистической антропологии ТГУ, а также студенты бакалавриата и магистратуры направления подготовки Фундаментальной и прикладной лингвистики, владеющие на разном уровне методами автоматического тематического моделирования. Всего было привлечено 12 экспертов. Эксперты работали, не контактируя друг с другом, время выполнения задания не ограничивалось, эксперты были свободны и в способе формулирования темы, имели возможность отказаться от формулировки темы, если она им казалась не определяемой. Отказов от определения темы не было, что свидетельствует о весьма высоком уровне интуитивно осознаваемой семантической общности лексем.

Наибольшей вариативностью отличалась *форма* представления семантического единства: эксперты выбирали однословные номинативные обозначения (*самоизоляция / локдаун / искусство / экономика*), словосочетания (*экономика в пандемию / начало пандемии / коронавирус в Китае / жизнь искусства в ковид / искусство в ковид*). Семантические варианты формулировок интерпретировались следующим образом: синоним-дубликаты и квазисинонимы приводились к одному варианту, например: *ковид / Covid-19 / коронавирус / коронавирусная инфекция / новая коронавирусная инфекция* были обобщены в «пандемия» *искусство и культура* – в «культура». Из вариантов, различающихся степенью и направлениями конкретизации номинаций единых концептов, при принятии результативного маркера темы избирались те, которые были представлены в большем количестве в оценках экспертов.

Отметим темы, формулировки разных экспертов которых обнаружили наибольшую согласованность. Это тема «экономика в пандемию» (*экономический кризис в пандемию / мировая экономика в пандемию / экономика в условиях коронавируса / экономическая обстановка / экономическая ситуация / меры экономической поддержки бизнеса в условиях пандемии / кризис / развитие экономики в условиях пандемии / экономика / экономика во время пандемии / экономика в пандемию / экономика*). Как видим, три эксперта конкретизировали тему экономики в пандемию: *кризис, поддержка, мировой масштаб*, другие же варианты отличались формальным представлением единого концепта. Тема «статистика заболеваемости коронавирусом» была выделена на основании преобладания слова *статистика* в формулировках маркеров темы (были формулировки семантически связанные – *информация о распространении, заболеваемость*). Тема «культура в пандемию» в трех экспертных оценках, глубинно соотносаясь с большинством оценок, интерпретировалась «через потребителя» (маркеры: *досуг в пандемию, сфера развлечений*).

Также значительным семантическим единством экспертные решения характеризовались при определении тем «политика в США в период пандемии», «политика РФ в период пандемии», «исследования вируса и разработка вакцины». При формулировании четвертой и пятой тем было принято решение принять более обобщенные формулировки «частная жизнь в условиях пандемии» и «государственные ограничительные меры в пандемию» при наличии единичных конкретизирующих тему вариантов «паника в ковид», «нехватка товаров».

Наибольшей вариативностью отличались маркеры первого тематического объединения: экспертами были отмечены темы спорта в пандемию и эмоциональных реакций на пандемию. Было решено объединить эти два аспекта в общей формулировке. В таблице представлены первые 26 лексических единиц, маркеры тем, их TF-IDF меры и название корпусов текстов. С более полными данными можно ознакомиться по ссылке², отметим, что эксперты оценивали полные списки слов, которые невозможно представить в статье из-за ограничения ее объема.

Далее был проведен содержательный сравнительный анализ: были выявлены направления совпадения и различия тематического моделирования событийного ряда в новостном дискурсе и дискурсе социальной сети в соответствии с принципом релевантности, по Т. ван Дейку [4. С. 125, 137].

Сравнение выявило как прогнозируемые аспекты несовпадения в тематическом представлении ситуации распространения коронавирусной инфекции в личной коммуникации в Твиттере и институционально ориентированных СМИ, так и некоторую долю пересечения, что проявилось на уровне отдельных тем и в их интерпретации через ключевые слова и их связи.

Основное различие тематического моделирования ситуации пандемии заключается в преобладании в твитах личной проекции пандемии и более выраженной в новостном потоке СМИ, в соответствии с принципом институциональной релевантности, темы государственных мер, направленных на профилактику и лечение заболевания, информированности населения о развитии пандемии, отражения политической жизни в стране и мире в данный период с фокусировкой на актуальном событийном ряде.

В текстах СМИ тема госпитализации, лечения Covid-19 репрезентируется в номинациях государственных органов (*правительство, федеральный центр, оперативный штаб*), административных локусов (*республика, район, новосибирский, округ, край*), медицинских учреждений (*больница, медицинский, госпиталь*), процесса госпитализации и лечения и их основных участников, медиков и пациентов (*пациент, врач, лечение, инфекция, медик, умирать, коронавирусный, врач, помощь, случаи, зарегистрировать, выздороветь, говорить, находиться*).

Тема «Статистика заболеваемости коронавирусом» отражает представление на страницах СМИ статистических данных о развитии пандемии в мире, России; репрезентирована в качестве наиболее частых словами *Covid, мир, коронавирус, коронавирусный, страна*), а также номинациями

действий, связанных с фиксацией и обнародованием статистических данных (*данные, портал, представить, сообщить, заявить, отметить, объявить, фиксировать, выявить*), номинаций самих данных (*последний, ситуация, случай, число, актуальный, скончаться, заражение, инфекция*).

Тема коронавирусной инфекции непосредственно соседствовала на страницах анализируемых СМИ с отражением других аспектов социальной и политической жизни РФ, мировой политической повестки. Данные проведенного анализа показывают актуальные темы политической жизни в стране и мире, которые делили рейтинги актуальности с темой пандемии. Как видно из лексических рядов темы «политика РФ в период пандемии», в фокусе политической активности РФ в данный период в находились события как международные, репрезентированные номинациями *ЕС, ООН*, так и внутрироссийские, репрезентируемые через номинацию событий, их акторов и действий: *страна, выборы, голосование, военный, совет, поправка, конституция, российский, участок, комиссия, президент, Путин, глава, министр, правительство, депутат, партия принимать, участие, заседание*.

Результаты анализа свидетельствуют также о тематической выделенности в новостном потоке в этот период американской политической жизни, репрезентированной в частотных лексемах, называющих органы власти, политических деятелей и действий, с ними связанных: *США, Белый дом, Вашингтон, американский, Трамп, президент, штат, заявлять, дело, информация, суд, происходить, отношение, борьба* и др.

Сравнение второй и третьей тем, выделенных по наибольшим совокупным весам в «Твиттере» и СМИ, показывают, что, во-первых, наблюдается значительное пересечение лексических рядов в текстах сравниваемых дискурсов: это лексемы, называющие распространение пандемии, ее релевантные для общества и личности признаки («Твиттер» – *заражать, умирать, смерть, заболеть, распространение*; СМИ – *заражение, число, здравоохранение, последний, скончаться, заболевание, организация, пневмония, заражать*). Во-вторых, группы отличаются по фокусировке этой более общей темы. В текстах СМИ тема распространения пандемии связывается прежде всего с китайским локусом, а следовательно, и началом пандемии: *случай, новый, Китай, провинция, Ухань, КНР, Корея, Хубэй*, в тематическом объединении Твиттера обсуждается распространение пандемии по миру с фокусировкой наиболее пострадавших стран и регионов: *коронавирус, Италия, Испания, Франция, Германия, Европа, итальянский, Петербург, Великобритания, Грузия, Иран*.

Как представляется, одним из выраженных направлений дифференциации тематической фокусировки является противопоставление личностной («Твиттер») и социальной (новости) проекция пандемии.

В «Твиттере» три темы с наибольшим весом в тематической фокусировке пандемии объединяются общей направленностью ее отражения, которую мы определили как «частный человек перед лицом пандемии». В трех темах представлены разные аспекты переживания человеком не самой бо-

лезни, но вынужденных изменений всего привычного уклада жизни. В четвертой теме фокусируются государственные регулирующие меры в пандемию (*ограничение, режим*), связанные с ограничениями межгосударственных и внутрисоссийских передвижений (*рейс, транспорт, турист, аэропорт пассажир, граница, закрывать, авиакомпания, приостанавливать, вводить*), организаций профессиональной деятельности и системы образования (*дистанционный, власть, работа, школа, обучение, мероприятие*). В пятой теме фокусируются изменения сугубо частной жизни, эмоциональная личностная реакция, вызванная ограничительными мерами, ожиданиями финансовой нестабильности и под.: *магазин, дом, дома, продукт, бумага, туалетный, гречка, вода, жить, носить, мыть, купить, находить, помогать, бояться очень, понимать*.

Как мы отмечали ранее, первая тема, характеризующаяся наибольшей совокупностью относительных частот, вызвала наибольшую трудность в поиске обобщающей номинации, однако своеобразие лексических репрезентаций личностной эмоциональной реакции на пандемию и связанные с ней ограничения (*самоизоляция, отменять, корона, паника, паниковать, интересно, страшно, шутка, зараза, юмор*), фокусируются прежде всего относительно спорта: *отменять, чемпионат, матч, команда, футбол, побеждать, выходить, клуб, спорт, игра, турнир, лига, соревнование, олимпийский*.

Данные автоматического тематического моделирования выявили три темы, которые характеризуются общностью совокупных весов лексических репрезентантов в двух типах текстов, относимых к разным дискурсам, **СМИ** и **«Твиттер»**. Замечательно, что одна тема объединяет единицы, связанные с самой пандемией, – это тема изучения нового вируса и разработки вакцины, две другие – с экономическими и социальными аспектами пандемии, особыми условиями реализации культурных практик в условиях локдаунов.

Тема «Исследования вируса и разработка вакцины», характеризующаяся значительной плотностью семантически близких единиц, называющих объект изучения, результат разработки, субъектов процесса и институциональные органы в качестве наиболее частотных включает лексемы *вирус, вакцина, врач, исследование, ученый, препарат*.

Перестройка экономики в период пандемии была объектом регулирующих мероприятий со стороны государства и в то же время затронула самым непосредственным образом частного человека, что нашло отражение в практически равной частотности представленности темы в институциональных дискурсах СМИ и личностном дискурсе, репрезентированном твитами.

Тема «культура в пандемию», представляющая перестройку искусства в ситуации ограничений на публичные мероприятия (*онлайн, интернет, трансляция, запись*), в качестве ключевых наиболее частотных слов репрезентирована лексемами, называющими виды искусства, типы событий и их участников (*театр, спектакль, фестиваль, фильм, постановка, артист, концерт, режиссер, музей, актер* и др.).

Таким образом, беспрецедентный по размаху, общемировой масштаб новой коронавирусной инфекции, тяжелое течение болезни, высокий уровень смертности, обусловленные этим ограничения практически во всех сферах социальной жизни, в том числе ограничения передвижения в мире, необходимость строгих карантинных мероприятий внутри страны, лечение заболевших в медучреждениях – темы, объединившие новостной медийный и персональный интернет-дискурс «Твиттера» в стране в первый год пандемии.

Однако эти темы включаются в разные тематические единства в двух сравниваемых дискурсах. В «Твиттере» они объединяются, координируются с темами, раскрывающими личностную проекцию течения и переживания пандемии. Принципиальное отличие новостного контента в тематическом моделировании пандемии – ее выведение за пределы частной жизни, сочетание с представлением прежде всего социальных аспектов развития пандемии и аспектами политической жизни в стране и мире, непосредственно с пандемией не связанных.

Список источников

1. *Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации: Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК.* URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 20.05.2021).
2. *Серегина Т.Н., Сухова С.К.* Информационные риски в условиях пандемии // Манускрипт. 2021. № 5. С. 940–944.
3. *Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними.* URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
4. *Дейк Т.А. ван.* Анализ новостей как дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Казань, 2000. С. 111–160.
5. *Добросклонская Т.Г.* Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород, 2016. С. 13–22.
6. *Горошко Е.И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер, или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11–21.
7. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2014. Вып. 1 (19). С. 92–103.
8. *Копцева В.А.* Жанр твиттинга в политическом дискурсе Г.А. Зюганова // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 144–154.
9. *Гончарова Е.А.* Языковые характеристики англоязычного бизнес-твиттер как инструмента профессиональной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2021. 237 с.
10. *Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А.* Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // PHILOLOGICAL SCIENCES / «Colloquium-journal». 2020. № 8 (60). С. 78–79.

11. *Баринов Д.Н.* Медиавирус страха: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь–июнь 2020 года) // Социодинамика. 2021. № 2. С. 73–86. doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
12. *Пестова М.Е., Сафонов Е.А.* Пандемия нового десятилетия: освещение темы коронавируса в СМИ // Медиасреда. 2020. № 17. С. 166–172.
13. *Мартыненко И.В., Стогова Е.С.* Коронавирус в повестке дня информационных агентств РИА «Новости» и Reuters // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 2. С. 338–350.
14. *Карасик В.И.* Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. doi: 10.26170/pl20-02-02
15. *Ерофеева И.В., Толстоулакова Ю.В., Муравьев А.В.* Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 78–93. doi: 10.17150/2308-6203.2021.10(1)
16. *Charu C. Aggarwal* Machine Learning for Text. Springer, Mohegan Lake NY, USA, 2018. 565 p. doi: 10.1007/978-3-030-96623-2
17. *Deveaud R., SanJuan E., Bellot P.* Accurate and effective Latent Concept Modeling for ad hoc information retrieval // Document Numerique. 2014. Vol. 17, № 1. P. 61–84.
18. *Alokaili A., Aletras N., Stevenson M.* Automatic Generation of Topic Labels. 2020. URL: <https://doi.org/10.1145/3397271.3401185> (дата обращения: 20.09.2023).
19. *Amparo C.B., Xu R.* Automatic Labelling of Topic Models Learned from Twitter by Summarisation // Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2014. P. 618–624. doi: 10.3115/v1/P14-2101
20. *Kou W., Fang L., Baldwin T.* Automatic labelling of topic models using word vectors and letter trigram vectors // In Proceedings of the 11th Asian Information Retrieval Societies Conference (AIRS 2015). 2015. P. 229–240.
21. *Allahyari M., Kochut K.* Automatic Topic Labeling using Ontology-based Topic Models. URL: <http://linkeddata.org/> (дата обращения: 20.09.2023).
22. *Митрофанова О.А.* Моделирование тематики специальных текстов на основе алгоритма LDA // Избранные труды XLII Международной филологической конференции. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 220–233.
23. *Шерстинова Т.Ю., Москвина А.Д., Кирина М.А., Карышева А.С., Колпацникова Е.О.* Тематическое моделирование русского рассказа 1900–1930: наиболее частотные темы и их динамика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». Москва, 15–18 июня 2022 г. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5790/sherstinovatyplusetal042.pdf>
24. *Uglanova I., Gius E.* The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts // Proc. of the CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research, CEUR Workshop Proceedings. 2020. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2723/long7.pdf>

References

1. World Health Organisation. (2020) *Bor'ba s infodemiyej na fone pandemii COVID-19: pooshchrenie otvetstvennogo povedeniya i umen'shenie pagubnogo vozdeystviya lozhnykh svedenij i dezinformatsii* [Addressing the COVID-19 infodemic: promoting responsible behavior and reducing the harmful impact of misinformation and disinformation]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (Accessed: 20.05.2021).
2. Seregina, T.N. & Sukhova, S.K. (2021) *Informatsionnye riski v usloviyakh pandemii* [Information risks in a pandemic]. *Manuskript*. 5. pp. 940–944.

3. RANEPА. (n.d.) *Infodemiya: sushchestvuyushchie podkhody k analizu panik, fobiy, slukhov, feykov vo vremya epidemiy i predlozheniya po bor'be s nimi* [Infodemic: existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (Accessed: 01.04.2022).

4. van Dijk, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. pp. 111–160.

5. Dobrosklonskaya, T.G. (2016) [News discourse as an object of mediallyinguistic analysis]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya* [Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of Theory, Social Practice and Education]. Proceedings of the 2nd International Seminar. Belgorod. 5–7 October 2016. Belgorod: Belgorod; Belgorod State University. pp. 13–22. (In Russian).

6. Goroshko, E.I. (2011) “Chirikayushchiy” zhanr 2.0 Twitter ili chto novogo poyavilos' v virtual'nom zhanrovedenii [“Tweeting” genre 2.0 Twitter or what's new in virtual genre studies]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 11–21.

7. Goroshko, E.I. & Polyakova, T.L. (2014) Politicheskiy tvitting kak novyy zhanr internet-kommunikatsii [Political tweeting as a new genre of Internet communication]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (19). pp. 92–103.

8. Koptseva, V.A. (2016) Zhanr tvittinga v politicheskom diskurse G.A. Zyuganova [The genre of tweeting in political discourse G.A. Zyuganov]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 144–154.

9. Goncharova, E.A. (2021) *Yazykovye kharakteristiki angloyazychnogo biznes-twitter kak instrumenta professional'noy kommunikatsii* [Linguistic characteristics of English-speaking business Twitter as a tool of professional communication]. Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.

10. Sadykov, D.I. & Akhmet'yanova, N.A. (2020) Rasprostranenie feykovykh novostey vo vremya pandemii COVID-19 [Spread of fake news during the COVID-19 pandemic]. *PHILOLOGICAL SCIENCES / Colloquium-journal*. 8 (60) pp. 78–79.

11. Barinov, D.N. (2021) Mediavirus strakha: osobennosti reprezentatsii rossiyskimi SMI pandemii koronavirusnoy infektsii (COVID-19) v period pervoy volny (yanvar'-iyun' 2020 goda) [Media virus of fear: features of the Russian media's representation of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic during the first wave (January-June 2020)]. *Sotsiodinamika*. 2. pp. 73–86. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35066. doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066

12. Pestova, M.E. & Safonov, E.A. (2020) Pandemiya novjgo desyatiletija: osveshchenie temy koronavirusa v SMI [Pandemic of the new decade: coverage of the coronavirus topic in the media]. *Mediasreda*. pp. 166–172.

13. Martynenko, I.V. & Stogova, E.S. (2021) Koronavirus v povestke dnya informatsionnykh agentstv RIA “Novosti” i Reuters [Coronavirus on the agenda of the news agencies RIA Novosti and Reuters]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2 (10). pp. 338–350.

14. Karasik, V.I. (2020) Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 25–34. doi: 10.26170/pl20-02-02

15. Erofeeva, I.V., Tolstokulakova, Yu.V. & Murav'ev, A.V. (2021) Pandemiya koronavirusa v kontseptual'noy sfere mediadiskursa Rossii i Kitaya: strategiya vyzhivaniya [Coronavirus pandemic in the conceptual sphere of media discourse in Russia and China: survival strategy]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 1 (10). pp. 78–93. doi: 10.17150/2308-6203.2021.10(1)

16. Charu, C. (2018) *Aggarwal Machine Learning for Text*. Mohegan Lake, NY: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-96623-2

17. Deveaud, R., SanJuan, E. & Bellot, P. (2014) Accurate and effective Latent Concept Modeling for ad hoc information retrieval. *Document Numerique*. 1 (17). pp. 61–84.

18. Alokaili, A., Aletras, N., & Stevenson, M. (2020) *Automatic Generation of Topic Labels*. /doi: 10.1145/3397271.3401185

19. Amparo, C.B. & Xu, R. (2014) Automatic Labelling of Topic Models Learned from Twitter by Summarisation. *Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Baltimore. June 2014. Association for Computational Linguistics. pp. 618–624. doi: 10.3115/v1/P14-2101

20. Kou, W., Fang, L. & Baldwin, T. (2015) Automatic labelling of topic models using word vectors and letter trigram vectors. *AIRS 2015*. Proceedings of the 11th Asian Information Retrieval Societies Conference. Brisbane. 2–4 December 2015. Springer. pp. 229–240.

21. Allahyari, M. & Kochut, K. (n.d.) *Automatic Topic Labeling using Ontology-based Topic Models*. [Online] Available from: <http://linkeddata.org/> (Accessed: 20.09.2023).

22. Mitrofanova, O.A. (2014) Modelirovanie tematiki spetsial'nykh tekstov na osnove algoritma LDA [Modeling the subject matter of special texts based on the LDA algorithm]. *Proceedings of the 42nd International Conference. Saint Petersburg. 11–15 March 2014*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 220–233. (In Russian).

23. Sherstinova, T.Yu. et al. (2022) [Thematic modeling of the Russian story 1900–1930: the most frequent topics and their dynamics]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of the International Conference Dialog 2022. Moscow. 15–18 June 2022. [Online] Available from: <https://www.dialog-21.ru/media/5790/sherstinovatyplusetal042.pdf/> (In Russian),

24. Uglanova, I. & Gius, E. (2020) The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts. *Proceedings of the CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research*. Amsterdam. 18–20 November 2020. [Online] Available from: <http://ceur-ws.org/Vol-2723/long7.pdf>

Информация об авторах:

Резанова З.И. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, заместитель заведующего Лабораторией лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Степаненко А.А. – заведующий лабораторией «Когнитивные исследования языка» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: stepanekone@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General, Computational and Cognitive Linguistics; deputy head of the Laboratory for Cognitive Studies of Language, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

A.A. Stepanenko, head of the Laboratory for Cognitive Studies of Language, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanekone@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2023;
одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 14.06.2023;
approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 811.112.22
doi: 10.17223/19986645/86/7

Имена *die Herde (стадо)*, *der Schwarm (косяк)*, *das Rudel (стая)* как средство квантификации и категоризации

Эльвира Леонидовна Шубина¹, Анастасия Станиславовна Ноздрина²

^{1, 2} *Московский государственный институт международных отношений МИД
Российской Федерации, Москва, Россия*
¹ *elvira.shubina@mail.ru*
² *nozdrina@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению значений лексических единиц *die Herde* (стадо), *der Schwarm* (косяк), *das Rudel* (стая), которые выступают первым компонентом словосочетаний, где в роли вторых компонентов представлены имена существительные, обозначающие живых существ, людей, предметы, абстрактные понятия. В центре внимания находится роль лексем *die Herde*, *der Schwarm*, *das Rudel* в рамках словосочетания как слова-квантификатора, так как в их семантике заложено количественное значение, проецируемое на второй компонент словосочетания. Особое внимание уделяется сочетаемостному потенциалу лексем в публицистическом дискурсе немецкого языка.

Ключевые слова: лексема, сообщество животных, слово-квантификатор, категоризация, сочетаемость, семантический компонент

Для цитирования: Шубина Э.Л., Ноздрина А.С. Имена *die Herde* (стадо), *der Schwarm* (косяк), *das Rudel* (стая) как средство квантификации и категоризации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 102–122. doi: 10.17223/19986645/86/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/7

The names *die Herde* (herd), *der Schwarm* (shoal), *das Rudel* (flock) as a means of quantification and categorization

Elvira L. Shubina¹, Anastasia S. Nozdrina²

^{1, 2} *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*
¹ *elvira.shubina@mail.ru*
² *nozdrina@list.ru*

Abstract. The article presents the semantic analysis of noun phrases, the first component of which denotes names of sets of living beings. The choice of lexemes *Herde*, *Rudel*, *Schwarm* organizing noun phrases is associated with their increasing frequency of use, registered in the DWDS corpus of the Berlin Brandenburg Academy of Sciences, with the peculiarities of their syntactic organization and with their wide combinatorial possibilities revealed in our study. Thus, the quantifier word *Herde* in the overwhelming majority of cases chooses nouns denoting zoonyms as contextual partners (90%).

An insignificant part of the corpus was made up of phrases with second components denoting names of persons (8%), things and non-objective names (2%). The quantifier word *Schwarm* in the overwhelming majority of cases chooses nouns denoting zoonyms as contextual partners (82%). Contrary to dictionary definitions, the lexeme was combined with nouns denoting people (10%), things and non-objective names (8%). The quantifier word *Rudel* in 50% of cases is combined with nouns denoting zoonyms. A significant part of the corpus (38%) was combinations with names of persons and nouns denoting things and non-objective names (12%). Thus, in the period from the 1990s to the present, there has been an active combination of lexemes *Herde*, *Schwarm*, *Rudel* with nouns denoting people, things, and non-objective names. The violation or, more precisely, the expansion of the classical combination of words reveals the mechanism of actualization of the seme: the components of the phrase begin to perform new functions and grow with additional meanings, namely: the quantifier words give an idea of the number of objects, of the nature of their actions. These names of groups of animals can be used to name a set of objects of another kind if there is a metaphorical comprehension of the situation described, the basis of which is similarity with a group of animals. The use of quantifier words with different groups of people and inanimate objects illustrates the processes of quantification, categorization, and evaluation taking place in the human mind, which we refer to as basic processes, and their study allows us to judge about the peculiarities of perception of the surrounding world by the bearer of the studied linguistic culture and its specificity. An analysis of the examples led to the conclusion that, when classifying objects, several features of a herd, flock, or shoal are transferred to objects described with their help.

Keywords: lexeme, animal community, quantifier word, categorization, compatibility, semantic component

For citation: Shubina, E.L. & Nozdrina, A.S. (2023) The names *die Herde* (herd), *der Schwarm* (shoal), *das Rudel* (flock) as a means of quantification and categorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 102–122. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/7

*В языке отражаются не только законы общества,
но и законы природы.*
Б.А. Серебrenников [1]

Введение

Предметом данного исследования выступают лексемы, обозначающие сообщества животных в немецком языке. Существительные *Herde*, *Schwarm* и *Rudel* анализируются как способ квантификации не только групп животных, но и, вопреки языковым значениям, людей, предметов. В работе проводится качественный и количественный анализ сочетаемостных возможностей упомянутых лексем по словарным и корпусным данным. Вопрос синтагматической связи на уровне конструкций типа *eine Herde Schafe* (стадо овец) мало освещён в лингвистической литературе, в основном он затрагивался в рамках проблемы синтаксической организации субстантивных групп с обозначением количества, так как данные именные группы являются особым структурным типом словосочетаний, который не представлен в других германских языках [2–4].

В рамках нашей работы на первом этапе исследования был произведен семантический анализ существительных *Herde* (стадо), *Schwarm* (косяк), *Rudel* (стая), затем рассмотрены сочетаемостные особенности данных существительных и сделаны выводы об их квантитативном потенциале.

Выбор этих лексем связан с их возрастающей частотностью употребления, зарегистрированной в корпусе DWDS, и с их широкими комбинаторными возможностями, выявленными в нашем исследовании.

Употребление слов-квантификаторов *Herde*, *Schwarm*, *Rudel* с обозначениями групп людей и неодушевленных предметов иллюстрирует протекающие в сознании человека процессы квантификации, категоризации и оценивания, которые наука относит к базовым когнитивным процессам, а изучение языковых явлений, отображающих процессы категоризации, квантификации и оценивания, позволяет судить об особенности восприятия окружающего мира носителями изучаемой лингвокультуры.

Языковой материал для исследования был получен из корпуса Берлинской Бранденбургской академии наук DWDS [5]. Нас интересовали разделы с публицистическим текстовым материалом (Berliner Zeitung; Der Tagesspiegel; Die Zeit), корпус текстов XX в. и первого десятилетия XXI в. (DWDS-Kernkorpus 21), что позволило изучить проблему на актуальном временном срезе.

В табл. 1 указано количество микротекстов с наименованиями сообществ животных, людей и предметов, которые были обнаружены в нашем корпусе.

Таблица 1

Количественная характеристика анализируемого материала именных групп со словами-квантификаторами *Herde*, *Schwarm*, *Rudel*

Название сообществ живых существ	Количество микротекстов
<i>Herde</i> стадо, табун, отара	258
<i>Schwarm</i> косяк, рой, стая птиц	446
<i>Rudel</i> стая	179
Всего	883

По мнению Е.В. Рахилиной, сочетаемостные характеристики слов не существуют сами по себе, а мотивированы содержательными (семантическими) свойствами [6. С. 12]. Эту концепцию сочетаемости изложила в своих работах А. Вежбицкая, где она доказывала, что сочетаемость объяснима и подчиняется вычисляемым правилам, прежде всего семантическим [7]. Согласно В.В. Морковкину ответственность за сочетаемостные свойства слова несут семы, составляющие его денотативное значение, т.е. каждая сема служит семантическим основанием лексической сочетаемости рассматриваемой лексемы [8. С. 129–137]. Разделяя точку зрения А. Вежбицкой [7], Е.В. Рахилиной [6], Морковкина [8], мы считаем, что сочетаемость каждой из рассматриваемых лексем определяется значением слова, и, в свою очередь, предприняли попытку в нашей работе не просто зафиксировать

комбинаторные возможности на уровне рассматриваемых количественных сочетаний, но и объяснить их.

Именные группы с первым компонентом *die Herde*

Для описания семантики лексических единиц *Herde*, *Schwarm*, *Rudel* мы обратились к нескольким наиболее авторитетным и современным лексикографическим источникам. Так, онлайн-издания толкового словаря Дудена и словаря Pons определяют значение лексической единицы *Herde* (*стадо, табун, гурт, отара*) как скопление диких и домашних животных одного вида (под предводительством вожака или пастуха), сохраняющих какое-либо время близость друг к другу: *eine Herde Rinder* (*стадо крупного рогатого скота*) [9, 10].

Словарь корпуса DWDS толкует слово *Herde* как обозначение понятия «достаточно больших групп животных (млекопитающих) одного вида, которые предназначены для откорма, пастбы: *eine Herde Schafe* (*стадо овец*)» [5].

Согласно дефиниции словаря Лангеншайдт к понятию *Herde* можно отнести лексические единицы, обозначающие не только совокупность крупного скота (лошади, рогатый скот, свиньи и овцы), но и мелкого (птица, козы, кролики, овцы) [11].

Исходя из приведённых определений, можно выделить следующие характерные семантические компоненты слова *Herde*:

1. Дикие животные одного вида.
2. Домашние животные одного вида.
3. Многочисленность.
4. Общий ритм жизни (совместное кормление, пастба).

Словарные дефиниции и перечисленные семантические компоненты позволяют построить прогноз относительно того, какие лексемы в роли вторых компонентов группы мы должны обнаружить в корпусе текстов. Согласно определениям слово *Herde* должно сочетаться исключительно с зоонимами. Однако качественный и количественный анализ синтагм с данной лексемой показал, что сочетаемость не ограничилась зоонимами, а расширилась за счет существительных других семантических разрядов.

При рассмотрении сочетаемости *Herde* мы опирались на семантическую классификацию именных лексем по А.А. Уфимцевой [12] и на основные таксономические классы Ю.С. Степанова [13]. В нашем корпусе представлены:

- I. Имена лиц – «Человек».
- II. Имена «нелиц»:
  - 1) «зоонимы»;
  - 2) «вещи и абстрактные понятия» [12].

В качестве второго компонента именной группы с лексемой *Herde* сочетались:

1. Именования домашних животных. Среди вторых членов количественных групп обнаружены 167 лексем, обозначающих домашних животных

(млекопитающих и птиц): *Schafe* (овцы) (55), *Schweine* (свиньи) (16), *Ziegen* (козьи) (15), *Pferde* (лошади) (11), *Rinder* (крупный рогатый скот) (10), *Vieh* (скот, собирательное суц.) (10), *Kühe* (коровы) (8), *Ochsen* (быки) (5), *Stuten* (кобылы) (4), *Merinos* (мериносы) (4), *Lämmer* (ягнята) (4), *Gänse* (гуси) (4), *Hühner* (куры) (4), *Puten* (индюшки) (4), *Stiere* (быки) (3), *Widder* (бараны) (1), *Merinos* (овцы) (1), *Ponys* (пони) (1), *Kamelen* (верблюды) (2), *Dromedare* (верблюды) (2), *Bullen* (волы) (1), *Zuchtböcke* (козлы) (1), *Arbeitselefanten* (обученный рабочий слон) (1).

В именные группы с *Herde* входили преимущественно языковые единицы, обозначающие млекопитающих. Наиболее частотной лексемой среди них является в нашей выборке *Schafe* (овцы): *Hinter meinem Haus grast eine Herde Schafe...* (Berliner Zeitung. 2005).

Лексемой *Herde* лишь в единичных случаях именовались множества кошек и собак. Намеренно нарушая сочетаемость, автор сообщения, вероятно, хотел акцентировать внимание читателей на большом количестве этих домашних животных. В одном примере упоминалось об огромном количестве кошек из рекламного ролика: *Dazu gab es sogar eine TV- Werbung, in der zerkratzte Cowboys – oder besser Catboys – eine Herde Katzen trieben* (На телевидении была реклама, в которой ковбой или, вернее, «кэтбой» (погонщики котов) знали стада кошек) (Der Tagesspiegel).

Видимо, по аналогии с лошадьми множество котов было поименовано носителем языка лексемой *Herde*: *„Ich wusste, das Spiel gegen Kassel wird schwerer, als eine Herde Pferde durchs Feuer zu treiben* (знать стадо лошадей сквозь огонь) (Der Tagesspiegel. 2003).

В другом примере речь шла о применении в войне большого количества собак, именованных носителями языка словом *Herde*: *Sie hielten sich ganze Herden von Hunden zum Gebrauche im Kriege* (Они держали у себя целые стада собак для использования в войне) (Vossische Zeitung, DWDS).

2. Именования диких животных (млекопитающие, птицы, земноводные, рыбы). Вторые члены количественных групп представлены 58 лексемами, обозначающими диких животных: *Affen* (обезьяны) (14), *Zebras* (зебры) (8), *Gnus* (антилопы гну) (6), *Hirsche* (олени) (5), *Bisons* (бизоны) (4), *Elefanten* (слоны) (4), *Gazellen* (газели) (3), *Seelöwen* (морские львы) (3), *Mustangs* (мустанги) (2), *Elche* (лоси) (2), *Wildpferde* (дикие лошади) (2), *Rotwild* (благородные олени) (1), *Antilopen* (антилопы) (1), *Kängurus* (кенгуру) (1), *Wasserböcke* (водяные козлы) (1), *Haie* (акулы) (1).

В состав словосочетаний входили лексемы, содержащие все семантические компоненты, которые дифференцируют значение слова *Herde*. Наибольшее количество примеров представлено с лексемами, обозначающими так называемых «пасущихся животных», т.е. с «общим ритмом жизни»:

Eine Herde von über 100 wilden Elefanten ist in Thailand vor der schweren Trockenheit aus dem Dschungel in Farmland geflohen (Berliner Zeitung. 1999).

Eine Herde Affen sitzt als Zuschauer auf den Kuppen über dem Garten (Die Zeit. 1949).

Питаться совместно животные могут не только на суше, но и в водном пространстве. В нижеприведённых примерах речь идёт об именовании множеств рыб:

Eine Herde von Haien umringte wieder das überlastete Boot als erhoffte Beute (стадо акул снова окружило лодку словно добычу) (Felix von Luckner, DWDS).

...in denen ganze Herden von Seepferden grasten, so groß wie Einhörner (стада морских коньков паслись) (Moers, Walter).

В одном контексте представлена вторым компонентом лексема, обозначающая мышей. Группа мышей именовалась *Herde* благодаря таким признакам стада, как «дикие животные одного вида», «общий ритм жизни». Семантический компонент «многочисленность» отсутствует, так как эта совокупность включает в себя чуть больше двадцати особей: *Aus diesem Material schuf ein Team unter Führung von Ryuzo Yanagimachi an der Universität von Hawaii eine Herde Klonmäuse, insgesamt 22 Stück* (Die Zeit. 1998).

В следующем примере группа диких птиц именована лексемой *Herde*, так как, по нашим предположениям, это обусловлено актуализацией таких сем, как «дикие животные одного вида» и «общий ритм жизни (совместное кормление, пастьба)» (в данном случае речь шла об использовании птиц для уничтожения мух в Шотландии): *Billiger wäre wohl eine Herde Singvögel, doch die könnten dem Luchs zum Opfer fallen (гораздо дешевле было бы использовать «стадо» певчих птиц, однако в этом случае на них может напасть рысь)* (taz. 2020).

В составе рассматриваемых именных групп встретились лексема, обозначающая крокодила. В данном примере речь идёт об использовании крокодилов в цирке, поэтому с точки зрения носителя языка допустимо было именовать стадом множество земноводных, подвластных дрессировщику. В данном контексте актуализируются семы «дикие животные одного вида» и «общий ритм жизни»: *Dazu gehören auch der Märchen-Maharadscha, der Schlangen und eine Herde Krokodile sehr dämonisch zu betören weiß...* (Die Zeit. 1971).

Полученный языковой материал показал, что все зоонимы наделены перечисленными семантическими компонентами для принадлежности к стаду. Получается, что носители языка именуют группы живых существ стадом интуитивно опираясь на один наиболее релевантный семантический компонент. В конкретных примерах языковой реализации не могут быть задействованы сразу все значения или характеристики объекта (в особенности при переносе признака). Автор высказывания выбирает (сознательно или неосознанно) лишь одну важную для него характеристику (или значение), на которой должно быть сфокусировано сознание реципиента.

Обращение к таксономическим классам позволило обнаруживать чёткие семантические корреляции, объясняющие сочетаемостную избирательность слова-квантификатора *Herde*. Корпус контекстов показал, что основными семантическими компонентами, по которым тот или иной зооним может ис-

пользоваться в роли второго члена именной группы, можно считать «домашние животные одного вида», «дикие животные одного вида», «многочисленность», «общий ритм жизни». Все семы, кроме семы «многочисленность», являются, на наш взгляд, основными, так как позволяют сочетать это слово с именованиями кошек, собак, диких птиц, крокодилов, мышей. Вероятно, с точки зрения носителей языка, любая многочисленная совокупность животных одного вида (млекопитающих, птиц, рыб) может именоваться словом *Herde*.

В переносном значении лексема *Herde* обозначает большую группу не самостоятельно думающих и действующих людей, которые безвольно позволяют собой управлять: *eine abgestumpfte Herde Menschen* [6].

В качестве вторых компонентов группы с *Herde* в переносном (пренебрежительном) значении выступают лексемы, обозначающие людей. Они представлены рядом разрядов имен лиц по роду деятельности, по возрастной категории, по интересам, по религиозным взглядам.

3. Именования детей и молодых людей. В шести примерах нашей выборки в состав именных групп с *Herde* входили лексемы, обозначающие детей, молодежь. Такие семы, как «общий ритм жизни», «наличие вожака, пастуха», постулируемые лексемой *Herde*, актуализируются в контекстах, где упоминаются множества детей и молодых людей, которые, как известно, не всегда способны самостоятельно и правильно принимать решения и нуждаются в наставнике.

Именно наличие контекста для выделения значения, не являющегося основным (фокусным), играет исключительно важную роль. Следует особо подчеркнуть, что наделение слов семантическими компонентами, характерными для сообществ живых существ, не происходит с помощью только лексических единиц *Schwarm* (косяк), *Rudel* (стая), *Herde* (стадо). Рассматриваемые нами контексты употребления, как правило, содержат в себе слова, поддерживающие семы, присущие значению слов *Schwarm* (косяк), *Rudel* (стая), *Herde* (стадо). Таким образом формируется кластер лексических единиц, вызывающий в сознании реципиента представления об объекте как о стаде *Herde*, стае *Rudel* или косяке *Schwarm*. Для изучения механизмов формирования оценочного образа, наиболее ярко выступающего при сочетании слова-квантификатора с названиями групп людей и неодушевленных объектов, был задействован кластерный принцип, уже описанный ранее [14]. Он предполагает, что одна единица языка часто подкреплена несколькими другими, употребленными в том же контексте, что способствует созданию целостного образа, в нашем случае – образа сообществ. Появление одного из метафорических или образных средств обозначения множеств обуславливает появление других единиц языка в ближайшем окружении с тем же значением, но, возможно, другого образного типа.

Все примеры мы перевели на русский, выделили подчёркиванием лексемы, входящие в кластер и формирующие общую характеристику исчисляемых объектов.

Было замечено, что в ближайшем окружении исследуемых имен *Rudel*, *Herde*, *Schwarm*, которые образно обозначают сообщества, появляются другие единицы языка, способные актуализировать типичные для обозначений сообществ семы. Так, в нижеприведённых примерах кластеры *ein alter Scheich unterweist* (*старый шейх учит*), *Friedrich Wilhelm IV. behandelt sein Volk* (*король обращается со своим народом...*) способствуют образной актуализации семантического компонента «наличие пастуха», а слова *die anonyme Masse der Gestrandeten* (*анонимная масса людей*) актуализируют сему «многочисленность», характеризуя тем самым людей.

Durch eine offene Tür schaue ich in einen Raum, wo ein alter Scheich eine Herde Jungen in der schwierigen Kunst des Koransingens unterweist (*старый шейх учит мальчишек читать Коран*) (Die Zeit. 1978).

Friedrich Wilhelm IV. behandle sein Volk wie "eine Herde kleiner Kinder" ... (*Фридрих Вильгельм IV обращался со своим народом как со «стадом малых детей»*) (Berliner Zeitung. 1998).

Die anonyme Masse der Gestrandeten war es ja gerade, über die man sich am Wochenende lustig machte: eine dumme Herde reicher Instagram-Kids! (*это была анонимная масса людей, над которыми смеялись и называли глупым стадом богатых деток в Инстаграме*) (Die Zeit. 2017).

4. Именования людей, объединенных личными, профессиональными интересами, а также с негативной характеристикой. В 16 примерах выборки в состав именных групп с *Herde* входили лексемы, обозначающие:

– множества людей, занимающихся инвестициями *Geldanleger* (*вкладчики*) (1), *Kleinanleger* (*мелкие инвесторы*) (1), *psychoe-anfällige Finanzmanager* (*психически неуравновешенные менеджеры*) (1), *Börsianer* (*участники биржевых торгов*) (1);

– объединения людей на основе фанатичной принадлежности к спортивной команде, музыкальной группе, религиозному культу *Evangelikaler* (*евангельские христиане*) (1), *Gläubige* (*верующие*) (1), *Fans* (1), *Männer* (1), *Frauen* (1);

– профессиональные группы *Abgeordnete* (*депутаты*) (1), *Bodyguards* (*телохранители*) (1), *Feuerwehrleute* (*пожарные*) (1);

– группы людей с негативной характеристикой: *Sündenböcke* («*козлы отпущения*») (1), *Sünderinnen* (*грешницы*) (1), *Stumpfsinnige* (*глупцы*) (1), *Gefangene* (*заключенные под стражу*) (1).

Во всех примерах актуализируются семантические компоненты «общий ритм жизни» и (или) «многочисленность», постулируемые лексемой *Herde*. Так, мелкие инвесторы могут подвергаться манипуляциям со стороны более крупных участников финансового рынка, а именно основателей предприятий. Кластерные единицы *Gründer lassen mitreden* (*владельцы предприятий позволяют принимать участие в решении финансовых вопросов*), *Politiker betreut* (*политик курирует 7000 фанатов*), *die Nonnen, ihre Zöglinge* (*монашки, их*

воспитанницы) способствуют образной актуализации семантических компонентов «общий ритм жизни» и «многочисленность», помогая образно описывать данные сообщества людей.

*Doch selbst falls den Profis eine brillante Idee durch die Lappen ginge, warum sollten Gründer freiwillig **eine Herde von Kleinanlegern** mitreden lassen? (почему основатели предприятий должны добровольно позволять высказываться мелким вкладчикам по поводу стратегии развития предприятия?) (Die Zeit. 2013).*

*Jetzt ist er wiederaufgetaucht, auf Facebook, wo er **eine Herde von 7.000 Fans** betreut, denn er ist Kommunalpolitiker für die Grünen geworden (он снова появился в «Фейсбуке», где он «курирует» 7000 фанатов) (Die Zeit. 2016).*

*Für die Nonnen waren ihre Zöglinge nichts als **eine Herde von Sünderinnen** (для монашек их воспитанницы были лишь «стадом» грешниц) (Die Zeit. 2006).*

Словари не упоминают о возможности сочетаемости лексемы *Herde* с именами, обозначающими «вещи и абстрактные понятия». В нашем материале есть примеры, где в роли вторых членов представлены лексемы, обозначающие:

- транспортные средства *Cayennes* (автомобили) (1);
- вещи *Raum-Zwerge* (гномики) (1), *Bärskulpturen* (скульптуры медведей) (1);
- явления природы *Wolken* (облака) (1).

В примере ниже кластерные единицы *der Wind treibt* (ветер гонит), *wollig, lämmelig* (пушистые, напоминающие ягнят) метафорически актуализируют семы «домашние животные одного вида» и «общий ритм жизни»:

*Am nächsten Morgen treibt der Wind **eine Herde "wolliger" und "lämmeliger" Wolken** (ветер гонит стада пушистых и напоминающих ягнят облаков) (Die Zeit. 1995).*

Количественное соотношение вторых членов в именной группе с *Herde* представлено в табл. 2.

Таблица 2

Количественное соотношение вторых членов в именной группе с лексемой *Herde*

Вторые компоненты именной группы	Количество и доля примеров в корпусе
«Зоонимы»	232 примера (≈ 90%)
«Человек»	21 пример (≈ 8%)
«Вещи и абстрактные понятия»	5 примеров (≈ 2%)
Всего	258 примеров

Лексема *Herde* в подавляющем большинстве случаев выбирает в качестве контекстуальных партнеров зоонимы (90%). Самыми распространенными зоонимами, согласно полученным данным, являются языковые единицы, обозначающие домашних и диких животных одного вида.

Незначительную часть корпуса составили словосочетания со вторыми членами, обозначающими имена лиц (8%). В единичных примерах представлены существительные, называющие вещи и абстрактные понятия (2%). Корпус публицистических текстов продемонстрировал расширение комбинаторного потенциала *Herde*, которое, вопреки словарным дефинициям, сочеталось со словами, именующими вещи и абстрактные понятия. Таким образом, было установлено расхождение между словарной информацией и корпусной.

Именные группы с первым компонентом *der Schwarm*

Онлайн-издание словаря Дудена и словари DWDS, Pons, Лангеншайдт толкуют слово *Schwarm* (*рой* (пчёл), *косяк* (рыб), *стая* (птиц)) как «множество кишмя кишущих и совместно беспорядочно передвигающихся животных (в первую очередь рыб, насекомых и птиц) *ein Schwarm Tauben* (стая голубей), *ein Schwarm Bienen* (рой пчёл)» [5, 9–11].

Согласно словарным дефинициям лексемы *Schwarm* можно выделить компоненты значения, отражающие признаки денотата данного слова-квантификатора:

1. Животные.
2. Многочисленность.
3. Постоянное движение.
4. Способность летать или плавать.
5. Общий ритм жизни.

В роли второго члена именной группы в анализируемом публицистическом дискурсе представлены:

Именования диких животных. В нашем материале имеется 367 контекстов со вторыми членами, именующими:

насекомых *Bienen* (пчелы) (51), *Käfer* (жуки) (22), *Insekten* (насекомые) (20), *Heuschrecken* (кузнечики) (15), *Fruchtfliegen* (дрозофилы) (13), *Fliegen* (мухи) (13), *Erdwespen* (земляные осы) (11), *Schmetterlinge* (бабочки) (10), *Moskitos* (москиты) (10), *Wespen* (осы) (9), *Mücken* (комары, мошки) (8), *Ameisen* (муравьи) (5), *Hummeln* (шмели) (2) (**189** примеров);

птиц *Tauben* (голуби) (23), *Vögel* (птицы) (19), *Wildgänse* (дикие гуси) (13), *Krähen* (вороны) (11), *Stare* (скворцы) (10), *Schwäne* (лебеди) (8), *Raben* (вороны) (5), *Kraniche* (журавли) (5), *Möwen* (чайки) (4), *Zugvögel* (перелетные птицы) (4), *Sperlinge* (воробьи) (4), *Parageien* (попугай) (3), *Enten* (утки) (2), *Pelikane* (пеликаны) (2), *Seevögel* (морские птицы) (1), *Bergspatzen* (горные воробьи) (1), *Girlitze* (канареечные вьюрки) (1), *Flamingos* (фламинго) (1), *Kormorane* (бакланы) (1), *Geier* (коршуны) (1), *Wildenten* (дикие утки) (1), *Rebhühner* (куропатки) (1), *Kakadus* (какаду) (1) (**122** примера);

рыб и других водных животных *Fische* (рыбы) (40), *Heringe* (сельди) (4), *Tintenfische* (каракатицы) (3), *Sardinen* (сардины) (3), *Karpfen* (карпы) (2), *Barrakudas* (барракуды) (1), *Korallenfische* (коралловые рыбы) (1), *Kaulquarpen* (головастики) (1), *Weißfischen* (уклейки) (1), *Guppies* (гуппи) (1) (**57** примеров);

млекопитающих *Delfine* (дельфины) (6), *Wale* (киты) (2).

В состав анализируемых именных групп входили зоонимы, содержащие все семантические компоненты, которые дифференцируют значение слова *Schwarm*. Так, рой насекомых и косяк рыб («животные») насчитывает сотни и десятки тысяч особей («многочисленность»), которые летают, плавают («способность летать или плавать», «постоянное движение») и для которых характерен «общий ритм жизни»:

Große Schwärme von Marienkäfern haben in den vergangenen Tagen viele Menschen im Rheinland in Staunen versetzt (Die Zeit. 2016).

Schwärme von Fischen umlungern die geflutete Kajüte... (Berliner Zeitung. 2002).

Именования домашних животных. В нашем корпусе имеется лишь один пример со словом, обозначающим домашних птиц *Schwarm von Hühnern* (стая кур). Можно предположить, что в зависимости от ситуации, делается выбор между двумя словами-квантификаторами *Herde* (стадо) и *Schwarm* (стая). Если контекст указывает на «активное» поведение домашней птицы, как в предложении ниже, где речь идёт об активном передвижении животных, то носитель языка выбирает лексему *Schwarm* для именования множества домашних птиц: ...*wurden gleich darauf von einem dichten Schwarm von Hühnern umringt, die aus allen Teilen des Gartens flatternd und mit lautem Gegacker herbeigestürmt waren* (они сразу были окружены курами, которые слетелись со всего сада) (Berliner Tageblatt. 1921).

В следующем примере речь идёт об усыплении кур, поэтому носителем языка был сделан выбор в пользу лексемы *Herde* для обозначения множества птиц: *Noch am Mittwoch wurde begonnen, die gesamte Herde von 12000 Hühnern mit Kohlendioxid einzuschläfern* (Berliner Zeitung. 2003).

В переносном значении лексема *Schwarm* обозначает большую группу передвигающихся людей *ein Schwarm Kinder* (стая детей), *ein Schwarm von Reportern* (стая репортёров) [9, 5].

В качестве вторых членов группы со *Schwarm* в переносном (пренебрежительном) значении представлены лексемы, обозначающие людей. Среди них находим:

Именования детей и молодых людей. В девяти примерах носители языка, по-видимому, именовали множества детей, подростков и школьников лексемой *Schwarm* на основании таких семантических компонентов квантификатора, как «многочисленность», «движение», на которые указывает семантика кластерных единиц *Schwärme* (*pou, stau*) и *umringen* (окружить): *Schwärme von Teenagern umringten einen schüchternen Schweden namens Björn Borg* (стаи подростков окружили робкого шведа по имени Бьёрн Борг) (Die Zeit. 1981).

При анализе контекстов со словом *Schwarm* обнаружена особенность, относящаяся к характеристике расположения и движения объектов, входящих в стаю *Schwarm*. Глаголы, связанные со словом-квантификатором, показывают, что составляющие элементы стаи группируются вокруг другого объекта:

...wurden gleich darauf von einem dichten **Schwarm von Hühnern umringt** (...окружены курами) (Berliner Tageblatt. 1921).

An der Spitze thront Präsident Leonid Kutschma, den ein **Schwarm einflussreicher Finanzoligarchen umgibt** (во главе сидит президент Леонид Кучма в окружении влиятельных финансовых олигархов) (Die Zeit. 2002).

Именования людей, объединенных личными, профессиональными интересами. В нашем материале имеется 37 контекстов со вторыми компонентами, обозначающими:

– множества людей, объединённых личными интересами *Netzaktivisten* (сетевые активисты) (1), *Plagiatjäger* (борцы с плагиатом) (1), *Kleinanleger* (мелкие инвесторы) (1), *Touristen* (туристы) (2), *Anbeter* (поклонники) (1), *das revolutionäre Volk* (революционный народ) (1), *Asylanten* (беженцы) (1), *Migranten* (мигранты) (1), *Prinzessinnen* (принцессы) (1);

– профессиональные группы *Journalisten* (журналисты) (4), *Mitarbeiter* (сотрудники) (3), *Paparazzi* (фотожурналисты) (2), *Fotografen* (фотографы) (2), *Berater* (консультанты) (2), *Designer* (дизайнеры) (1), *Reporter* (репортёры) (1), *Ärzte* (врачи) (1), *Sanitäter* (санитары) (1), *Künstler* (художники) (1), *Bankunterhändler* (работники банка) (1), *Parlamentarier* (парламентарии) (1), *Leibwächter* (телохранители) (1), *Finanzoligarchen* (финансовые олигархи) (1), *Generale* (генералы) (1), *Polizisten* (полицейские) (1), *Uniformierte* (патрульные) (1), *Jäger* (охотники) (1), *Professoren* (профессора) (1).

Актуализация семантических компонентов слова *Schwarm* «многочисленность», «постоянное движение» при обозначении сообществ людей, объединённых личными и профессиональными интересами, поддерживалась кластерными единицами *sich stürzen* (наброситься), *schwappen* (купаться), которые выражены такими же акциональными глаголами или же аналогичными по семантике, как в предложениях с лексемой *Schwarm* в прямом значении, ср.:

Sofort nach der ersten Meldung auf Vroniplag stürzte sich ein ganzer Schwarm von Plagiatjägern auf die fragliche Dissertation (толпа борцов с плагиатом набросилась на диссертацию) (Die Zeit. 2011). *Schwärme von Moskitos stürzen sich auf ihre ausgezehnten Körper* (рой москитов набросился на их тела) (Die Zeit. 2015).

Schwärme von Kreuzfahrttouristen schwappen an Land (толпы туристов купаются у берега) (Die Zeit. 2003). *Ein ganzer Schwarm schwimmt in einem großen Aquarium* (целый косяк рыб плавает в аквариуме) (Berliner Zeitung. 2005).

При помощи упомянутых в контекстах акциональных глаголов актуализировалась сема «постоянное движение», входящая в структуру значения слова *Schwarm*.

Только в словаре DWDS допускается сочетаемость лексемы *Schwarm* с именами, обозначающими предметы и абстрактные понятия: *ein Schwarm einmotoriger Flugzeuge* (рой истребителей); *einen ganzen Schwarm unliebsamer Gedanken* (куча негативных мыслей). В нашем материале представлены:

Именования вещей и абстрактных понятий. В корпусе насчитывается 32 контекста со вторыми членами, обозначающими:

– транспортные средства и автоматические устройства *Nanoroboter* (нанороботы) (4), *Drohnen* (дроны) (3), *Quadrokoetter* (квадрокоптеры) (3), *Hubschrauber* (вертолёты) (2), *Helikopter* (геликоптеры) (1), *Flugzeuge* (самолёты) (1), *Bomben* (бомбы) (1), *Raketen* (ракеты) (1), *Schiffe* (корабли) (1), *Baggerschiffe* (самоходные землечерпалки) (1), *Motorräder* (мотоциклы) (1), *Fahrräder* (велосипеды) (1);

– небесные тела *Stars* (звёзды) (3), *Kometen* (кометы) (2), *Meteoriten* (метеориты) (1), *Meteore* (метеоры) (1);

– явления и объекты природы *Inseln* (1), *Erdbeben* (1);

– мельчайшие частицы *Elektronen* (1), *Mikrosatelliten* (микросателлиты) (1);

– предметы производства *Bücher* (1).

Наиболее частотными лексемами в выборке являются существительные, обозначающие транспортные средства. Языковыми единицами, поддерживающими семы «постоянное движение», «многочисленность», являются глаголы, указывающие на высокую скорость передвижения *vorbeihuschen*, *vorüberrumpeln* (проноситься мимо), *sich rasch nähern* (быстро приближаться), *ausfliegen* (вылетать) и прилагательные *endlos* (бесконечный), *hupend* (зудящий):

Es sah aus wie „ein Schwarm von Flugzeugen, fünfzig oder mehr“, näherte sich rasch (это выглядело как приближающийся рой истребителей) (Die Zeit. 1991).

Schwärme unbeleuchteter Fahrräder huschen vorbei (пронесли толпы велосипедистов) (Die Zeit. 1985).

Noch nachts um vier rumpeln endlose Autokolonnen und Lastwagen ebenso vorüber wie Schwärme hupender Motorräder (проносятся автоколонны и грузовики, как рой зудящих мотоциклов) (Die Zeit. 1997).

Aus jedem Erdenwinkel fliegen ganze Schwärme neuer Bücher aus (выходит (вылетает) бесчисленное множество книг) (Die Zeit. 1995).

В одном контексте при помощи прилагательного *wildgeworden* (одичавший) и глагола *Jagd machen* (охотиться) актуализировалась сема «животные», входящая в структуру значения слова *Schwarm*, в прямом и переносном значении: *Ein wildgewordener Schwarm von Nanorobotern macht Jagd auf die Wissenschaftler* (одичавшая стая нанороботов охотится на учёных) (Berliner Zeitung. 2002); *und Schwärme von Moskitos ihre Jagd beginnen* (рой москитов начинает свою охоту) (Die Zeit. 2014)

Количественное соотношение вторых членов в именной группе с лексемой *Schwarm* представлено в табл. 3.

В подавляющем большинстве случаев лексема *Schwarm* выбирает в качестве контекстуальных партнеров существительные, обозначающие зоонимы (82%). Корпус публицистических текстов продемонстрировал расширение комбинаторного потенциала лексемы *Schwarm*. В период с 1990-х гг. и по настоящее время отмечается сочетание лексемы с существительными, именующими людей (преимущественно профессиональные группы) (10%),

а также вещи (преимущественно транспортные средства) и абстрактные понятия (8%).

Т а б л и ц а 3

**Количественное соотношение вторых членов в именной группе
с лексемой *Schwarm***

Вторые компоненты именной группы	Количество и доля в корпусе
«Зоонимы»	368 примеров (≈ 82%)
«Человек»	46 примеров (≈ 10%)
«Вещи и абстрактные понятия»	32 примера (≈ 8%)
Всего	446 примера

На примере слова-квантификатора *Schwarm* мы увидели, что происходит метафорическое осмысление ситуации, в которой участвуют не животные, а объекты, сравниваемые с животными. При этом множество этих объектов получает номинацию в соответствии с тем, какое животное является объектом сравнения.

Именные группы с первым компонентом *Rudel*

Онлайн-издание толкового словаря Дудена и словарь Лангеншайдт определяют значение лексической единицы как «группу диких млекопитающих одного вида», которые «совместно проживают и питаются: *ein Rudel Hirsche* (стая оленей), и это сообщество по численности меньше стада» [9, 11].

Словари DWDS и PONS толкуют слово *Rudel* как «социально замкнутую группу диких млекопитающих», которые «в отличие от стада не взаимозаменяемы и в (большинстве случаев) обнаруживают родство: *ein Rudel Rehe* (стая косуль)» [5, 10].

Согласно приведенным дефинициям значения слова *Rudel* можно выделить следующие наиболее значимые семы:

1. Дикие животные одного вида.
2. Немногочисленность.
3. Общий ритм жизни.
4. Замкнутое сообщество (в большинстве случаев обнаруживают родство).

В качестве второго члена именных групп с лексемой *Rudel* употреблялись существительные:

Именования диких животных. Среди вторых членов квантитативных групп обнаружены 55 лексем, обозначающих диких животных (млекопитающих, птиц, рыб): *Wölfe* (волки) (18), *Hirsche* (олени) (5), *Rehe* (косули) (4), *Gemsen* (серны) (4), *Delfine* (дельфины) (3), *Wildhunde* (дикие собаки) (2), *Rothirsche* (благородные олени) (2), *Rentiere* (северные олени) (2), *Straßenhunde* (уличные собаки) (1), *Schakale* (шакалы) (1), *Köter* (дворяги) (1), *Löwen* (львы) (1), *Tiger* (тигры) (1), *Leoparden* (леопарды) (1), *Kängurus* (кен-

зуру) (1), Ratten (крысы) (1), Meerschweinchen (морские свинки) (1), Lemminge (лемминги) (1), Eichhörnchen (белки) (1), Warzenschweine (бородавочники) (1), Elche (лоси) (1), Wale (киты) (1), Haie (акулы) (1).

С точки зрения носителей языка, упоминаемые зоонимы можно отнести к сообществам, обозначаемым *Rudel*, благодаря таким семам, как «дикие животные», «общий ритм жизни», «замкнутое, родственное сообщество». Наиболее частотной лексемой оказалась лексема *Wölfe* (волки):

Im Februar dieses Jahres erschreckte ein Rudel Wölfe eine Spaziergängerin im Landkreis Lüneburg, die zwei Hunde ausführte (Die Zeit. 2015).

...wenn er einem Rudel Hirsche über Berg und Tal folgt (Die Zeit. 2014).

Кластерными единицами, поддерживающими актуализацию семантических компонентов лексемы *Rudel*, являются определения, указывающие на дикий образ жизни животных: *Rudel herrenloser Hunde* (стая бездомных собак) (Berliner Zeitung. 1999); *ein Rudel wilder Hunde* (стая диких собак) (Berliner Zeitung. 1994); *Rudel verwildeter hungriger Hunde* (стая одичавших, голодных собак) (Die Zeit. 1990). Благодаря перечисленным кластерным единицам группы домашних животных были именованы стаей *Rudel*.

В одном предложении нашего корпуса речь идёт об «общении» ворон, и можно предположить, что носитель языка именовал группу птиц *Rudel*, подчеркнув принадлежность к индивидуализированному, родственному сообществу. Кластерные единицы *heiser und heiter kommunizierende* (осипшие и оживленно дискутирующие) поддерживают актуализацию семы «замкнутое сообщество»: *Wie ein kleines Rudel heiser und heiter kommunizierender Krähen hocken sie auf weißen Bänken vor weißen Tischen vor weißen Wänden* (как стайка осипших и оживленно дискутирующих ворон, сидят они на белых скамейках за белыми столами) (Berliner Zeitung. 2005).

Носители языка называют сообщества ворон также *Schwarm*, когда актуализируются не семантический компонент «замкнутое сообщество», а семы «способность летать», «постоянное движение», «многочисленность», характеризующие лексему *Schwarm*: *Wie ein Schwarm aufgeschuchter Krähen verließen die Spitzel hastig die Tribünen* (как стая испуганных ворон покинули они спешно трибуны) (Blos W. DWDS).

Именования домашних животных. Данная группа представлена 25 примерами с обозначениями домашних животных: *Hunde* (собаки) (14), *Stiere* (быки) (3), *Schlittenhunde* (ездовые собаки) (1), *Spürhunde* (розыскные собаки) (1), *(dressierte) Pudel* (дрессированные пудели) (1), *Huskies* (хаски) (1), *Wolfshunde* (волкодавы) (1), *Dobermänner* (доберманы) (1), *Katzen* (кошки) (1), *Schafe* (овцы) (1).

Зоонимы данной тематической группы формируют сообщества, обозначаемые *Rudel*, благодаря актуализации сем «общий ритм жизни» и «замкнутое сообщество»:

...ein Rudel Huskies zieht den Schlitten (стая хаски тянет сани) (Die Zeit. 2001).

dort lebten im Müll ein Rudel Katzen und mehrere inkontinente Hunde (в куче мусора обитала стая кошек и несколько собак) (Die Zeit. 2006).

В одном примере в роли второго компонента выступила лексема *Schafe* (овцы), хотя она является наиболее частотной лексемой в составе группы с *Herde* (стадо). Языковой единицей, поддерживающей актуализацию семы «дикие животные», в данном случае является определение (*aufgescheut* испуганный), указывающее на поведение дикого животного в стрессовой ситуации, которое непредсказуемо для человека и воспринимается им как поведение одичавших животных *wie ein Rudel aufgescheuchter Schafe* (как стая испуганных овец) (Die Zeit. 1956).

В переносном значении лексема *Rudel* обозначает большую группу людей *die Rudel von Touristen* (стая туристов) [6]. В качестве вторых компонентов группы с *Rudel* в переносном (пренебрежительном) значении представлены лексемы, обозначающие **людей**:

Именования детей и молодых людей. Данные именования иллюстрируются 10 примерами, где в роли вторых членов групп выступают лексемы, обозначающие детей (*Kinder*), школьников (*Grundschüler*), подростков (*Teenager, Halbwüchsige, Halbstarke*) и молодых людей (*junge Leute, junge Skandinavier, junge Frauen, blonde Girls, junge Mädchen*). Носители языка именовали множества детей, подростков и школьников «стаей» благодаря актуализации таких семантических компонентов лексемы *Rudel*, как «общий ритм жизни» и «закрытое сообщество»: *...und ein Rudel junger Leute mit älterem Reiseleiter drängt herein* (тут вошла группа молодых людей в сопровождении пожилого гида) (Berliner Zeitung, 2004).

Именования людей, объединённых личными, профессиональными интересами. Среди вторых членов количественных групп обнаружены 58 лексем, обозначающих:

– множества людей, объединённых личными интересами *Spieler* (игроки) (2), *Radfahrer* (велосипедисты) (2), *Touristen* (туристы) (1), *Elvis-Doppelgänger* (двойники Элвиса Пресли) (1), *Surfer* (серферы) (1), политическими взглядами (*Gleichgesinnte* (единомышленники) (1), *Neonazis* (неонацисты) (1), *Faschisten* (фашисты) (1), а также оказавшихся вместе в силу определённых обстоятельств *Menschen* (1), *Damen* (1), *Kerle* (1), *Frauen* (1), *Japanerinnen* (1), *Salzburger* (1);

– профессиональные группы *Journalisten* (журналисты) (7), *Fotografen* (фотографы) (7), *Polizisten* (полицейские) (3), *Reporter* (репортёры) (2), *Ärzte* (врачи) (2), *Tänzer* (танцоры) (2), *PR-Manager* (менеджеры) (2), *Geschäftsleute* (бизнесмены) (2), *Jungmediziner* (медики) (1), *Krankenschwester* (медсестры) (1), *Paparazzi* (напарацици) (1), *Mikrofonträger* (фотокорреспонденты) (1), *Künstler* (художники) (1), *Studenten* (студенты) (1), *Bauzeichner* (архитекторы) (1), *Uniformierte* (патрульные) (1), *Beamte* (госслужащие) (1), *Erfinder* (изобретатели) (1), *Musiker* (музыканты) (1), *Schriftsteller* (писатели) (1), *Agenten* (агенты) (1), *Feldwebel* (фельдфебели) (1), *Clowns* (клоуны) (1).

Контексты показали, что в качестве вторых компонентов сочетаний с *Rudel* выступают существительные, обозначающие группы людей, объединённых общим делом или оказавшихся вместе случайно:

Begleitet von einem Rudel Tänzer (в сопровождении группы танцоров) (Berliner Zeitung. 2003);

...folgten ihm ein **Rudel Fotografen** (за ним последовала группа фотографов) (Berliner Zeitung, 2001).

В толковых словарях не приведены примеры сочетаемости лексемы *Rudel* с именами, обозначающими «вещи и абстрактные понятия». Однако в нашем материале представлена метафорическая сочетаемость с существительными, которые обозначают:

Именования вещей и абстрактные понятия. Среди вторых членов именных групп обнаружены лексемы, называющие:

– транспортные средства и автоматические устройства *Schiffe* (корабли) (2), *U-Boote* (подводные лодки) (1), *Flugroboter* (дроны) (1), *Motorräder* (мотоциклы) (1), *Mopeds* (мопеды) (1), *Harley Davidsons* (мотоциклы) (1), *Autobile* (автомобили) (1), *Autos* (автомобили) (1), *Straßenkreuzer* (лимузины) (1), *Porsche Cayennes* (автомобили) (1), *Panzer* (танки) (1);

– небесные тела *Stars* (звёзды) (3), *Kometen* (кометы) (2), *Meteoriten* (метеориты) (1), *Meteore* (метеоры) (1);

– мельчайшие частицы *Elektronen* (1);

– предметы быта *Pantoffeln* (тапочки) (1).

Наиболее частотными лексемами в выборке являются существительные, обозначающие наземные транспортные средства. Ранее было модно называть новые модели авто в честь представителей фауны. В итоге на рынке возникло немало автомобилей со «звериными» названиями (**VW Tiguan=Tiger** (тигр) und **Leguan** (игуана)). Многие модели автомобилей обязаны своими названиями млекопитающим, птицам, рептилиям и насекомым. Неудивительно, что множество автомобилей именуется носителями языка словом, обозначающим сообщества животных: *Um die Lastwagen schwirren Rudel von Motorrädern und Mopeds herum...* (вокруг грузовых автомобилей кружатся стаи мотоциклов и мопедов) (Die Zeit, 1987).

В нашем распоряжении имеется один пример с лексемой, обозначающей воздушный летательный аппарат *Flugroboter*. Уже сегодня дроны активно помогают человеку во многих областях деятельности, начиная со сферы развлечений и заканчивая операциями по спасению людей. Носители языка, вероятно, перенесли образно сему «немногочисленность» на именование группы аппаратов: ***Rudel von Flugrobotern sollen untereinander Fehlleistungen korrigieren*** (стаи дронов должны исправлять собственные ошибки) (Die Zeit, 2000).

В трёх контекстах обнаружены лексемы для обозначения группы водных транспортных средств, для именовании которых носители языка использовали лексему *Rudel*: *...daß das Boot inmitten eines Rudels verfolgender Schiffe und bedroht von Schwärmen feindlicher Flugzeuge durch die tödliche Biskaya ankommt* (Die Zeit, 1995).

Примечательно, что для группы водных видов транспорта, а именно кораблей (*Rudel verfolgter Schiffe*), носители языка выбрали лексему *Rudel*, предположительно по аналогии с именованием множества диких животных, а для группы воздушных видов транспорта (*von Schwärmen feindlicher Flugzeuge*) лексему *Schwarm*, так как в этом случае актуализируются семы «способность летать», «постоянное движение».

В одном примере множество пар обуви именовалось лексемой *Rudel*, так как данные предметы быта принадлежат семье, т.е. в контексте предположительно актуализируется сема «замкнутое сообщество», которые дифференцируют значение слова *Rudel*: ...**ein Rudel von Pantoffeln steht zur Auswahl bereit** (гостям отеля были предложены тапочки) (Die Zeit. 1964).

Дело в том, что обувь относится к парным предметам и, соответственно, для обозначения одной пары обуви в немецком языке используется слово-квантификатор *Paar*: *Für Gäste hält sie stets ein Paar Pantoffel bereit* (для гостей у нее всегда припасена пара тапочек). Для обозначения нескольких пар тапочек используется преимущественно множественное число существительного *Pantoffel*: *Am Eingang stehen Pantoffeln für die Besucher bereit* (DWDS); *für den Vordermann liegen Pantoffeln bereit, es gibt keine Heizung* (DWDS); *Im WC stehen wiederum Pantoffeln, aus Gummi* (DWDS) или же прилагательное *vielen*: *Er ist sehr alt geworden und hatte viele Pantoffeln* (он состарился, и у него было много домашних тапочек) (DWDS).

В одном контексте множество тапочек было названо горой, так как речь шла о большом количестве тапок в магазине, которые были свалены в кучу *Ich erkannte die Dame, die da im Warenhaus in einem Berg von Pantoffeln wühlte, kaum wieder* (он едва узнал даму, которая рылась в куче тапочек) (DWDS).

На сайте крупнейшего интернет-магазина Amazon мы нашли предложение о продаже тапочек для отелей и спа-салонов. В описании продукта сказано, что минимальное количество товара составляет сто пар обуви. Эти сто пар обуви были названы стаей *Rudel*.

Luxus-Terry-Baumwoll-Sliper, EVA-Sohle, wasserdicht, Rudel von 100 (Amazon)

100 Paare von Cortia-Hausschuhen in Terry-Baumwoll-Baumwoll-Bottombodenwasserdichter EVA-Baumwollschwamm besonders weiche weiße Farbe.

I Packung von 100 Paaren. *Lieferungen für Hotels, Resorts, Spas* (Amazon).

Несколько пар тапочек именуется *стаей* и в русском языке: *Над полем стая тапочек летела* (Игорь Пикулин. <https://stihi.ru/2010/03/01/2001>). Мужские войлочные тапочки «Вожак стаи» можно приобрести в магазинах нашей страны. Название тапочек носителями языка выбрано не случайно. Производитель подчеркивает высокий статус мужчины в семье, а актуализация семы «замкнутое сообщество», на наш взгляд, очевидна в выборе слова-квантификатора *Rudel* также и в немецком языке для обозначения нескольких пар домашней обуви.

Количественное соотношение вторых компонентов в именной группе с *Rudel* представлено в табл. 4.

Данные нашего корпуса показали, что слово-квантификатор *Rudel* в половине случаев выбирает в качестве контекстуальных партнеров существительные, обозначающие зоонимы.

Количественное соотношение вторых членов в именной группе с лексемой *Rudel*

Вторые компоненты именной группы	Количество и доля в корпусе
«Зоонимы»	90 примеров (≈ 50%)
«Человек»	68 примеров (≈ 38%)
«Вещи и абстрактные понятия»	21 пример (≈ 12%)
Всего	179 примеров

Корпус публицистических текстов продемонстрировал расширение комбинаторного потенциала *Rudel*. В период с 1990-х гг. и по настоящее время отмечается активное сочетание данной лексики с существительными, обозначающими людей (38%), и существительными, именующими вещи и неперсонифицированные имена (12%).

Заключение

В работе была проанализирована семантика именных групп со словами-квантификаторами, обозначающими сообщества животных. Имена разных семантических групп способны сочетаться с лексемами *Herde*, *Schwarm*, *Rudel*, выступающими в роли первых компонентов.

Исследование показало, что значение слова и его сочетаемостные возможности неотделимы друг от друга, и их комплексное рассмотрение помогло анализировать природу сочетаемости слов-квантификаторов *Herde*, *Schwarm*, *Rudel*. Семантическая структура слова позволила словам расширить свою сочетаемость. Так, семы «многочисленность», «общий ритм жизни» и «руководимость, отсутствие самостоятельности» у слова *Herde* создали дополнительную сочетаемость с лексемами, обозначающими многочисленные сообщества детей, взрослых людей *eine Herde Jungen* («стадо» мальчишек), *eine Herde von 7000 Fans* («стадо» из 7000 фанатов).

Семантические компоненты «многочисленность» и «постоянное движение» лексики *Schwarm* способствовали тому, что в роли вторых компонентов количественной группы употреблялись существительные, обозначающие множества людей, вещей и абстрактных понятий *Schwärme von Teenagern* (стаи подростков), *ein Schwarm von Flugzeugen* (рой самолётов).

Семы «немногочисленность» и «замкнутое сообщество» породили сочетаемость с существительными, обозначающими не только живых существ, но и людей и предметы *ein Rudel Fotografen* («стая» фотографов), *Rudel von Flugrobotern* (стая дронов).

Нарушение или, точнее, расширение классической сочетаемости слов вскрывает механизм актуализации сем: компоненты словосочетания начинают выполнять новые функции и прирастают дополнительными значениями, а именно: слова квантификаторы дают представление о количестве объектов, о характере их действий. Данные наименования групп животных могут быть использованы для наименования совокупности объектов другого рода, если происходит метафорическое осмысление описываемой ситуации, основой которого является сходство с группой животных.

Списки слов – вторых членов квантитативных сочетаний типа *eine Herde Schafe* могли бы способствовать корректировке и дополнению существующей словарной информации о сочетаемостных возможностях лексем *Herde, Schwarm, Rudel*.

Следует особо подчеркнуть, что наделение слов семами сообществ живых существ не осуществляется с помощью только одной лексической единицы *Schwarm, Rudel, Herde*. Рассматриваемый контекст употребления зачастую содержит в себе единицы, «поддерживающие» смысловые компоненты. Таким образом формируется в некоторых случаях кластер лексических единиц, вызывающий в сознании реципиента представления об объекте как о *Herde, Schwarm, Rudel*.

Список источников

1. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 242 с.
2. Кутасина Е.С., Раевский М.В. Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1985. № 2. С. 48–56.
3. Фефилов А.И. Методологические основы морфотемного анализа // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сер. Лингвистика. 2002. Вып. 1 (7). С. 10–18.
4. Фефилов А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 1997. 246 с.
5. DWDS Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wp>
6. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Морковкин В.В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов. М., 1979. С. 129–137.
9. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim : Bibliographisches Institut GmbH, 2016. 2144 S.
10. PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart : Klett, 2018. 1741 S.
11. LANGENSCHIEDT Großwörterbuch Deutsch Als Fremdsprache. München, Wien : Langenscheidt, 2019. 1342 с.
12. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука, 1968. 272 с.
13. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М. : Наука, 1981. 361 с.
14. Ноздрина А.С. Аксиологический аспект категории количества: сопоставительное исследование на материале русского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2011. 21 с.

References

1. Serebrennikov, B.A. (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The Role of the Human Factor in Language. Language and thinking]. Moscow: Nauka.
2. Kutagina, E.S. & Raevskiy, M.V. (1985) *Eshche raz o vide podchinitel'noy svyazi slovosochetaniy tipa ein Liter Wasser i padezhnoy forme ikh vtorogo komponenta* [Once again about the type of subordinating connection of phrases like ein Liter Wasser and the case form of their second component]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2. pp. 48–56.

3. Fefilov, A.I. (2002) Metodologicheskie osnovy morfotemnogo analiza [Methodological foundations of morphothematic analysis]. *Uchenye zapiski UIGU. Aktual'nye problemy teorii yazyka, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii. Ser. Lingvistika*. 1 (7), pp. 10–18.
4. Fefilov, A.I. (1997) *Morfotemnyy analiz edinits yazyka i rechi* [Morphotheme Analysis of Language and Speech Units]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University.
5. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (n.d.) [Online] Available from: <https://www.dwds.de/wp>
6. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and combinability]. Moscow: Russkie slovari.
7. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Keywords]. Translated from English by A.D. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Morkovkin, V.V. (1979) Sochetaemostnye svoystva slova i problema ikh sistemnoy leksikograficheskoy interpretatsii [Combinability properties of words and the problem of their systemic lexicographic interpretation]. In: *Problemy sochetaemosti slov* [Problems of Word Compatibility]. Moscow: Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. pp. 129–137.
9. Duden. (2016) *DUDEN Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH.
10. PONS. (2018) *PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Stuttgart: Klett.
11. Langenscheidt. (2019) *LANGENSCHIEDT Großwörterbuch Deutsch Als Fremdsprache*. München, Wien: Langenscheidt.
12. Ufimtseva, A.A. (1968) *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Word in the Lexical-Semantic System of Language]. Moscow: Nauka.
13. Stepanov, Yu.S. (1981) *Imena, predikaty, predlozheniya (semiologicheskaya grammatika)* [Names, Predicates, Sentences (Semiological grammar)]. Moscow: Nauka.
14. Nozdrina, A.S. (2011) *Aksiologicheskyy aspekt kategorii kolichestva: sopostavitel'noe issledovanie na materiale russkogo i nemetskogo yazykov* [Axiological aspect of the category of quantity: a comparative study based on the material of the Russian and German languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Шубина Э.Л. – д-р филол. наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Ноздрина А.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: nozdrina@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.L. Shubina, Dr. Sci. (Philology), professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elvira.shubina@mail.ru

A.S. Nozdrina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nozdrina@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2022;
одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2022;
approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161+82-221
doi: 10.17223/19986645/86/8

И.С. Тургенев – читатель Аристофана (по материалам библиотеки писателя)

Иван Олегович Волков¹, Эмма Михайловна Жилякова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *wolkoviv@gmail.com*

² *emmaluk@yandex.ru*

Аннотация. На материале личной библиотеки И.С. Тургенева ставится и разрабатывается проблема восприятия русским писателем творчества Аристофана. Подвергаются анализу многочисленные тургеневские пометы на немецком переводе пьес «Всадники» и «Облака». Реконструируемая картина чтения раскрывает интерес И.С. Тургенева к поэтике (язык и стиль) и эстетике (комическое и лирическое) древнеаттической комедии, к общественно-историческому и литературному контексту, в котором она существовала и который ее питал.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Аристофан, «Всадники», «Облака», Дройзен, библиотека И.С. Тургенева

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00549, <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

Для цитирования: Волков И.О., Жилякова Э.М. И.С. Тургенев – читатель Аристофана (по материалам библиотеки писателя) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 123–156. doi: 10.17223/19986645/86/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/8

Ivan Turgenev as a reader of Aristophanes (based on Turgenev's library)

Ivan O. Volkov¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *wolkoviv@gmail.com*

² *emmaluk@yandex.ru*

Abstract. The article considers a particular aspect of the problem of artistic and aesthetic perception of ancient literature by Ivan Turgenev. The research focuses on the works of the ancient Greek comedian Aristophanes, which became the object of close

attention of the Russian writer at the turn of the 1840s. Numerous marks in the texts of the plays *The Knights* and *The Clouds* are analyzed, allowing us to reconstruct the picture of Turgenev's reception. Turgenev, who knew the comedies of Aristophanes in the original language, was especially interested in the German three-volume edition of 1835–1838. The translation was made by the outstanding historian, Hellenistic scholar Johann Droysen, whom the Russian writer might have met during his studies at the University of Berlin. Turgenev made pencil and nail scratch marks while reading, and thus made his own accents of perception not only in the actual text of the comedies, but also in the translator's extensive notes, revealing the connection of plots and images with the era contemporary to the ancient Greek author. The marks in *The Knights* reveal Turgenev's interest in the language and style of the comedy, Aristophanes' methods of satirical depiction. For the Russian writer, the elements of verbal play, semantic contrast, and mixing of figurative layers turned out to be significant. Thus, the accents made by Turgenev in the dialogue of two slaves with masks of eminent statesmen of Athens indicate his attention to the ongoing everyday life, the invasion of the grassroots elements into the socio-political sphere. The same logic of interest can be traced during his observation of the competition between the main characters, a leather trader and a sausage seller. Following the course of exposing Cleon indicated by the author, Turgenev takes a particular interest in the comic discrediting of the character by likening state administration to a dinner table, when gastronomy replaces political activity. The marks in *The Clouds*, in many respects continuing the line of the reader's reception, reveal the focus of the Russian writer on the main character of the comedy, the peasant Strepsiades. On the one hand, Turgenev is interested in this character as a representative of the Attic peasantry, whose life is filled with his worries and anxieties; on the other hand, the Russian writer finds important Strepsiades' relationship with his son Pheidippides, which is projected onto the general issues of the education of the Athenian youth. Without dwelling especially on the images of Socrates and the Sophists, Turgenev observes mainly the opposition of tradition and new morality that takes place in the comedy.

Keywords: Ivan Turgenev, Aristophanes, *The Knights*, *The Clouds*, Droysen, Ivan Turgenev's library

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00549, <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

For citation: Volkov, I.O. & Zhilyakova, E.M. (2023) Ivan Turgenev as a reader of Aristophanes (based on Turgenev's library). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 123–156. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/8

Проблема «Тургенев и Аристофан» на сегодняшний день в литературоведении не поставлена, хотя она входит в состав общей и уже обозначившейся в исследованиях проблематики диалога русского писателя с античным наследием. К вопросу о важности для Тургенева творчества древнегреческого комедиографа обращались не раз [1. С. 94–95; 2. С. 537; 3. С. 171], но в большинстве случаев это происходило в качестве лишь констатации его интереса и цитированию известного места из письма к П. Виардо 1847 г. Придать новый импульс этой важной проблеме и наметить пути ее изучению помогают уникальные материалы, хранящиеся в личной библиотеке писателя. Это трёхтомное собрание пьес Аристофана 1835–1838 гг. на немецком языке с постраничными комментариями переводчика [4]. Каждый

том на титульной странице помечен чернильным автографом Тургенева, а особым вниманием отмечены две пьесы: «Всадники» и «Облака» – на их страницах писатель оставил множество карандашных и ногтевых следов чтения. Введение в научный оборот этих помет позволяет реконструировать ранее неизвестную картину тургеневского восприятия «отца комедии».

Знакомство писателя с творчеством Аристофана произошло в период пансионного обучения и должно было иметь в первое время характер поверхностный, поскольку тогда Тургенев вообще открывал для себя мир Античности. В 1827 г. его вместе с братом определили на воспитание в пансион И.И. Вейденгаммера, где были даны основы древних языков. Не случайно через год на свое десятилетие Тургенев получил в подарок двухтомник «Римские древности» [5]. На передний форзац первой книги наклеен листок бумаги с латинской записью – цитатой о пользе плодов науки из речи Цицерона: «Res ceterae neque temporum, neque aetatum omnium, neque locorum: haec studia adulescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfrugium et solacium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur»¹. Последующее обучение (по выходе уже из пансиона И.Ф. Краузе) в Московском, а затем в Петербургском университетах задало Тургеневу необходимую планку классического образования, которое было решено продолжить и развить в Берлине. При этом в студенчестве писатель на дому специально занимался с Ф.А. Вальтером², обосновавшимся в России филологом-классиком из Лейпцигского университета. Очевидно, «приватные уроки чтения Горация, Тацита, Гомера, Софокла и других классиков» (цит. по: [8. С. 105]) продолжались вплоть до отъезда Тургенева за границу, и в этой связи примечательно упоминание В.Н. Житовой, сестрой писателя, об «усиленных занятиях греческим языком» перед поступлением в Берлинский университет. В ее воспоминаниях за 1838 г. особенно запечатлелась атмосфера тургеневского увлечения Аристофаном:

Однажды он выдумал научить меня лягушечьему греческому языку (как он сам выражался). Познания мои заключались в том, что он заставил меня заучить следующие звуки: «Бре-ке-ке-кекс-коакс-коакс!» (Благодаря знакомому мне

---

¹ Ведь другие занятия годятся не для всех времен, не для всех возрастов, не во всех случаях, а эти занятия воспитывают юность, веселят старость, при счастливых обстоятельствах служат украшением, при несчастливых – прибежищем и утешением, радуют на родине, не обременяют на чужбине, бодрствуют вместе с нами по ночам, странствуют с нами и живут с нами в деревне [6. С. 38].

² Будучи проездом в Париже и желая встретиться с Тургеневым, Вальтер 14 августа 1878 г. писал своему бывшему ученику: «Сударь, я не знаю, вспоминали ли вы на протяжении вашей долгой, славной столькими шедеврами и навсегда прославившей русскую литературу карьеры поэта и писателя, за которой я следил со всевозрастающим восхищением скромного преподавателя древних языков, имевшего честь сорок лет назад читать с вами Горация и Софокла, который гордится тем, что имел в вашем лице ученика по древним языкам, ставшего столь знаменитым на службе Муз своего отечества» [7. Т. 16, кн. 1. С. 543].

классику, я убедилась, что память мне не изменила нисколько. Звуки, которыми мы так забавлялись с И.С., повторяются в комедии Аристофана «Лягушки»). Получив эти сведения из quasi-греческого языка, я была ставлена им на стол, причём он придавал мне какую-то, вероятно, классическую позу, с весьма вытянутой рукой, и заставлял меня повторять заученное сначала протяжно, почти торжественно, и потом очень быстро и самым тонким, визгливым голосом; и при этом мы оба заливались таким громким смехом, что представление наше часто обращало на себя внимание Варвары Петровны, выходявшей нас унимать [9. С. 37–38].

Это мемуарное свидетельство оказывается важным в нескольких аспектах. Во-первых, с формальной стороны – Тургенев ехал в Берлин уже будучи погружённым в оригинальное аристофановское творчество, серьёзное изучение которого и продолжилось под руководством немецких профессоров. Во-вторых, писатель из домашних занятий с Вальтером непосредственно усвоил специфику и значение комического слова Аристофана и общую стилистику его смеха. Языковая игра, которую приводит Житова, явила Тургеневу пример живой греческой культуры, представителем и проводником которой был драматург. Передаваемые ею звуки: «Бре-ке-ке-кекс-коакс-коакс!» (др.-греч. Βρεκεκεκέξ κοόξ κοόξ) действительно принадлежат комедии «Лягушки» и дословно взяты из лягушачьего хора. Наконец, в-третьих, в поведении Тургенева проступает глубокое созвучие стихии юмора. Это не просто ребячество (на тот момент писателю было почти двадцать лет), но особая склонность к игре, позволяющая ощутить себя вне рамок и условностей и одновременно, словно изнутри, почувствовать мир античной зрелищности. Не случайно в качестве союзника и единственного понимающего его существа Тургенев выбирает именно детское сознание, свою пятилетнюю сестру. Немаловажен и тот факт, что современники в своих воспоминаниях запечатлели очень колоритный образ Тургенева, который был склонен к озорству, доходившему до скоморошества, и к острословию, эпиграмматическому экспромту [10. С. 77–90]. Последнее подтверждают и письма писателя, полные и легких шуточных, и едких язвительных замечаний¹.

«Немецкое море», в которое погрузился Тургенев с поступлением в Берлинский университет, закономерно заполнило его «труды и дни» античным миром. В «Литературных и житейских воспоминаниях» писатель называет в качестве своих немецких преподавателей по древним языку и литературе двух филологов-классиков: К.Г. Цумпта и Ф.А. Бёка. Там же он признается, что за слабостью знания снова «на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую» [11. Т. 11. С. 8]. Именно в это время усиленных штудий Тургенев по-новому открывает для себя Аристофана. Здесь, в Берлине, он приобрел уже упомянутое издание в три тома с его комедиями. Перевод с греческого на немецкий был выполнен выдающимся историком,

---

¹ См., например, вполне аристофановский выпад Тургенева против комедии А.Н. Островского «Бешеные деньги» и философии Л.Н. Толстого в шестом томе «Войны и мира»: «...я думаю, сам сатана, наевшись тухлых яиц, не выковыряет подобного дерьма из собственной задницы!» [7. Т. 10. С. 161].

ученым-эллинистом (введшим в науку сам термин «эллинизм») И.Г. Дройзеном (Droysen), который с 1835 по 1840 г. занимал должность профессора классической филологии в Берлинском университете. С Дройзеном русский писатель в качестве студента вполне мог быть знаком и лично, а новое аристофановское издание, возможно, оказалось в его руках совсем не случайно, хотя никаких сведений об этих обстоятельствах нет. Но точно можно сказать, что Тургенев оценил работу Дройзена, поскольку во время чтения (главным образом «Всадников») его интерес вызвали обширные и очень доступные комментарии переводчика, в которых дано пояснение трудным, неясным или требующим дополнительного контекста местам в комедиях.

Изучение Аристофана в немецком переводе у писателя, конечно, сопрягалось и с прямым обращением к оригиналу, но дройзеновское издание – кропотливое, тщательное, сразу получившее признание, само по себе служило ему не менее достоверным источником, чрезвычайно близким к древнегреческому. Образно-смысловая сторона аристофановских комедий была передана по-немецки очень точно, поэтому Тургенев сосредоточил свое внимание именно на нем. Вероятно, как раз профессора Дройзена он имел в виду, когда говорил о том, что «буквальный и добросовестный перевод самых похабных мест в Аристофане не доказывает безнравственность тех же профессоров – напротив...» [7. Т. 15, кн. 1. С. 17]. Немецкий язык вообще оказался для писателя важным посредником не только в чтении, но и в сопровождающей этот процесс рефлексии. Прежде всего, это был язык немецкой философии, и Тургенев использовал его для более точного усвоения и более глубокого осмысления, причем штудировав не только Г. Гегеля или Ф. Фишера. По-немецки он, например, выражает свои впечатления от чтения У. Шекспира, Ч. Диккенса, М. де Сервантеса, тут же на страницах оставляя комментарии. Именно переводу И.Г. Фосса Тургенев отдает предпочтение, обращаясь в свои берлинские годы к поэмам Гомера («Душа желает поплавать в эпическом море») [7. Т. 1. С. 162]. Наконец, на письменном магистерском экзамене в 1842 г. Тургенев, признавая трудность выражения на латыни, просит у профессора Ф.Б. ГрEFE позволения отвечать на вопрос о греческой словесности по-немецки, поскольку он «и с греческого устно переводил на немецкий язык» [12. С. 102].

Пометы Тургенева на текстах двух комедий Аристофана имеют четкую и предельно простую типологию. Это вертикальная черта на полях, нередко сопровождаемая знаком вопроса, который также употребляется отдельно, и горизонтальный штрих, чаще всего короткий, выделяющий отдельное слово или строку. Во «Всадниках» именно лаконичное подчеркивание станет главным маркером читательской рефлексии. Отмечая конкретное слово, писатель, конечно, делает его центром своего внимания, но вместе с ним он акцентирует и смысл всей фразы или даже реплики. Сделать такое заключение позволяет как сам выбор Тургеневым ключевых мест, так и его интерес к комментариям переводчика, которые расширяют пределы рефлексии.

Комедия «Всадники» – четвертая из известных пьес Аристофана, содержащая самую острую политическую критику жизни современных ему

Афин. Выводимая автором сатира была направлена прежде всего на «всемогущего лидера радикального крыла афинской демократии Клеона» [13. С. 19]. В чрезвычайно концентрированном виде Аристофан наполнил образ известного демагога и стратега главными пороками своего общества, стремясь к предельной типизации и «мало заботясь о соответствии данной характеристики истинным свойствам этого человека» [13. С. 25]. Но при этом гротескная форма сатиры во «Всадниках» и множество преувеличений дают широкую и верную картину общественно-исторической ситуации в Афинах, вскрывая «противоречия внутри афинского демоса, выявившиеся в первые годы Пелопонесской войны» [14. С. 42]. Основным общественный конфликт был связан с разнонаправленностью интересов афинского населения: с одной стороны, стремящиеся к миру разорившиеся селяне, а с другой – городские торговцы и ремесленники, выступавшие за победоносный финал войны.

Тесную включенность «Всадников» в их эпоху Тургенев, конечно, прекрасно считывал. Не случайно писатель на уже упомянутом магистерском экзамене при утвердительном ответе на вопрос: «Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?» в качестве доказательства называет и драматических авторов, «из которых достаточно помянуть одного Аристофана» (цит. по: [12. С. 107]). Он ставит комедиографа на одну ступень с Гомером, чья эпическая поэзия, по его убеждению, может служить «весьма обильным» источником народной истории. А сама стилистика «Всадников» давала Тургеневу ясное понимание живой связи аристофановской комедии с «мировоззрением и художественными вкусами аттического крестьянства» [13. С. 32].

Со строением аттической комедии вообще и Аристофана в частности русский писатель был хорошо знаком, о чем свидетельствуют его пометы. Во время своего чтения он четко выделяет основные части общей композиции, проставляя в каждой – прологе, пародии, агоне, эпизодии – собственные акценты. Читательский интерес Тургенева проявляет себя с самых первых страниц «Всадников». С возникновением на сцене спорящих Никия и Демосфена он подчеркивает в реплике последнего восклицание: «o mach nur keinen langen Kohl!»¹ [4. Т. 2. S. 315]. И здесь же обращается к подстрочному примечанию переводчика, который разъясняет смысл выделенного стиха. Слова Демосфена – это свойственная Аристофану насмешка над Еврипидом, стилем его трагедий. Выпад против трагика облечен в форму метафоры, где спаяны смыслы абстрактного (художественного) и конкретно-бытового, именно этот последний элемент и проясняется в сноске: «Euripides Mutter war eine Krauthändlerin; so war dem großen Dichter denn das Kohlen

---

¹ О, только не нужно длинной капусты! (Здесь и далее перевод с немецкого комедий Аристофана наш. Случаи разночтения оговариваются отдельно). Ср. этот стих в переводе А.И. Пиотровского: «Ах, нет, не надо брюквы еврипидовской!».

angeboren»¹ [4. Т. 2. S. 315]. Тургенев особо выделяет слово «*капуста*» – очевидно, как центр сниженной вымышленной характеристики. Обращение Аристофана к фигуре Еврипида писатель подчеркнет в пьесе еще один раз в связи с разъяснением Дройзеном яркого сценического элемента. Перед окончательным уходом со сцены побежденный Клеон в своей последней реплике произносит: «*Maschinet schnell zurück den Gottverhaßten hier!*»² [4. Т. 2. S. 418]. Переводчик поясняет, что «этот стих обусловлен Еврипидовой трагедией», поскольку в обращении героя к «театральным инженерам» выражено его желание «попасть внутрь дома через энциклему» [4. Т. 2. S. 418]. Именно название этого устройства – платформы на колесах, показывающей «то, что скрыто, что происходит за сценой, внутри жилища» (цит. по: [15. С. 285]), – подчеркивает Тургенев. В помете, проявляющей понимание авторской пародии на Еврипида, очевидно часто пользовавшегося энциклемой (эккиклемой), еще и знак усвоения писателем технического устройства античной сцены, ее подвижных декораций. Обширные и точные примечания Дройзена вообще оказываются для Тургенева энциклопедическим источником многих ценных сведений, но не только по истории театра, а по всей античной эпохе, древнегреческой культуре, что входит в аристофановскую комедию и исходит из нее. Из этих комментариев он, например, узнает о синегорах (адвокатах), псефизме (народном постановлении) или пористах (сборщиках податей). Большинство подчеркнутых им уточнений относятся к государственному устройству Афин, существованию человека в юридическом отношении, но прослеживается интерес и к народной жизни вне условий. Ярким примером может служить отмеченный Тургеневым осенний праздник в Афинах, проводимый в честь Аполлона, – Пианепсии.

Диалог двух рабов с масками именитых государственных деятелей Афин совершается в низовой стихии, и русский писатель в начале точно отмечает ее яркие проявления. Так, в объект его внимания попало похабное выражение Никия, который предлагает сбежать от хозяина и сравнивает эту потенциальную попытку, получающую только словесную форму (повторение слогов), с физической непристойностью: «*Wie wenn du dir eins abwischtest*»³ [4. Т. 2. S. 315]. В этом же ключе писатель отмечает ругательство пьяницы Демосфена в ответ на упрек напарника в чрезмерности «возлияний»: «*Ei meinst du? du bist ein Wasserkruchenhaselant!*»⁴ [4. Т. 2. S. 320]. Подчеркнутое слово оказывается попыткой (и вполне удачной) переводчика передать смысл древнегреческого «*κροῦνο-χυτρο-λίραιον*», описывающего много- и пустословного глупца. Дройзен сохраняет комическое сочетание, соединяя слова «вода-кувшин-чудак». При этом Тургенев подчеркивает тре-

---

¹ Мать Еврипида была торговкой зеленью; поэтому капуста оказывается врожденным признаком великого поэта.

² Катите в дом, катите злополучного! (пер. А.И. Пиотровского).

³ Как будто самого себя ты ублажаешь.

⁴ Эй, что ты имешь в виду? Ты – пресноводный шут!

тью часть этого многочлена, не случайно делая упор на шутовскую номинацию, поскольку именно этому народному образу соответствуют Никий и Демосфен.

Русский писатель интересуется лексико-семантической стороной комедии не как чем-то обособленным и в самом себе сосредоточенным, но в общей связи с сюжетом и проблематикой пьесы. Спорящие рабы подготавливают зрителей (в том числе и в прямом обращении) к появлению антагониста, постепенно вырисовывая в своих кривляньях и перебранках его колоритный непривлекательный образ. Среди всех данных Клеону в парабасе характеристик Тургенев посчитал значимыми две. Первая отсылает к предшествовавшему постановке комедии событию Архидамовой войны, когда Клеон фактически присвоил себе успех штурма Пилоса, подготовленного Никием. Раб, выступающий в роли обделенного лаврами стратега, проговаривает произошедшее военное мошенничество, уподобляя сражение в пелопонесской гавани приготовленной пище: «Neulich noch / Da ich selbst Lakonische Stritzel in Pylos ingerührt»¹ [4. Т. 2. S. 318]. В этой метафоре Тургенев, конечно, угадывает обытовленную отсылку к историческому событию, наблюдая смещение образных планов и возникновение на их стыке комического эффекта. Предельным проявлением такого следствия он посчитал развернутый карикатурный портрет Клеона, отчеркнув вертикальной чертой на полях полностью реплику Демосфена:

er hat /
Ein Bein in Pylos, das andre in der Ekklesie hier;
Und indem er so mit gespreizten Beinen steht, so ist
Höchstdessen Hintre über Furzyra, seine Hand
Links bei den Pressaliern, sein Verstand bei den Klemmiern² [4. Т. 2. S. 319].

Вся эта гротескная картина распостертого колосса основана на языковой игре, к которой прибегает Аристофан. Названия мест, куда упираются части тела (и мысли) Клеона, имеют реальные указания на области Древней Греции и одновременно обладают двусмысленностью. Переносное значение в оригинале возникает за счет созвучия топонимов со словами «вор», «вымогать», «зевать», свидетельствующими о нечестной природе Клеона. В немецком издании Тургенева переводчик постарался отобразить аристофановское острословие, изобретая наименования из компрометирующей лексики: «Furzyra – Furz» (кишечные газы), «Pressaliern – Presser» (насильник, угнетатель), «Klemmiern – Klemmen» (воровать). Свои старания Дройзен проговаривает в примечании, признаваясь, что «ради смеха пришлось

---

¹ На днях штрицель (тесто) замешал я лаконское в Пилосе. Ср. этот стих в переводе А.И. Пиотровского: «Вот недавно так / Крутую кашу заварил я в Пилосе».

² У него одна нога в Пилосе, другая здесь в Экклезии; и когда он стоит, так расставив ноги, то большая часть зада над Поддувальной, его рука слева в Угнетальне, его мысли в Воронии.

использовать некоторые имена, отличные от греческих» [4. Т. 2. S. 319]. Тургенев в этом комментарии ничего для себя не отметил, очевидно свободно воспринимая немецкий вариант словесной игры. Подобный же случай эквивалентного остроумия у Дройзена писатель отметил в том месте, где «противники стараются превзойти друг друга в самых невероятных обвинениях» [16. С. 969], обоюдно приписывая недостойное происхождение. Так, Колбасник напоминает Клеону о «тирании Писистрата и его сыновей Гиппарха и Гиппия», возводя его род к жене последнего и пытаясь приспособить ее имя под кожевенное ремесло. В примечании Дройзена возникающая игра слов выделена карандашом: «Жену Гиппия звали Мирсина – Миртихен <Murte – мирт>; Колбасник делает из этого Бырсина – Римихен <Riemen – ремень>, указывая на имя Гиппияса – Россхард <Rosshaar – конский волос, шерсть>» [4. Т. 2. S. 353].

Ход тургеневского чтения проявляет желание писателя посмотреть на одиозный облик Клеона в ряду подобных ему личностей. После «великолепного описания, предвосхищающего родосских колоссов» [4. Т. 2. S. 353], он по очереди выделил двух «ненавистных древней аттической комедии деятелей демократической партии» [16. С. 968] – Евкрата и Лисикла. Образ первого отмечен им через отчеркивание характеристики, данной автором: «Es wird zum Ersten hier ein Hedehändler sein»¹ [4. Т. 2. S. 323]. От этого стиха взгляд Тургенева тут же перешел на связанное с ним примечание, где сказано, что Евкрат также имел прозвание «торговец отрубями»: «er auch Kleienhändler genannt wird»² [4. Т. 2. S. 394]. Другой демагог выделен писателем в комментарии Дройзена к строке: «Nach diesem Ersten wird ein Schaafviehhändler sein»³ [4. Т. 2. S. 324]. Тургенев подчёркивает карандашом место гибели Лисикла, отправившегося получить дань от союзников, – «die Mäandrische Ebene» [4. Т. 2. S. 324], т.е. долина реки Меандр. При этом всех трех афинских деятелей писатель осмысляет в рамках охлократии – определении, подчеркнутым им опять же в объяснениях немецкого переводчика. Тургенев воспринимает Евкрата, Лисикла и Клеона в заданной Аристофаном логике, как демагогов, виновных в вырождении афинской демократии.

Компания, в которой оказывается Клеон, возникает в комедии через чтение добытых Никием табличек с предсказаниями, где и дан перечень государственных деятелей – слуг народа. Сам по себе этот фантастический элемент пьесы Тургенева не интересует, но функция пророчеств осмысляется им применительно к появляющемуся на сцене Колбаснику, который должен замкнуть ряд демагогов. Писатель подчеркивает судьбоносный характер пришествия торговца колбасами, преподносимый в комическом ключе Демосфеном: «selbst das Pythische»⁴ [4. Т. 2. S. 331]. Эту закономерность раб объясняет тем, что герой всей своей природой идеально соответствует роли

---

¹ Здесь первым был продавец пакли.

² его также называют торговцем отрубями.

³ После этого первого будет торговец овцами.

⁴ Даже пифийский <оракул>.

демагога («всем одарен ты, чтобы стать правителем»¹), не уступая даже Клеону. Здесь Тургенев отмечает одно из главных достоинств Колбасника, открывающих тому путь в народные вожди, а именно «schofel Geburt» (низкое/мерзкое рождение) [4. Т. 2. S. 331], и эта деталь в его читательском восприятии становится вершиной политической сатиры автора на протяжении всей сцены пришествия героя. Как будто в пару к этому моменту писатель в конце комедии отметит признание Колбасника в том, что свое ораторское умение он получил весьма опытным путем: «in den Fleischscharren unter Tachteln ausgelernt»² [4. Т. 2. S. 417]. Так профанная природа демагогии, за постепенным раскрытием которой Тургенев будет следить на протяжении всего действия пьесы, замыкает свое течение.

Читательский фокус Тургенева меняется со вступлением на оркестру антагониста. Появление Клеона Дройзен в примечании называет «достойным восхищения», поскольку вместе с собой он вносит на сцену «целую сеть обвинений и клеветнических высказываний» [4. Т. 2. S. 333]. Обращаясь к комментарию переводчика, русский писатель отмечает в характеристике героя одно-единственное определение: *sykophantisch* [4. Т. 2. S. 335]. Важный для афинской демократии термин обозначал профессиональных обвинителей и доносчиков. Тургенева интересует эта ипостась Клеона как одна из форм социальной жизни древних греков, и далее он логично останавливается на участии сикофантов в судопроизводстве и государственной ревизии. Писатель подчеркивает карандашом слова «Heliasten» [4. Т. 2. S. 397] в реплике Пафлагонца и «Euthynen» [4. Т. 2. S. 335] в сноске переводчика, усваивая в комедии меру и значение того губительного влияния, что продажная клевета могла оказывать на присяжных судей (гелиастов), чиновников контрольных комиссий (эвтинов) и, следовательно, на жизнь граждан и судьбу всего города.

Наблюдая за передвижением по сцене Клеона, обращающегося с лестью к всадникам, Тургенев в пределах парода выделяет несколько характеристик, продолжая в своем чтении линию разоблачения Пафлагонца. Он отмечает в стихах хора обвинение героя в собирании дани с тех, кто «достаточно спел для противня», т.е. беззащитен и слаб, и прямое название его «лгуном» с мыслями «пройдохи». Здесь же писатель точно подчеркивает угрожающие Клеону выпады, которые тоже звучат целым хором голосов, символизируя народное осуждение и негодование: «моей ногой побит он будет!» (старший всадник), «ты сам, кто обманул наш город» (Демосфен), «Воплем с ревом тебя облаю», «Волом всключу тебе шкуру» (Колбасник) [4. Т. 2. S. 336–337, 338]. Конец парода предвосхищает первый агон, поскольку в нем уже набирает оборот перебранка двух героев, однако Тургенев практически не обращается к той ругани, что исходит из уст Клеона по направлению к Колбаснику, по-прежнему собирая образ героя в общем контексте. Он выделяет лишь одну реплику Пафлагонца, причем именно ту, в которой

¹ Перевод А.И. Пиотровского.

² в мясной лавке под оплеухами.

дана его самохарактеристика: «Daß ich ein Dieb, ich sag's, du nimmer!»¹ [4. Т. 2. S. 339]. Напротив этого стиха проставлены карандашная черта и знак вопроса, что говорит о вполне закономерной реакции читателя. На первый взгляд признание Клеона звучит неожиданно, поскольку до сих пор он оправдывался и обвинял Колбасника, прося защиты у знатных граждан. С одной стороны, такое откровение могло бы свести на нет всю последующую линию его действий, так как вор снял свою маску, но с другой стороны, освобождение от притворства – это своеобразная ступень превосходства, первенства в нечестности, которая открывает Клеону возможность всех последующих беззастенчивых нападков и посягательств. Таким образом, Тургенев вопрошает с акцентом на поворотный момент, предваряющий и подготавливающий брань агона с новым качеством.

Агон начинается сразу с инвективы хора в сторону Клеона, причем главным в ней является вина стратега перед всеми Афинами. В этой реплике писатель делает всего три пометы: подчеркивает слова «Erbrecesse» (наследное право/наследство), «manscht» (смешал) и «planscht» (обрызгал) [4. Т. 2. S. 340]. Упор на первое слово показывает его интерес к роли Клеона в государственном управлении. Очевидно, герой видится здесь во всё той же связи с вызывающими у Аристофана неприятие государственными лицами, которым Кожевник наследует. В то же время и сам Клеон может рассматриваться как нарушитель наследственного права или правильного (прямого) порядка, занимая не свое место. Всё это находится в прямом соответствии с авторским стремлением «вернуть мир в состояние, однажды нарушенное чьей-либо злой волей» [13. С. 25], в том числе возратить прежнее его положение, когда не было бессмысленной войны, вызванной, по его мнению, алчностью демагогов. Именно возрождение золотого века афинской демократии символизирует вся борьба Колбасника с Кожевником и финальное омоложение Демоса. Выделением же слов «смешал» и «обрызгал» Тургенев дополнительно заостряет порочащие действия Клеона, от которых страдают граждане. Не случайно в этом же отрывке герой назван «гряземешателем», т.е. очерняющим добрую славу Афин.

В первом агоне комедии Тургенев сосредоточивается на ведущей линии – попытке Колбасника превзойти Клеона и стремлении Кожевника опрокинуть эти притязания. Главный интерес у писателя вызывает та стихия, через которую герои пытаются утвердить себя, прежде всего – гастрономия. С одной стороны, писатель отчеркивает несколько названий простонародной еды, вокруг которых строится соревнование (например, *Rindskaldaun* – говяжий рубец) [4. Т. 2. S. 344]. С другой стороны, Тургенева интересует аристофановский прием сочетания этих приземленно-бытовых вещей с историко-культурными, который создает комический эффект и дис-

---

¹ Что я вор, я говорю, ты – никогда!

кредитирует обоих героев. Например, показателен фрагмент спора, где Кожевник и Колбасник уподобляют силу чревоугодия материальному благу и состоятельности:

Paphlagonier
Doch friß dich in Salm dachssatt, du wirst die Samier doch nicht mucksen!
Wursthändler
Nein, hab' ich Ribbspeer erst im Leib, so pacht' ich Silberkucksen! [4. Т. 2. S. 345].
Клеон
Хоть камбалы наешься ты, милетян не осилишь.
Колбасник
Что? Да нажравшись студня власть, и рудники куплю я¹.

В обеих репликах Тургенев подчеркнул парность обыкновенного обеденного блюда (in Salm dachssatt – семга и барсук, Ribbspeer – свиные ребрышки) и образа вне опредмеченной обыденности. Аристофан в одно пространство с пищей поместил представителей ионийской культуры (у Дройзена – самосцы, в оригинале – милетяне), у которых особенно процветали искусства и науки. В параллель также включаются серебряные рудники (Silberkucksen) как указание на богатство малоазийского полиса, которое становится добычей алчного демагога.

В «кухонные» атрибуты с ярким качественным признаком, дискредитирующим героев, попадают и отмеченные Тургеневым «Koche Pflöcke» (поварской кол) и «Finnen auch die Sau hat» (паршивая свинья) в речи Демосфена, а также телесные признаки обжорства: «an Abgang mich so dick und groß gefressen»² и случай воровства у поваров: «und Fleisch dem Hintern gabst zu steifen»³. Последний прямо связан со сценой, которую через народное представление о природе пересказал Колбасник: «Wie “Letsche, bevor die Schwalbe kommt”, ein Stückchen Fleisch stibitzet!» [4. Т. 2. S. 351]. В ней русский писатель отметил слово «letsche» (шмыгни/соскользни), иллюстрирующее ловкость рук и мошенничество героя. Во втором агоне еда становится прямым оружием спорщиков, которые поочередно достают съестные припасы из своих корзин и пытаются этим завоевать народную благосклонность. Среди череды блюд Колбасника Тургенев выделяет, например, булочку, которую «богиня своей рукой из слоновой кости извлекла», а также отмечает другой дар Афины – «рубец-потроха, кожа» [4. Т. 2. S. 412].

Аристофан через пищевые сравнения образы своих героев делает более конкретными, следовательно, и их критика становится более прямонаправленной и осязаемой. Тургенев понимает и принимает принцип развенчания через «материализацию самых отвлечённых понятий и сведение самых высочайших материй к их чувственно осязаемым проявлениям» [13. С. 27]. В качестве ярких примеров производимой автором дегероизации он выделяет

---

¹ Перевод А.И. Пиотровского.

² Иначе в убыток себе я так толст и широк отъелся.

³ Мясо всунул в зад застывши.

пародийную сцену Совета, которую реконструирует Колбасник. В этом карикатурном и сниженном пересказе высокого собрания писатель особо останавливается на моменте извлечения прозаической выгоды из тягостной войны. Тургенев отмечает две реплики, в которых излюбленная Советом рыба, ставшая значительно дешевле, оказывается намного важнее и предпочтительнее предложения мира: «Um in Masse Stint zum Obol erstehen zu können»¹ и «Wenn Stecklinge kämen, hundert für 'nen Obolos»² [4. Т. 2. S. 369–370]. В этих фразах с подчеркнутыми словами «*приобрести*» и «*колошки*» Тургенев точно установил зависимость человеческой массы от мелочной прихоти, когда удовлетворение примитивной потребности становится определяющей в решении больших социально-политических проблем, а судьба страны и народа уподобляется разменной монете – оболу (др.-греч. ὀβολός). Таким образом Аристофан комически нивелирует само значение Совета пятисот как высшего органа управления Афин до рыбного рынка. А состязание демагогов в лице Клеона и Колбасника оборачивается базарным спором и борьбой корысти, и при этом победа обеспечивается лучшей лестью и большим угодничеством в желании Совета хорошо поесть, выполнение которого и является настоящим благом для Афин.

Отрицаемая Аристофаном Пелопонесская война, отраженная во «Всадниках», тоже стала предметом отдельной тургеневской рефлексии, хотя и не слишком обширной. В примечании переводчика писатель отмечает осаду Потидеи, которая предшествовала войне и закончилась победой Афин. Стоившая тысячей жизней и немалых средств блокада коринфского города в комедии приписывается Колбасником участию Клеона, хотя реально он с этой военной операцией никак не связан – это еще один способ дискредитировать противника, указав на его корыстные интересы. Выделяет Тургенев в пояснениях Дройзена и еще один город – Аргос, который опять же становится для Колбасника аргументом в обвинениях против Пафлагонца. Писатель сначала отчеркивает с вопросом текст о заключении Афинами союза с аргосцами, заимствованный Дройзеном из объяснений Йоганна Фосса: «Unter dem Vorwande, sie für die Athener zu gewinnen, hielt sich Kleon im Peloponnes auf; er schmiedete aber unterdeß ein Lösegeld für die Gefangenen von Sphakteria zu eigenem ein Vortheil»³ [4. Т. 2. S. 354]. Затем он ставит вертикальную черту напротив реплики Колбасника: «Auch weiß ich, warum man so zusammen blasebalg, / Weil dort der Gefangenen wegen was geschmiedet wird!»⁴ [4. Т. 2. S. 355]. Тургенев выделяет действительный факт пленения спартанских воинов на Сфактерии, что позволило уберечь Аттику от опустошения и дать возможность афинским крестьянам безопасно возделывать

---

¹ Чтобы было можно на вес корюшку за монету (обол) приобрести.

² Когда колошки пришли, сто за монету.

³ Под предлогом склонить их к афинянам Клеон остался на Пелопоннесе; а между тем он устроил выкуп за пленников Сфактерии в свою пользу.

⁴ Я также знаю, почему раздуваются мехи, потому что там с пленными выковывается что-то!

урожай. Клеон после падения Сфактерии стал самым влиятельным афинским политиком, и Колбаснику очень важно обрушить высший триумф своего противника, уличив его в предательстве. Во внимании писателя и метафора Аристофана, сравнивающего старания стратега с кузнечным делом. Подобную игру смыслами он отметил в случае с областью Беотия, которую афиняне во время Пелопонесской войны пытались привлечь на свою сторону, устроив изнутри неудавшийся демократический переворот. Тургенев подчеркивает глагол *створожилось* в речи Клеона, который грозит обличить Колбасника в Совете: «Und was von Boiotien aus *zusammengekäset ward*»¹ [4. Т. 2. S. 345], и следом ставит знак вопроса напротив ответа торговца: «Was jetzt in Boiotien wohl der Käse kosten mag?»² [4. Т. 2. S. 356]. Это вновь акцент на бытовой план осмысления значимых исторических событий (подобно замешенному в Пиросе тесту), который должен вызвать смех и ударить по репутации Клеона. Вопрос Тургенева здесь вполне логичен, поскольку даже Дройзен в примечании очень скуп на объяснение беотийского конфликта, произошедшего уже после постановки «Всадников» и при участии Демосфена и Гиппократы. Очевидно, Аристофан внес указание на Беотию позднее, когда было проиграно сражение при Делии, приписав ошибку стратегов ненавистному Клеону.

Вместе с погружением действия комедии в сферу бытовых отношений Тургенева интересует в первом агоне и метафоризация ремесел, к которым принадлежат оба героя. Относительно Кожевника Аристофан использует совершенно реальную подоплеку – Клеон унаследовал от отца кожевенную мастерскую, приносящую неплохой доход. Колбасник же оказывается простым уличным торговцем, но хорошо знакомым с мясным делом, что он и демонстрирует в полемике с Пафлагонцем, вовлекая того в аллегорическую игру со смыслами. Но в этой «профессиональной индивидуализации» [17. С. 77] Тургенев отмечает не alter ego Клеона, а обращается к собственно образу стратега. Он выделяет две угрожающие фразы самого Кожевника, в которых политическая борьба (состязание демагогов) низводится до уличной драки и в сравнении с выделкой кожи: «Dein Fell soll auf den *Gerbepanzen!*»³ и «Dich *pflöcke* ich breithin über den Boden!»⁴ [4. Т. 2. S. 346]. В обоих случаях подчеркнуты центральные слова, несущие на себе значение обработки шкуры, это сопоставление расчеловечивает Клеона и перефразирует его политическую несостоятельность. Очевидно, к этому же приему Тургенев причислил и подзадоривающую Колбасника реплику хора: «Laß ihn nicht mit halber *Schur*»⁵ [4. Т. 2. S. 348]. Отмеченное им слово «Schur» можно перевести двояко: как действие – стрижка скота и как предмет – шерсть, получаемая при

¹ И что в Беотии *створожилось*.

² Сколько теперь будет стоить сыр в Беотии?

³ Твою кожу/шкуру нужно на *дубильню!*

⁴ Я *пригвозжу/распластаю/прибью колыями* тебя к полу!

⁵ Не оставляй его наполовину *остриженным*.

стрижке овец, но в обоих вариантах сохраняется указание на снятие покрыва с животного, воспринимаемого в качестве разоблачения Кожевника.

Обращаясь к многозначному плану комедии, Тургенев вместе с метафоризацией мастерского дела отметил еще и морские сравнения. Это уподобление персонажей природным явлениям, случающимся на море, а также прямое вхождение либо реальных, либо вымышленных морских сюжетов в комическое действие. Так, писатель отмечает использование морской темы в разоблачении Клеона: «Ein Süd-, ein Sydkophantenwind bläst her um seine Lende!»¹ [4. Т. 2. S. 351] и «Der brave Mann nähm's herzlich gern! Die Segel los am Bratspill!»² [4. Т. 2. S. 352]. Здесь его привлекло как средство комического двойное совмещение лексики, овеванной героическим ореолом, с подлостью человеческой природы и желудочной деятельностью организма. Надувающий паруса ветер, воспетый в поэмах Гомера, в комедии оказывается совершенно иного свойства – это доносы (юго-сикофантный), к тому же исходящие из глубины кишечника. А полотнище, закрепленное на мачте, в переносном смысле оборачивается дурными намерениями, в прямом соположении – хитоном, прикрывающим бедра.

Интерес к сюжету мореплавания возникает у Тургенева в момент ритуального обращения хора (первого полухория) к Посейдону, когда рисуется живописная картина движения коней и корабля – в этом описании он отмечает «быстроходную триеру», и рядом с воображаемой сценой отчеркнуто не менее яркое представление морского похода на Коринф: «Als wie sie an des Rosseschiffs Bord tapfer sprangen, Pferd bei Pferd»³ [4. Т. 2. S. 365]. Хотя в речи хора воссоздана конкретная военная операция 425 г. до н.э. во главе с Никием, которая завершилась неудачей, Тургенева больше занимает описательная деталь. Именно галеру, перевозящую лошадей, выделяет писатель, снова осмысляя соединение двух схожих образов – коней и корабля. Однако в этом случае его волнуют возникающие здесь преимущественно поэтические смыслы. Яркое сравнение Аристофана проводит линию высокой образности, воспевающей, с одной стороны, эпический мир представлений древнего грека, а с другой – героике истории. Образ коня-корабля – это и напоминание о славном прошлом, и одновременно воплощение собственно творческого начала. Не случайно в парабасе же, чуть выше этого места, Тургенев отмечает еще две детали: «лиры оправу» (Leier der Steg) и «ленейскую радость» (lenäischen Lust) [4. Т. 2. S. 362]. В первом случае акцент поставлен на фигуре Кратина, явленной через метафору стареющего и теряющего навык музыканта: лира лишилась перемычки (или оправы), которая скрепляла струны. Аристофан противопоставляет себя старшему современнику и противнику в искусстве комедии, утверждая преимущество своего мастерства. Во втором случае на первый план выходит народное празднество, в

---

¹ Юго-сикофантный ветер дует вокруг его ляжек!

² Хороший человек был бы рад принять это! Поднять парус на брашпиль.

³ Как они храбро прыгали на борт коня-корабля, лошадь подле лошади.

котором важное место занимают театрализованные представления с состязательным элементом. То есть следы чтения в пределах парабасы позволяют говорить о проникновении Тургенева в дорожную Аристофану сферу идеального, которая, контрастируя с целостной картиной погруженного в низкий быт действия, символизирует этико-эстетическую константу.

В начале второго агона объектом писательского внимания в русле морской метафоры комедии становится атака корабля, но в переносном плане – словесное нападение Колбасника на Клеона. Хор наставляет героя на бой с противником, перефразируя сцену из трагедии, т.е. профанируя смертельный поединок, снижая героину до фарса: «den Delphin zu werfen auf's feindliche Deck und zum Entern an Bord dich zu legen!»¹ [4. Т. 2. S. 377]. Подчеркнутый абордаж превращается далее в схватку перед Народом.

Выход на сцену Народа Тургенев отметил еще в первом агоне, но это была лишь заочная характеристика от Клеона, который хвастался своей безнаказанностью, пока его хозяин на Совете «so duseldämlich sitzt» (как дурак сидит) [4. Т. 2. S. 348]. Во второй же части состязания, когда к хижине Народа переносится все действие, Демос занимает преимущественное место в читательской рефлексии Тургенева, хотя перебранка Колбасника с Кожевником не уходит совсем из его внимания. Центром писательского осмысления образа Народа во «Всадниках» можно считать помету в дройзеновском примечании, которое вырастает из аристофановской строки: «Es war ein schier Stück Rinderbrust mit Blättern drauf»² [4. Т. 2. S. 394]. Переводчик поясняет, что в зависимости от ударения слово «Демос» (δημος и δημός) в древнегреческом может означать либо «народ», либо «жир». И когда демонстрируется народный перстень с печаткой, то двойственность имени еще раз подчеркивается. В этом комментарии Тургенев выделяет единственное слово *Poupetons* [4. Т. 2. S. 394], т.е. *мясное рагу*, считывая обытовленную метафору народа как лакомое блюдо, которое и хотят заполучить Колбасник и Кожевник. При этом в общем «гастрономическом» смысле имен этих трех персонажей вся афинская демократия сводится к обыкновенному обеденному столу. Развитие пищевой метафоры (печать с «обжорой чайкой» – отсылка к комедии «Птицы») писатель прослеживает и далее, но в несколько иную сторону. Опять же у Дройзена он выделяет фигуру Клеонима, сподвижника Клеона и частый предмет насмешек Аристофана. Тургенев подчеркнул слово *Werfeschild* (*щитопорячитель*) [4. Т. 2. S. 394], намекающее на предание о том, что этот стратег во время одной из битв бросил свой щит и бежал, получив впоследствии репутацию труса.

В словопрениях с Клеоном Колбасник обнажает настоящее – убогое и нищенское – положение Народа, к которому стратег привел его своим мошенничеством, и Тургенев некоторые из этих разоблачений отмечает карандашом. Например, отчеркнуты слова *lökrigen Fässern* (*тонкие бочки*) [4. Т. 2. S. 380],

¹ брось дельфина на вражескую палубу и бери на абордаж!

² Кусок говяжьей грудинки с листьями на ней.

передающие бедственное положение Демоса, а поскольку Колбасник говорит о проведенных в бочках «восемью зимами», то это становится отсылкой к тяготам Пелопонесской войны (но, если соблюдать точность в датах, зим должно быть семь). Также писатель выделяет несостоятельность сравнения Клеона с Фемистоклом, подчеркивая противоположность их достижений: если первый «насытил наш город», то второй, напротив, оставил его в одной «юбке» (in dem Rock) [4. Т. 2. S. 382]. Здесь читателю важно овеществление грабительских поступков Клеона в противопоставлении «отцу» афинской демократии, снижающее образ Кожевника.

Во втором агоне Тургенев отмечает абсолютную свободу героев в выборе тех средств, которыми они намерены завоевать себе народное покровительство. Писатель подчеркивает «Schmutz- und Luxerein» (грязью и шуткой) в признании Клеона и «mit Zoten» (с непристойностью) как оружие Колбасника [4. Т. 2. S. 390]. Он понимает, что действие «Всадников» по-прежнему протекает в тесном соприкосновении с низовой сферой, а чем больше сопротивление, тем обильнее и беспощаднее нападки в нарастающем отчаянии упустить победу. Тургенев отмечает градацию или углубление спора демагогов в низменную плоскость на примере двух явлений общественного (разврат) и физиологического (метеоризм) характера. Клеон гордится тем, что «ließ die Hurer schleppen» (заставил блуд исчезнуть) из города, но Колбасник тут же опрокидывает его похвальбу, раскрывая истинные мотивы: «und wenn du auch sie muckest, / So ist's aus Neid, sie könnten bald zu Rednern avancieren»¹ [4. Т. 2. S. 388]. Писатель не случайно подчеркнул здесь только слово «протестовать/возмущаться», которое скрепляет смыслы двух разных реплик и уравнивает их: распутство становится на одну ступень с демагогией (блуд и словоблудие).

Развёрнутую рефлексию вызвала у Тургенева пряная трава сильфий, ценящаяся в Античности на вес золота приправа для блюд. В словах Колбасника эта пряность оказывается тем оружием, которым Клеон, понизив цены на нее, губит Народ, поскольку чрезмерное употребление сильфия приводило к расстройству желудка. Писатель сначала отчеркивает в примечании Дройзена город Кирену, бывший торговым центром завоза травы, а затем отмечает «газообразование» (mit Pupen) на суде присяжных, которые наелись сильфия и «умирали в смраде». Далее карандашом выделена уже реакция самого Демоса, включающегося в словесную игру с разоблачением Клеона: «Ja, bei Poseidon, just so sprach zu mir auch Meister Mister!»² [4. Т. 2. S. 390]. В его реплике Тургенев подчеркнул одно лишь слово *Навоз* (Mist – Mist-er), т.е. удобрение из экскрементов, приставленное в комедии в как будто бы персонализированном виде.

Вновь появляющийся во втором агоне мотив пророчества интересует Тургенева с точки зрения того, как он проявляет образ Демоса. Прежде всего

---

¹ и если ты на них тоже подал жалобу, то из зависти, что они могут скоро стать ораторами.

² Да, свидетель Посейдон, как раз то сказал мне господин Навоз!

важным для писателя оказывается мечта Народа о благоденствии, которая проявляется в желании стать «Aar in den Wolken» (орлом в облаках) [4. Т. 2. S. 400]. А.И. Пиотровский и В.Н. Ярхо объясняют, что оракул с орлом в облаках был «одним из популярнейших пророчеств, утешавших Афины в тяжелые годы войны» [18. С. 452]. Именно тоску по счастью мирного времени отмечает Тургенев в реакции старика. Следующим же моментом во внимании писателя к Народу становится внезапное снятие его маски, когда вместо глупца и простака он вдруг оказывается хитрым и расчетливым, а в игре демагогов сам же и выступает главным кукловодом: «Gepäppelt so täglich sein, / Das thut mir behäglich sein»¹ [4. Т. 2. S. 409]. Подчеркнутое Тургеневым слово *Gepäppelt* передает двойной смысл – это и быть на иждивении, и тешить самолюбие, но в обоих случаях на первый план выходит народное довольство. Здесь же писатель отмечает еще и наказание, уготованное мошенникам-демагогам за обман Демоса: «Dem Dieb wird zu Fell geruckt»² [4. Т. 2. S. 410]. Однако не такие общественные отношения мыслятся Аристофаном в качестве идеала, поэтому в конце «Всадников» используется чудесное преобразование с приходом нимф мира. Не устраивают они и Тургенева, который чуть дальше ставит знак вопроса напротив оправдывающей Народ реплики Колбасника: «Du trägst ja deren nicht die Schuld, drum Sorge nicht, Nein die dich verführten so zu thun»³ [4. Т. 2. S. 428]. Писатель не соглашается с тем, что кающийся Демос («Ах, прегрешений мне прошедших совестно!»)⁴ очень легко получает «отпущение грехов». Примечательно, что в этой фразе им подчеркнуты именно три связанных слова: *нет, кто тебя* – это полное перенесение вины на стратегов, в руках которых Народ оказывается слепой неразумной игрушкой.

Очевидно, с такой же критичностью Тургенев оценивает одну из последних сцен комедии, когда помолодевший Демос получает новые дары от Колбасника, ставшего Агоракритом:

Auf diese Bedingung nimm den Feldstuhl hier, dazu
Den schmucken Knaben, welcher ihn dir nachtragen wird;
Und wenn du magst, so kann er dir Feldstuhl selber sein!⁵ [4. Т. 2. S. 430].

Эти стихи писатель выделяет волнистой линией на полях и таким образом, вероятно, находит опасность соблазнения Народа «мальчиком со скамейкой», т.е. возвращение к прежней примитивной и зависимой жизни. Не случайно Демос на это приношение отвечает словами: «Счастливец я, бывшее возвращается»⁶. Скамейка сама по себе здесь символизирует приятную

¹ Вскормленным (в лести) ежедневно быть я рад.

² Вору шкуру спущу.

³ Ты не несешь вину, не волнуйся об этом, нет – это те, кто тебя соблазнил.

⁴ Перевод А.И. Пиотровского.

⁵ При этом условии возьми здесь походный стул и красивого мальчика, который понесет его за вами; а если хочешь, он сам может быть вашим походным стулом!

⁶ Перевод А.И. Пиотровского.

опору, но когда Колбасник представляет носильщика и с готовностью заявляет о возможности заменить вещь в функции подставки на человека, то сразу проявляет себя смысл рабства и удовлетворения прихоти. В глазах Тургенева утопическая картина обновления и одновременно возрождения былого подразумевает и никуда не исчезающую угрозу повторения прежде случившихся бед.

Комедия «Облака», провалившаяся во время первого представления, тоже принадлежит к начальному периоду творчества Аристофана. В этой пьесе автор постарался в общем плане «раскрыть политическую опасность софистической диалектики и релятивизма, ее враждебность демократическому мировоззрению» [14. С. 98]. Аристофан ополчается «против философии софистов и говорит об ее развращающем влиянии на нравы общества и в особенности на юношество» [19. С. 119]. Главным лицом сатирической типизации драматург избрал Сократа, вложив в его образ пороки странствующих ученых мужей, дающих платные уроки мудрости. Знаменитый философ в комедии стал выразителем тех обвинений, «которые подозрительность простого народа готова была выставить против вообще “ученых людей”» [20. С. 38]. В этом смысле исторический Сократ оказался очень далек от художественной гиперболы, хотя общие черты между ним и софистами наблюдались современниками, поэтому и другие комедиографы – Кратин, Евполид, Дифил сделали его представителем губительной философии [19. С. 121].

Тургенев за чтением «Облаков» проявил себя несколько по-иному, чем во время штудирования «Всадников». Здесь его пометы уже не входят в пределы самого текста, а сосредоточены полностью на полях страниц и выполнены в виде коротких штрихов типа тире, а также вертикальных отчеркиваний, наклонных и волнистых линий вдоль текста. Читательская рефлексия писателя распространяется не на всю комедию целиком, карандаш прерывается одновременно с концом агона, т.е. комментарий Тургенева затрагивает две трети текста, но даже имеющийся материал в своей совокупности дает наглядную картину восприятия «Облаков».

Интерес Тургенева, судя по пометам, сосредоточен совсем не на проблематике софистического учения как такового и не связан исключительно с фигурой Сократа (исторической ли, комической ли). Писательское внимание прежде всего направлено на главного героя – крестьянина Стрепсиада как представителя аттического крестьянства и на его взаимоотношения с сыном Фидиппидом, которые в целом проецируются на общие вопросы воспитания афинского юношества. При этом акцент на образно-сюжетную сторону комедии по-прежнему включает у него и происходящую в пьесе комическую игру.

Уже первая помета намечает линию главного интереса Тургенева – в самом начале комедии ногтем (две перекрещенные в виде креста линии) отмечена часть реплики Стрепсиада:

Ja holte dich, Krieg, der Henker, wär's auch darum nur,
Daß jetzt man sogar die Knechte nicht mehr prügeln darf!

Und vollends der saubre junge Herr, der denket gar
Nicht dran, die Nacht 'mal aufzuwachen, sondern pieft
In ein Dutzend Pelze bis über die Ohren eingemummt!
Je nun, ich hülle mich auch wohl ein, und schnarch' noch eins!¹ [4. Т. 3. С. 23].

В словах героя писатель выделил жалобу на тяготы Пелопонесской войны, тяжело ударившей по хозяйству крестьянина. Аристофан здесь вполне серьезен, прямо указывая на войну как на воплощенное зло, совершившее коренной перелом в жизни аттических земледельцев. Но не отступая от задач комедиографа, он приводит в пример крестьянской привычки такую неприглядную деталь, как наказание рабов, которое раньше было естественным, а в новых условиях сделалось опасным, поскольку ненадежное и беспокойное время дает почву для ложных доносов. В этом наложении серьезного и комического планов Тургенев примечает и появление спящего Фидиппида, чьи беспробудный сон и здоровый храп контрастны отеческому беспокойству. Уже здесь писатель угадал ту нравственную коллизию, которая протянется до самого конца пьесы.

В русле взаимоотношений отца и сына Тургенев косою чертой далее очеркивает представление Стрепсиада о том, какая судьба должна была ждать Фидиппида:

dann fiel ich ein:
«Ja wenn du einst die Ziegen drüben am Phelleusbusch
Gleich deinem Vater, einen Schaafpelz umgehängt»² [4. Т. 3. С. 27].

Проходя мимо вызывающей смех сцены наречения юноши, писатель акцентирует наследственную линию в судьбе афинского крестьянства, давние традиции, скрепляющие семью и обеспечивающие устойчивое развитие всего следующего поколения. У Аристофана патриархальная позиция отца поставлена в оппозицию с намерениями матери, которая привила сыну аристократические привычки, прежде всего – тягу к развлечениям, конным скачкам. Однако Тургенев смотрит на высказывание Стрепсиада без противопоставления, т.е. как на что-то самостоятельное и индивидуальное, составляющую важнейшую человеческую ценность. Точно в таком же русле он воспринял и рассказ героя, связанный с воспоминанием о детских годах сына и раскрывающий всю нежность отношения отца:

Dir hab ich ja auch
Zu Liebe, da du ein Knäbchen warft, sechs Jährchen alt,
Und lispeltest «bring mir mit, Papa» zum Diasienfest
Für meinen ersten Gerichtsobolen ein Wägelchen
Gekauft³ [4. Т. 3. С. 83].

¹ Надоела ты, война, палач, хотя бы по той причине, что даже прислугу больше нельзя бить! А этот ладный молодой господин, который не только не думает даже о ночном пробуждении, но пыхтит по уши в дюжину мехов закутанный! Ну, я тоже закутаюсь и тоже захраплю!

² тогда еще на ум пришло мне: «Когда однажды ты погонишь коз у куста феллеуса подобно твоему отцу, овечью шкуру на себя набросив».

³ Я тоже тебя люблю, вот ты был мальчиком шести лет, и ты пролепетал: «возьми меня с собой, папа» на фестиваль в Диасии. Купил тележку на свою первую монету.

Ностальгия Стрепсиада находится в пределах все той же аграрной сферы, и для него в детском лепете главное – трогательная интенция к труду. Писатель улавливает звучащую здесь поэтизацию, словно бы сближающую идеал отца с крестьянской моралью и психологией, представленной в земледельческой поэме Гесиода «Труды и дни». Однако чистота нынешних устоев нарушена войной и софистами, поэтому пасторальный образ, воссоздаваемый героем, подразумевает под собой получение выгоды и при этом нечестным путем. Тургенев следом отчеркивает фрагмент, где детский образ Фидиппида служит средством преодоления свалившихся бед:

Getrost, versuch's mit dem Lernen nur; er hat Talent;
Er war so ein winzig Bübchen noch, da schnitzt er schon
Aus Bork sich Kähnnchen, machte von Wachs sich Häuserchen,
Schnitt kleine Hottowagen artig in Leder aus
Und Fröschchen aus 'ner Apfelschaale, du glaubst es nicht.
Doch daß er mir ja die beiden Redenschaften lernt,
Die stärkere, mein' ich nennt ihr's, und die schwächere,
Die, nichts wie Unrecht redend, die stärkere runterbringt;
Wo beide nicht, so die ungerechte doch platterdings¹ [4. Т. 3. С. 84].

По мысли отца, ребяческие способности сына, искусно проявленные в форме мелких изделий и вызывающие у него искреннее умиление, должны претвориться в умения гораздо большего и выгодного порядка. Тургенев отметил именно эту спаянность двух разнородных и чуждых друг другу смыслов, причем важным для него оказалась моментальная нравственная градация, совершившаяся в Стрепсиаде. В выделенном отрывке герой из двух наук, представленных для него сначала на равных, все же отдает предпочтение ложной, поскольку обман в современном мире становится естественным атрибутом жизни.

Тургенев не упускает из виду и тот факт, что отношение сына к отцу тоже претерпело существенные изменения. От гармонии, описанной Стрепсиадом в воспоминании, не осталось и следа. Аристократически настроенный Фидиппид принадлежит к тому типу молодых людей, что более склонны проводить жизнь в праздности и развлечениях, далеко отстоя от крестьянских забот отца. Русский писатель отмечает остро комические проявления рассогласованности семейной связи, которую демонстрируют диалоги афинского юноши и его родителя. Штрихом на полях выделена гневная

---

¹ Смелей! Учи! Он у меня понятливый.
Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
Из дерева вырезывал повозочки,
А из кожурок – лягушат. Что думаешь?
Смотри ж, речам обeim обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым речам,
Которыми одолевают правые,
Ах нет, одной лишь кривде научи его! (перевод А.И. Пиотровского).

реплика отца, грозящего выгнать сына из дома, если тот не поступит на обучение к Сократу:

Nicht länger, so wahr der Nebel, bleibst du mir hier im Haus;
Geh hin, und iß dich an Onkel Megakles Säulen satt!¹ [4. Т. 3. S. 80].

Отсылка к Мегаклу здесь – это насмешка Стрепсиада над аристократическими притязаниями Фидиппида, который уповает на заботу дяди, принадлежащего к знатному афинскому роду. Отчеркиванием Тургенев делает более явным обозначенное автором противопоставление двух эфемерных вещей: наследственное величие, от которого сытым не сделаться, и софистика, только иссушающая организм. Это губительное воздействие на себя новой мудрости Фидиппид предугадывает, когда перед ним только открывается перспектива ученичества, и Тургенев специально отметил ногтем его опасения: «Ich werde mich hüten! Solch ein vermickert Angesicht / Den edlen Rittern zu zeigen, überlebt' ich nicht!»² [4. Т. 3. S. 30]. В то же время в начале комедии писатель сделал акцент на прозвучавшей из уст молодого героя критике софистов:

Die?
O pfui, die Schufte kenn' ich! Er meint die Faselhans,
Die saubern Barfußgänger, die blassen Hängebarts,
So 'nen gottserbärmlichen Sokrates und Chairephon!³ [4. Т. 3. S. 29].

Это первый момент, когда Тургенев прямо обращается к аристофановской насмешке над Сократом. Причем именно в этой фразе сквозь поток обличения – представитель новой философии, «губительно влияющий на нравы общества, безбожник и шарлатан в науке» [19. С. 121] – проглядывает историческое лицо за счет упоминания имени реального ученика Хэрефонта. И еще лишь единожды писатель остановится на том месте комедии, где дан непосредственный и полностью карикатурный выпад в сторону философа: «Der Meister, im Ringhof war es, bestreute mit Asche den / Dann bog er ein klein Bratspießchen um in der Mitte, nahm's / Als Zirkel, und schlug so – unter ein schön Stück Opfer fleisch»⁴ [4. Т. 3. S. 34]. Основной интерес Тургенева связан все-таки с конкретным проявлением «шарлатанства» в судьбе отца и сына.

Стрепсиад оказался заложником двух исключających друг друга сил: природная, ясная, крестьянская любовь к сыну и бедность (вследствие войны), положение должника, требующее помощи сына в овладении сомнительным

---

¹ Не дольше, чем был туман, останешься ты дома; иди и ешь досыта столбы дяди Мегакла!

² Нет, не согласен! Как же показаться мне / Пред всадниками выплывшим и высохшим? (перевод А.И. Пиотровского).

³ Они? О черт, я знаю негодяев! Он имеет в виду болтунов, истых босоногих, бледных вислородных, таких жалких – Сократа и Хэрефонта!

⁴ Хозяин, это было на гимнастическом дворе, посыпал пеплом, потом согнул небольшой вертел посередине, взял его как циркуль и сбил так прелестный кусок жертвенного мяса.

знанием. Находясь в таком противоречивом состоянии, он в сферу отеческого чувства неизбежно допускает упреки, покорствуя отчаянию и эгоизму. Тургенев отмечает одну его реплику, в которой высказано обвинение в расточительстве с ненавязчивым намеком на злой умысел:

aber du
Als hättest du mich schon im Grabe, verbadest mir Haus und Hof!
Darum geschwind, geh hin zu ihnen und lerne für mich!¹ [4. Т. 3. С. 81].

Укор отца построен на комической параллели с банными процедурами, и выбранный Дройзенем глагол «*verbaden*» очень хорошо передает этот двойной смысл – смыть мыло и израсходовать средства. При этом возникает он снова из отсылки к аристократическим повадкам Фидиппида, которые, в свою очередь, противопоставлены карикатурной «строгой бережливости» софистов: «Никто из них не мажется, не бреется, / Не ходит в баню мыться»². В преимуществе смеховой стихии слова Стрепсиада «я уже в могиле» почти заглушаются, серьезность их значения теряется, но Тургенев поддерживает именно это звучание, поэтому в унисон отчеркивает далее (через несколько стихов) трижды вопросительную реплику сына:

Weh! weh! was thun mit dem Alten und seiner Verschrobenheit?
Denuncir' ich ihn, von wegen Wahnsinn, beim Gericht?
Vermeld' ich's dem Todtengräber, daß er schon irre spricht?³ [4. Т. 3. С. 82].

Свои слова Фидиппид произносит уже в одиночестве, что словно бы подтверждает коварство сына. Однако само соединение комического с трагическим здесь не позволяет возможной интриге (или прямо – мотиву отцеубийства) выйти на первый план. Аристофан прочно заключает семейное несчастье земледельца в пределы иронии: страх и сокрушения Стрепсиада в высшей степени формальности низводят его в глазах сына, отчего возникают образы суда (недееспособность) и могильщиков (смерть). Считывающий этот смысловой и эстетический синтез Тургенев все также ведет свое чтение в направлении нарушения моральных традиций аттического крестьянства.

Смещение жизненных устоев Аристофан связывает и с ложными устремлениями молодого поколения, и с податливостью «отцов» новым веяниям. Архаическую позицию автора Тургенев для себя обозначил в истории обучения (вернее, испытания перед началом обучения) Стрепсиада у Сократа и в агоне, где перед Фидиппидом состязаются Справедливое слово и Несправедливое. При этом для каждого поколения автор делает очевидными заблуждения другого: Стрепсиад чувствует на себе губительную силу сыновьяго расточительства, а Фидиппид знает (и позже тоже ощутит) о вредном

---

¹ а ты, как будто я уже в могиле, смываешь мой дом и двор! Так быстро иди к ним и научись для меня!

² Перевод А.И. Пиотровского.

³ Печаль! печаль! что делать со стариком и его капризностью? Заявить ли в суд о его умопомешательстве? Могу ли я сказать могильщику, что ум его уже безумен?

действию Сократовой софистики, на которую так уповаet родитель. Эти перекрещивающиеся представления «о зле» Тургенев, как было показано выше, пунктирно выделяет в разных местах комедии в ходе своего чтения, но не как обособленные объекты аристофановской сатиры (обличение софистов вообще, критика афинской аристократии), но именно как тесно связанные с человеком явления.

Своеобразным прологом к обучению Стрепсиада в мыслильне Тургенев для себя сделал рефлексию героя после неудачной попытки уговорить сына на постижение нового знания. Писатель отчеркивает косой чертой рассуждения крестьянина по дороге к дому Сократа, в котором выражено сознание необходимости что-то сделать и одновременно дана характеристика собственным способностям:

Und ist ein Mensch gefallen so steht er wieder auf.
Drum will ich mit einem Stoßgebet nur selber gleich
Hinein in die Denkanstalt mich machen und lernen da
Doch wird ein Graukopf meiner Jahre, vergeßlich, stumpf,
Noch lernen die Spinthisirungen aus der Redenschaft?¹ [4. Т. 3. С. 31].

Первое предложение неожиданно показывает Стрепсиада в роли житейского философа, который метафорически осмысляет свои неурядицы как трудный путь падения и восхождения с четкой мыслью о том, что первое предшествует второму. Далее же следует саморазоблачение, внешне подаваемое в отрицательном ключе, но по внутренней своей сути являющееся доказательством того самостояния, которое и должно было стать главной опорой героя. На первый взгляд Аристофан сталкивает жалкое обыкновенное сознание с превосходящим его высоким мудрствованием, но на самом деле на протяжении всего обучения Стрепсиада развенчивает иллюзии софистов, чья теория, гиперболически выраженная, не справляется с выработанным веками жизненным опытом. Однако беспощадная сатира ударяет по позициям обеих сторон. И Тургенев следит за тем, как проявляет себя крестьянский ум, уходящий от пустоты возвышенных категорий в конкретику крестьянской обыденности, как искрится смех в этих столкновениях.

В русле «комического контрастирования» [14. С. 94] писатель отчеркивает реакцию Стрепсиада на открывшееся ему занятие учеников Сократа, которые устали в землю в поиске скрытого в ней содержимого: «Bollen wohl?» (Луковицы, верно?) [4. Т. 3. С. 35]. На научные искания софистов герой реагирует вполне закономерно, поскольку в его практическом представлении земля в себе может скрывать только то, что на ней возделывается человеком. «Сокровенным знанием» оказывается дикий лук, «который ат-

---

¹ Что ж, кто упал, тому подняться надобно. / Отправлюсь сам в мыслильню, помолясь богам, / И сам начну учиться. Горе, горе мне! / Как голове тупой, седой, забывчивой / В лапше словес тончайших разобраться, ох! (перевод А.И. Пиотровского).

тические крестьяне охотно употребляли в пищу» [21. С. 436]. Другим объектом тургеневской рефлексии стал момент низменной трактовки Стрепсиадам действия атмосферных явлений. Грозу, сопровождаемую ветром и громом, герой после объяснений Сократа и с его подачи представляет теперь в наглядном сравнении с жизнедеятельностью организма: «Ich verstehe nun schon, die unendliche Luft pupt Donner und donnert im Puppe!»¹ [4. Т. 3. S. 50]. Соответственно, и сама идея философа о громоизвержении снижается и превращается не во что иное, как в пищеварительный процесс с побочными эффектами.

Важными в аристофановской сатире для Тургенева оказались и уже знакомые ему приемы обытовления, направленные на современных автору лиц афинской истории. Например, с помощью облаков, составивших новые божества и обладающих способностью менять свой облик, Стрепсиад высмеивает Клеонима: «Drum, drum! nun begreif ich das Ding; da sie letzt den Kleonymos sahen, den Werfschild, So versahn sie sich auch an der Memme sogleich, und verwandelten rasch sich in Hasen»² [4. Т. 3. S. 47]. Образ полководца-щиторонятеля и соратника Клеона Тургенев отметил еще во «Всадниках» (см. выше), но именно в «Облаках» этот демагог стал самостоятельным объектом наблюдений, писатель останавливается практически на всех моментах, где дано его осмеяние. Так, в известном эпизоде сократовской грамматики, когда Стрепсиад получает новые правила образования слов по половой дифференциации, Тургенева интересует исключительно выпад в сторону Клеонима. Он отмечает попытку героя осмыслить категорию рода в непосредственной связи с реальной формой самого предмета, которым и оказывается ненавистный демагог: «Ach Freund, mit der Backthün fängt sich gar nichts an bei dem, Den allergrößten Bottich braucht er, wenn er backt!»³ [4. Т. 3. S. 71].

Другой прием осмеяния, выделенный Тургеневым, основан на дискредитирующем сомнении в половой принадлежности. Писатель акцентирует выпад против хорошо знакомого Аристофану афинянина (бывшего вообще предметом частых нападок) [16. С. 963], заподозренного в женоподобности, – Клисфена: «So jetzt, da sie drüben den Kleisthenes sehn, so sind sie in Weiber verwandelt»⁴ [4. Т. 3. S. 47]. И в этом же развенчании старого пантеона богов он отмечает тесно с ним связанные инвективы против политических деятелей (помимо Клеонима) Симона и Феора: «Wie! was! o du Narr! altmodischer Kauz! Altweiberge schichtenerzähler! / Wenn er Meineid straft mit dem

---

¹ Теперь я понимаю, бесконечный воздух <кишечный> извергается громом и гремит в кишках.

² Ясно, ясно! теперь я понимаю эту штуку; увидев прежде Клеонима, бросившего щит, так они немедленно распознали труса и быстро превратились в зайцев.

³ Ну, нет, корзины мало для Клеонима. / В корыте, в бочке месит он жратву себе (перевод А.И. Пиотровского).

⁴ Когда же они увидели Клисфена, они в женщин превратились.

schmetternden Strahl, wie denn kommt's, daß er nicht den Theoros, / Kleonymos, Simon längst schon traf, die doch erzmeineidiges Volk sind»¹ [4. Т. 3. С. 51].

Итогом наблюдений Тургенева за испытанием Стрепсиада стали две его реплики, которые перекликаются с размышлениями героя перед домом Сократа и закольцовывают композицию видимого зрителям диалога крестьянина и философа. Первая касается согласия на обучение премудрости, но только в той мере, какая необходима бедному земледельцу. Сократ рисует перед ним широкую перспективу риторического мастерства в народных собраниях, Стрепсиад же сужает амбиции учителя до пределов мелких долговых тяжб: «Nicht große Beschlüss' anpreisen dem Volk, nicht das ist's, – was ich mir wünsche, / Nein nur für mich so zu stripsen und drehn an dem Recht und die Gläubiger zu prellen»² [4. Т. 3. С. 53]. Вторая связана с той жертвой, которую герой готов принести ради овладения новой наукой. Стрепсиад хочет «словчить и долгов не платить», даже если придется подвергнуться осуждению и осмеянию сограждан – именно как иллюстрацию народного порицания за обман он приводит Сократу поток отборных ругательств, который оказывается обоюдоострым и не менее метко обличает самого философа:

Als maulflink, frech, sackgrob, schandklug,
Als Hundsfott, Meister in Lug und in Trug,
Als Schrauber am Wort und Klauber am Recht,
Als Schleichfuchs, Spürnas, Landrechtsknecht,
Als Duckfink, Hohnjan, Schandpfluhshecht,
Als Gaudieb, Sausieb, Wippsterzspecht
Und Schmarotzergemächt!³ [4. Т. 3. С. 54].

Зеркальную позицию софистов и Стрепсиада писатель окончательно закрепляет для себя через отчеркивание двух вопросно-ответных реплик героев, переступающих порог уже самой обители мудрецов:

Strepsiades

Eins noch sag' mir erst;
Wenn ich fleißig bin und lerne was ich lernen kann,
Mit welchem von deinen Schülern werd' ich einst denn gleich?

Sokrates

Du wirst so weit es bringen als mein Chairephon!⁴ [4. Т. 3. С. 57].

¹ Как! Что! О дурак! Сова дремучая! Старая сказочница! Если он лучами наказывает лжесвидетельство, как получилось, что он давно не встречался с Феором, Клеонимом и Симоном.

² Не большое решение для народа, это не то, что для себя я желаю, нет, по мне – это бить и обводить по закону и обманывать заимодавцев.

³ Как резвомордый, нахальный, неуклюжий, скудоумный, / Как подлец, мастер лжи и доноса, / Как шулер в слове и вор в законе, / Как лис крадущийся, ищейка, к земле слуга склоненный, / Как покорный хлыщ, насмешник, бесчестный шучий плут, / Как круглый вор, свинья дырявая, невезучее коромысло, / И плодovitый паразит!

⁴ Стрепсиад

Скажи мне еще одну вещь.

Если я прилежен буду и научусь тому, чему смогу научиться,

С кем из твоих учеников я тогда буду равен?

И снова во внимании Тургенева возникающая в комедии переключка смыслов – с прежде им отмеченной характеристикой в словах Фидиппида, который назвал Сократа и его ученика Хэрефонта «болтунами, истыми бо-соногими, бледными вислородами, такими жалкими». Поэтому герой после данного ему сравнения приходит в ужас и восклицает: «O weh mir armen Stümper! da werd' ich ein Gespenst!»¹ [4. Т. 3. С. 57]. При этом его переживания окажутся напрасными, поскольку естественная крестьянская натура возьмет вверх над отвлечёнными умозаключениями Сократа, в отличие от более подверженного современным изменениям и потому (в логике Аристофана) менее здоровой натурой Фидиппида. Понимая это, Тургенев отчеркивает гневную реплику Сократа, оскорбленного невежеством Стрепсиада, которая положила конец всем намерениям и стараниям героя приобщиться к софистике: «Fort zu allen Geiern mit dir, / Du erzvergeßlicher, dämliger Graukopf, fort mit dir!»² [4. Т. 3. С. 78]. Стрепсиад, играя в комедии роль шута-бомолоха, на самом деле «много умнее тех, в глазах кого он является дураком». «Все высокие положения сократовской науки Стрепсиад приспособляет к своим личным целям, обнаруживая в этом немалую изобретательность, к которой после пребывания в школе Сократа прибавилась и известная доля наглости» [19. С. 120]. Однако проявлений этого последнего – приобретенного качества (обман кредиторов) Тургенев особо уже не отмечает, останавливаясь на текущем этапе развития образа крестьянина, окончательно еще не раздвоенного и пока более связанного с традицией.

Противопоставление традиции и новой морали писатель отметил в агоне, где за нравственность Фидиппида состязаются две аллегорические фигуры. Тургенев акцентирует поднятую в споре Справедливого и Несправедливого слова проблему аттического воспитания юношества. Первостепенное значение для него имеют те реплики персонажей, в которых, во-первых, дана картина былой гармонии, и, во-вторых, нарисован яркий образ нового питомца. Так, в речи Справедливого слова карандашом принципиально отчеркнут лишь небольшой фрагмент, дающий представление о старинном афинском образовании:

Fein ehrbar sah man die Kleinen des Orts miteinander am Morgen die Straße
In die Kitharaschule mit luftigem Kleid, wenn der Schnee auch stöberte, wandern³
[4. Т. 3. С. 90].

Шагающие на занятия дети воссоздают идиллическую атмосферу времени, которое защищает Аристофан. В этом изображении важным является

Сократ

Ты обрешь такой же простор/широту, как мой Хэрефонт!

¹ О горе мне, бедный растяпа! тогда я стану призраком!

² Прочь пошел ко всем стервятникам, ты, забывчивый, глупый дятел сегодоловый, пошел вон!

³ Можно было увидеть, как красиво и благородно деревенские малыши утром шли вместе по улице к школе кифары в легкой одежде, даже если вокруг шел снег.

эстетическое впечатление от присущего древнему человеку изящества и царящей в обществе гармонии. Чтобы обрушить эту картину, Несправедливое слово использует ругательства и задает план, представляющий прежний порядок как что-то безнадежно отжившее. Тургенев двумя чертами выделяет его реплику, в которой специально упоминаются приметы глубокой старины (земледельческие праздники, мифический певец, давний обычай), звучащие очевидным анахронизмом:

Altväterisches Zeug und Dipolienkram, und güldne Cikaden im Schopfe,
Und Phrynichoslied und Buphonienfest!¹ [4. Т. 3. S. 91].

В следующем опровержении аттических добродетелей Тургенев отмечает одновременное использование параллели и к современности – карикатурное изображение известного лица, которое должно вызывать смех и отталкивать в сближении: «Den Hippokrates – Säuen dereinst gleich sein, ja den Herrn Duckmäusern dich ähneln»² [4. Т. 3. S. 92]. Афинский полководец, племянник Перикла был частым героем аттической комедии, которая смеялась «над сыновьями его, воспитанными в обычаях дедов» [18. С. 463].

В заключительной части своей речи Справедливое слово тоже переходит на бытовую образность, снижая регистр патетики, который был им сначала задан. И Тургенев отмечает эту метаморфозу, дважды отчеркивая фрагмент отрицательного портретирования:

Doch wenn du es treibst in der neuen Manier
Bald hast du dann auch
Bleichsüchtige Farb', schmalschultrigen Wuchs,
Schwindsüchtige Brust, stets Munddiarrhoe,
Gar kleines Gesäß, gar großes Geschöß,
Phephismen ohn' End!
Ja er schwatzt es dir auf, daß Häßliches schön,
Daß wieder das Schönste dir häßlich erscheint;
Und er wird dich dazu ausputzen am End'
Mit Antimachos Sauigeleien³ [4. Т. 3. S. 93].

Создаваемая здесь карикатура дает воображаемый портрет Фидиппида, который может претвориться в реальность, если тот поддастся соблазну софистики. Для Тургенева это прежде всего пример аристофановского живописания в острословной манере, который даже в немецком переводе дает ясное представление о смелой широте и многогранности комического осмысления человека вне отрыва от реальности. Продолжая наблюдение за

---

¹ Старомодная чужь и диполидовый хлам, и золотые цикады в волосах, и Фриниха песни и праздник Буфонии.

² Будешь похож на Гиппократу свиноматку, тебя сравнят с трусом и рохлей.

³ Если ты двигаться будешь в новой манере, скоро ты станешь малокровным с узкоплечей фигурой, чахоточной грудью, ртом диарейным, совсем маленькими ягодицами и большими снарядами, болтовней без конца! Он навязывает тебе, что безобразное – красиво, а прекрасное кажется тебе уродливым; и в конце нарядит он тебя в позорное дело Антимаха.

искушением героя, писатель в аргументах Несправедливого слова отмечает скабрёзность на материале древнегреческой мифологии:

Unlüstern, Nächte durch mit ihr im Bett sich herumzubalzen;
Denn solch Genäse liebt das Weib; du aber bist ein Fischblut!¹ [4. Т. 3. С. 96].

Речь идет о легендарном Пелее, упомянутом в «Илиаде» и «Одиссее», чей сын Ахиллес участвовал в осаде Трои. Гомеровская героика и пафос мифа (единоборство с Фетидой) уподобляются быту семейных отношений в их сокровенном проявлении. Но именно через разоблачение высокого, снижение эпического образа и его приближение к реальности антагонист делает знакомой и привлекательной новую мораль. Последней пометой в речи Несправедливого слова Тургенев акцентирует обольщение Фидиппида от обратного, т.е. перечислением вещей, которые он не приобретет, но рискует упустить, если выберет жизнь в прежней добродетели:

Vergleiche selbst, mein junger Freund, was solch ein sittsam Wesen
Gewähren kann und was es dir entzieht an Lebensfreuden
Mit Knaben, Weibern, Kottabos, mit Wein, Gelagen, Würfeln² [4. Т. 3. С. 96].

Умение доказать обратное, извратить очевидность, изнанку сделать лицевой стороной в итоге и обеспечивает Несправедливому слову победу, агон заканчивается признанием его противником своего поражения, и Тургенев, тоже завершая комментированное чтение, ставит последнюю помету на этом сокрушении:

O rings ihr, die ihr saut, und hurt,
Ich bin besiegt!
O fangt mir meinen Mantel auf,
Ich nehm' Reißaus zu euch hin!³ [4. Т. 3. С. 98].

Победа Несправедливого слова в извращенном виде реализует тезис Протагора, против которого выступал Аристофан: «Человек есть мера всех вещей». По логике автора, ложь софистов превращает идею гуманизма в произвол, когда отрицанию может быть подвергнуто все что угодно. Для Тургенева эта концепция нигилизма, заявленная в «Облаках», станет чрезвычайно актуальной – вместе с проблемой взаимоотношений отцов и детей – спустя два десятилетия.

Погрузившись в развитие сюжета комедии от пролога до конца агона, Тургенев не прошел мимо и того ее элемента, который с основным действием не связан. Несколько помет в пределах парабасы показывают внимание писателя к авторской рефлексии над своей пьесой в сопоставлении ее с

---

¹ Не желает убажывать ее в постели всю ночь напролет; потому что женщины любят такие развлечения; но в тебе же – рыба кровь!

² Сравните сами, мой юный друг, что может дать такое порядочное создание и каких оно лишает вас радостей жизни с мальчиками, женщинами, коттабом (игра), с вином, пиршествами, игральными кубиками.

³ О, вы окружили пакостью и развратом, я побежден! Возьмите мой плащ, я к вам перебегаю!

другими. Тургенев отмечает утверждаемое Аристофаном отличие «Облаков» от комедийного балагана:

Nicht kommt sie her
Vorgehängt das lederne Ding, niederbaumelnd dick und schwer,
Blutroth vorn, daß, wenn sie es säh'n, Kindern was zu lachen wär'
Nicht Kahlköpfe spottet sie aus, nicht im Kordax fliegt ihr Rock¹ [4. Т. 3. С. 61].

Перечисленные в отрывке атрибуты – бутафорский фалл, танец кордак с непристойными движениями, шутки над физическими неприглядностями относятся автором к недостойным серьезной комедии вещам. Тургенев акцентирует аристофановский посыл сосредоточенности действия не на внешних признаках, развлекающих зрителя, а на его содержании, идейной направленности. Хотя и сам автор не избегнул совсем примитивных приемов комизма народной зрелищности. Отмечает Тургенев в парабасе также полемику с соперниками-комедиографами:

Die dagegen, seit sich einmal Blößen gab Hyperbolos,
Trampeln stets von Neuem auf ihn und des Lumpes Mutter los.
So zuerst, als Eupolis euch seinen Marikas bescheert,
Waren's unsre Ritter genau, nur vom Dummkopf dumm verkehrt² [4. Т. 3. С. 62].

Главной фигурой спора здесь делается яркий драматург-современник Евполид. Аристофан называет его комедию «Марикант», направленную против афинского политика Гипербола, и уличает автора в плагиате. Вспоминая о собственных «Всадниках», он ставит их зрителям в пример истинного глубокомыслия и острословия на материале политической жизни. Очевидно, Тургеневу особенно важен этот момент, потому что далее он большой волнистой линией специально отмечает фрагмент:

aber der Götter Mildigkeit
Kehr' es stets zu eurem Besten, wo ihr dumm gewesen seid.
Und wie dieß auch wieder frommt, ist leicht gesagt, wenn ihr erlaubt;
Wird der Gaudieb, daß er bestochen, daß er erpreßt hat und geraubt,
Ueberwiesen, und ihr spannt ihm unter den Block sein Schurkenhaupt,
Wird's nach alter Weise wieder, wo ihr dumm gewesen seid
Euch zum Besten sich verkehren, mehren des Staats Glückseligkeit³ [4. Т. 3. С. 64].

---

¹ Здесь нет подвешенной кожаной штуки, свисающей вниз толстой и тяжелой, кроваво-красной спереди, так что, если бы дети ее увидели, они посмеялись бы; шуток здесь над лысыми нет, плясок нету кордака.

² Эти, напротив, с тех пор как был обнажен Гипербол, постоянно топтали его и мать этого оборванца.

Итак, когда Евполид пожаловал своего «Мариканта», это были именно наши «Всадники», только извращенные дураком.

³ Но сострадательность богов всегда обращает в вашу пользу ваши заблуждения. А насколько это благостно, легко сказать, если вы позволите; если обнаружится вор, который подкупал, шантажировал и грабил, и вы подставите его злодейскую голову под колодки, если вы старый мотив, когда вы были глупы, смените на лучший, счастье государства станет обильней.

В стихах эпирремы со сцены снова звучит имя Клеона, и кратко излагается суть пьесы, в которой он стал главным героем. Аристофан проецирует этот сюжет на реальность, призывая внять урокам его прошлой комедии.

Изучение аристофановского творчества, конечно, не прошло для Тургенева бесследно. Древний комедиограф навсегда стал для него образцом подлинно комического действия, о чем он в 1847 г. писал П. Виардо, давая развернутую характеристику на фоне упадка современного французского театра: «Комедию фантастическую, необычную, насмешливую и трогательную, безжалостную ко всему, что есть слабого и дурного в обществе и в самом человеке, которая оканчивается смехом над собственным убожеством, подымается до возвышенного, чтоб и над ним посмеяться, снисходит до глупости, чтоб и ее прославить и бросить в лицо нашей спеси...» [7. Т. 1. С. 380]. Тургенев здесь точно называет принципы изображения у Аристофана, глубоко им усвоенные, которые совершались свободно и естественно, в многообразии и многоплановости. Позже он определит его комедию триадой «нравственно-сатирическо-политическая» [7. Т. 10. С. 43] – именно в таком русле шло у него читательское восприятие «Всадников» и «Облаков», а также и других пьес, вошедших в издание Дройзена, но не получивших явную рефлексию в виде помет.

Беспощадное аристофановское слово Тургенев считает необходимым и чрезвычайно актуальным. Он говорит об этом в повести «Довольно» (1862), рассуждая об известности поставленных перед человеком проблем и о том, что уроки прошлого проходят как будто бы напрасно: «...во имя того же вздора, две тысячи лет тому назад осмеянного Аристофаном, те же самые грубые приманки, на которые так же легко попадает многоголовый зверь – людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды» [11. Т. 7. С. 227]. В этом суждении анализ общественной ситуации и нравственной атмосферы в России дан с позиции аристофановской эстетики, хорошо и твердо усвоенной.

Интересна и показательна параллель, сделанная Тургеневым между сатирой Аристофана и образом Кармазинова у Достоевского, в котором он уловил злую карикатуру на себя: «...так аристофановски выводит меня в “Бесах”» [7. Т. 12. С. 83]. Здесь им угадывается схожесть способа изображения, когда гротеск настолько завладевает прототипом, что его черты отрываются от реальности, и образ в итоге создается не в логике индивидуально-конкретного портретирования, но становится вместилищем всех ненавистных автору вещей. Кожевник у Аристофана и Кармазинов у Достоевского в художественном плане представляют собой только злую сатиру, которая, слабо соотносясь с источником, становится (при всем различии) самостоятельным – общественным образом, но и не теряет совсем своей узнаваемости.

Комедию Аристофана Тургенев, с одной стороны, осознавал как важную часть древнего аттического театра, рассматривая автора в ряду современников. В дневнике братьев Гонкур запечатлён эпизод, в котором «Тургенев шумно высказывает свое восхищение этим отцом смеха, самым умением вы-

зывать смех, которое он ставит очень высоко и которым, по его мнению, обладают лишь два-три человека в мире». И вместе с тем Аристофан сравнивается им с его соперником: «Подумайте только, – восклицает он, и видно, что у него прямо слюнки текут, – если бы удалось наконец найти потерянную пьесу Кратина, – ведь эту пьесу ставили выше аристофановских, и греки считали ее шедевром комизма, – пьесу о бутылке, созданную старым пьяницей из Афин... Что до меня, то не знаю, чего бы я только не отдал за нее, право, не знаю, думаю, что отдал бы решительно все!» [22. С. 152]. С другой стороны, Аристофан видится Тургеневу именно «отцом комедии», к которому восходит (в сближении и отталкивании) весь театр Нового времени, включая *commedia dell' arte*, У. Шекспира, Мольера и Н.В. Гоголя.

Аристофан не мог не оказать влияние и на формирование художественной манеры самого Тургенева. Сатира и иронический пафос аттической комедии, сочетающийся с лиризмом и торжествующей патетикой (в парабасе), через опыт последующих художников особенно преломляется у русского писателя в авторском слове «Записок охотника». Аристофановский след проявляет себя здесь в беспощадности разоблачения, говоря приведенными выше словами самого Тургенева, «всего, что есть слабого и дурного в обществе и в самом человеке». Стихия смеха, ненавязчиво, но целенаправленно пронизывающая книгу очерков, разоблачает человеческую несостоятельность – как грубых помещиков, так и простоватых крестьян, при этом не забывая о присутствии идеала. Тургенев действует точно так же, как и «последний великий поэт Древней Греции», который возбуждает «созерцание высокого и прекрасного и тоску по идеалу изображением низкого и пошлого жизни» [23. С. 90].

Список источников

1. *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л. : Наука, 1972. 387 с.
2. *Лотман Л.М.* Драматургия И.С. Тургенева // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1978. Т. 2. С. 529–560.
3. *Нахов И.М.* Наследие Аристофана // Аристофан : сб. ст. М., 1956. С. 157–196.
4. *Des Aristophanes Werke* : in 3 Theil / Übersetzt von J.G. Droysen. Berlin, 1835–1838 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325/1233-1235.
5. *Adam A.* Antiquités romaines. Paris, 1818 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325/954-955.
6. *Цицерон М.Т.* Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия // Цицерон М.Т. Речи : в 2 т. Годы 62–43 до н.э. М., 1962. Т. 1. С. 33–42.
7. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
8. *Оксман Ю.Г.* И.С. Тургенев. Исследования и материалы. Одесса : Всеукраинское гос. изд-во, 1921. Вып. 1. 126 с.
9. *Житова В.Н.* Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Красноярск : Кн. изд-во, 1986. 221 с.
10. *Тургенев без глянца* / сост. П. Фокин. СПб. : Амфора, 2009. С. 77–90.
11. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.

12. *Письменные* ответы Тургенева на магистерском экзамене / публ. А.Н. Егунова // Тургеневский сборник : материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М. ; Л., 1966. Вып. 2. С. 87–108.
13. *Ярхо В.Н.* Собрание трудов: Греческая и греко-римская комедия. М. : Лабиринт, 2002. 253 с.
14. *Ярхо В.Н.* Аристофан. М. : ГИХЛ, 1954. 133 с.
15. *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 373 с.
16. *Ярхо В.Н.* Примечания // Аристофан. Комедии. Фрагменты. М., 2000. С. 960–1032.
17. *Полонская К.П.* Сатирический образ демагога в комедиях Аристофана // Аристофан : сб. ст. М., 1956. С. 56–80.
18. *Пиотровский А.И., Ярхо В.Н.* Комментарии // Аристофан. Избранные комедии. М., 1974. С. 441–492.
19. *Головня В.В.* Аристофан. М. : АН СССР, 1955. 181 с.
20. *Радциг С.И.* Аристофан и его время // Аристофан : сб. ст. М., 1956. С. 7–40.
21. *Ярхо В.Н.* Комментарии // Аристофан. Комедии : в 2 т. М., 1954. Т. 1. С. 423–449.
22. *Гонкур Э. и Ж. де* Дневник: записки о литературной жизни : в 2 т. М. : Худож. лит., 1964. Т. 2. 749 с.
23. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1955. Т. 7. 738 с.

References

1. Batyuto, A.I. (1972) *Turgenev-romanist* [Turgenev the Novelist]. Leningrad: Nauka.
2. Lotman, L.M. (1978) *Dramaturgiya I.S. Turgeneva* [Dramaturgy of Ivan Turgenev]. In: Turgenev, I.S. (1978) *Complete Works and Letters*. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 529–560.
3. Nakhov, I.M. (1956) *Nasledie Aristofana* [The legacy of Aristophanes]. In: Deratani, N.F., Radtsig, S.I. & Nakhov, I.M. (eds) *Aristofan* [Aristophanes]. Moscow: Moscow State University. pp. 157–196.
4. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. File 325/1233-1235. Aristophanes. (1835–1838) *Des Aristophanes Werke*. Übersetzt von J.G. Droysen. Berlin: Veit und Comp.
5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. File 325/954-955. Adam, A. (1818) *Antiquités romaines*. Paris: Chez Verdière.
6. Cicero, M.T. (1962) *Rechi. Gody 62–43 do n.e.* [Speeches. 62–43 BC]. Translated from Latin. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 33–42.
7. Turgenev, I.S. (1982–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka.
8. Oksman, Yu.G. (1921) *I.S. Turgenev. Issledovaniya i materialy* [Ivan Turgenev. Research and materials]. Vol. 1. Odessa: Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
9. Zhitova, V.N. (1986) *Vospominaniya o sem'e I.S. Turgeneva* [Memories of the family of Ivan Turgenev]. Krasnoyarsk: KKI.
10. Fokin, P. (ed.) (2009) *Turgenev bez glyantsa* [Turgenev without Gloss]. Saint Petersburg: Amfora. pp. 77–90.
11. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Nauka.
12. Egunov, A.N. (1966) *Pis'mennye otvety Turgeneva na magisterskom ekzamene* [Turgenev's written answers to the master's exam]. In: Alekseev, M.P. & Izmaylov, N.V. (eds) *Turgenevskiy sbornik: materialy k Poln. sobr. soch. i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev Collection: Materials for Complete Works and Letters of Ivan. Turgenev]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 87–108.
13. Yarkho, V.N. (2002) *Sobranie trudov. Grecheskaya i greko-rimskaya komediya* [Collected Works. Greek and Greco-Roman comedy]. Moscow: Labirint.

14. Yarkho, V.N. (1954) Aristofan [Aristophanes]. Moscow: GIKhL.
15. Kolobova, K.M. (1961) *Drevniy gorod Afiny i ego pamyatniki* [The Ancient City of Athens and Its Monuments]. Leningrad: Leningrad State University.
16. Yarkho, V.N. (2000) Primechaniya [Notes]. In: Aristophanes. *Komedii. Fragmenty* [Comedies. Fragments]. Moscow: Lodomir, Nauka. pp. 960–1032.
17. Polonskaya, K.P. (1956) Satiricheskiy obraz demagoga v komediyakh Aristofana [The satirical image of a demagogue in the comedies of Aristophanes]. In: Deratani, N.F., Radtsig, S.I. & Nakhov. I.M. (eds) *Aristofan* [Aristophanes]. Moscow: Moscow State University. pp. 56–80.
18. Piotrovskiy, A.I. & Yarkho, V.N. (1974) Kommentarii [Commentaries]. In: Aristophanes. *Izbrannye komedii* [Selected Comedies]. Moscow: Khudozh. lit. pp. 441–492.
19. Golovnya, V.V. (1955) *Aristofan* [Aristophanes]. Moscow: USSR AS.
20. Radtsig, S.I. (1956) Aristofan i ego vremya [Aristophanes and his time]. In: Deratani, N.F., Radtsig, S.I. & Nakhov. I.M. (eds) *Aristofan* [Aristophanes]. Moscow: Moscow State University. pp. 7–40.
21. Yarkho, V.N. (1954) Kommentarii [Commentaries]. In: Aristophanes. *Komedii* [Comedies]. Vol. 1. Moscow: GIKhL. pp. 423–449.
22. de Goncourt, E. & de Goncourt, J. (1964) *Dnevnik: zapiski o literaturnoy zhizni* [Diary: Notes on literary life]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
23. Belinskiy, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.

Информация об авторах:

Волков И.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Жилякова Э.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.O. Volkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

E.M. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 29.05.2022;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 82.3(571.1/.5)+316.7
doi: 10.17223/19986645/86/9

Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в.

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. На материале художественной прозы сибирских писателей исследуется репрезентация ключевых концептов, дающих представление о культурном ландшафте Сибири. Выявляется видоизменение традиционного смыслового поля ряда концептов, в частности представлений о доме и семье, воле и труде. Делается вывод об обобщающем характере универсалии «горе», а также о противопоставлении ей областнического идеала Сибири как «молодой и богатой» страны, которая «сулит счастье» человеку.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, концепт, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов

Благодарности: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 157–183. doi: 10.17223/19986645/86/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/9

Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century

Irina F. Gnyusova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to identify the features of representation of key concepts that give an idea of the cultural landscape of Siberia. The material was prose fiction texts created from 1855 to 1897 by G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky, D.A. Ponikarovsky, S.I. Cherepanov, V.M. Mikheev, A.K. Ordynsky, M.V. Zagoskin. A total of 34 works were studied. In the frontal analysis of the texts, the following universal concepts turned out to be the most representative: home/family, happiness/grief, labour/work, money/gain, will/captivity, life/death. It is revealed that the interpretation of universal concepts in the works of Siberian authors is influenced by the specific realities of life in the region and, consequently, the

dominant themes of fiction prose: it is associated with gold mining and the life of exiles. This results in the modification of the traditional semantic field of a number of concepts, in particular, ideas about home and family. On the material of stories and sketches, it is shown that the native home in Siberian prose is on the periphery of the concept's semantic field. Characters are usually outside the family, in a substitute, temporary dwelling, which is equally characterised by the absence of light and air. Also relevant is complete "homelessness", which is connected with the representation of the concept "will" and is often romanticised by vagrant heroes. On the contrary, ordinary peasant life, family and labour are associated by many heroes with captivity. The conclusion is made about the unambiguously negative filling of the semantic field of the concept "labour", which appears in Siberian prose as back-breaking work, drudgery that does not bring any benefits, including material ones. The research also resulted in the identification of a number of concepts that are traditionally reproduced in the texts of Siberian writers. One of them is "money/profit": rich peasants, peddlers and greedy officials are condemned, while non-acquisitiveness is praised as a popular ideal. The filling of the ambivalent concept "life/death" is also traditional: the characters' love of reasoning about the right way of life is shown, and the emptiness of the Siberians' "sleep life" is satirically portrayed. A separate group is passionate appeals of the regionalists to "seek life", to work for the good of their native land. It was found that the universal "happiness/grief" generalises the semantics of all the considered concepts. The universal is opposed to the regionalists' ideal of Siberia as a "young and rich" country that "promises happiness" to man. This ideal becomes a positive pole of the conceptual content of Siberian literature of the 19th century and, to a large extent, determines its further development.

Keywords: literature of Siberia, cultural landscape, concept, Grigory Potanin, Nikolai Yadrintsev, Nikolai Naumov

Acknowledgements: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2023) Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 157–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/9

Сегодня концепт является общепризнанной категорией литературоведческого анализа, понимаемой как «фрагмент концептуальной картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста» [1. С. 115]. Он отражает «систему понятий, представлений», свойственных «времени и народу, культурной традиции» [2. С. 15], в которой существует каждый писатель. Чаше концептологический анализ применяется для выявления смысловых доминант отдельных произведений, а также для уточнения авторского замысла. Однако не менее продуктивным может быть и обратный подход: интерпретация концептов в литературных текстах позволяет рассмотреть «информационную структуру, отражающую знание и опыт» их авторов [3. С. 253], и шире – картину мира людей, принадлежащих к определенному социуму, эпохе, культуре. В статье будет предпринята попытка охарактеризовать культурный ландшафт Сибири во второй половине XIX в. путем исследования универсальных концептов в произведениях писателей Зауралья.

Необходимо сразу отметить, что если методология концептологического анализа разработана достаточно хорошо, то вопрос о классификации концептов остается во многом открытым. Так, под универсальными концептами иногда понимаются общечеловеческие¹, однако Н.В. Володина, наиболее авторитетный специалист по концептам как литературоведческой категории, склонна выделять скорее концепты-универсалии, обозначающие «абстрактные сущности, виды общественного сознания (этику, право, религию и т.д.), эмоции и чувства (страх, радость, удивление и т.д.) и др.» [4. С. 22]. К.Г. Исупов, определяя понятие «универсалии культуры», указывает на то, что это «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности», общий генезис которых «связан с центральными оппозициями основного мифа (золотое яйцо, мировое древо): “жизнь/смерть”, “верх/низ”, и др.» [5].

Эта бинарность представляется плодотворной для концептологического анализа литературных текстов; она присутствует и в немногочисленных сегодня антологиях концептов. Так, в наиболее известном труде Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [6] встречаются пары «свой и чужие», «огонь и вода», «отцы и дети», «святое и скверна». Включает такие оппозиции («любовь и ненависть», «встреча, приветствие, прощание, расставание», «добро и зло», «свет и тьма») и восьмитомная «Антология концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [7]. При выборе концептов для анализа мы опирались преимущественно на эти источники². В итоге при фронтальном анализе текстов наиболее репрезентативными оказались следующие концепты универсального характера (отдельные понятия были объединены по принципу оппозиционности или, напротив, взаимодополнения): дом/семья, счастье/горе, труд/работа, воля/неволя, жизнь/смерть. Кроме того, была выявлена актуализация дополнительного концепта, обозначенного как «деньги/нажива».

Круг авторов, чьи произведения были отобраны для исследования, формировался с учетом следующих критериев. С одной стороны, это писатели, художественный уровень которых был признан критиками и учеными. К таковым, бесспорно, относятся Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов, И.В. Оммулевский, В.М. Михеев: не являясь авторами первого ряда, они тем не менее публиковались в столичной прессе, а их произведения по сей день являются предметом научного анализа. С другой стороны, в центр исследования закономерно поставить писателей, сформировавшихся вокруг идеологов областного движения³ – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева: к ним принадлежат Н.И. Наумов, И.В. Оммулевский, М.В. Загоскин. Третий критерий связан

---

¹ См., например: [3. С. 253].

² Также необходимо назвать «Антологию художественных концептов русской литературы XX века»: [8].

³ О значительной роли областников в формировании литературного процесса в Сибири пишет, например, К.В. Анисимов: «Демонстрируя свое отличное знание ассоциирующихся с Сибирью текстов от летописей и исторических песен, посвященных Ермаку,

со стремлением дать наиболее широкий региональный охват авторов: это писатели, большая часть жизни или литературная деятельность которых прошла в Томске (Г.Н. Потанин, Н.И. Наумов), Барнауле (Д.А. Поникаровский), Иркутске (И.В. Омуревский, М.В. Загоскин, С.И. Черепанов, В.М. Михеев). Н.М. Ядринцев жил и работал в разных городах Сибири – от Омска до Иркутска; А.К. Ордынский долгое время провел в Забайкалье.

В качестве материала были использованы исключительно прозаические художественные тексты, созданные девятью сибирскими авторами в период с 1855 по 1897 г. Из 34 отобранных для анализа произведений большая часть принадлежит к жанру рассказа, также довольно частотны очерки. Кроме того, материал включает три неоконченных романа, две повести, одна из которых также не завершена автором, и одно драматургическое произведение в жанре комедии. Мы сознательно ориентировались на малую прозу как наиболее органичную для литературы Сибири этого периода, исключив из поля исследования два завершённых романа, созданных в начале 1870-х выходцами из Сибири, – «Шаг за шагом» И.В. Омуревского и «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» И.А. Кущевского¹.

Тематика произведений сибирских авторов в указанный период достаточно однородна, что обусловлено, с одной стороны, общей принадлежностью писательского корпуса к разночинной среде, а с другой – спецификой материала, с которым имели дело беллетристы в эпоху господства реалистического метода в литературе. Герои их рассказов – люди из народа: крестьяне, приисковые рабочие, ссыльные, бродяги, также это местные чиновники различного ранга, представители купеческой и торговой среды, реже – интеллигенции. При этом круг проблем, описываемых в творчестве сибирских писателей, несколько отличается от общенациональной литературы: это обусловлено преобладанием в ней специфической местной тематики, связанной, с одной стороны, с золотодобычей, с другой – с жизнью ссыльных.

Быту и нравам рабочих на золотых приисках посвящены произведения очень многих писателей: это и неоконченный роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане»², и очерки Н.И. Наумова «Еж» и «Паутина», и

до творчества полузабытых поэтов недавнего прошлого, давая авторам этих текстов меткие характеристики, областники, по сути, конструировали историко-литературный процесс Сибири в его целостности, устанавливая взаимосвязи между этапами становления словесности края» [9. С. 5].

¹ Дополнительным аргументом против включения этих произведений в перечень материалов для анализа является то, что написаны они не полностью на сибирском материале. Хотя формально действие романа «Шаг за шагом» происходит в «одном из лучших губернских городов Восточной Сибири», Н.В. Серебrenников справедливо замечает, что родина у Омуревского стала только «случайным фоном к портрету идеального героя в романе о “новых людях”» [10. С. 271]. В романе «Николай Негорев», где место действия не указано, автор, по утверждению Г.Н. Потанина, лишь «взял эпизод из сибирской жизни и потом окружил его чертами несибирского быта» [11. С. 27].

² Есть сведения, что Н.М. Ядринцев доработал и завершил «Тайжан», однако этот вариант рукописи до сих пор не обнаружен. Подробнее об этом см.: [12].

«очерк с натуры» Д.А. Поникаровского «Крестьяне-золотопромышленники» и его же «Сибирская Калифорния», и рассказ С.И. Черепанова «Неотысканное богатство». Жизнь ссыльных, а также вынужденных соседствовать с ними сибирских крестьян ярко описана в очерках Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»; отчасти тема вынужденного переселения осужденных в Сибирь присутствует в его же романтическом рассказе «Неожиданный гость на сибирских святках»; «Сибирячке» и «Острожном художнике» И.В. Омулевского; «Яблоне и яблочке» М.В. Загоскина.

Доминирование столь специфической проблематики явственно отражается на интерпретации одного из наиболее традиционных для мировой литературы концептов – «дом/семья». Соединение двух понятий в одно оправдано тем, что их ценностное наполнение очень близко. Как указывают авторы «Антологии художественных концептов русской литературы XX века», «аксиологическая доминанта концепта “дом” наиболее отчетливо проявляется при сравнении этимологически родственных понятий: носителями славянских языков дом осознается как “домашний очаг”, “род”, “семья”, любящие друг друга люди» [8]. Такое же понимание характерно и для народной культуры: дом «представлялся хранилищем основных жизненных ценностей: семьи, рода, достатка, покоя и уюта» [8]. Тем более контрастным оказывается представление о доме, обнаруживаемое в текстах сибирских авторов.

Прежде всего, традиционный дом в прозе сибирских авторов явно находится на периферии смыслового поля концепта. Более того, вид добротного, ухоженного дома, свидетельствующего о благополучии проживающих там людей, вызывает неизменное изумление рассказчиков, которое в ряде случаев передается идентичным выражением «бросаться в глаза», т.е. согласно словарю «привлекать внимание своим видом; быть особенно заметным» [13]. Очевидно, такой дом представляет собой нечто выдающееся на фоне окружающего. Подобный пример можно встретить в «Сибирской Калифорнии» Д.А. Поникаровского (1882): «Буйволы остановили лошадей у двухэтажного нового дома <...> новая ограда, множество служб и амбаров указывали на зажиточного хозяина. <...> Маланья провела их к отцу, жившему в верхнем этаже дома. И там, как внизу, чистота и опрятность бросались в глаза: стены были выбелены, полы выскоблены и покрыты шерстяными половиками; на полках блестели кастрюли и самовар» [14. С. 156–157].

И.В. Омулевский в неоконченном романе «Попытка – не шутка» (1873) описывает еще более выходящее из ряда вон явление: целое село здесь поражает аккуратностью и благополучием: «По мере того как тарантас подвигался вперед, искусно изворачиваясь в узеньких переулках, между плетеными заборчиками дворов и огородов, Матову все сильнее и сильнее бросалась в глаза проявлявшаяся здесь во всем какая-то необыкновенная опрятность или, пожалуй, зажиточность. По ту сторону Урала доктор не встречал ничего подобного, по крайней мере в таком дружном скоплении на одном месте» [15].

Однако и описание бедного дома, свидетельствующее о трудной жизни его хозяев, – явление нечастое в сибирской прозе. Даже у Н.И. Наумова, самого «народного» сибирского писателя, такие эпизоды единичны. Развернутое описание нищей крестьянской избы есть, например, в его рассказе «Юровая» (1872):

О горькой нужде в быту Кулька можно было заключить уже по обстановке в избе. Около покосившихся, но всё-таки чисто выбеленных стен стояли лавки, сходящиеся у стола в переднем углу. У печки висела люлька, в которой стонал обернутый в какие-то лохмотья больной ребенок. У узенького оконца, с натянутым вместо стекла бычачьим пузырем, едва пропускавшим дневной свет, сидела с прялкой в руках подросток-девочка, в одной грубой пестрядинной рубаше, прикрывавшей ее тощее тело. Сидя у люльки, жена Кулька, пожилая женщина с болезненно истомленным лицом, укачивала на руках другого больного ребенка, то прижимая его к груди, то поднимая на воздух, чтобы унять его плач и удушливый кашель. И мука, нестерпимая мука выражалась в эти минуты на ее лице. И грустная картина эта, и удушливый, спертый воздух, и царивший в избе мрак охватили бы человека, незнакомого с жизнью нашего крестьянина, томительным чувством [16. С. 75].

В этом выразительном эпизоде дается единая репрезентация концептов «дом» и «семья»: и сама изба, и ее обитатели словно сливаются в единую болезненную картину безысходности. Очевидно включение в семантику дома и репрезентантов таких концептов, как «болезнь», «горе» и «смерть»: в избе нет света («бычачий пузырь» вместо стекла становится словно еще одним отражением болезненности обитателей дома) и почти нет воздуха (повторение эпитета «удушливый»). Дом, таким образом, уже не дом, а почти могила; статичность положения изможденных членов семьи крестьянина Кулька указывает на то, что они уже почти не принадлежат к миру живых.

Одновременно эту тяжелую картину можно считать и объяснением того, почему герои произведений сибирских авторов практически не описываются в домашнем кругу: нужда гонит их на заработки. А потому ядром концепта «дом» становится в сибирской литературе XIX в. не родной дом, а его «суррогат», подмена – временное пристанище, барак на прииске, съемная «квартира» и, наконец, казенный дом.

Описанием приискового поселения завершается первая глава неоконченного романа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» (1872), в которой молодой герой едет к своему родственнику-золотопромышленнику. Неестественность, неупорядоченность при формальном сходстве с обычным человеческим жильем сразу бросается в глаза при виде этого временного пристанища десятков людей:

Широкая падь, образованная двумя скатами, в самом низу которой, вероятно, текла речка, была в беспорядке застроена домами различной величины. В центре виднелся дом золотопромышленника, одноэтажное длинное здание с крыльцом на переднем фасаде и с садом сзади. Кругом были построены квартиры для «слуг-жак», контора, казармы для рабочих, больница, двухэтажные амбары с галереями и красными дверями [12. С. 18].

Несмотря на попытку придать каждому из домов вид традиционного, ни крыльцо, ни сад не делают дом золотопромышленника помещицкой усадьбой – он остается только «одноэтажным длинным зданием». Еще меньше может считаться домом казарма для рабочих: в «Тайжанах» не описывается ее внутреннее устройство, однако упоминание об этом есть в рассказе Н.И. Наумова «Еж» (1873): «Сырость преследует рабочего и в тесных бараках, сколоченных из досок, где каждый из них спит на соломе, настланной на землю» [16. С. 107].

Интересно, что Р.А. Григоренко в статье, посвященной «Тайжанам», видит в приведенном выше описании пространства прииска «кинфернальные черты»: «...нагнетается его низинное положение, в образе стены леса подчеркивается замкнутость и ограниченность локальности, упоминанием о протекавшей здесь некогда реке акцентируется сходство места с царством мертвых» [17. С. 27.]. Получается, что и в этом произведении семантическое поле, возникающее при описании суррогатного дома, косвенно связано с концептом «смерть».

Еще более любопытно, что репрезентация концепта «дом» происходит в «Тайжанах» и на другом, метафорическом уровне: с разоренным, разграбленным домом сравнивается авторами само превращение величественной таежной природы в отвратительного вида приисковый «колодец»: «Впечатление, производимое им, похоже [на то], как будто вошел в комнату, из которой только что вышли разбойники: шкатулка разбита, бумаги разбросаны, монета похищена, мебель переставлена, и сам хозяин сброшен с своего ложа и откинут в сторону, а пуховик положительно перерыт» [12. С. 28].

К приисковому барaku как вынужденной замене родному дому примыкает другой его эквивалент – постоянный двор. Согласно словарям этот тип жилья был призван дать временное пристанище человеку, находящемуся в пути: «помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей» [18]. Однако в сибирских реалиях постоянный двор нередко был местом гораздо более длительного проживания и выполнял совершенно специфические цели – об этом подробно повествует Н.И. Наумов в очерке «Паутина» (1880). Действие в нем происходит в сибирском селе, благосостояние которого выросло благодаря основанному рядом прииску: осенью, когда завершается сезон, рабочие получают заработок за полгода и попадают в «сети» предприимчивых местных крестьян и купцов, прилагавших все усилия, чтобы постояльцы задержались у них как можно дольше. Наумов статистически точно указывает, что лишь «четвертая часть» рабочих, «отдохнув день, два, идет далее, домой; большинство же, пропив весь свой заработок, живет в селе до приезда лиц, уполномоченных золотопромышленниками для найма рабочих на прииски» [16. С. 269], рассчитывается с долгами за постой – и вновь отправляется «на эту золотую каторгу» [16. С. 189].

Во второй части «Паутины» дается описание одной из таких постоянных «квартир», в которой живут рабочие на отдыхе:

В тесной избе, вдоль тесовых стен которой шли широкие лавки, в переднем углу, около стола, сидело человек пять рабочих, по-видимому, только что кончивших обед. На столе, накрытом грубою синею скатертью, стоял деревянный засаленный лоток с остатками мелко искрошенного мяса, и валялись куски хлеба и крошки. Пожилая женщина, одетая в светлое ситцевое платье, в тёмной шёлковой косынке на голове, хлопотливо собирала со стола деревянные ложки и тарелки, сгребала в большую сельницу, наполненную засохшими кусками и корками хлеба, оставшиеся на столе хлебные крошки и, сняв со стола скатерть, отряхнула её и повесила у притолоки печи для просушки. Несмотря на то, что окна в избе, выходявшие в огород, обнесённый плетнём, были раскрыты настежь, в избе было нестерпимо душно от жары натопленной печи. Стены и потолок были густо усеяны мухами, рой которых с жужжанием носился по избе, облепляя висевшую в переднем углу икону и лубочные портреты генералов, которыми были увешаны стены. Разобрать черты этих почтенных воинов было очень трудно — до того они были засижены мухами... [16. С. 255–256].

Легко заметить, что при внешней нейтральности этого описания и даже признаках благополучия (ситуация трапезы, упоминание хлеба и мяса) в нем встречаются те же атрибутивные черты концепта «дом», что были характерны для картины нищего крестьянского быта в «Юровой». Это, прежде всего, «нестерпимая духота»: в этой «квартире» также почти нет воздуха, несмотря на распахнутые окна. Обращает на себя внимание и статичность, неподвижность людей – основных участников сцены; активна здесь только хозяйка, но и ее действия направлены как будто на очищение не только стола, но и дома от его обитателей. Последующее повествование подтверждает правильность этой догадки: хозяин заметил, что «приставшие к нему на квартиру рабочие... давно прожились» [16. С. 256], и ищет способа избавиться от их присутствия. Стаи мух, облепивших помещение и роящихся в воздухе, вкупе с неэстетичным описанием засаленной посуды и остатков еды, еще более усиливают неприятную атмосферу этой сцены, окончательно указывая на то, что сходство с домашней обстановкой лишь видимость. Этот мнимый «дом» также враждебен к своим временным жильцам, не способным и дальше поддерживать «суррогатный» домашний уют.

Еще одним вариантом места проживания героев сибирской прозы становится казенный дом. Это понятие иногда возникает и как метафора тюрьмы, однако в большинстве случаев здесь представлен казенный дом в его основном значении: «дом, содержащийся за казенный счет», или «дом, относящийся к системе государственного попечительства» [19]. Такая «особая изба, давно предназначенная для поселенцев» [12. С. 234], упоминается, например, в цикле очерков Н.М. Ядринцева «На чужой стороне» (1885), хотя подробного ее описания автор не дает. А в рассказе «Блудный сын» (1878) Г.Н. Потанин мастерски изображает и буквальное превращение родного дома в казенный: герой, возвратившийся сорок лет спустя в свою деревню, с восторгом вспоминает «прелестный райский мир» детства, а на месте обнаруживает самую мрачную перемену:

Боже мой, каким он показался мне низеньким сравнительно с тем, чем казался прежде. Какие маленькие окна! Дом точно врос в землю. Я вошел в него в намерении попросить нынешнего владельца его позволить мне посмотреть те комнаты, где я провёл своё детство <...>. Вид прихожей показался мне очень странным: тёмное отверстие печи было наполнено обрезками от казенных бумаг, которые, точно ленточные глисты, сплетались между собою и свешивались вниз множеством концов; в углу стоял ночной горшок и половая щетка, упиравшаяся на заметенный к стенке ворох сора; у окна сидел сторож, погрузившийся в наблюдения над мухами на оконных стеклах. Воздух в прихожей стоял душливый, свойственный задним ходам. Из двери несло свежей известкой и самым вонючим табаком. Могу я видеть хозяина? – спросил я. – Здесь дом казенный, отвечал сторож. Я увидел вывеску и прочел на ней надпись: какое-то правление. Я был глубоко огорчен: <...> наша мирная детская, где мы видели столько золотых снов и поцелуев нашей няни, обращена была в тюрьму для бродяг, и в вишневой роще раздавались не детские голоса, а голоса сторожей, нарезающих розги для заключенных [20].

Очевидно, что семантическое поле концепта «дом» состоит у Г.Н. Потанина почти из тех же элементов, что и в рассказах Н.И. Наумова: актуализируются такие смыслы, как теснота («низенький», «врос в землю»); темнота, отсутствие света («маленькие окна», «мухи на оконных стеклах», «темное отверстие печи»); духота, отвратительный запах («душливый» воздух, несло «самым вонючим табаком»). Неэстетичность описания у Г.Н. Потанина доведена до максимума: помимо мух, он упоминает «ночной горшок», а также вводит натуралистическое сравнение «обрезков от казенных бумаг» с «ленточными глистами» (и тем самым также актуализирует концепт «болезнь» в характеристике этого неестественного, ненормального дома). Отметим, что нейтральное «правление» в итоге оказывается-таки «тюрьмой для бродяг» [20], снова выводя на первый план переносное значение выражения «казенный дом».

При всем богатстве вариантов «суррогатного» жилья, подменяющего образ традиционного дома в сибирской литературе, нужно признать, что гораздо более частотной является ситуация отсутствия дома как такового или образ покинутого человеком дома. Бездомность становится главной характеристикой героя-художника в рассказе И.В. Оммулевского с говорящим названием «Без крова, хлеба и красок» (1883). В его же неоконченных «Рассказах в осенние вечера» (1883) у главного героя, «молодого, бездомного парня», «не было... ни кола, ни двора; осталась ему, правда, от родителей ветхая избенка, да и та сгорела» [21]. А в «Паутине» Н.И. Наумова встречается яркая метафора брошенной хозяином избы, которая «стоит с заколоченными наглухо окнами, накренившись набок, точно с тоски о своём владельце» [16. С. 290]. Этот образ свидетельствует еще об одной подмене понятий: одиночество, неприютность, тоска оказываются чертами, свойственными именно дому, а не человеку, давно свыкшемуся со своей бездомностью. «Ты што это в меланхолию-то вдарился, гляди, о доме заскучал!.. да нешто про нашего брата домов нет, а-а? коли об отдыхе взгрустнётся?», –

громко заявляет свою «философию жизни» герой «Паутины» «ссылнопо-селенец» Изот [16. С. 295–296].

Похожим образом репрезентируется и смежный с «домом» концепт «семья»: герои здесь крайне редко изображаются в кругу родных. Их удел – одиночество, сиротство или включенность в иной круг человеческих связей – как, например, ссыльный по пути на поселение «находил... свой мир, свое утешение взамен всех других привязанностей в жизни» [12. С. 232]. Иногда происходит и интеграция семьи с общиной: например, жены рабочих устраиваются на прииск вместе с ними. Исход такой попытки сохранить семью печален: Н.И. Наумов указывает, что «они впадают в самый крайний разврат, пропивая вместе с мужьями иногда весьма крупные средства, приобретаемые подобным путем, и чаще всего кончают свою жизнь самым трагическим образом от рук своих же бесчисленных поклонников» [16. С. 289].

Если же в произведении описывается вполне традиционная семья, то она, как и дом, существует в неестественном, неправильном виде и не приносит счастья героям. Такова, например, судьба маленькой няни-калмычки в одноименном рассказе Н.М. Ядринцева (1897): будучи продана родной семьей «за мешочек муки» [22], она живет в доме рассказчика на положении служанки. Несмотря на дружбу с «баричем» и способность к грамоте, ей не позволяют учиться вместе с ним, а впоследствии насильно выдают замуж за старого кучера-пьяницу. Рассказ завершается известием о самоубийстве героини, не выдержавшей побоев вечно пьяного мужа.

Еще более трагический вариант семьи представлен в рассказе М.В. Загоскина «Яблоня и яблочко» (1890): ссыльный латыш из каторжных нанимается в работники к вдове, а затем женится на ней. Но очень скоро становится ясно, что единственной ценностью для Бухора Дыркина, как прозвали «шведа» в сибирской деревне, является достаток и крепкое хозяйство: жена его становится «робкой и какой-то забитой» [23], дети от первого брака фактически изгнаны из дома и впоследствии гибнут – один на войне, а другой на золотых приисках. Старший сын героя Андрей вырастает точной копией отца, а младший оказывается плохим работником: «старший брат обращался с ним, как с чужим, и презирал его» [23]. Последующие события показывают полный распад семьи: после смерти Дыркина-старшего Андрей отселяет мать и лишь «дает отсыпное»; младший брат его спивается, а его жена живет в доме «как совершенно чужая и ненавистная квартирантка» [23], пока ее не выживают вместе с дочерьми. Запивает и жена Андрея, не выдержав «мужниного гнета»: тот в ответ «бил свою бабу не на живот, а на смерть, ссылал на жительство в черную избу... Ничто не помогало... Баба дошла до последних ступеней падения и после пяти-шести лет безобразной жизни замерзла под забором» [23].

Есть, впрочем, среди произведений сибирских авторов и комический вариант «семьи поневоле»: в авантюрно-романтической повести С.И. Черепанова «Сибирячка» (1855) описывается, как молодой офицер Дутиков едет в приграничную Кяхту в надежде жениться на «богачке» [24]. Там он принимается ухаживать за купеческой дочкой Марфинькой, однако сомнения в

достойном приданом заставляют его отступить. Не отступает, однако, ловкая Марфинька: она сама инициирует помолвку, а затем пускается вслед за незадачливым женихом, решившим сбежать от нее в Петербург, и после долгих комических приключений в пути и в самой столице берет верх и становится-таки женой героя.

Из приведенных примеров видно существенное пересечение смысловых полей концептов «дом/семья» и «воля/неволя». Воля в произведениях сибирских авторов становится антитезой дому, а семья нередко оказывается синонимом неволи. Так, в «народной комедии из сибирской жизни» [25. С. 1] В.М. Михеева «По хорошей веревочке» (1889) Егор Клоков, молодой герой из богатой купеческой семьи, неоднократно заявляет, что не чувствует свободы в родном доме: «Точно заперли меня в клетку железную, да еще дразнить приходят...» [25. С. 65]. Влияние «народной драмы» А.Н. Островского на пьесу Михеева очевидно: конфликт точно так же строится на противостоянии старшего поколения с их патриархальными ценностями, а главное – верой во всемогущество капитала, и молодых людей с горячим сердцем и стремлением жить своим умом. Характерен диалог Егора с матерью:

ЕГОР. Коли дело идет о моей судьбе, я уважаю только свою волю. <...>

ПЕЛАГЕЯ. Ой, выкинь из головы, Егорушка, выкинь... Коли бедную возьмешь, батюшка весь капитал на монастырь отдаст... <...> А ты знаешь, какой у него капитал?

ЕГОР. Не нужен мне его капитал.

ПЕЛАГЕЯ. Не нужен! Ой, не отказывайся! В жизни всякое бывает. За капиталом, как за каменной стеной.

ЕГОР. Да, как в тюрьме – ни воздуха свежего, ни свету Божьего.

ПЕЛАГЕЯ. Это за капиталом-то! Да не уж голый, да не покрытый ты свет-то Божий увидишь?

ЕГОР. Напоить, накормить, одеть, обувь себя сумею. Голова у меня на плечах, да и руки молодые... Зато вольно вздохнешь.

ПЕЛАГЕЯ. А теперь ты не вольно дышишь? Тесним мы тебя? <...> Да что мы изверги с дедом, с отцом твоим что ли?

ЕГОР. Не изверги вы. Ну и оставьте меня в покое, на полной своей воле. Не дурак я, лба не расшибу.

ПЕЛАГЕЯ. А коль расшибешь, сынок? Ты думаешь, не понимаю я, не вижу... Ты не дурак, да ровно отуманенный. Не видишь ты теперича – стена перед тобой, али вольный воздух [25. С. 58–61].

Противостояние разных систем ценностей в этом диалоге передается с помощью двоякого понимания метафоры «каменная стена». Если для матери героя она воплощает надежность и уверенность в завтрашнем дне, которую обеспечивает капитал, то у Егора вызывает ассоциации с тюрьмой, клеткой, каторгой. Последнее значение он прямо проговаривает в финальной сцене, когда бросает в глаза деду Ануфрию Маторину обвинение в том, что его репутация наследника богатого рода не вызывает доверия у людей: «Маторинский внук, да Маторинский внук. Точно каторжник клейменный я стал с этой кличкой» [25. С. 110–111].

Обращает на себя внимание и образная характеристика героем своего положения в родной семье, «за капиталом»: «как в тюрьме – ни воздуха свежего, ни свету Божьего» [25. С. 60]. Она отчетливо перекликается с описаниями дома у Н.И. Наумова и Г.Н. Потанина: жизнь Егора в семье также метафорически репрезентируется через отсутствие света и воздуха. Стремление героя «вольно дышать» связано с желанием уйти из семьи, но далее в интерпретации концепта «воля» возникает важный нюанс. Если обратиться к словарям, получается, что герой жаждет не воли в значении «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода», а хочет жить своей волей, т.е. иметь «власть, право распоряжаться по своему усмотрению», поступать «по собственному желанию, без принуждения, добровольно» [26]. В отличие от многих героев сибирских писателей Егор хочет не бежать из дома, а жить «отдельно, своим хозяйством» [25. С. 122], т.е. создать свой собственный настоящий дом, истинную семью, основанную не на капитале, а на любви. Финал комедии Михеева оптимистичен, хотя и не слишком правдоподобен: Маторин прощает внука за женитьбу на бедной избраннице против воли родных и даже проявляет неожиданное понимание молодого поколения, заявляя: «Снимаю я с тебя клеймо Маторинское. Живи без клейма» [25. С. 116].

Однако воля, к которой стремится молодой герой Михеева, – редкий позитивный пример в общем корпусе сибирских текстов. Для большинства же героев воля оказывается столь же неестественным и бедственным состоянием, как и пребывание в «суррогатном» доме: волю воплощает бездомная, бродяжническая жизнь. Уже упомянутый Изот, герой «Паутины» Н.И. Наумова, в своем «панегирике» вольной жизни приисковского рабочего провозглашает: «Да нешто мы с тобой пригодные к хозяйству люди?.. Нешто перелетная птица усидит тебе на одном месте, а?.. Ни в жисть!.. <...> Да возьми ты меня, неуж я променяю энту жизнь на хозяйство?.. да убей меня Господи! Уж одно тебе, вольный казак: ходи себе по белому свету да выглядывай, где на какой манер народ мыкается» [16. С. 296].

Уже в этой речи героя чувствуется поэтизация вольной жизни: выражения «перелетная птица», «вольный казак» отсылают к традиционно высокой ценности воли в русском национальном сознании. Н.М. Катаева указывает, что «концепт ВОЛЯ, отражающий представления русских о личностном и географическом просторе и совершенной, ничем не ограниченной внутренней свободе как внутриличностной константе, особенно ярко характеризует специфику русского менталитета» [7. Т. 1. С. 57].

Романтизация воли проявляется и в очерке Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: глава VI, в которой ссыльнопоселенцы бегут из сибирской деревни обратно «в Расею», так и озаглавлена – «Побег и бродяжеская поэзия». Воплощением этой поэзии становится образ Улиньки, «молодой девушки, сильной, мужественной и закаленной в бродяжничестве» [12. С. 255]. Сцена ее пения у ночного костра, на котором ссыльные жарят мясо украденной коровы, становится апогеем повествования о приключениях ссыльных в Сибири. Автор останавливается и на многогранности характера

героини: «...в этом голосе, звонком и насмешливом, отражался весь характер певицы, то страстный, увлекающийся, то гордый, насмешливый и независимый, могущий довести до бешенства своим коварством и надменностью» [12. С. 256]; и подробно описывает содержание «бродяжеской» песни, которую по просьбе товарищей поет Улинька:

Ох! Вы бродяги, вы бродяги,
Вы, бродяженьки мои!
Что и полно ль вам, бродяги.
Полно горе горевать! [12. С. 256].

Поэзия воли раскрывается и в «опьяняющем» воздействии этой ночи у костра на бродяг, особенно недавно примкнувших к группе. Концепт «воля» здесь явственно смыкается со смысловым полем концептов «счастье/горе», причем Ядринцев подчеркивает, что это мимолетное воодушевление бродяг особенно остро ощущается ими на фоне обычных тягот их жизни: «...бродяжеское веселье было беззаветное, широкое веселье, не думающее о завтрашнем дне, как будто бы это был последний разгул на вольной жизни, потому что никто не мог ручаться за то, что завтрашний день его встретит не в тюрьме» [12. С. 257].

Воля, таким образом, становится лишь временным выходом из «кабалы», которой представляется вся жизнь в Сибири. Эту глобальность неволи подчеркивает и Д.А. Поникаровский в очерке «Крестьяне-золотопромышленники» (1882), где описывается жизнь «тайных золотоискателей», т.е. тех, кто нелегально пытался осваивать «золотоносные ямы» в предгорьях Алтая. Преследуемые властями, регулярно попадающие в острог, крестьяне все равно тайком отправляются в «черневые леса» за золотом, сбиваясь в небольшие артели. Причина тому, как поясняет автор, вовсе не жажда наживы, а стремление к вольной жизни. Короткое пояснение, которое дает Д.А. Поникаровский в конце второй главы очерка, определяет пафос всего повествования – и лишний раз подчеркивает безусловную симпатию автора к своим героям-авантюристам:

Тяжело живется крестьянину, душно на руднике, пекло у раскаленной печи на заводе, а кругом приволье и ширь, и благодать. Здесь ли не проявиться силе, здесь ли не разгуляться. И, понятно, влечет и тянет в эти леса. Не одна жажда корысти обольщает народ, а приволье жизни, приволье промысла.

Какая славная, привольная эта жизнь в лесах, видно на промышленниках и пасечниках сибирских, какой дух отваги, какую крепкую расу она воспитывает. В этом авантюризме доселе еще ищет выхода и удали непригнетенный к сохе дух народный [14. С. 145].

Говоря о концепте «неволя», нельзя не обратиться и к «Тайжанам» Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, где при описании таежного прииска происходит, как указывает Р.А. Григоренко, «конструирование образно-топографической связки тайга – тюрьма» [17. С. 28]. Оно, по словам исследова-

теля, «достигается способом, который можно назвать кумулятивным: Потанин и Ядринцев добавляют в разных местах то одну, то другую черту тюремного быта» [17. С. 28]. А в шестую главу неоконченного романа включена настоящая «ода» тайге (и Сибири в целом), наполненная горькими сожалениями о том, что этот «храм свободы» превращен в острог:

Глухая, торжественно-уединенная тайга производила сосредотачивающее на путников действие, точно храм. Чувства человеческой гордости присмирели перед ее величием. И действительно это был храм богу свободы и жизни, куда бежали вольные люди, соболевщики от кривых судов, правейей, податей и скитники, унося с собой св. Паисиев. Но этот храм свободы мы обратили в тюрьму, в храм богу мести. Твои еловые вершины торчат, как острожные пали! Твой рябющий в глазах переплет ветвей напоминает тюремные решетки. Под твоим сводом, тайга, не раздастся хвала Творцу, создавшему мир свободным и вольным, а слышны только проклятия каменщика, прикованного к тачке [12. С. 61].

Последний образ приведенного отрывка, как и многие другие примеры, демонстрирует, что семантика неволи активно включается и в смысловое поле концепта «труд/работа». Не случайно и крестьянский труд, и работа на приисках одинаково маркируются эпитетом «каторжный труд» (другие частотные определения – тяжелый, невероятный, непосильный). А организация работ на приисках, с репортерской точностью описанная Н.И. Наумовым в очерке «Еж», справедливо характеризуется им как «закабаление рабочего» [16. С. 106].

Концепт «труд/работа» менее проявлен в сибирской прозе XIX в. по сравнению с понятиями «дом» и «воля». При этом ядро концепта однозначно составляет негативная оценка труда – вероятно, причиной вновь является доминирование тематики, связанной с жизнью ссыльных и рабочих на золотодобыче. Труд описывается как состояние вечной неволи, не дающей передышки. «Ведь он там робит-то, сударь, передыху не знает: еще солнышко не взойдет, а его уж на работу гонят, да с последней зорькой спустят с неё. Тепло ли, холодно ли, здоров ли, немощен ли, его не спросят, знай одно – робь, подчас по колено в воде», – с мнимой жалостью объясняет горькое положение рабочих на приисках расчетливый делец Кузьма Терентьич в «Паутине» Н.И. Наумова [16. С. 179]. Труд не приносит удовлетворения, в том числе и материального: «...Работа-то на поле тяжкая, а прибыли большой... не видишь», – говорит один из героев «Сибирской Калифорнии» Д.А. Поникаровского [14. С. 158].

Обесценивается даже сам образ честного труженика: это наглядно показывает уже упомянутый рассказ «Яблоня и яблочко» М.В. Загоскина. Казалось бы, латыш Будхарт Дирен должен стать образцом для подражания: «...работником он оказался хорошим: знал крестьянское дело и все делал даже без приказа хозяйки. В деревне ни с кем не знакомился, вина вовсе не пил, дома постоянно молчал и всегда что-нибудь делал – то прибирал во дворе, то починивал сбрую и мелкие вещи в избе» [23]. Своим упорством герой опровергает расхожее убеждение в том, что «честным трудом много

не возьмешь» [14. С. 137] (Д.А. Поникаровский): через пять лет у Дирена-Дыркина уже было большое хозяйство и он давал деньги в долг: «...все спорилось у трезвого, трудолюбивого и скупого на пустые издержки Шведа» [23]. Столь же работающим и целеустремленным герой вырастил и старшего сына. Но итог оказался печален: Дыркин сошел с ума и покончил с собой, узнав о краже накопленных денег; его сын Андрей доживает жизнь в одиночестве, ненавидимый родными и односельчанами. Загоскин показывает, что трудолюбие не может стать ценностью без человечности, труд не может быть самоцелью – но тем самым косвенно указывает и на отношение к труду как таковому. «Конечно, тяжело, и работать у него придется без отдышки, но, видно, уж такая наша доля: ничего не поделаешь!» – мнение крестьян о Дыркине-старшем [23]. А уж сына героя, ставшего первым богачом в округе, открыто именуют «скаредом», «идолом» и «зверем» – впрочем, здесь на семантику концепта «труд» оказывает влияние еще и однозначно негативное смысловое поле концепта «деньги/нажива».

На периферии концепта «труд/работа» в сибирской прозе можно обнаружить еще два варианта его репрезентации. Один из них связан с описанием жизни ссыльных: это отсутствие работы в Сибири, которого всерьез опасаются герои очерка Н.М. Ядринцева «На чужой стороне» по пути на поселение: «А есть ли там какие-нибудь занятия-то? Можно ли работать где-нибудь?..» [12. С. 209]. Впоследствии выясняется, что работы действительно нет – по крайней мере той, к которой привыкли ссыльнопоселенцы из Петербурга. Ядринцев с иронией передает раздумья бывшего маркера¹: «Теперь бы можно было очень вольготно в какой-нибудь гостинице пристроиться, потому как здесь, я полагаю, настоящих маркеров нет» [12. С. 223]. Но попав в деревню, герои вынуждены искать более реалистичные варианты. Их предлагает «опытный поселенец», указывающий, что выходцам из столицы уместно пойти «по фельдшерской части»: «...я тоже этим делом занимался по бродяжеству. Наболтаешь чего-нибудь в бутылку – и давай мужику, он верит» [12. С. 225]. Этот трагикомический эпизод демонстрирует еще один вариант профанации, обесценивания работы, которая не приносит иного результата, кроме наживы, и грозит тюрьмой.

Другим локальным репрезентантом концепта становится «честная работа», о которой мечтает героиня очерка И.В. Омулевского «В мировой камере» (1883). Писатель показывает в нем распространенный вариант женской судьбы, когда участью дочери бедного чиновника, оставшейся сиротой, было «или умереть с голоду, или пойти по известной дороге» [27]. Оказавшись в «полном довольстве» на содержании у «богатого молодого барина», героиня тем не менее испытывает «горячую жажду честной работы, какой не раз томилась она в это ужасное время, проводя целые ночи без сна за мысленным изысканием этой работы» [27]. Исход этих мечтаний оказы-

---

¹ Маркер – работник, обслуживающий игру на бильярде.

вается совершенно романтическим: молодая женщина сбегает от своего кровителя к бедному портному, живущему напротив, и на собственные средства покупает ему швейную машинку: «...и вот закипел на убогом чердаке, хотя, как и прежде, не прибыльный, но зато свободный и, стало быть, отрадный труд, заедаемый подчас тем же черствым куском хлеба, но свобода и любовь даже и его делали как-то мягче» [27]. Труд и воля оказываются здесь близкими понятиями, но ненадолго: от романтической идиллии Оммулевский стремительно возвращается к реалистическому методу, и влюбленных настигает горькая нужда, за которой следует попытка утопить горе в вине и смерть портного. Писатель, впрочем, подчеркивает, что, несмотря на страшную бедность, героиня так и не свернула с честного пути, хотя «стала пить и пьет теперь сильно, но никогда уже, вероятно, не продаст себя, даже и из-за куска хлеба» [27].

Концепт «деньги/нажива», непосредственно примыкающий к семантическому полю «труд», трактуется в сибирской прозе достаточно традиционно для общенациональной литературы. Ю.С. Степанов указывает, что в ««нестяжательном» отношении к деньгам – одна из самых отчетливых духовных границ русской культуры» [6. С. 580]. У сибирских писателей также получает позитивную оценку именно щедрый и великодушный герой, не заботящийся о деньгах. Таков, например, молодой ямщик Андроха из очерка И.В. Оммулевского «Рассказы в осенние вечера»: «...всякому готов он был услужить, со всяким готов был поделиться последней копеечкой <...>. Поэтому у самого парня редко водился грош за душой, хоть он и не бражничал и даже совсем не пил водки, как другие ямщики» [21].

Совершенно однозначна и авторская оценка ситуации, описанной в очерке «Паутина»: Н.И. Наумов не осуждает рабочих, спускающих весь заработок в кабаках, лавках и других увеселительных заведениях на выходе из прииска, а сочувствует им, пытаясь объяснить читателю, как нищета и несправедливость довели их до такой жизни. Более того, писатель акцентирует внимание на проявлениях того самого нестяжательства, готовности помочь ближнему: так рабочие собирают деньги для своего больного товарища Афанасия, который прожил весь свой небольшой заработок и не может добраться до дома. Наумов упоминает и еще несколько характерных историй, бытующих среди «таежников»: как один рабочий «выручил из беды какого-нибудь нищего крестьянина, отдав ему на домообзаводство весь свой заработок», а другие, «пропив до последней копейки свой собственный заработок, питаясь милостыней, свято сохраняли зашитыми где-нибудь в вороте рубахи... сотню рублей, врученную им на хранение товарищами, и, придя домой, отдавали эти деньги их женам, отцам и матерям» [16. С. 194].

Напротив, осуждению подвергаются в «Паутине» хитрые дельцы, которые пользуются положением рабочих и нещадно обирают их. К их числу принадлежит почти все село, о чем прямо заявляет один из собеседников рассказчика: «Иной бы, может, и по совести жил, да видит, чего кругом и около деется, – люди не сеют, не жнут, а в избытке живут, и он, глядя на

других, распояшет руки, а совесть-то за пояс заткнёт, да и примется, благословясь, за это же рукомесло, благо оно прибыльно!» [16. С. 188]. Впрочем, Наумов рисует и собирательный образ таких предприимчивых мужиков – это Кузьма Терентьич, один из многочисленных «мироедов» в творчестве писателя. Все они одинаково не испытывают жалости к простому человеку и признают личное обогащение единственной ценностью. Таков, например, Прохор Игнатич по прозвищу Петля из рассказа «Деревенский торгаш» (1872) – человек с «пухлую белою физиономией» и «узенькими заплывшими глазами» [16. С. 28], в которых вечно светится «грошное лукавство» [16. С. 29]. Собирая долги с крестьян, он откровенно любит собственным достатком и ловкостью, приговаривая: «Денежка – што корова, уход любит; раз не подой её вовремя, да другой, да в третий, так и с молоком простись» [16. С. 38]. Таков и Петр Матвеич из «Юровой», за копейки скупающий у селян рыбу и бывший виновником разорения многих хозяйств. Таков и чиновник из народа – волостной заседатель Николай Семенович из рассказа «Мирской учет» (1873), о котором крестьяне откровенно говорят: «Первоначалу-то, помнится, и-и-и с какой оглядкой он к казенным-то бумажкам касался, а опосля так пообвык, что инде карманы перемешал: где бы надо в казенный опустить, а он все в свой да в свой!» [16. С. 135–136].

Яркие образцы стяжателей есть и у других авторов: именно поэтому концепт «деньги» был в процессе анализа дополнен понятием «нажива»: это наиболее точная характеристика осуждаемого писателями отношения к деньгам. В «Тайжанах», например, изображен управляющий прииском по прозвищу Вересовы Глаза, «хитрый и бесчувственный человек – нажиться во сто бы то ни стало был единственный его инстинкт» [12. С. 29]. Д.А. Поникаровский в «Крестьянах-золотопромышленниках» схожим образом описывает жизненную «философию» купца Ивана Иваныча, получившего капитал благодаря женитьбе на вдове своего хозяина-торговца: «Все его задачи и стремления сводились к одному: копить, копить и копить, какими бы путями ни было» [14. С. 147]. В тот же ряд входит страстный искатель золотоносных жил в Сибири Федор Николаевич Шакалов из очерка С.И. Черепанова «Неотысканное богатство» (1857): он «был человек такого сорта, что у него лицо, голова и сердце, вместе взятые, ни на что больше не смотрели, ни о чем больше не думали, ничего больше не чувствовали, как только – во что бы то ни стало разбогатеть» [28]. Той же страстью одержим и Дыркин-младший из «Яблони и яблочка» М.В. Загоскина: «...казалось, самый процесс собирания и скапливания денег составлял единственный интерес его жизни» [23].

Смысловое поле концепта «жизнь/смерть», актуализированное при реализации таких образов, включает, конечно, и другие варианты рефлексии героев о целях и назначении жизни. Особенно часто они встречаются в прозе Н.И. Наумова. Так, Данила Карпов по прозвищу Еж, герой одноименного рассказа, видел «цель жизни в борьбе» и повсюду протестовал «против произвола и насилия» [16. С. 110]. Разные жизненные установки демонстри-

руют герои «Паутины», а кроме того, они с охотой рассуждают о них. Волостной голова Флегонт Дмитрич, осуждая стремящихся к наживе односельчан, описывает «крестьянский облик, какой Богом-то заповедано мужику носить» [16. С. 186], следующим образом: «Жить по чести, в радении друг о друге, добывать себе хлеб в поте лица» [16. С. 187]. В то же время Кузьма Терентьич, наживающийся на рабочих, не смущаясь, рассуждает о чести и честности: «Жить во всём надо по чести. Сам ты будешь честно жить, и к тебе будет доверие» [16. С. 278]. А «князь» приисковых рабочих, заносчивый щеголь Васька Дергач, провозглашает, что жизнь создана для сиюминутных радостей: «Живу – не тужу, чего пропью – вновь заслужу. Жизнь у меня одна!» [16. С. 217].

Осмысление целей собственной жизни характерно и для художественной прозы областников – прежде всего, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Это было обусловлено тем, что, по словам К.В. Анисимова, «важнейшей составляющей патриотического мироощущения областников стало культивируемое ими обязательное возвращение молодого сибиряка на “родину”, пребывание в ее границах и служение ее “интересам”» [9. С. 174]. Для немногочисленных рассказов и очерков Потанина характерна рефлексия по поводу конкретики этого служения. В рассказе «Из переписки молодых друзей» (1886) он противопоставляет жизнь рассуждениям о жизни, а живые формы – мертвой теории:

Мы забывали одну вещь во время нашей «подготовки к жизни», и чуть ли не самое важное. Мы забывали, что нас встретит жизнь вполне сложившаяся, в известных формах, с её унаследованными от старины порядками, скреплённая обычаями, в ней всё сплочено, приноровлено к известному ходу, сложилась она без нашего участия. В этой жизни всё по-своему целесообразно и уместно. <...>

...Прими к сведению, что я живу, а не философствую, как вы; не задаюсь кабинетной тенденцией, не ищу журавля в небе, а смотрю на жизнь, открыв глаза, как она есть, живу и чувствую. Разница огромная! <...> Ведь чего проще и прозаичнее коровы, но ведь и корову мы видели более на картинках, а вот она живая стоит и жуёт свою жвачку да хвостом помахивает. Я полагаю, братец, что и корова в жизни совсем иной покажется. Поэтому к черту абстракцию! Пойдем лучше искать жизни [20].

«Всматривание» в порядки этой сложившейся жизни приводит, однако, сибирских писателей, к неутешительным выводам. Не случайно едва ли не главным репрезентантом концепта «жизнь» в произведениях сибирских писателей становится понятие «скука». А.К. Ордынский, публиковавшийся под псевдонимом Язон Аргонавтов, в «сибирской легенде» «Привидение на заимке» именно так описывает существование «молодой, страстной, забытой мужем» [29] героини: «Жизнь ее была довольно скучная, но она по-видимому не отчаивалась» [29]. Впрочем, подчеркивает автор, таков удел всего описываемого местечка: «...жизнь и судьба многих в нашем городе походят на судьбу улиток водных» [29] – свою метафору Ордынский сопровождает цитатой из стихотворения Аполлона Григорьева со строками «На мутном дне печально прозябая...».

Гораздо более масштабно показывает «леность», мелочность и малозаметность жизни в Сибири С.И. Черепанов в начале повести «Сибирячка». Он делает это через дорожный хронотоп, отправляя своего героя в путешествие из Петербурга в Забайкалье. Благодаря этому писатель акцентирует не столько необъятность сибирских пространств, столько остановку времени и всякого движения, которое ощущает Дутиков, переехав Урал:

Пока Дутиков ехал по России, он был доволен своею поездкою, потому что зрелище беспрестанной деятельности, этого утешительного кипения жизни, очень приятно по своему разнообразию, но когда он въехал в Сибирь, где жизнь, так сказать, слишком растянута по чрезвычайному пространству, чтобы быть заметною, где он ехал целый месяц только от станций до станций, созерцая, лишь неподвижность мрачных гор, ленивое существование немногих обитателей Сибири, ленивое движение стад, а больше всего пустое пространство, показались ему очень тяжелыми. <...> Города и села Сибири, стоящие на отдаленнейшем один от другого расстоянии, с их тишиною и пустотою, особенно в благословенные часы послеобеденного отдыха, когда все, от мала до велика, спят наудалую, казались ему гробницами гигантских размеров. Нельзя сказать, чтобы в Сибири не было деятельности, той же самой, какая есть и в России, но она незаметна в пространстве, так как миллионы звезд не освещают ночи, мрак которой исчезает при появлении одного солнца [24].

«Пустота» сибирского пространства становится словно аналогией пустоты жизни людей, а их вседневный послеобеденный сон напоминает смерть. Образ «городов-гробниц» указывает на амбивалентность семантики концепта «жизнь/смерть». Те же метафоры жизни-сна, жизни-смерти становятся ведущими в рассказе И.В. Омулевского «Сутки на станции» (1862), где описывается хроника одного дня жителей «крошечного села» Крутые Лога. С почти чеховской иронией автор описывает их незамысловатые дела, из которых большую часть занимают еда, выпивка, походы в гости друг к другу, пустые разговоры и сон. Всеобщим сном и завершается рассказ – но после бессодержательного дня он зловеще наполнен мортальными сравнениями: «все живое на Крутологовской станции спит как убитое», «может спать мертвецки» [30]. В финале же метафора сна-смерти приобретает совершенно жуткий характер – его усиливает тоскливый вой собаки, предвестник реальной, а не образной смерти:

И весь этот поголовный мертвецкий сон весьма близко напоминает здесь собою другой, более ужасный сон – сон преждевременной смерти заживо похороненных. Тишина царствует невообразимая. Чутко и долго прислушивается к этой тишине [пес] “ему же несть названия” – инда одурь берет его от скуки; но, не уловив ни единого звука, к которому можно было бы придаться по-собачьи, тоскливо поднимает кверху мохнатую морду и воеет, да так протяжно, томительно воеет, что не спящая в эту минуту попадья, услышав такой пронизывающий душу вой, крестясь, садится на постели и, вспоминая о каком-нибудь давным-давно умершем родственнике, невольно проговаривает вслух:

«Господи Иисусе Христе! К какому же это опять, мои матушки, покойнику-то развылась!» [30].

Надо заметить, что концепт «смерть» практически не проявляется в сибирской прозе отдельно от смыслового поля концепта «жизнь», исключение составляет разве что довольно частотная в общероссийской литературе репрезентация Сибири как страны смерти. Она возникает в мыслях ссыльных «из России» в очерке Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: «...до денег ли ему теперь? Стоит ли ими дорожить, когда это последние дни его жизни! На что они ему теперь, ведь впереди – Сибирь, то есть почти смерть» [12. С. 210].

В остальных случаях смерть почти всегда неразрывна с жизнью, что отражает национальное восприятие. В «Антологии художественных концептов...» указано, что «смерть представляет собой наиболее интригующий, но наименее постижимый в силу своей природы феномен, как это ни парадоксально, жизни. Смысл жизни открывается лишь при разгадке смысла смерти. Смерть есть факт жизни, её прекращение» [8]. Примеры такой амбивалентности можно обнаружить, например, в неоконченном романе И.В. Омулевского «Новый губернатор» (1883), где один чиновник говорит другому после известия о назначении нового губернатора: «Да ведь не до шуток теперь нам с вами: ведь это, значит, умирать заживо приходится!» [31]. А в святочном рассказе Н.М. Ядринцева «Неожиданный гость на сибирских святках» (1885) соотношение жизни и смерти становится доминирующей чертой образа таинственного проезжего: «Какой он молодой, сколько в нем жизни и сколько грусти, точно он умирать собрался», – думает дочь хозяев бала [32]. Эта же тема развивается и в диалоге танцующих героев:

– Что это за кольцо у вас на руке? – сказала она.

Маска, молча, подняла руку, и молодая хозяйка увидела на кольце изображенную мертвую голову...

– Ах, как это страшно! – сказала девушка.

– Вы еще ребенок, – сказал ласково кавалер, – а смерть пугает всех детей.

Знаете, есть секрет не бояться ее...

– Какой? – спросила пугливо девушка.

– Идти ей навстречу!.. <...>

– Вальс и жизнь! – сказал он, опуская ее немного усталую, с своего плеча: – жизнь ведь тот же минутный вальс, слышите, как несутся звуки у этого старика, вот они замерли, вальс кончен [32].

Музыкальная образность заметно усиливает драматическую тональность рассказа. Когда загадочный гость, в котором угадывается сосланный декабрист, покидает зал, фокус читательского внимания сосредоточивается на звуках скрипки: «...полонез этот звучал и замирал, как последняя нота жизни» [32]. Святочный рассказ Ядринцева – один из немногих примеров романтической прозы в этот период, этим и обусловлена драматизация темы жизни и смерти, совершенно нехарактерная для писателя с его ироничным стилем.

Указание на горькую подмену жизни смертью или медленным умиранием можно увидеть и в программном заявлении одного из эпизодических героев «Паутины» Н.И. Наумова. Ямщик, везущий рассказчика в злополучное село близ прииска, говорит: «Места у нас – умирать, брат, не надо!.. По

этим местам только жить бы да жить нашему брату, а все, друг мой сердешный, мается народ-то...» [16. С. 171]. Эта мысль вводит в смысловое поле концепта еще и мотив ответственности человека за дарованную ему жизнь. Он раскрывается и при репрезентации концепта «счастье/горе» – например, в той же «Паугине» владелец лавки Иван Матвееч поучает прогулявшего все деньги рабочего, который пытается вернуть назад купленный ранее товар: «Горе!.. У меня всегда душа повернется, коли и увижу горе, какое Господь на человека, испытуя его, послал: или пожаром его сокрушил, скотинка выпала, на работе убили, а либо што... А разве ты можешь на творца многомилостивого хулу слать! Не давал тебе Господь счастья, а?.. Ты сам его втуне презирал, по кабакам расточил с блудницами, а?.. И ты можешь теперича говорить, что горе убило тебя. Срамник ты, вот что...» [16. С. 282].

Отметим, что хотя концепт «счастье/горе» также является амбивалентным, первая часть его проявлена в творчестве писателей-сибиряков весьма своеобразно. Во-первых, примеры репрезентации концепта «счастье» буквально единичны в корпусе анализируемых текстов. Во-вторых, они наиболее характерны для прозы областников и близких к ним авторов. А в-третьих, это практически всегда не реальные примеры счастливой жизни, а лишь рассуждения о ее возможности (пожалуй, единственным исключением является недолгое счастье бедных героев очерка И.В. Оммулевского «В мировой камере»). Счастье предстает как потенциал, как природный дар, не используемый людьми с их мелкими, ничтожными страстями. Так, в очерке Н.И. Наумова «Горная идиллия» (1880) еще один ямщик, везущий рассказчика в предгорья Алтая, с удивлением и некоторой насмешкой рассказывает, как один архиерей при виде поразительной красоты заснеженных гор не смог сдержать восторга: «И чудак же, слышь, был! Подозвал это меня к себе и говорит: “Понимаешь ли, говорит, ты, сколь вы счастливые люди, а!”... А што в эвтаких местах, говорит, живете, где, говорит, куды, значит, теперича ни взглянь, завсе перед тобою Бог... И долго, слышь, энто поучал; ...а опосля, слышь, того... заплакал» [16. С. 384].

Схожая идея заключена в финале очерков Н.М. Ядринцева «На чужой стороне»: «...поселенческое проклятие не раз раздастся в этих пустынях, когда молодая и богатая страна, казалось, сулит столько счастья, столько довольства человеку» [12. С. 266]. Очерки создавались в одно время с «Тайжанами», и Ядринцев даже предлагал Потанину объединить сюжеты двух произведений¹. Отсюда очевидная перекличка финальной сентенции очерков с рассуждениями о Сибири как храме свободы в «Тайжанах»: соратники стремились вложить в художественную прозу основные пункты идеологии областничества.

Смысловое поле концепта «горе», напротив, наполнено в произведениях сибирских писателей вполне конкретными примерами бедствий. Концепт

---

¹ См. об этом: [10. С. 149].

представлен в текстах чрезвычайно разнообразными лексемами: «страдание», «нужда», «отчаяние», «слезы», «скорбь». В отличие от счастья, горе привычно для человека: Н.И. Наумов, например, показывает, что «горе» для рабочего-«таежника» почти синонимично понятию «жизнь»: «...застигнутый каким-нибудь горем, он все-таки продолжает беззаботно острить и смеяться, не потому, чтоб он неспособен был к душевной боли, причиняемой нравственными страданиями, а просто потому, что вся его бездомная, скитальческая жизнь есть одно только безвыходное горе, и никакое другое горе глубоко не поразит его; он сжился уже со всяким горем, привык к нему... и смотрит на всякое горе, как на неизменного спутника своего странствования в земной юдоли» [16. С. 193].

Горе вообще можно назвать одной из главных тематических доминант сибирской прозы. Большинство героев здесь – «горемычные». Так, бездомный художник из рассказа И.В. Омуревского «Без крова, хлеба и красок» описывается так: «...лицо это было очень выразительное; оно все казалось изрытым крупными морщинами, и в кем будто затаилась какая-то гнетущая скорбь»; «...та гнетущая скорбь, которую я еще в трактире подметил на его лице, начинала принимать теперь резкий и несимпатичный оттенок не то бессильной ненависти, не то отчаяния» [33]. В очерке Н.И. Наумова «У перевоза» (1863) также вводится локальное, народное значение слова «несчастье» – его можно интерпретировать как тюремное заключение, следствие: «Муженек у меня под несчастьем, почитай, с Покрова другой годок пойдет, как сидит» [16. С. 21].

В финале исследования отметим несколько концептов, которые не получили активной репрезентации в текстах сибирских авторов. К ним относятся, например, концепт «любовь/ненависть»: в редких случаях он раскрывается только через указание на симпатию или антипатию окружающих героя людей. «Прожженный» мошенник Петр Петрович у Д.А. Поникаровского, например, парадоксальным образом «пользовался общей любовью, несмотря на то, что всех надувал и всех готов был продать в виду своих интересов» [14. С. 153]. А уже упомянутый Дыркин-младший из рассказа М.В. Загоскина знал, что «его не любят, но не обращал на это никакого внимания. Что ему было за дело, любят его или не любят соседи?» [23].

Вопреки ожиданиям, практически незаметными оказались в сибирской прозе и проявления концепта «дорога». Вероятно, осмысление протяженности Сибири более характерно для взгляда «извне», из Центральной России. Можно предположить, что по этой причине репрезентанты концепта встречаются лишь у тех писателей, которые какое-то время провели в столице. Так, Н.М. Ядринцев в очерках о ссыльных уделяет значительное внимание и пути героев по дороге, и их остановке на границе между «Россией» и Сибирью. Путь героя на прииск по лесным просекам показан и в начале «Тайжан». В рассказах Г.Н. Потанина можно также встретить обилие понятий, связанных с переносным, метафорическим значением дороги, пути и перепутья: родные «думают, что я теперь на дороге и смело пушусь в жизнь, места мне везде готовы, деньги, так сказать, посыплются. <...> Это они так

думают, но сам я стою на распутье, и веришь ли, мучусь так, как никогда не мучился» [20]. Дорога становится и символом перемен, на которые надеялись областники: «При чем тут была наша гордость, что мы проложим “новую дорогу”, что мы что-то внесем, что мы не будем похожими на других, когда приходишь к тому, что мы только и приноровлены идти по готовой дорожке, а самостоятельных сил, таких знаний, какие бы ценились и были нужны всякому, – у нас нет?» [20].

Метафора пути встречается и в неоконченном романе И.В. Омулевского «Попытка – не шутка» – и это все немногочисленные варианты репрезентации одного из ключевых для русской культуры концептов.

Аналогичная ситуация складывается и с осмыслением концепта «родина»: он репрезентирован преимущественно в прозе областников. Именно так начинается «Блудный сын» Г.Н. Потанина: «Не побывать ли мне на родине?» [20], но в данном случае повествователь имеет в виду родное село. А в рассказе «Из переписки молодых друзей» возникает и образное осмысление Сибири в рамках того же концепта: «Извини, что я начал нашу беседу с родины грустным анализом. Это немудрено. Ведь предо мной не идеальный образ спящей красавицы, не “декорация”, которую мы себе рисовали, а холодные струи жизни» [20]. Здесь Потанин апеллирует к изображению Сибири в публицистическом очерке Н.М. Ядринцева «Спящая красавица» (1882). Еще одна репрезентация концепта «родина» присутствует у И.В. Омулевского в рассказе «Сибирячка» (1862): главная героиня, родившаяся в Иркутске и позднее сосланная в Сибирь из Центральной России за убийство, горько замечает: «Так вот я, государь мой, и попала опять на свою родимую сторонку...» [34].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что на интерпретацию универсальных концептов в творчестве сибирских авторов оказывают влияние специфические реалии жизни региона и вследствие этого доминирующая тематика художественной прозы. Результатом становится видоизменение традиционного смыслового поля ряда концептов, в частности представлений о доме и семье. Герои чаще находятся не в родном доме, а в подменном, временном жилище, которое одинаково характеризуется отсутствием света и воздуха. Актуально и полное «бездомье», которое смыкается с репрезентацией концепта «воля» и нередко романтизируется героями-бродягами. Напротив, обычная крестьянская жизнь, семья и труд ассоциируются у многих героев с неволей. Это связано еще и с негативным наполнением смыслового поля концепта «труд», который предстает в сибирской прозе как непосильная, «каторжная» работа, не приносящая никаких благ, в том числе и материальных.

Ряд концептов, однако, воспроизводится в текстах писателей-сибиряков вполне традиционно. Один из них – «деньги/нажива»: разбогатевшие крестьяне, торгаши-«мироеды» и алчные чиновники однозначно подвергаются осуждению, тогда как нестяжательство, готовность отдать последний рубль товарищу воспеваются как народный идеал. Привычным является и наполнение амбивалентного концепта «жизнь/смерть»: это и любовь героев к рас-

суждениям о правильном образе жизни и ее целях; и сатирическое изображение пустой и бессодержательной жизни-сна, «умирания заживо»; и страстные призывы областников «искать жизни», работать на благо родного края.

Универсалия «счастье/горе» во многом обобщает семантику всех рассмотренных концептов: неустроенная, бесприютная жизнь, тяжелый труд, нищета – все это репрезентанты повсеместного, глобального горя. Не случайно почти в каждом произведении есть свой образ «горемычного» героя. Но этому засилью горя как синонима жизни отчетливо противостоит пафос изображения Сибири как благодатной, «молодой и богатой» страны, которая «сулит столько счастья» человеку. Этот областнический идеал становится позитивным полюсом концептуального наполнения сибирской литературы XIX в. и во многом определяет ее развитие на несколько десятилетий вперед.

Список источников

1. Чурилина Л.Н., Бужинская Д.С. Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта // Научный диалог. 2019. № 4. С. 114–126.
2. Володина Н.В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 2-1 (35). С. 9–19.
3. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005. 464 с.
4. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2016. 256 с.
5. Исупов К.Г. Универсалии культуры // Космос русского самосознания: Словарь русской культуры Константина Исупова. URL: <http://russculture.ru/2020/09/14/uniersalii-kultury/> (дата обращения: 26.08.2023).
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. 992 с.
7. Антология концептов : в 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005.
8. Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. М., 2019. 356 с. URL: <https://lit.wikireading.ru/heIcl8tWs3> (дата обращения: 29.08.2023).
9. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
10. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
11. Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 18–40.
12. Потанин Г.Н. Тайжане: историко-литературные материалы. Томск, 1997. 302 с.
13. Учебный фразеологический словарь. М., 1997. URL: https://phraseologiya.academic.ru/69/бросаться_в_глаза (дата обращения: 30.08.2023).
14. Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. 272 с.
15. Омудевский И.В. Попытка – не шутка // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (дата обращения: 30.08.2023).
16. Наумов Н.И. Избранное. Томск, 2014. 432 с.

17. Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 24–32.

18. *Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков* / сост. Л.А. Глинкина. Оренбург, 1998. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-for-gotten-words/fc/slovar-207-3.htm#zag-2007> (дата обращения: 31.08.2023).

19. *Казенный дом* // Викисловарь. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/казенный_дом (дата обращения: 31.08.2023).

20. Потанин Г.Н. Рассказы // Начало века. 2020. № 3. URL: <https://журнальныймир.rf/content/rasskazy-215> (дата обращения: 31.08.2023).

21. *Омuleвский И.В.* Рассказы в осенние вечера. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_rasskazy_olderfo.shtml (дата обращения: 31.08.2023).

22. Ядринцев Н.М. Калмычка. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=162> (дата обращения: 31.08.2023).

23. Загоскин М.В. Яблоня и яблочко. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=297> (дата обращения: 31.08.2023).

24. Черепанов С.И. Сибирячка. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=182> (дата обращения: 31.08.2023).

25. Михеев В.М. По хорошей веревочке. М., 1889. 128 с.

26. Воля // Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 209. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma120911.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 02.09.2023).

27. *Омuleвский И.В.* В мировой камере // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_v_mirovoy_kamere.shtml (дата обращения: 02.09.2023).

28. Черепанов С.И. Неотысканное богатство. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=193> (дата обращения: 04.09.2023).

29. Ордынский А.К. Привидение на заимке. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=257> (дата обращения: 04.09.2023).

30. *Омuleвский И.В.* Сутки на станции // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1862_sutki_na_stanzii.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

31. *Омuleвский И.В.* Новый губернатор // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_novy_gubernator.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

32. Ядринцев Н.М. Неожиданный гость на сибирских святках. URL: <https://поэтысибири.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=132> (дата обращения: 05.09.2023).

33. *Омuleвский И.В.* Без крова, хлеба и красок // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_bez_krova.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

34. *Омuleвский И.В.* Сибирячка // Федоров-Омuleвский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1862_sibiraychka.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

References

1. Churilina, L.N. & Buzhinskaya, D.S. (2019) Khudozhestvennyy kontsept ROSSIYa kak variant natsional'nogo kontsepta [The artistic concept of RUSSIA as a variant of the national concept]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 114–126.

2. Volodina, N.V. (2018) Kontsept v sisteme kognitivnogo literaturovedeniya: opyt metodologicheskogo podkhoda [Concept in the system of cognitive literary criticism: experience of a methodological approach]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2–1 (35). pp. 9–19.

3. Mikeskina, L.A. (2005) *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiya; Flinta.
4. Volodina, N.V. (2016) *Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya* [Concepts, Universals, Stereotypes in the Field of Literary Criticism]. Moscow: Flinta; Nauka.
5. Ispov, K.G. (2020) *Universalii kul'tury* [Universals of culture]. *Russkaya Kul'tura*. [Online] Available from: <http://russculture.ru/2020/09/14/universalii-kul'tury/> (Accessed: 26.08.2023).
6. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
7. Sternina, I.A. & Karasika, V.I. (eds) (2005) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Volgograd: Paradigma.
8. Vasil'eva, T.I., Karpicheva, N.L. & Tsurkan, V.V. (2019) *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* [Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/he1cl8tWs3> (Accessed: 29.08.2023).
9. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Literature of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 18–40.
12. Potanin, G.N. (1997) *Tayzhane: istoriko-literaturnye materialy* [The Taigans: historical and literary materials]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Bystrova, E.A., Okuneva, A.P. & Shanskiy, N.M. (1997) *Uchebnyy frazeologicheskii slovar'* [Educational Phraseological Dictionary]. Moscow: AST. [Online] Available from: https://phraseologiya.academic.ru/69/brosat'sya_v_glaza (Accessed: 30.08.2023).
14. Ponikarovskiy, D.A. (2011) *Sochineniya po istorii zemli Kuznetskoy* [Essays on the History of the Kuznetsk Land]. Kemerovo: INT.
15. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Popytka – ne shutka* [An attempt is not a joke]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (Accessed: 30.08.2023).
16. Naumov, N.I. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya.
17. Grigorenko, R.A. (2018) The Taigans by G. Potanin and N. Yadrintsev as a predestined failure: the poetics of the conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 24–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/427/3
18. Glinkina, L.A. (ed.) (1998) *Ilyustrirovannyi slovar' zabytykh i trudnykh slov iz proizvedeniy russkoy literatury XVIII–XIX vekov* [Illustrated Dictionary of Forgotten and Difficult Words from Works of Russian Literature of the 18th – 19th Centuries]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. [Online] Available from: <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-forgotten-words/fc/slovar-207-3.htm#zag-2007> (Accessed: 31.08.2023).
19. Wiktionary. (n.d.) *Kazenny dom* [Government facility]. [Online] Available from: https://ru.wiktionary.org/wiki/kazenny_dom (Accessed: 31.08.2023).
20. Potanin, G.N. (2020) *Rasskazy* [Short stories]. *Nachalo veka*. 3. [Online] Available from: <https://zhurnal'nyimir.rf/content/rasskazy-215> (Accessed: 31.08.2023).
21. Omulevskiy, I.V. (1883) *Rasskazy v osennie vechera* [Stories on autumn evenings]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_rasskazy_oldorfo.shtml (Accessed: 31.08.2023).

22. Yadrintsev, N.M. (1897) *Kalmychka* [A Kalmyk Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=162> (Accessed: 31.08.2023).

23. Zagoskin, M.V. (n.d.) *Yablonya i yablochko* [An Apple Tree and an Apple]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=297> (Accessed: 31.08.2023).

24. Cherepanov, S.I. (n.d.) *Sibiryachka* [A Siberian Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=182> (Accessed: 31.08.2023).

25. Mikheev, V.M. (1889) *Po khoroshey verevochke* [On a Good Rope]. Moscow: Tip. I.D. Sytina i K^o.

26. Evgen'eva, A.P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. P. 209. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma120911.htm?cmd=0&istext=1> (Accessed: 02.09.2023).

27. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *V mirovoy kamere* [In the world chamber]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_v_mirovoy_kamere.shtml (Accessed: 02.09.2023).

28. Cherepanov, S.I. (1857) *Neotyskannoe bogatstvo* [Undiscovered Wealth]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=193> (Accessed: 4.09.2023).

29. Ordynskiy, A.K. (n.d.) *Prividenie na zaimke* [Ghost on the farm]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=257> (Accessed: 4.09.2023).

30. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Sutki na stantsii* [A day at the station]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sutki_na_stanzii.shtml (Accessed: 5.09.2023).

31. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Novyy gubernator* [New governor]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_novy_gubernator.shtml (Accessed: 5.09.2023).

32. Yadrintsev, N.M. (1885) *Neozhidannyi gost' na sibirskikh svyatkakh* [An unexpected guest at Siberian Christmastide]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=132> (Accessed: 05.09.2023).

33. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Bez krova, khleba i krasok* [Without shelter, bread and paints]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_bez_krova.shtml (Accessed: 6.09.2023).

34. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986) *Sibiryachka* [A Siberian Woman]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1862_sibiraychka.shtml (Accessed: 6.09.2023).

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 21.10.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 21.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 82-221; 330.16
doi: 10.17223/19986645/86/10

Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразиие смыслов

Александр Васильевич Ковалёв¹

¹ *Белорусский национальный технический университет (Минск, Республика Беларусь),
kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

Аннотация. Анализируются представленные в комедии У. Шекспира «Венецианский купец» взгляды на хозяйственное явление процента в Средневековье. Целью статьи является интерпретация смыслов процента и ростовщичества. Основным методом исследования выступил контент-анализ произведения в сочетании с экономико-историческими источниками. Сделан вывод о представлении автором Шейлока равным иным героям и по выполняемой социальной и хозяйственной миссии, и по степени греховности.

Ключевые слова: Шекспир, ростовщичество, процент, межвременная ценность потребления, мораль

Для цитирования: Ковалёв А.В. Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразие смыслов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 184–194. doi: 10.17223/19986645/86/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/10

The problem of “interest” in Shakespeare’s *Merchant of Venice*: Diversity of meanings

Aliaksandr V. Kavaliou¹

¹ *Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus,
kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the views on the economic phenomenon of the interest in the Middle Ages presented in William Shakespeare’s comedy *The Merchant of Venice*. The standard interpretation of the play focuses on the problem of confrontation between economic practices based on the different religious morals. Ultimately, the victory of the “ideal” Christian world, the basis of which is altruistic help to one’s neighbor, over the sinful one, when activity rests on the greedy thirst for profit, is affirmed. Sometimes the plot of the play is interpreted as a confrontation between the characters in the axes “capitalism – socialism” and “racism – tolerance”. In the author’s opinion, the understanding of Shakespeare’s thought will be more complete and clear

if one feels the storyline through the phenomenon of interest. The aim of the article is to interpret the meanings of interest and usury in the play. The main research method was the content analysis of the play in combination with economic and historical sources. In the article, the interest is considered through the prism of the “sin” of usury, of religious and legal restrictions, and as the price of time. It seems that Shakespeare shares the latter attitude towards the interest, as a consequence of the positive intertemporal value of consumption. The interest acts as a compensation for the postpone of current consumption. So the credit received should logically be directed to business activities, where the sum of assets will increase. Receiving funds in order to ensure immediate, today’s consumption requires the borrower to refuse consumption in the future. Such a reading of the play through the prism of the economic phenomenon of the interest allows looking at Shakespeare’s attitude towards the characters from a different angle: Shylock is not only a bloodthirsty Jewish usurer, but also an advocate of the economic and legal order that ensures the economic prosperity of Venice; Antonio and others are sinful, too. With his activities, Shylock defends the Venetian economic foundations: the accumulation of capital allowed the republic to provide itself with the best merchant fleet and organize Mediterranean trade. Interest and usury for Shakespeare do not have a negative connotation. It was this interpretation of the interest that allowed him to classify the work as a comedy genre. Shylock “sells” Bassanio a different tomorrow, not more consumption today. The opportunity to marry Portia received in the logical “today” provided the “tomorrow’s” defense of Antonio in court and a successful, happily resolution of the litigation.

Keywords: Shakespeare, usury, interest, intertemporal value of consumption, moral

For citation: Kavalio, A.V. (2023) The problem of “interest” in Shakespeare’s *Merchant of Venice*: Diversity of meanings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 184–194. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/10

Введение

Пьеса «Венецианский купец» написана У. Шекспиром предположительно в 1596 г. и вот уже более четырех столетий притягивает взгляды людей искусства и науки, пытающихся различным образом интерпретировать сюжет и идеи автора. Только в XXI в. осуществлено 14 экранизаций произведения. Возможно, именно «Венецианский купец» является шекспировской пьесой, сюжет которой в наибольшей степени построен на фундаменте хозяйственных реалий. Стандартное экономическое «прочтение» комедии ставит в центр внимания проблему хозяйственного явления процента и решает её сквозь призму противостояния практик, основанных на различной морали, в конечном итоге утверждая победу христианского «идеального» мира над греховным. Представляется, что такая трактовка будет упрощением.

Более глубокое понимание отношения Шекспира к проблеме процента, а через неё и к героям произведения позволит дополнение религиозных аспектов нормирования ростовщичества и следующих из них моральных практик фактическими хозяйственными отношениями, составлявшими основу мироустройства средневековых североитальянских городов. Целью

статьи является интерпретация смыслов процента и ростовщичества в пьесе с позиций различной межвременной ценности потребления.

Межвременной характер явления процента подчёркивается этимологией слова. Английское «interest» напрямую происходит от латинского «interesse» – «иметь значение», но основу берёт в «inter esse» – «находиться между». Процент находится между сущностями – между должником и кредитором; между религиями; между задумкой деятельности и окончанием производственных процессов, результатом задумки; между различными во времени и пространстве состояниями действительности; между различными состояниями самого человека – между временем!

Экономико-исторические аспекты сюжета

Действие пьесы происходит в Венецианской республике в конце XVI в. Молодой повеса Антонио находится в затруднительном финансовом положении:

Небезызвестно вам, Антонио,
Как сильно я дела свои расстроил,
Ведя пышной гораздо образ жизни,
Чем позволяла скромность средств моих [1. С. 391] –

и намеревается решить проблемы женитьбой на богатой наследнице Порции. Необходимые для сватовства средства (а конкурировать придётся с принцами) он пытается занять у своего друга – уважаемого венецианского купца Антонио. Тот, однако, не располагает свободными деньгами, все они вложены в бизнес – корабли с товарами плывут к родной гавани, обещая владельцу немалые барыши. Имея высокий авторитет в финансовых делах, Антонио для предприятия Бассанио берёт в долг у еврея Шейлока 3000 дукатов на три месяца, обязуясь в качестве неустойки в случае неисполнения договора разрешить вырезать из своего тела фунт мяса. Корабли Антонио терпят крушение, погасить вексель он не в состоянии – и кредитор обоснованно требует неустойку, обращаясь в суд. Суд признаёт правоту Шейлока, тот намерен сполна получить по иску, однако в дело вступает ставшая женой Бассанио Порция. Пользуясь казуистическими ухищрениями, она под видом правоведа поворачивает процесс в сторону обвинения Шейлока в смертельно наказуемом преступлении – покушении на жизнь венецианца – и в результате тому сохраняют жизнь, но обязывают принять христианство и отдать купцу половину состояния.

Исследователь экономических аспектов творчества Шекспира F. Turner считает, что литературные критики в своих оценках произведения искажают великую литературу, сводя фабулу к противостоянию в осях «капитализм – социализм» и «расизм – терпимость», что страдает однобокостью. Их взгляды сводимы к четырем смыслам, которые противоречат друг другу:

– злая капиталистическая Венеция преследует и травит бедного еврея Шейлока до смерти;

– антисемитский расист Шекспир несправедливо рисует Шейлока злым капиталистом, противопоставляя ему бескорыстного Антонио и патриархально угнетённую Порцию;

– Шекспир изображает Шейлока расово толерантно, но тот из-за антикапиталистических венецианских христианских предрассудков вынужден стать злым капиталистом, чтобы поддержать себя;

– возможно, «невежественный» Шекспир в момент написания пьесы не знал, каким злым станет капитализм в конце концов – но мудрые критики ретроспективно могут понять его глубокую проницательность.

Хуже всего, что увлечённые поиском проявлений «социализма» и классового угнетения критики не увидели сути – описания меняющейся культурно-хозяйственной этики [2].

Отметим дополнительно ряд важных исторических обстоятельств. Во-первых, запрет на профессии для евреев Венеции не распространялся лишь на мануфактуру, ростовщичество и медицину, потому заняться почётным для города-республики купеческим бизнесом Шейлок попросту не мог. При этом Венеция во время действия пьесы являлась одним из наиболее развитых государств Европы. Во всей республике проживало около 2 миллионов человек, а в столице – 170 000. Процветание городу принесла морская торговля: в условиях низкой эффективности использования сухопутных дорог из-за их качества, необходимости конвоирования груза на протяжении всего маршрута и обилия таможенных сборов купцы обратили взор на естественные транспортные артерии – речные и морские. К этому добавились и технические, и организационные новации в виде долевого владения и фрахта судов, т.е. ограниченной ответственности [3. С. 231]. Наконец, эра долгосрочного экономического роста была бы невозможной без развитого банковского дела [4].

Во-вторых, Шейлока нельзя упрекать в чрезмерной жадности при ведении дел: ростовщичество в Венеции и других итальянских городах строго регулировалось местными властями. Право заниматься кредитованием нужно было покупать, уплачивая каждый год фиксированный налог. Это ограничивало конкуренцию и давало монопольное положение купившим своеобразную «лицензию». Власти устанавливали и размеры процентной ставки. В XIV–XV вв. в разных городах она варьировалась от 10 до 60% годовых. Самые низкие ставки, законодательно установленные для частных заемщиков, 10–12% годовых, как раз были характерны для богатой, жившей не только за счет поборов с кредиторов Венеции. Уменьшение процента было чревато для ростовщика если не убытками, то как минимум недополучением прибыли – отсюда нелюбовь Шейлока к Антонио, который зарабатывает в другой сфере – торговле, но ссужает деньги без процентов и презрительно отзываясь о ростовщичестве:

Он ненавистен мне как христианин,

Но больше тем, что в жалкой простоте
В займы даёт он деньги без процентов
И роста курс в Венеции снижает...
...Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Совет лихвой [1. С. 399].

Наконец, речь идёт о весьма значительной сумме. Дукат (традиционная венецианская золотая монета, своим названием указывающая на «дуче», «дожа» в противовес флорентийскому флорину) содержал 3,5 грамма золота, а значит, заём предоставляется на 10,5 кг – почти 350 тройских унций! Биржевая цена в феврале 2023 г. составляет приблизительно 1 875 долларов за унцию, т.е. по состоянию на сегодня сумма составила бы около 600 000 долларов.

Смыслы процента в пьесе

1. Ростовщичество как грех

Первый видимый смысл – противостояние корыстолюбивого «капиталиста» Шейлока и бескорыстного «протосоциалиста» Антонио, столкновение на примере дачи в долг под проценты морали братской взаимопомощи и морали наживы, трактуемых как мораль христианина и мораль иудея. Поскольку обычному человеку импонируют практики, основанные на морали братства, обращение в конце произведения Шейлока в лоно христианства представляется и героям произведения, и автору, и европейским читателям того времени счастливым завершением пьесы [5. С. 230]. Греховный мир побеждён «идеальным» христианским миром, что Антонио «предрекает» в момент заключения договорённости о займе без процентов: «Еврей придет к Христу. Он стал добрей!» [1. С. 404].

Традиционный негативный взгляд церкви на ростовщичество опирался на то, что его основным мотивом выступало корыстолюбие, грех алчности [6. С. 374]. Действительно, Шейлок подвержен грехам стяжательства и ненависти, о чём свидетельствуют и его слова «Благословен барыш, коль не украден!», и многократные тирады о ненависти в судебном заседании.

Однако окружают ли Шейлока безгрешные герои? Грех Бассанио – не только мотовство и жизнь за чужой счёт, но и бездействие в момент, когда его друг и благодетель Антонио нуждался в средствах для погашения долга. Дочь Шейлока Джессика не просто выказала непочтение отцу, сбежав из дому, но ещё и украла у того огромные средства (между прочим, при попустительстве своего будущего мужа христианина Лоренцо). Порция присваивает себе роль судьи-правоведа, нарушая тем самым законы республики.

Антонио и вовсе представляется фигурой двуличной: заплатить проценты за пользование займом для него неприемлемо, смертный грех, а поставить на кон собственную жизнь, низведя её ценность до нуля, для него

представляется не грехом, а забавой. Более того, он откровенно лжёт несколько раз на протяжении пьесы – и дожу об отсутствии Джессики на корабле Бассанио, и Шейлоку, утверждая, что он никогда не берёт займы под проценты. Ростовщик-еврей Тубал сообщает Шейлоку, что из Генуи, когда один из кораблей Антонио терпит крушение, «приехали в Венецию несколько кредиторов Антонио; они клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться» [1. С. 439], т.е. Антонио не кредитуются в родном городе, но практикует это у ломбардцев. И если опереться на сходство слов «долг» и «грех» в арамейском [7. С. 39], то и брать займы под процент, и давать займы без процента порождают долг и грех. Кроме того, выделение ростовщичества в отдельный вид греха требует иных оснований, чем просто корыстолюбие: ведь торговля так же стремится к прибыли, и купец Антонио так же ищет путей приращения своего состояния. В этом смысле нельзя согласиться с трактовкой противостояния в пьесе двух экономик – Антонианской «oikos» – натуральной, естественной – и Шейлокианской «chremata» – денежной [8]. Торговля настолько же денежна, как и банковское дело. И уж совсем противоречиво смотрит Антонио на лишение Шейлока состояния: по решению суда половина должна отойти в государственную казну, половина – купцу, на жизнь которого «покушались». Дож, однако, заменяет претензии на казённую половину штрафом – и Антонио предлагает, чтобы Шейлок подарил эту половину своей дочери (и её мужу, своему другу Лоренцо). Между тем переходящую в его собственность половину Антонио обещает передать Лоренцо только после смерти Шейлока, а до этого вполне себе спокойно собирается пользоваться данным капиталом.

Наконец, представляется важным разделить моральные практики, ведущие к процветанию «микrokосма» (семьи, друзей) и «макrokосма» – общества. Альтруизм и сотрудничество, уместные в первой системе, далеко не всегда способствуют процветанию, будучи применены во втором [9. С. 34–36]. Мотивы Антонио в бизнесе эгоистичны, в отношении же друга Бассанио – альтруистичны. Шейлок – любящий отец, давший дочери неплохое образование – далеко не каждая еврейская девушка того времени владела письмом. Он глубоко чтит память своей умершей жены – и сокрушается из-за утраты её подарка – кольца, которым дочь расплатилась за очередную потеху. Шейлок стремится к созданию умиротворённости вокруг себя – в отношении Антонио он изначально благосклонен: вексель представлен тому как шуточный, существует уверенность в исполнении обязательства, деньги он даёт займы для снискания расположения купца, для прекращения нападков на себя в купеческих собраниях:

Судите сами: если он просрочит –
Что пользы мне от этой неустойки?
Людского мяса фунт – от человека –
Не столько стоит и не так полезен,
Как от быка, барана иль козла.
Помочь готов, чтоб милость заслужить;
Согласен он – извольте; нет – прощайте;
За дружбу мне обидой не платите [1. С. 404].

Таким образом, нельзя выстраивать в отношении героев произведения сравнение по степени их «моральности», более того, сравнение разных моралей при их столкновении представляется и вовсе бессмысленным.

2. Процент сквозь призму религиозно-правовых ограничений

Межконфессиональные противоречия в аспектах ведения хозяйственной деятельности в пьесе имеют огромное значение. Религиозное отношение к проценту исследовано в работах [6, 7, 10]. Нормативный запрет ростовщичества в большей степени характерен для Ветхого Завета, а значит, распространяется на отношения внутри как иудейских, так и христианских общин. Исключение составляет как раз возможность «дать серебро в рост» иноземцу, иноверцу. Религия оставляет место для подобной деятельности только «на границе» общин («*inter esse*» – «между религиями») – и еврей Шейлок кредитует христиан.

В Новом Завете прямого запрета ростовщичества нет, но внутренне совершенный человек даёт займы, «не ожидая вернуть что-либо» [10. С. 162–163]. Речь не о проценте – речь о том, что, предоставляя деньги займы, дающий оказывает помощь страждущему и готов к потере своих средств. Именно так поступает Антонио, помогая другу Бассанио.

Интересным аспектом является указание библейских текстов на греховность дачи денег в рост «бедным», «обедневшим», и практически ничего не говорится о богатых: «если дашь деньги займы бедному из народа моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх., 22: 25). Практически ничего не говорится в Священном Писании и о запрете кредитования инвестиционного. Более того, в известной притче о талантах речь скорее о поощрении подобной деятельности [6. С. 375]: серебро необходимо использовать, отдать торгующим и получить назад с прибылью.

Описанный Шекспиром эпизод вообще исключает процент. Купец Антонио выдаёт вексель (выражаясь современным языком, под «товары в пути»), который обязуется погасить / выкупить в определённый срок, в случае же просрочки предусмотрена неустойка. Подобные практики мимикрии процента под штрафные санкции («*inter esse*» – «между смыслами») в целях соблюдения канонического запрета на ростовщичество в средневековой Европе были типичными среди иных уловок, использовавшихся для «соблюдения» запрета на займы под проценты: фальшивых договоров о выкупе товара; сокрытия истинного размера займа, когда заёмщик обязуется вернуть по договору сумму большую, нежели на самом деле получил; сделок с иностранной валютой, процент по которым маскировался дополнительными выплатами; пожизненной ренты, выплаты по которой включали и сумму долга, и процент; ложных депозитных договоров [11. С. 55]. При этом с правовой точки зрения заключённый между Антонио и Шейлоком договор абсолютно правомочен – и не подвергается сомнению ни судом, ни одной из сторон сделки. Шейлок аргументирует: «Мне отказав, вы ввергнете в опасность Республики законы и свободу», Антонио соглашается, признавая вексель – и Порция от имени суда заключает:

Нет, так нельзя, в Венеции нет власти,
Чтоб изменить уставленный закон.
То был бы прецедент, и по примеру
Его немало вторглось бы ошибок
В дела республики. Нет, так нельзя [1. С. 471].

Между прочим Антонио предпринимал попытку найти деньги в качестве беспроцентного займа до того, как обратился к Шейлоку. Он говорит Бассанио:

Чтоб капитал достать; ступай, узнай,
Что может сделать мой кредит в Венеции.
Его я выжму весь и до предела,
Чтоб к Порции в Бельмонт тебя отправить.
Ступай, – разузнавать мы будем оба,
Где деньги есть: найдем их, без сомненья,
Под мой кредит иль в виде одолженья [1. С. 393].

В виде одолженья деньги никто не дал, Антонио был вынужден обратиться к Шейлоку – и тот пошёл навстречу контрагенту, который, с его же слов, «не берет ссуд и не дает в рост», заключив договор не с процентами, а именно с неустойкой. Кроме желания угодить Антонио, о чём говорилось выше, представляется, что ещё одним мотивом заключения договора с неустойкой (кроме обычно постулируемой ненависти к христианину, дающему в долг без процентов и снижающего подобными действиями «рост курса») могло быть понимание, что деньги берутся не в целях ведения бизнеса. Антонио организовал торговые операции за собственный счет, а значит, имел полное право собственности на результаты деятельности не только в форме предпринимательской прибыли, но и в форме процентов на собственный вложенный в дело капитал. Три тысячи дукатов нужны ему в целях финансовой поддержки друга Бассанио в отнюдь не бизнес-предприятии, а в целях сватовства к богатой невесте. Шейлок понимает, что прибыли, полученной «нормальным» путём, не будет – и заключает именно такой договор. Если бы деньги брались под обеспечение бизнеса, процент занял бы своё место *«inter esse»* – между началом и окончанием производственных процессов.

Вексель выступает залогом рискованной деятельности, не приносящей прибыль, и вполне соответствует принятым требованиям, проблема кроется лишь в форме неустойки – и то не в правовом, а в морально-этическом аспекте:

И дух, и текст закона совершенно
Находятся в согласье с неустойкой,
Которая здесь в векселе стоит [1. С. 472].

3. Процент как цена времени

Ключевым *«inter esse»*, на наш взгляд, у Шекспира является перманентное состояние самого человека. Человек всё время находится между про-

шлым и настоящим, пытаюсь оптимизировать на временной шкале своё жизненное благосостояние в широком смысле слова. Одни предпочитают сберегать для улучшения своего положения в будущем, другие – усиленно потреблять в текущем периоде. Автор понимает, что ключевая причина существования процента – предпочтение сегодняшнего потребления будущему. Благо сегодняшнее имеет более высокую ценность для человека, чем благо завтрашнее, хотя бы на том основании, что человек смертен.

Процент выступает как плата за обладание благами сегодня тем, кто готов воздержаться от потребления и предоставить соответствующие средства в долг. Стандартное экономическое прочтение подобного отказа – формирование сбережений, которые предоставляются во временное распоряжение предпринимателей, превращаясь сначала в инвестиционные средства, затем в инвестиционные (капитальные) блага, упорядочивание которых в новых производственных цепочках позволяет повысить общественную производительность. Собственно, за счёт роста эффективности производства и возникает возможность компенсации Человеку сберегающему. Шекспир тонко чувствует переход к новой эпохе, когда именно капиталовооружённость станет ключевым фактором хозяйственного, а за ним и культурного развития. Идёт смена времён, смена эпох, смена нематериального культурного капитала – набора идей, практик, верований, традиций и ценностей, которые служат идентификации и объединяют группы людей [12. С. 1201–1203].

Производственный процесс требует времени – и облекает процент во временную вуаль, тот выступает как цена времени. Отсюда один из истоков религиозного запрета ростовщичества – нельзя торговать временем – тем, чем Создатель наделил всех людей поровну. Тем не менее, существуют люди с различной оценкой межвременной ценности благ, возникает условие кредитования первыми вторых – и человечество благосклонно к подобному, невзирая на формальные запреты.

Разве Шейлок крадёт у Бассанио время? Наоборот, он предоставляет ему возможность осуществить сватовство, не дожидаясь, пока более удачливый претендент выберет правильный из трёх ларцов. Шейлок «продаёт» Бассанио не иное потребление сегодня, но иное положение завтра. Время выступает одним из наиболее часто употребляемых в пьесе терминов – слово «time» встречается 41 раз, а «day» в различных сочетаниях – 33 раза [13. С. 24–25]. И предпочтение одним из участников кредитной сделки – Бассанио – сегодняшнего потребления, а другим – Шейлоком – будущего позволяет автору привести сюжетную линию к хеппи-энду, выражающемуся не только в обращении Шейлока в христианство, но и в сохранении жизни Антонио. Не получи Бассанио деньги Шейлока, он мог опоздать и уступить Порцию более удачливому жениху. А не будь на стороне «победителей» в судебном процессе грамотной в праве и казуистике Порции, разве была бы у суда возможность без нарушения венецианских законов спасти жизнь одного человека и душу другого?

Краткие выводы

Прочтение комедии «Венецианский купец» сквозь призму хозяйственного явления процента позволяет под иным углом взглянуть на отношение автора к героям. Шейлок выступает не только кровожадным евреем-ростовщиком, но и любящим отцом, и защитником хозяйственно-правового порядка, обеспечивающего процветание Венеции. Он как минимум не менее симпатичен Шекспиру, чем мот Бассанио, безучастно наблюдающий за нависшей угрозой жизни его другу Антонио.

Конечно, для Шекспира выше всего человечность. Ничто не стоит человеческой жизни – и в этом смысле грех Шейлока, осуждаемый автором, в покушении на неё, а грех Антонио – в пренебрежительном отношении к её ценности. И конечно же, любые хозяйственные споры меркнут на фоне действительно вечных проблем – любви, дружбы, отношений отцов и детей.

Список источников

1. Шекспир В. Венецианский купец // Полн. собр. соч. : в 8 т. */ отв. ред. А.А. Смирнов. Т. 2. М. ; Л. : Academia, 1937. С. 383–498.
2. Turner F. The Economics of Shakespeare... and His Critics. URL: <http://www.cato-unbound.org/2012/07/06/frederick-turner/economics-shakespeare-critics> (дата обращения: 20.12.2014).
3. Мачерет Д. Социально-экономическая роль транспорта в Средние века // Мир транспорта. 2015. Т. 13. № 2. С. 228–237.
4. Kittler J. Too Big to Fail: The 1499–1500 banking crisis in Renaissance Venice // Journal of Cultural Economy. 2012. Vol. 5. Is. 2: Financial Panics and Crises. P. 165–178.
5. Ганин В.Н. Мальтийский купец и венецианский ростовщик (образ еврея в пьесах К. Марло и В. Шекспира) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17. С. 227–240.
6. Дубянский А.Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процента в христианстве // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 374–375.
7. Дубянский А.Н. Культурный аспект ростовщичества и процента // Журнал институциональных исследований. 2012. № 4. С. 33–42.
8. Critchley S., McCarthy T. Universal Shylockery: Money and Morality in The Merchant of Venice // Diacritics. 2004. Vol. 34, № 1. P. 3–17.
9. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М. : Новости, 1992. 302 с.
10. Лукин С.В. Некоторые аспекты христианского нормативного учения о проценте. // Учёные записки СПб филиала РТА. 2014. № 1/49. С. 159–170.
11. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск : Социум, 2008. 663 с.
12. Weber A.S. Shakespeare, Culture and Economic Intangibles in Knowledge Economies // Challenges of the Knowledge Society. 2012. P. 1200–1206.
13. Зверев А.Г. Language tools for discussing the bill practice of the Shakespeare play “The Merchant of Venice” // Человек. Общество. Государство. 2018. № 1 (4). С. 22–27.

References

1. Shakespeare, W. (1937) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 383–498.

2. Turner, F. (2012) The Economics of Shakespeare... and His Critics. *Cato Unbound*. [Online] Available from: <http://www.cato-unbound.org/2012/07/06/frederick-turner/economics-shakespeare-critics> (Accessed: 20.12.2014).
3. Macheret, D. (2015) Sotsial'no-ekonomicheskaya rol' transporta v Srednie veka [Socio-economic role of transport in the Middle Ages]. *Mir transporta*. 2 (13). pp. 228–237.
4. Kittler, J. (2012) Too Big to Fail: The 1499–1500 banking crisis in Renaissance Venice. *Journal of Cultural Economy*. 2 (5). pp. 165–178.
5. Ganin, V.N. (2018) Mal'tiyskiy kupets i venetsianskiy rostovshchik (obraz evreya v p'esakh K. Marlo i V. Shekspira) [Maltese merchant and Venetian moneylender (the image of a Jew in the plays of K. Marlowe and W. Shakespeare)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 17. pp. 227–240.
6. Dubyanskiy, A.N. (2011) K voprosu ob osuzhdenii rostovshchichestva i protsenta v khristianstve [On the issue of condemning usury and interest in Christianity]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2. pp. 374–375.
7. Dubyanskiy, A.N. (2012) Kul'turnyy aspekt rostovshchichestva i protsenta [Cultural aspect of usury and interest]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy*. 4. pp. 33–42.
8. Critchley, S. & McCarthy, T. (2004) Universal Shylockery: Money and Morality in The Merchant of Venice. *Diacritics*. 1 (34). pp. 3–17.
9. Khayek, F.A. (1992) *Pagubnaya samonadeyannost'* [Detrimental Arrogance]. Moscow: Novosti.
10. Lukin, S.V. (2014) Nekotorye aspekty khristianskogo normativnogo ucheniya o protsente. [Some aspects of the Christian normative doctrine of interest]. *Uchenye zapiski SPb filiala RTA*. 1/49. pp. 159–170.
11. Huerta de Soto, J. (2008) *Den'gi, bankovskiy kredit i ekonomicheskie tsikly* [Money, Bank Credit, and Economic Cycles]. Translated from English. Chelyabinsk: Sotsium.
12. Weber, A.S. (2012) Shakespeare, Culture and Economic Intangibles in Knowledge Economies. *Challenges of the Knowledge Society*. pp. 1200–1206.
13. Zverev, A.G. (2018) Language tools for discussing the bill practice of the Shakespeare play "The Merchant of Venice". *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 1 (4). pp. 22–27.

Информация об авторе:

Ковалёв А.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Kavaliou, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 25.01.2022;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/86/11

Лики счастья в философской лирике В. Брюсова 1895–1905 гг.: зов и поиск истинного бытия

Светлана Борисовна Королева¹

¹ *Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, svetlakor0808@gmail.com*

Аннотация. Исследуется тема счастья в философской лирике В. Брюсова 1895–1905 гг. в контексте религиозно-философских исканий рубежа веков. Доказывается, что антропологический кризис, окрасивший собой эпоху, глубоко вошел в идейно-содержательную и стилистическую ткань поэтических произведений поэта. Лики внеэротического счастья, явленные в ней, свидетельствуют об интенсивности его духовных поисков. Эта тема развивается от образов преимущественного нечувствования счастья при соприкосновении с иным миром через творчество («Chefs D’oeuvre») и «Me eum esse») к разноликим «счастьям», объединенным мотивом внутренней свободы («Tertia vigilia»), к образам поэтического творчества как зова или поиска подлинного, «инакового» счастья («Urbi et Orbi») и, наконец, к преобразению в тему долга и судьбы художника («Stephanos»).

Ключевые слова: Серебряный век, философская поэзия, тема счастья, антропологический кризис, ницшеанские мотивы, энергично-волевая концепция чело- века, Валерий Брюсов

Для цитирования: Королева С.Б. Лики счастья в философской лирике В. Брюсова 1895–1905 гг.: зов и поиск истинного бытия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 195–213. doi: 10.17223/19986645/86/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/11

Images of happiness in Valery Bryusov’s philosophical lyrics of 1895–1905: The call and the search for true being

Svetlana B. Koroleva¹

¹ *Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
svetlakor0808@gmail.com*

Abstract. The article explores the theme of happiness in Valery Bryusov’s philosophical lyrics of 1895–1905 in the context of religious and philosophical quests at the turn of the century. The study justifies that the anthropological crisis characteristic of the era deeply entered the ideological, content and stylistic fabric of Bryusov’s poetic works. The images of beyond-erotic happiness eloquently testify to the intensity of the poet’s spiritual quests. Based on these images, one can judge not so much about

Bryusov's passion for various philosophical concepts, but rather about the unique integrity of his personality and the consistency of his spiritual development. The theme of beyond-erotic happiness in Bryusov's lyrics of 1895–1905 develops from images of a predominant lack of feeling of happiness (associated with the painful feeling of the "inaccessibility" of heaven) when in contact with another world through creativity (in two early poetic books of this period – *Chefs D'oeuvre* and *Me eum esse*) to diverse "happineses" united by the motif of freedom – knowledge, creativity, personal development (*Tertia vigilia*), then to the peak – images of poetic creativity as a call or search for genuine and always "different" happiness (*Urbi et Orbi*), and, finally, to the transformation of the theme of the happiness of creativity into the theme of the artist's duty and fate (*Stephanos*). The logic of the general ideological development in Bryusov's lyrical reflections on beyond-erotic happiness is associated with the periods distinguished in the poet's work: aesthetic individualism, symbolism, abandonment of faith in the transformative power of the poetic word.

Keywords: Silver Age, philosophical poetry, problem of happiness, anthropological crisis, Nietzschean motifs, energetic-volitional concept of man, Valery Bryusov

For citation: Koroleva, S.B. (2023) Images of happiness in Valery Bryusov's philosophical short poems of 1895–1905: The call and the search for true being. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 195–213. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/11

1

Отказ от нормативно-эссенциалистской концепции человека в европейском философском дискурсе рубежа XIX–XX вв. стал одним из знаков кризисного времени [1]. Основные черты эссенциалистской антропологии – унифицированность, рационалистичность, метафизичность, нормированность целе- и смыслополагания – подверглись систематической критике в трудах А. Бергсона и Ф. Ницше, а на русской почве – отчасти в работах Вл. Соловьева, В. Розанова, Л. Шестова. Особой эмоциональной напряженностью и смысловой резкостью отличались формулировки Фридриха Ницше: «В реальности отсутствует цель» («Сумерки идолов»); «<Надо> перевести человека обратно на язык природы» («По ту сторону добра и зла»); «Добра и зла, которые были бы непреходящими, не существует» («Так говорил Заратустра»), «Не существует никакого "бытия", скрытого за поступком, действием, становлением; "деятель" просто присочинен к действию» («К генеалогии морали»). Прочитанные русскими интеллектуалами как особые религиозно-мистические, апокалипсические прозрения [2. С. 7–17], они органически влились в ту волну поисков обновленного христианства, которая уже поднималась в недрах русской порубежной культуры.

Предвосхищение великого антропологического переворота, которое получило философское оформление в разнообразных попытках уйти от нормативной концепции человека в сторону энергичной, в среде российской творческой интеллигенции сопровождалось духовным подъемом. Это состояние точно выразил Евгений Браудо в эссе «Музыка после Вагнера», опубликованном в пер-

вом номере журнала «Аполлон» (1909) и в своём названии и содержании, отсылающем к Ницше: «Мы живем в эпоху глубокого перелома в жизни человечества. Вся философская мысль, вся общественная жизнь современной Европы проникнуты мыслью о новом человеке, ощутившем и познавшем свою внутреннюю идеальную сущность» [3. С. 54].

Ощущение духовного кризиса, поиски нового человека, предчувствие рождения богочеловечества на основе обновлённого понимания человеческой природы породили критику представлений о счастье (личном и всеобщем) как цели существования – критику, которая способствовала формулировке новых идей относительно природы человека и его высокого предназначения. Все это, в частности, нашло отражение в фундаментальном труде Вл. Соловьева по теории этики «Оправдание добра», опубликованном в 1897 г. и получившем широкий отклик в философской среде. Своеобразно прозвучала критика устоявшихся представлений о счастье и в других знаковых для эпохи философских трудах – В.В. Розанова «Цель человеческой жизни» (опубликована в «Вопросах философии и психологии» в 1892 г.) и С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса» (опубликована в сборнике «Проблемы идеализма» в 1902 г.). Примечательно, что при всём различии подходов к вопросу о счастье, сформулированных в этих трех работах, каждая из них так или иначе соприкасается с идеалами православия.

В книге Соловьева идеал счастья-удовольствия подвергается критике и в отношении гедонизма и эвдемонизма, и в отношении утилитаризма. Истинным основанием подлинного счастья («блаженства», в терминологии автора), не зависящего от обстоятельств, сиюминутности и сомнительных совпадений общего и личного блага, в книге определяется устремлённость к Богу – Тому, «кто есть нераздельное и неизменное тождество Добра, Блага и Блаженства»: «Соединяясь с ним чистотою и полнотою своих добрых стремлений, мы, в меру их, получаем и мощь исполнения, силу превращения в действительность потенциальной целостности нашего всечеловеческого существа» [4. С. 236].

Более радикальна, хотя не менее тесно связана с православной традицией, концепция, изложенная в работе В.В. Розанова. Он объявляет в корне неверным представление о счастье (каким бы оно ни казалось) как цели человеческой жизни и утверждает – на основании того, что человеческая природа отнюдь не неизменна, но «потенциальна», «вся в колеблющемся и нетвердом усилии», связанным с духовной жизнью, – истинной целью жизни является тройственное насыщение человеческого духа: через стремление к всеведению, к нравственному совершенству (добру) и к абсолютной свободе [5].

Критика представлений о счастье-удовольствии как конечной цели человеческого бытия звучит и в работе С.Н. Булгакова. «Эвдемонистический идеал прогресса», в частности приравнивающий удовольствие к благу, отвергается философом с различных позиций – и с логической и с нравственной. И эти нравственные суждения обнаруживают живую связь с православной традицией не менее чем размышления Соловьева и Розанова, при том,

что акцент у Булгакова особый: на необходимости страдания в жизни любого человека: «Счастье есть естественное стремление человека <...> но нравственным является лишь то счастье, которое есть попутный и непреднамеренный результат нравственной деятельности, служения добру. Если же поставить знак равенства между добром и удовольствием, то нет того падения и чудовищного порока, которое бы не освящалось этим принципом. <...> Это учение совершенно неспособно оценить возвышающее значение страдания, его этическое значение <...>» [6. С. 40].

В каждом из трех философских ответов на вопрос о счастье идея счастья-удовольствия как цели жизни отвергается; в каждом важное место занимает идея добра и служения ему; в каждом находим признаки движения к энергичной концепции человека, хотя только в одной из них (у Розанова) они озвучены явственно.

В этом философском контексте обращение к теме счастья как смысла и цели человеческого бытия в лирике Серебряного века 1900-х гг. оказывается не только естественным, но и необходимым. И оно, действительно, происходит – возможно, наиболее интенсивно в символистской поэзии: у старших символистов В. Брюсова и К. Бальмонта, З. Гиппиус и Д. Мережковского, у «младосимволистов» А. Блока и А. Белого. У поэтов, для которых искусство стало «одной из автономных форм духовно-практической деятельности» [7. С. 212] и которые определили целью искусства преобразование жизни и пересоздание человечества [8. С. 53], навстречу философским представлениям о блаженстве устремления к высшему (понимаемому, разумеется, по-разному) как смыслу бытия устремились многосложные образы, так или иначе откликающиеся на философские идеи своего времени: образы счастья как духовно-мистического восхождения к своей «внутренней идеальной сущности», счастья творчества-творения, счастья становления, действия, преодоления, счастья общения с трансцендентной Истиной. В них в целом органически сплелись воплощения идей русского нищестанства с теми разноакцентными философскими интерпретациями православных идеалов, которые характерны для русской религиозной философии. В то же время в текстах поэтов-символистов о счастье новаторское в религиозно-философском отношении оказалось тесно связанным с традиционными мотивами русской философской лирики. Более того, в отличие от последовательных в самих себе взглядов на счастье, изложенных в трудах русских философов этой эпохи, лирические размышления поэтов-символистов зачастую содержательно неустойчивы и соотносимы то с традиционными представлениями о счастье-удовольствии, то с выдвигаемыми эпохой новыми ценностными доминантами, то с личным мистическим опытом.

Некоторая содержательная *неустойчивость* в наполнении темы внеэротического счастья, связанная с «примериванием» различных идей (подобно примериванию образов-масок), и одновременно *доминирование идеи счастья свободного познания-самопревосхождения* характерны для философской лирики рубежа веков «мэтра» и зачинателя русского символизма В. Брюсова. С одной стороны, темой счастья познания и самопревосхождения отмечены

не только его стихотворения начала 1900-х гг., но и (в менее явной форме) наиболее известные его литературно-критические манифесты этого времени. В знаменитом эссе «Ключи тайн» (1904) центральное утверждение о том, что искусство является таким способом «познания мира», которое «вне рассудочных форм, вне мышления по причинности» способно проникать за «внешнюю кору» действительности, базируется на представлении об *экстатической*, «сверхчувственной», интуитивной природе творческого акта: «Эти просветы – те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений» [9. Т. 2. С. 86]. Познание, творчество и состояние экстаза в этом размышлении неразделимы.

Схожим образом в другом знаменитом брюсовском эссе «Священная жертва» (1905) рассуждение о неотделимости жизни от творчества, требование от поэта «искренности, крайней, последней» сопрягает творческий акт с познанием-прозрением художником тайн в своей собственной духовной и душевной жизни и, более того, с «блаженством» этого познания: «Если не настало время, когда для него в этом прозрении – блаженство, мы готовы заставить его бодрствовать во что бы то ни стало, ценой страданий. Мы требуем от поэта, чтобы он неустанно приносил свои «священные жертвы» не только стихами, но каждым часом своей жизни, каждым чувством, – своей любовью, своей ненавистью, достижениями и падениями» [9. Т. 2. С. 93].

Вместе с тем само присутствие темы счастья в ином аспекте, нежели эротическая любовь или страсть, в поэтических сборниках Брюсова второй половины 1890-х – первой половины 1900-х гг. отнюдь не очевидно. В наиболее раннем, еще юношески незрелом сборнике «Chefs D'oeuvre» оно лишь слегка обозначено. Ее приглушенное звучание намечено только в двух стихотворениях, помещенных в конце сборника: «Meditations» (1895) и «Свиваются бледные тени» (1895). Намек на счастье свободных творческих прозрений, способных дотянуться «до тайны миров», дан в намеренно обыденной фразе, открывающей первое стихотворение: «Хорошо одному у окна!» [9. Т. 1. С. 47]. Более откровенно и более двойственно, даже трагично лирический герой Брюсова говорит об этом счастье в заключающем сборник стихотворении «Свиваются бледные тени»: «Мы, путники ночи беззвездной, / Искатели смутного рая»; «Мы верили нашей дороге, / Мечтались нам отблески рая...». Поэт, ощущающий себя над бездной, страшится, конечно, не счастья восхождения – свободного и вдохновенного (Богом) творчества, но его двойника – безумия, падения в бездну. Удивительно, но в этой ранней книге стихов Брюсова образ творчества не связан с образом счастья. Лирический герой-поэт в ней только грезит о рае – там, в неземном бытии, к которому он стремится приблизиться в свободном порыве вдохновения и вместо которого боится найти «бездну».

Для того, кого на пути к тайнам миров не направляет лик и слово Христа, кого мучают «тени» и «призраки», для кого закрыто «черное небо», это ощущение, как и надежда на «спасенье», фундаментально. Неудивительно, что

оно переходит в следующий поэтический сборник Брюсова – апофеоз эстетического индивидуализма, книгу «*Me eum esse*» (1896). В ней утверждается богоподобное величие художника-демиурга «в пустоте, над пропастью небытия» [10. С. 387], и ею замыкается юношеский период в становлении Брюсова-поэта. В «Мучительном даре» (1895), в «Отреченье» (1896), в стихотворении «...Я вернулся на яркую землю...», отчасти и в «Давно ушел я в мир, где думы...» (1900) восхождение к «нездешнему миру», творческие прорывы к «нездешнему свету» совсем не связаны с радостью или счастьем. Зов иного мира мучителен потому, что лирический герой-поэт, хотя и призванный неким «угрюмым» Голосом («Отреченье»), чувствует «недоступность» небес, он никем и ничем, кроме своего Я, не руководим, а потому «блуждает» «на таинственной грани» («Мучительный дар»), в земных отражениях улавливая не ясный свет, но «смутные тени, озаренные тусклым огнем» («...Я вернулся на яркую землю...»). *Неощущение счастья* при соприкосновении с иным миром через творчество, зафиксированное в этом сборнике поэта, дает своеобразное освещение его статье «О искусстве» (1898): фактически, оно лишает смысла то «общение с душой художника», которое в статье определяется основой существования сферы эстетического.

И все же в сборнике есть текст, в котором намечен путь от бездны к вершинам (в том числе к подлинному счастью) и которое во многом предвосхищает философское развитие темы счастья в последующих поэтических сборниках и критических статьях Брюсова. Это стихотворение «Обязательства» (1898). Оно является поэтической декларацией нарождающегося нового понимания Брюсовым себя и природы творчества: понимания бесконечности «пути совершенства», осознание творчества как дороги, ведущей поэта вверх, поднимающей его над самим собой. Твердой почвой под ногами у Брюсова-художника, ищущего приоткрыть тайны бытия в своей душе, становится ницшеанский призыв к вечному восхождению, к вечному преодолению в себе устоявшегося «Я».

В стихотворении очевидно мощное воздействие ницшеанской философии с ее призывами к устранению метафизических «примысливаний», к отказу от общечеловеческой морали и к энергично-волевому «превосхождению» себя. Лирический герой являет новый духовный лик автора как того, кто молод и силен своей верой в себя, своим жизнеутверждающим оптимизмом:

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.
Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство
Сознавать, что ты выше себя [9. Т. I. С. 62].

Во всех основных идеях, как и в образной системе, стихотворение воплощает ту линию критики «мещанских» представлений о счастье, которая и для русской, и для мировой культуры исходной точкой имела труды Ницше. Не случайно снятым впоследствии эпиграфом к этому произведению поэт взял афоризм из книги Ницше «Так говорил Заратустра»: «Великого в человеке то, что он мост, а не цель».

Текст сопротивляется прочтению исключительно в ницшеанском ключе. Первая загадка поэтического высказывания, с которой сталкивается читатель, – содержание слова «обязательство», вынесенного в название стихотворения в форме множественного числа. Оно здесь, казалось бы, используется в привычном значении «обещания или договора», подлежащего «безусловному выполнению». Однако обычно обязательства у человека существуют по отношению к кому-либо или чему-либо (внешнему). В стихотворении же Брюсова слово «обязательство» как бы обращено внутрь: «девственная вера в себя» – это обязательство человека по отношению к самому себе, и оно признается единственно существенным для человека.

Содержание ключевого слова стихотворения этим, однако, не исчерпывается – загадка «обязательств» остается. Она связана и с выбором формы множественного числа для слова «обязательство» в заглавии (при том что в тексте стихотворения обозначено одно-единственно значимое – обязательство), и с поэтической формулой «девственная вера в себя», и со сложным взаимодействием темы долга с темой счастья в поэтической структуре произведения.

Форма множественного числа может объясняться первой строкой стихотворения: «Я не знаю иных обязательств...»: она дает право предполагать, что заголовок намекает на существование множества обязательств, лишь одно из которых автором признается истинным (для всех или себя? – скорее, второе). В выделенной поэтической формуле «ударным» является столь характерное для Брюсова слово «девственный» (возникающее, в частности, в его «Идеале» (1894), «Эпиталаме» (1898), «Зимних дымах» (1900), «Эгейских вазах» (1916–1917) и др.). «Девственная» вера – нетронутая, первобытная, изначально данная, далекая от культуры и цивилизации, от рефлексии и анализа. Фактически это слово «переводит» брюсовского человека «обратно на язык природы» так, как того требует от современного ему человечества Ницше. Вслед за Ницше Брюсов связывает «девственную» природу человека с внерациональностью и его психики, и устройства мира: «Этой истине нет доказательств, / Эту тайну я понял, любя».

Однако помимо мотивов волевого порыва, «превосхождения» («Хорошо, уносясь в безбрежность / За собою видеть себя») и отказа от моральных самоограничений («В этом мире одно есть блаженство – / Сознать, что ты выше себя»), помимо некоторого смещения представлений о человеке как «субстанции» в сторону человека как центра бесконечного становления и перехода («Бесконечны пути совершенства...»), лирическое высказывание

опирается и на другие – антиницшеанские, традиционные – языковые и художественно-смысловые элементы. Повторяющиеся формы личных местоимений «я» и «ты» и возвратного местоимения «себя» акцентируют традиционное представление о человеке как субъекте и источнике познания и самосознания, веры и блаженства – о человеке традиционной эссенциалистской антропологии (с акцентом на индивидуализме). Более того, в стихотворении находит отражение и одно из центральных для русской культуры представлений о человеке как существе насквозь диалогическом, находящемся в общении с самим собой (отношения «я – себя»), другим человеком (отношения «я – ты») и неким наадресатом, «память» о котором задана тем загадочным сочетанием «девственная вера», о котором шла речь выше. «Девственная» как «изначально данная» указывает и на того, кому эта вера дана, и на того, Кем она дана, будь то Природа, Создатель или Космос.

Тема счастья в брюсовском стихотворении напрямую связана с отважным самосознанием и внутренней свободой: подлинное «блаженство» возможно на пути внерационального познания тайны восхождения, сохранения в памяти «мигов бытия» и стремления к личному, индивидуальному совершенствованию. Блаженство оказывается неперменным следствием сохранения «девственной веры в себя» и выполнения того единственно сущностного обязательства, которое она накладывает на человека, – «самопревосхождения». Обязательство и верное его истолкование, иными словами, первично, блаженство – вторично. Этим, по всей видимости, объясняется то, что именно слово «обязательство» вынесено в заглавие стихотворения. В этом поэтическом «рецепте» счастья-блаженства прослеживаются следы, по крайней мере, трех религиозно-философских перспектив: ницшеанско-розановской (представление о бесконечности и индивидуальности (ненормированности) дороги «самопревосхождения»), аристотелевски-христианской (представление о человеке как центре познания и смыслополагания, с имплицитной отсылкой к Тому, кто задает импульсы веры-тайны-познания) и православной (идея диалогической природы человека).

Неудивительно в связи с этим, что если в философии Ницше на первый план выдвинута идея некоего биологического отбора, «селекции породы» (С.С. Хоружий) в качестве пути человечества к сверхчеловеку, то в стихотворении Брюсова все три обозначенные дороги касаются внутреннего, духовного становления индивидуальности на пути к «превосхождению» себя, к сверхчеловеку в себе: и «презренье» (как его ни читать, и в отношении своего настоящего состояния, и в отношениях с другими), и «бесстрашие», и «нежность» – все это относится, конечно, к внутренним состояниям человека. В этом смысле Брюсов (совсем не случайно! – вспомним его признание о том, что Соловьёва и он признавал своим учителем) близок «русскому Ницше» – той особой смысловой перспективе рецепции его творчества в России, которой соответствует рассмотренная выше статья В. Розанова и которая ясно обозначилась в статье Вл. Соловьёва «Идея сверхчеловека», опубликованной в журнале «Мир искусства» в 1899 г. В ней так же, как в

стихотворении Брюсова, «превращение человека в “сверхчеловека” (=“все-человека”) понимается <...> прежде всего в смысле его внутреннего само-возрастания» [11. С. 179].

Примечательно, что брюсовское стихотворение было написано примерно годом ранее соловьевского философско-публицистического текста. В нем, конечно, отсутствуют многие из тех пушкинских смыслов и смыслов Достоевского, которые столь характерны для текста Соловьёва и многих других вариантов «русского Ницше». Но их объединяет и еще одна важная черта: человек продолжает мыслиться сущностью (субстанцией) – и, прежде всего, познающей и самосознающей сущностью. Вспомним в связи с этим общее стремление интеллектуалов Серебряного века объять «всю человеческую культуру» [12. С. 59].

Продолжая мыслить человека как индивидуальную целостность (пусть и на пути незнаемого, ненаправляемого никак извне «превосхождения»), различные философские дискурсы Серебряного века (в том числе философско-лирический в творчестве Брюсова) сохраняли представление об основе и истоке идентичности человека – Боге (ср. в формулировке Жюль Делеза: «Великая идея Ницше – обоснование повторения в вечном возвращении одновременно смертью Бога и растворением мыслящего субъекта» [13. С. 24]). Основной сдвиг в этом отношении произошел в точке отказа от определенности, унифицированности: именно от регламентированных отношений с Богом, а заодно от статичности и определенности в понимании самого Бога и человека отказались мыслители Серебряного века.

В 1900 г. вышел следующей поэтический сборник В. Брюсова – «*Tertia vigilia*». Он стал первым (в отношении темы счастья промежуточным) результатом того «перерождения», о котором поэт мечтал и философскую почву для которого готовил во время создания своего «*Me eum esse*». Строго говоря, полноценного лирико-философского развития темы счастья здесь еще не происходит: оно «отложено» до следующей книги стихов («*Urbi et Orbi*»). В этом же сборнике, помимо двух развернутых, предельно рациональных и разновекторных поэтических размышлений о счастье, есть легкие, но постоянно присутствующие упоминания о «счастье дерзновенья» как блаженстве творческого, свободного познания-разгадывания законов природного мира («Халдейский пастух». 1898), о радости проникновения в разнообразные представления о мире через знакомство с языками и культурами разных народов («Я». 1899)¹, о счастье «сознавать свое вольное «я»» («К самому себе». 1900), о радости жить настоящим, исполненным силой и предчувствием побед («Мы». 1899) и, наконец, о первобытно-свободной «радости бытия» («Замкнутые». 1900–1901).

Развернутые лирические размышления о счастье в сборнике не столько соотносятся с этими легкими упоминаниями, сколько описывают иные пути

---

¹ Собственно, это убеждение лежит в основе лирических сюжетов и идеи всего сборника, который позволяет поэту вести художественный диалог об истории, человеке и современности с мировой культурой.

к счастью. В стихотворении «Братьям соблазненным» (1899) ницшеанская энергично-волевая парадигма восприятия человеческой природы обретает форму резкого противопоставления счастья как призрачной цели бытия вечному «исканию», «подвигу мысли и труда» [9. Т. 1. С. 100]. Голос автора звучит здесь как голос наставника, который знает слабости, жизненные ориентиры и силу окружающих его людей и который, не отдаляясь от них, принимает на себя роль обличителя в неправоте и вдохновителя на истинный подвиг, на вечный поиск. Выступая в роли обличителя, он говорит от лица «мы», как бы преодолевая в этом местоимении то противоборство, которое сам и обозначает (инициирует). Выступая же в роли наставника-вдохновителя, он переходит к общению «я – вы», позволяющему прямо обратиться с призывами и наставлениями к «братьям»:

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли! [9. Т. 1. С. 100–101].

Позицией единения и даже единства с «братьями соблазненными», которую занимает автор-герой стихотворения, Брюсов преодолевает не только инерцию эстетического индивидуализма своих юношеских стихов, но и соблазн отчуждения «сверхчеловека» от «толпы», заложенный в философии Фр. Ницше.

Ницшеанские идеи практически не проявлены в другом философском стихотворении этого сборника о счастье «Отрады» (1900). Оно написано от лица «любого художника» (не столько «Every Man», сколько «Every Artist»), глубоко вовлечённого в русскую и мировую культурную традицию. «Радость в сознании жить», выделенная как первая «отрада» в жизни человека, есть не что иное, как жизнеутверждающая радость бытия, столь характерная для музыки А.С. Пушкина, равно как и для большой русской православной традиции. Наслаждение высокой поэзией, которая также признаётся в стихотворении формой счастья, – традиционный момент биографии любого большого поэта. Не менее устойчиво в мировой культуре и представление о счастье любви как о счастье полнокровного, всестороннего слияния двоих в одно («третий восторг» в стихотворении Брюсова). С общей христианской культурной традицией соотносится образ четвёртой «отрады» в бруссовском тексте – «предчувствий» «мира бытия» «за смертью» [9. Т. 1. С. 101]. И лишь заключительная строфа, утверждающая проявление в формах счастья «предвестия бога» и выделяющая идею «сладостности жизни» «от конца до конца», соотносима не столько с русской культурной традицией, сколько с духом эпохи, ищущей (вслед за Ницше) здесь, на земле, сверхчеловеческого удовлетворения, т.е. (хотя бы отчасти) беспредельного счастья.

Сборник «Tertia vigilia» создает целый ряд образов счастья: это «гребень встающей волны» («Мы»), первобытный, вольный «хохот» («Замкнутые»), развешивающиеся в воздухе паруса («Братьям соблазненным»), «строфы поэзии» («Отрады»)… При этом ключевыми мотивами, сопряженными с темой счастья, оказываются свобода (познания, творчества, развития человека), познание, движение. И все эти образы, как и упоминания, и размышления о счастье, объединяются как бы итоговым для этой книги размышлением, содержащимся в последней строфе стихотворения «Отрады»: «Радостей в мире таинственно много, / <...> / Эти восторги – предвестие бога, / Это – молитвы на лоне Отца» [9. Т. 1. С. 101]. Это рассуждение удивительно своей неожиданностью в корпусе брюсовских поэтических текстов конца 1890-х – 1900 гг.: от *неощущения счастья* (любого, кроме эротического) Брюсов приходит к утверждению разлитости счастья в мире и, более того, к признанию божественного соучастия в счастье человека – фактически к признанию того, что ощущение счастья есть признак «космической» значимости того, что человек делает и чем он живет. Из этой точки в следующем сборнике, обозначившем «расцвет» поэтического дара Брюсова, ставшего «руководством» для многих молодых поэтов-символистов (включая А. Блока) (см.: [10. С. 403]), он движется к образам поэтического творчества как зова или поиска подлинного счастья.

В книге «Urbi et Orbi» (1901–1903) зов или поиск счастья познания высших тайн, вне привычной, устоявшейся, косной жизни, за гранью быта и зримого бытия, более того – вне тех границ и рамок, которые уже «сбывшаяся» личность поэта несет в самой себе, становится лейтмотивом. Из энергично-волевого помышления о человеке, из стремления прорваться из времени в Вечность, из стремления к познанию высших тайн, столь характерных для духа Серебряного века и пропущенных через сознание зрелого Брюсова-поэта, вырастают в этом сборнике и сама тема зова и поиска «инакового» счастья, и тема борьбы с привычным счастьем-блаженством эротической любви за «вольную душу» и ее «живую жизнь». «Инаковое» счастье здесь граничит со страданием и мучением, оно неотделимо от одиночества и вечного неудовлетворенного стремления, но от этого оно не перестает быть подлинным, истинным – единственно настоящим.

В открывающем книгу стихотворном «вступлении» «По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах...» (1901) поиск лирическим героем «инакового» счастья вступает в коллизию с двумя другими формами счастья: счастья поэта быть признанным «толпой» и счастья-восторга слушающей поэта-гения «толпы». Нельзя сказать, что лирический герой выбирает «инаковое» счастье не колеблясь: напротив, его риторический возглас «Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны, слова!» свидетельствует о внутренней борьбе, о преодолении себя, а не только инертности «толпы» [9. Т. 1. С. 116]. Волевой его выбор не столько предсказуем и неизбежен, сколько вынужден: постоянный поиск «инакового» счастья («Я к новому раю спешу») есть единственная возможность для лирического героя сохранить свою мечту живой («мечта неизменно жива»), а вместе с ней – и свой поэтический дар. Та способность

«в явственной думе» видеть «грядущее» и «слагать песни», о которой он говорит вначале, в последней строке стихотворения прочно увязывается с мотивом постоянного движения, стремления за зовом «инакового» счастья, которое само по себе тоже оказывается счастьем – счастьем «совпадения» со своим вечно влекущим к новым вершинам высшим «Я»: «Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять!» [9. Т. 1. С. 116].

«Инаковость» счастья такого совпадения (нищепанская в своем корне) особенно ясно ощутима в другом стихотворении этого сборника – еще одном стихотворном к нему «вступлении» «У себя». Лирический герой-поэт обнаруживает в нем очередные сети блаженства, которые грозят пленить его мечту, его встревоженный дух: это сети домашнего уюта и уютного же блаженства женской любви. И снова коллизия требует волевого усилия, внутренний отрыв от привычно уютного блаженства (комфорта) дается не сразу и требует риторически убеждающих восклицаний-действий, обращенных героем-поэтом к самому себе: «Пусть много <...> / <...> не исчерпано блаженств, / Но чую блеск иного света / <...> / Меня зовет к безвестным высям / В горах поющая весна / <...> / Иду! Иду! Со мной – никто!» [9. Т. 1. С. 118].

Зов мечты может и не казаться счастьем: в следующем стихотворном «вступлении» «Побег» (1901) ни слово «счастье», ни слово «блаженство» не ассоциированы с «трубным зовом». Напротив, этот зов с болью вырывает лирического героя из «сладкого сна» «пышного алькова», в котором он «был странно близок раю». Подобный рай полноты удовольствия и радости нарисован в другом стихотворении-сновидении сборника, которое так и называется «В раю» (1903). Его экзотические картины туземной мирной жизни в одной из «Полдневных Америк», плавный ритм его четырехстопного анапеста буквально убаюкивают сознание читателя. Однако не в этом раю подлинное блаженство лирического героя, потому что не в нем – подлинная, осмысленная, одухотворенная жизнь, но, как понимает «воспрянувший» и «разорвавший кольцо» герой «Побега» – в той возможности увидеть мир другим, по-новому, в том движении свободного творческого человеческого духа, которое достижимо только на путях соответствия высшему «Я». Поэтому бежит лирический герой Брюсова на зов мечты не только «безумным, вольным и нагим», но и «в слезах» экстатического счастья [9. Т. 1. С. 155].

Образы зовы или поиска «инакового» счастья не поддержаны в сборнике поэтической декларацией. Однако вне сборника Брюсов публикует стихотворение, похожее на такую декларацию. В стихотворении «Sub specie aeternitatis» (1902) от лица лирического героя-поэта, действительно, изложено представление об «инаковом» счастье возвышающего над толпой творчества. При этом образ счастья, данный в нем, не совпадает с образами зова или поиска «инакового» счастья, содержащимися в сборнике «Urbi et Orbi» (видимо, именно поэтому стихотворение в сборник и не попало).

В «Sub specie aeternitatis» высшим счастьем объявляется счастье творчества-творения вдалеке от земной суеты, от людей и обыденной жизни:

О, господи, какое счастье

Быть художником!
Самовластным, гордым, свободным, —
Царем над созвучиями и образами.
<...>
Я на тех бесконечных высотах,
Где небо и лед,
<...>
Здравствуй, солнце, мой двойник!
Я люблю твой ясный лик [14].

Простота озвучиваемой идеи расцвечена, осложнена отсылками в его заглавии, основном тексте и эпиграфе к Байрону и Пушкину, к Ницше и Спинозе. При этом байроновские мотивы до неразличимости сплетаются в стихотворении с ницшеанскими и становятся призмой, преобразующей в общем философско-символическом ключе и пушкинский реализм, и пантеизм Спинозы, равно как и его представление о высокой над-человеческой истине. Поэт, художник предстаёт в стихотворении неким сверхчеловеком – пророком, отшельником и творцом, предельно удалённым от толпы, с явственно байроническими корнями, максимально свободным и естественно приобщённым к высокой, вечной истине в силу своей одарённости. В этой приобщённости поэту видится подлинное счастье человека – тем самым утверждается высокое предназначение человека творить, по-ницшеовски преодолевая житейскую суету и отказываясь от всего устоявшегося, общепринятого. При этом открывается стихотворение прямым обращением к Богу «О, господи». Несмотря на вошедшее в обиход междометное значение (и одновременно благодаря ему), это обращение стилистически соединяет образ одинокого гения-художника в тексте и с традицией православной, и с общенародной русской разговорной традицией.

Что же отдаляет образную структуру и идейный строй стихотворения от философской разработки темы счастья, характерной для сборника «Urbi et Orbi»? В отношении образов речь может идти в первую очередь о несовпадении образов энергичного движения навстречу трубному зову (характерно для сборника) и образа статичного пребывания поэта на ледяных вершинах (в стихотворении); столь же контрастны образы вовлеченности поэта в обычную человеческую жизнь (вовлеченности, которая время от времени нарушается трубным зовом и устремлением поэта ему навстречу), с одной стороны, и образ абсолютного, длящегося одиночества поэта, творящего вдали от житейской суеты и всего земного, – с другой. В отношении же идейного строя важно несовпадение мысли о динамике творческого поиска, о внутреннем движении и самовозрастании в нем, о вечном «самопревосхождении» художника (в сборнике) и рассуждения о том, что поэт – «на тех бесконечных высотах», выше которых «нет ничего» (в стихотворении). В целом очевидно, что если в сборнике «Urbi et Orbi» Брюсов выразил новое представление о творчестве как сложном энергично-волевом становлении, состоящем одновременно в бесконечном совершенствовании, «самопревос-

хождении» и в повторяющихся (спиральных) прорывах из профанного бытийного времени-пространства в сакральную Вечность, то в стихотворении «Sub specie aeternitatis» поэт снова обращается к концепции искусства, которая воплотилась в его юношеских декадентских сборниках.

Для рассматриваемого периода рубежного десятилетия (1895–1905) сборник «Urbi et Orbi» является высшей точкой в философско-лирическом развитии темы внеэротического счастья Брюсовым. «Stephanos» (1904–1905) – последняя и самая совершенная из его поэтических книг, созданных за десятилетие 1895–1905 гг., – делает новый шаг в этом развитии, но этот шаг столь велик, что он уводит автора от как таковой темы счастья творчества (зова и поиска «инакового» счастья), преобразуя ее в тему долга художника. То, что этот шаг связан с социально-политическими потрясениями 1905 г., пропущенными через сознание автора, не вызывает сомнений. Однако сказывается в нем и влияние Вяч. Иванова (которому, как поэту, философу и другу, посвящен сборник «Stephanos») с его увлеченностью нищенской темой дионисийства и трактовкой ее в ключе дохристианской религии жертвенного Бога – «всеединства Сущего в его жертвенном разлучении и страдальном пресуществлении во вселикое <...> Ничто мира» [15. С. 718].

Отголосок мотива зова и поиска «инакового» счастья, которым пронизан сборник «Urbi et Orbi», находим лишь в одном тексте «Венка» (как переводится «Stephanos» с греческого) – в стихотворении «Из песен Мальдуна» (1905). Выступая в маске героя ирландских мифов Мальдуна, автор призывает своих «братьев» – участников длительного морского путешествия – забыть «очи подруг долгожданных» и с радостью отдаться «вольным волнам» моря, уносящим их все дальше от «блаженной неволи» домашнего уюта. О мотиве зова и поиска «инакового» счастья напоминают здесь не только коллизия, связанная с необходимостью борьбы с уютом и эротической любовью за следование «зову», но и образ «посоха», и прямое указание на «сладость» этого следования, и намек на его бесконечность. И все же в стихотворении содержится именно отголосок важнейшего мотива предыдущего сборника: не случайно Брюсов передает авторский голос мифологическому герою и связывает мотив зова «инакового» счастья не с темой свободного творчества, но с основной коллизией текста – вынужденным и одновременно вольным поиском обидчика отца; не случайно и весь лирико-философский сюжет сфокусирован не на самом герое, а на его «братьях», к которым он обращается с убеждающей речью.

Без маски, предельно искренним и близким по отношению к читателю автор предстает в последнем разделе книги – «Современность»; именно в ней находит отражение не столько переосмысление темы счастья самопревосхождения и познания, сколько ее замещение: образы поиска или зова «инакового» счастья, столь характерные для предыдущего поэтического сборника Брюсова, вытесняются в этом разделе образами зова социальных потрясений («голоса мятежного», «бури летучей», «грозы разрушений», «океана народной страсти», «огнистых знамен»). Преемственность между

ними устанавливается на двух уровнях: лексико-стилистическом и сюжетном. К первому относится использование (сопровожаемое переосмыслением) характерных для сборников «*Tertia Vigilia*» и «*Urbi et Orbi*» выражений «зов трубы» / «трубный зов» и слов с корнем «слав-» («Славьте», «славлю»). Ко второму – частотный и в предыдущем сборнике, и в этом разделе микросюжет зова (высокой «правды»), обращенного к поэту, и его активного, деятельного, положительного ответа на этот зов. Отзыв поэта на призыв небесных тайн и социальных потрясений одинаков; но если зов или поиск «инакового» счастья сулит и мучение и блаженство (познания, самопревосхождения, творчества), то призыв, который поэту слышится в социальных бурях, грозит ему смертью. Объединяющее зерно двух вариантов этого микросюжета, помимо диалогических отношений между «высокой правдой» (Неба или Земли, Вечности или Истории) и поэтом, – в мотиве (дионисийского, ницшеански-ивановского) «мучения» долга и самопреодоления. Образ поэта, стремящегося в мучениях преодолеть себя на пути к «инаковому» счастью, пресуществляется в образ поэта, который готов славить бури Истории, несущие ему гибель.

Все основные элементы развития темы долга из темы счастья у Брюсова нашли отражение в открывающем раздел «Современность» стихотворении «Кинжал» (1903). Здесь и «заветный зов трубы», на который поэт «кричит» «отзыв» и «вторит грому с небосклона». Здесь и объяснение этого отзыва с отсылкой к «высокой правде» «молний» и к мотиву долга поэта: «И снова я с людьми, – затем, что я поэт, / Затем, что молнии сверкали» [9. Т. 1. С. 198].

Вариации этих образов и мотивов находим во многих других стихотворениях раздела – в «Лике Медузы» (1905), «Довольным» (1905), «Грядущие гунны» (1904), отчасти в «Фонариках» (1904) и «Славе толпе» (1904). Стихотворение «Лик Медузы» выделяется из этого ряда красноречивостью страшного мифологического образа Медузы – этого «грозящего лика» «темных дней». Образ отсылает не просто к античной мифологии, но к хтоническим силам Хаоса и тьмы, связанным в ивановско-ницшеанской парадигме философствования с образом Диониса¹, с творящими силами дикой природы и вовлеченного в нее первобытного человека. Эта парадигма является для стихотворения плодотворным философским контекстом: именно из нее вырастает весь лирико-философский сюжет текста, первоначально связывающий устрашающий образ Медузы с грядущими социально-политическими катастрофами, далее – со срывом цивилизации в «черный хаос», с гибелью «всех святынь» под ударами «влекущей» судьбы и, наконец, с «живыми» и «мощными» «силами» (видимо, природы, жизни как таковой). В этом сюжете поэту еще яснее, чем в «Кинжале», вменяется в долг «быть напевом

---

¹ Ср.: В работе Фр. Ницше «Дионисийское мировоззрение» упоминание о Медузе возникает не только в связи с «неимоверным страданием во всей природе», но и в связи с глубоким вхождением мифа о Дионисе в античную культуру (в первую очередь через трагедию и комедию).

бури властной» в силу его призвания-«жребия», равно как музыкально-миметической природы его творчества: «Ты от века – в мире эхо / Всех живых, всех мощных сил» [9. Т. 1. С. 203]. Голос автора на протяжении почти всего стихотворения возвышается как голос древнего пророка, обладающего истинным знанием: именно с этой позиции раскрыта роль поэта в истории культуры. Однако в заключительной строфе пророк становится поэтом и с поэтической страстью закликает: «Здравствуй, здравствуй, лик Медузы / Там, над далью темных дней».

Особое место среди поэтических текстов, замещающих темой долга поэта тему зова или поиска «инакового» счастья в этом сборнике, принадлежит стихотворению «К счастливым» (1905). В нём в положительном ключе озвучена идея, характерная для позитивизма XIX в. и критикуемая С.Н. Булгаковым в работе о теории прогресса: представление о том, что в будущем человечество обретет всеобщее благополучие и что достижение этого счастья должны обеспечить своими страданиями все предыдущие поколения.

Своеобразие этого стихотворения в ряду выделенных определяется переклещением с темы грядущей, все более приближающейся катастрофы цивилизации на образ возможного в далеком будущем всеобщего счастья-благополучия – естественного плода развития человечества. Этот образ отчасти продолжает большую «городскую тему» в творчестве Брюсова: «Единый Город скроет шар земной, / Как в чешую, в сверкающие стекла, / Чтоб вечно жить ласкательной весной, / Чтоб листьев зелень осенью не блекла <...>» [9. Т. 1. С. 205]. Написанное преимущественно от лица обобщённого «мы» – своих современников, заглядывающих в социально-историческое будущее человечества, стихотворение в своей стилистике отсылает к поэзии Державина и Пушкина в органическом слиянии с мотивами горьковской прозы. Оно исполнено практически религиозной веры в грядущее не только счастье, но и величие человека – в то, что это величественное будущее начертано не столько механическими законами прогресса, сколько «Судьбой», «ликом неба» (стилистика брюсовского текста соотносит веру в прогресс и с античной верой в величие человека).

Однако мотив долга и жертвы поэта, хотя и в расширительном звучании, здесь сохраняется – более того, именно в этом стихотворении он обогащён мотивом «инакового» счастья. В заключительной строфе стихотворения образ поэта, жертвенно приветствующего «клонящую» его к смерти, к роли «перегной» для грядущих поколений «Судьбу», противопоставляется всем тем, которые не умеют находить «гордой улады» в служении благополучию, счастью будущих поколений. Кроме того, в этой строфе позитивистский идейный строй, легший в основу содержания стихотворения, преобразуется в исповедание веры: афористические восклицания «Дышать грядущим гордая улада!» и «Я был! я есмь! мне вечности не надо!» явственно соотносимы и с предчувствиями рождения нового человека (сверхчеловека, богочеловечества), и с тем утверждением полноценности человеческого бытия на земле, которое столь характерно для нищезанятия [9. Т. 1. С. 206].

Бурное десятилетие рубежа веков нашло в философской лирике Брюсова самые разные отражения. Лики внеэротического счастья, явленные в ней, красноречиво свидетельствуют об интенсивности духовных поисков родоначальника русского символизма. На их материале можно судить не столько об увлеченности поэта различными философскими концепциями [16], сколько о своеобразной цельности его личности и последовательности его духовного развития. Тема внеэротического счастья в лирике Брюсова 1895–1905 гг. движется от образов *преимущественного нечувствования счастья* (связанного с мучительным ощущением «недоступности» небес) при соприкосновении с иным миром через творчество (в двух ранних поэтических книгах этого периода – «*Chefs D’oeuvre*» и «*Me eum esse*») к разноликим «счастьям», объединенным мотивом свободы – познания, творчества, развития личности (сборник «*Tertia vigilia*»), далее к наивысшей точке в развитии темы счастья – образам поэтического творчества как зова или поиска подлинного и всегда «инакового» счастья (сборник «*Urbi et Orbi*») и, наконец, к преобразению темы счастья творчества в тему долга и судьбы (предназначения) художника (книга «*Stephanos*»). Очевидно, что в отличие от взглядов на счастье, изложенных в трудах русских философов этой эпохи, лирические размышления В. Брюсова (вполне закономерно и с точки зрения биографической, и с точки зрения культурно-исторической) фокусируются на вопросе о природе творчества. Логика общего идейного движения в брюсовских лирических размышлениях о внеэротическом счастье связана с периодами, выделяемыми в творчестве поэта: эстетический индивидуализм, символизм, отход от веры в преобразующую силу поэтического слова [17]. Общее же основание в содержании этих размышлений составляют эксплицитно или же имплицитно вовлеченные в тексты смысловые импульсы: характерное для духа эпохи стремление к предельной интенсивности бытия (выражаемое в первую очередь в нищенских мотивах полноты жизни, самопревосхождения, энергично-волевого восприятия жизни) и традиционные для русской культуры представления о целостности и индивидуальности человеческой личности, о диалогичности отношений человека с миром и о соотношенности земного мира с небесным, а личности человека – с (непознанным) Богом.

Список источников

1. Хоружий С.С. Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 52–69.
2. Бонецкая Н.К. Дух Серебряного века: К феноменологии эпохи. СПб., 2022. 722 с.
3. Браудо Е. Музыка после Вагнера // Аполлон. 1909. № 1. С. 54–69.
4. Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 47–548.
5. Розанов В.В. Цель человеческой жизни. Ч. 2: Об истинных целях человеческой жизни. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_cel_chelovecheskoy_jizni.html
6. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 22–60.

7. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997. 307 с.
8. Белый А. Проблема культуры // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 478 с.
9. Брюсов В. Ключи тайн // Соч. : в 2 т. М., 1987.
10. Мочульский К.В. Валерий Брюсов // Мочульский К.В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М., 1997. С. 375–479.
11. Кондаков И.В., Корж Ю.В. Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 176–186.
12. Дягилев С. Сложные вопросы: Поиски красоты // Мир искусства. 1899. Т. 1, № 1-2. С. 37–59.
13. Делез Ж. Различие и повторение / пер. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб., 1998. 384 с.
14. Брюсов В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1973. Т. 3. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bryusov-ss07-03/bryusov-ss07-03.html#s006>
15. Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1.
16. Юрганов А.Л. О философских основаниях художественной литературы в раннем модернизме (из переписки Валерия Брюсова с Михаилом Самыгиным) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 8–19.
17. Чиндин И.В. Философские аспекты творческой эволюции В.Я. Брюсова // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4. С. 90–96.

References

1. Khoruzhiy, S.S. (2002) Nitsche i Solov'ev v krizise evropeyskogo cheloveka [Nietzsche and Soloviev in the crisis of European man]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 52–69.
2. Bonetskaya, N.K. (2022) *Dukh Serebryanogo veka. K fenomenologii epokhi* [Spirit of the Silver Age. Towards the phenomenology of the era]. Saint Petersburg: Aleteyya.
3. Braudo, E. (1909) Muzyka posle Vagnera [Music after Wagner]. *Apollon*. 1. pp. 54–69.
4. Solov'ev, Vl. (1988) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 47–548.
5. Rozanov, V.V. (1892) *Tsel' chelovecheskoy zhizni. Chast' II. Ob istinnykh tselyakh chelovecheskoy zhizni* [The purpose of human life. Part II. About the true goals of human life]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_cel_chelovecheskoy_zhizni.html
6. Bulgakov, S.N. (2009) Osnovnye problemy teorii progressa [Main problems of the theory of progress]. In: Sapov, V.V. (ed.) *Manifesty russkogo idealizma* [Manifestos of Russian Idealism]. Moscow: Astrel'. pp. 22–60.
7. Broymtan, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki. Sub'ektno-obraznaya struktura* [Russian Lyrics of the 19th – Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics. Subject-shaped structure]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Belyy, A. (1994) *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma* [Criticism. Aesthetics. Theory of symbolism]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
9. Bryusov, V. (1987) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Mochul'skiy, K.V. (1997) *Aleksandr Blok. Andrey Belyy. Valeriy Bryusov* [Alexander Blok. Andrey Bely. Valery Bryusov]. Moscow: Respublika. pp. 375–479.
11. Kondakov, I.V. & Korzh, Yu.V. (2000) Fridrikh Nitsche v russkoy kul'ture Serebryanogo veka [Friedrich Nietzsche in Russian culture of the Silver Age]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 176–186.
12. Dyagilev, S. (1899) Slozhnye voprosy. Poiski krasoty [Difficult questions. Search for beauty]. *Mir iskusstva*. 1–2 (1). pp. 37–59.

13. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Translated from French by Man'kovskaya, N.B. & Yurovskaya, E.P. Saint Petersburg: Petropolis.

14. Bryusov, V.Ya. (1973) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: <https://traumlibrary.ru/book/bryusov-ss07-03/bryusov-ss07-03.html#s006>

15. Ivanov, Vyach. (1971) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Brussels: Foyer Oriental Chretien.

16. Yurganov, A.L. (2019) O filosofskikh osnovaniyakh khudozhestvennoy literatury v rannem modernizme (iz perepiski Valeriya Bryusova s Mikhailom Samyginym) [On the philosophical foundations of fiction in early modernism (from the correspondence of Valery Bryusov with Mikhail Samygin)]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 52. pp. 8–19.

17. Chindin, I.V. (2010) Filosofskie aspekty tvorcheskoy evolyutsii V.Ya. Bryusova [Philosophical aspects of creative evolution of Valery Bryusov]. *Vestnik VyatGU*. 4. pp. 90–96.

Информация об авторе:

Королева С.Б. – д-р филол. наук, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Koroleva, Dr. Sci. (Philology), head of the International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: svetlakor0808@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.06.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2022; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 09.06.2021;
approved after reviewing 08.12.2022; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 82-94:281.93(571.5)
doi: 10.17223/19986645/86/12

Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в.

Софья Владимировна Мельникова^{1,2}

¹ Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского, Иркутск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{1,2} memuaristika@yandex.ru

Аннотация. В путевых дневниках и воспоминаниях о святителе Иннокентии (Вениаминове) протоиерея П.В. Громова выявляются признаки модернизации традиционных для церковной словесности форм художественного освоения действительности за счет их беллетризации, усиления авторской субъективности и стремления к романному типу завершения. Возникающий в результате конфликт между окказиональной (человеческой) и императивной (Божественной) картинками мира разрешается их примирением в изображении высшей реальности, что сближает поэтику сочинений сибирского автора с принципами «христианского реализма» русской классической литературы.

Ключевые слова: сибирское православное духовенство, П.В. Громов, христианский реализм, путевая проза, мемуары, автобиография, беллетризация, романизация

Для цитирования: Мельникова С.В. Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 214–229. doi: 10.17223/19986645/86/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/12

Travel diaries and memoirs of Archpriest Prokopiĭ Gromov: On the artistry of Siberian spiritual literature of the late 19th century

Sofya V. Melnikova^{1,2}

¹ Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky,
Irkutsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1,2} memuaristika@yandex.ru

Abstract. Rethinking the role of the Christian tradition in the development of Russian culture in modern scholarship, the search for contact between secular and spiritual

literature, and the need to restore forgotten names and texts of spiritual writers determines the problems and relevance of this article. The key theoretical concepts of the work are: tradition, innovation, novelisation, fictionalisation, Christian realism. The material for analysis are works by Archpriest Prokopy Gromov (1801–1880): travelogues “What Fate Has Brought Me to Kamchatka” and “The Trip from Irkutsk to Kamchatka” (1869), and “Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent, Metropolitan of Moscow” (1879), which form the “Kamchatka cycle” in Gromov’s literary works. Gromov was a church historian, hagiographer, and publicist, well-known in Siberia in the 19th century. His texts are allied to such popular clerical forms of writing as episcopal and missionary reports, as well as memoir obituaries, which retain a link with the hagiographic tradition even in the 19th century. At the same time, his writings show signs of fictionalisation and novel narrative characteristic of secular literature. Fictionalisation is interpreted as a way of manifesting authorial subjectivity and artistic consciousness. The novel is understood in accordance with Bakhtin’s theory as a non-canonical genre, with its characteristic incompleteness, stylistic syncretism and dialogism. Using the poetics of contrast and other artistic techniques, Gromov depicts two pictures of the world – adventurous (occasional, or “human”) and imperative, constructed according to the Divine plan. The hero of his memoirs, St. Innocent (Veniaminov), despite the outwardly adventurous picture of his biography, fully realizes his spiritual and apostolic predestination, while Gromov, the author of the memoirs, balances on the border between the human and the spiritual, which determines the drama of his image. He sees justification for his life in the life of another, more perfect man, a Christian and a priest, whose colleague and friend he happened to be. The relationship between the autobiographical and the memoiric, the dialogue between the author’s “Self” and the “Self” of the other, which is the subject of the author’s reflection, provides the basis for an artistic generalisation of the novel type. Gromov’s relationship with St. Innocent creates a higher, spiritual reality in his texts, which allows defining them as a manifestation of “Christian realism” in its understanding proposed by Zakharov and Esaulov. Christian realism determines the specificity of writings not only by Gromov, but also by other authors from the clergy – Archbishop Nil (Isakovich), Archbishop Veniamin (Blagonravov), St. Gerasim (Dobroserdov). Together, they form a special, different from secular, version of the Siberian text that unites the regional Siberian literature with centuries-old traditions of Christian literature and their reflection in the Russian classics.

Keywords: Siberian Orthodox clergy, Prokopy Gromov, Christian realism, travel prose, memoirs, autobiography, fictionalisation, novelisation

For citation: Melnikova, S.V. (2023) Travel diaries and memoirs of Archpriest Prokopy Gromov: On the artistry of Siberian spiritual literature of the late 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 214–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/12

Начиная с 1990-х гг. в контексте общего обновления исследовательской парадигмы отечественного литературоведения формируется новый взгляд на роль христианской традиции в развитии русской культуры [1, 2], ранее, в силу объективных исторических причин, недооцененную или замалчиваемую. Актуальной становится задача, с одной стороны, переосмысления русской классики с христианских позиций [3], что отражается в новых категориях ее интерпретации, таких как пасхальность и соборность [4], с другой – возвращения в концепцию национального историко-литературного про-

цесса самой духовной словесности – забытых или неизвестных имен и текстов духовных писателей [5]. Особое значение в таком контексте приобретает поиск точек соприкосновения духовной словесности и светской литературы – общих для них тем, а также синтетических или переходных художественных форм. Примеры подобного взаимодействия дает не только литература центра: учет наследия провинциальных, в том числе сибирских авторов, помогает правильно оценить масштабы явления.

Выдающимся представителем восточно-сибирского православного духовенства XIX в. являлся иркутский и камчатский протоиерей Прокопий Васильевич Громов (1801–1880). Его имя нельзя отнести к разряду неизвестных: в науке отмечена его роль как одного из первых сибирских архивистов и историков [6. С. 198–200], как краеведа, церковного деятеля и первого редактора «Иркутских епархиальных ведомостей» [7, 8] а также как агиографа [9. С. 120–146]. Однако Громов заслуживает изучения и как писатель, своеобразии сочинений которого определяется соединением в них традиций духовной и светской литературы. Недостаточным раскрытием этой темы и определяется специфика нашего интереса к его наследию.

Первая статья, посвященная П.В. Громову, была опубликована нами в 2007 г. [10]. Ее предметом стали «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском» – одно из последних и, безусловно, лучших его сочинений. «Припоминания...» посвящены Иннокентию (Вениаминову (Попову) Ивану Евсеевичу), первому Камчатскому, Курильскому и Алеутскому епископу, впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому, святителю. Громов был знаком с Иннокентием по Иркутской семинарии, несколько лет служил под его началом на Камчатке, до конца жизни состоял в переписке. Впервые «Припоминания...» были опубликованы в 1879 г. частями в прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» и с тех пор не переиздавались. В 2014 г. автором настоящей статьи в соавторстве с Т.А. Крючковой было подготовлено их современное комментированное переиздание [11].

При анализе «Припоминаний...» нами были отмечены, с одной стороны, их связь с традициями христианской литературы, прежде всего агиографии, с другой – черты беллетризации повествования и выход автора на проблематику романного уровня. В настоящей статье данная тема будет продолжена и развита на более широком круге мемуарных сочинений писателя с учетом травелогов – «Какими судьбами я был управлен в Камчатку» [12] и «Путь из Иркутска в Камчатку» [13]. Эти путевые дневники были опубликованы в 1869 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях», но описываются в них события 36-летней давности, когда Громов, молодой иркутский священник, был назначен к служению на далекую Камчатку, где ему было суждено провести почти 12 лет. Таким образом, вместе с «Припоминаниями...» они образуют камчатский цикл в творчестве писателя¹.

---

¹ Подробнее о камчатском периоде в его служении и научной деятельности см.: [14].

Правомерность и научная продуктивность параллельного рассмотрения мемуарно-автобиографической и путевой прозы обусловлена реалиями самой сибирской жизни. Не только миссионеры, но и другие сибиряки (чиновники, военные, торговцы и промышленники) были вынуждены перемещаться на большие расстояния, буквально проводить свою жизнь в путешествиях, которые и становились основными событиями биографии. И потому путевой нарратив был часто трудно отделим от мемуарно-автобиографического, что, в свою очередь, создавало дополнительные возможности для их общей беллетризации и романизации.

Под беллетризацией понимается привнесение в документальную, публицистическую и научно-популярную литературу элементов художественного повествования. В мемуарной литературе беллетризация служит формой выражения «субъективно-личностных установок пишущего», индивидуальных нарративных стратегий и способов выражения художественного сознания, проявляющегося в том, на какие литературные образцы и тенденции автор ориентируется¹. Таким образом, представление о беллетризации мемуаров выводит на проблему соотношения в них документального и художественного, реально бывшего и вымышленного, объективного и субъективного.

В пределе своем беллетризованный нарратив стремится к романным формам. В соответствии с теорией М.М. Бахтина и уже сложившейся традицией ее интерпретации [16, 17] мы определяем роман как неканонический жанр, обусловленный не внешними признаками, но «внутренней мерой». Для романа характерны смысловая незавершенность, стилистический синкретизм, авторская самоирония, диалогизм. Предмет романного описания – современность, а сам роман – это «пространство становящегося настоящего», в котором мир утрачивает завершенность с точки зрения смысла и ценности. В центре романного мира – человеческое «Я», вырастающее из этого же мира в процессе его творческого освоения. Романная проблематика определяется взаимодействием авторского «Я» и «Я» другого.

В основе травелогов сибирского духовенства лежал церковный документ, так как составление путевых журналов и отчетов входило в служебные обязанности миссионеров, а также лиц, сопровождавших владык в их обзорных поездках по епархии. Этим объясняется достаточно большое количество текстов: в дореволюционной и современной библиографии [18] отражено не менее 400 травелогов сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. Однако развитие жанра шло по пути усиления субъективного авторского и нарративного начала и появления рефлексивных форм, что и демонстрируют травелоги протоиерея П.В. Громова.

Художественное значение имеет уже само заглавие – «Какими судьбами я был управлен в Камчатку». Оно не стандартно для травелогов, как правило

---

¹ Подробно эти механизмы рассмотрены, в частности, Н.В. Константиновой на материале женских травелогов, в том числе сибирячки Е.А. Авдеевой-Полевой [15].

ограничивавшихся жанровым определением (записки, дневник, путешествие) и указанием на маршрут. Подобное заглавие – признак развитой авторской рефлексии [19], в нем зашифрована формула будущего повествования, в центре которого – авторское «Я», единство автобиографического нарратива определяется слиянием категорий пути и судьбы, пассивный же залог («был управлен») задает интенцию философскому размышлению над природой силы, влияющей на судьбу автора.

Первые строки текста служат, по сути, продолжением заглавия и раскрывают его смысл: «Стопы человека уготовляются от Господа – судьба наша исходит от лица Его. Эта истина с особенною очевидностью открылась надо мною в назначении меня в Камчатку. Сказать надобно, что посаженный в 1824 г. на консисторский стул, почему-то с особенным любопытством раскрывал я почту, через полгода приходившую в Иркутск от Камчатского духовного правления. Вот, размышлял я, есть же сторонка, далекая от нас, где ездят на собаках, спят под вулканами, имеют возможность перемолвить с прочими местами России только дважды в год, между тем видно, что там те же люди, такая же бумага и те же чернила, как и у нас; ведь хотя бы этот рапорт там был писан в какой-нибудь юрте или в похожей на юрту избе; ведь прописывал же его где-то, на каком-то столе тамошний уроженец протоиерей Никифор Никифоров; взглянуть бы на этого древнего, диковинного старца. Так раздумывал я. Однако же в голове не держал, чтобы быть когда-нибудь в этой, так холодно, по сказаниям, дышащей стране, да если бы когда и встрепенулось во мне подобное желание, я бы сам испугался этого желания» [12. № 2. С. 16]. Таким образом, к тексту Громова применимы слова С.Д. Кржижановского: «... заглавие раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [20. С. 7].

Вступление звучит одновременно иронично и философски. То, что сам повествователь не мог предположить для себя даже в качестве рискованной авантюры – отправиться на Камчатку, предопределено ему Промыслом Божиим. Таким образом, сталкиваются *две картины мира: авантюрная (оказиональная, или «человеческая») и императивная (в данном случае выстроенная по Божественному замыслу)*. Контраст между человеческой логикой и высшей волей и определяет сюжет дальнейшего повествования – рассказ о неожиданной встрече и неосторожно данном обещании.

Еще в 1825 г., как Громов вспоминает в «Какими судьбами...», на обеде у иркутского епископа Михаила он встречается с направляющимся на Камчатку морским офицером. Завязывается разговор о подвигах о. Иоанна (Вениаминова), отправившегося миссионером к берегам Америки. И Громов со своим товарищем по Московской академии К. Шастиным выражают готовность этот подвиг повторить [12. № 2. С. 17]. Проходит несколько лет, и начальник Камчатки А.В. Голенищев, а именно им оказался проезжий офицер, вспоминает данное ему обещание. Голенищев, решивший переменить малообразованное камчатское духовенство, рекомендовал Синоду Громова как «публично давшего слово». «Вот тебе! – подумал я, – попался!» [12. № 2.

С. 21]. Но на этот раз на полуостров отправляется Шастин: Громова спасает беременность жены. На проводах Шастина о. Прокопий дает новое обещание Голенищеву отправиться на полуостров после того, как его товарищ выслужит в Камчатке урочные пять лет. «Припомню!» – сказал Голенищев. И припомнил!» [12. № 3. С. 30]. Таким образом, через 8 лет после роковой для себя встречи Громов, с уже многочисленным к тому моменту семейством – женой и четырьмя детьми, отправляется на Камчатку.

«Какими путями...» – это автобиографическое вступление к основной части, собственно путевому дневнику, озаглавленному «Путь из Иркутска в Камчатку». Но это и вступление к «Припоминаниям...»: описанный эпизод из биографии автора «отзеркаливает» эпизод из биографии его героя, который и служит завязкой всей истории. Однако если у самого Громова история с отъездом затягивается на годы, с о. Иоанном события развиваются стремительно, а само решение уже семейного, имеющего свой дом, любимого прихожанами священника оставить все и отправиться в Америку, буквально на край света, изумляет все иркутское духовенство, начиная с владыки. Пытаясь объяснить, о. Иоанн, как указывает Громов, «отвечал, что встретился с одним выходцем из Америки, и от него наслушался о глубокой преданности алеутов православной вере и церкви, об их простосердечии, беззлобии, прямодушии и возгорелось у него желание послужить среди таких чад Царствия Божия, а с тем вместе *посмотреть и новую часть света*» [11. С. 33].

Вновь, как и в случае с самим Громовым, возникают авантюрная и императивная картины мира. Иннокентий в равной степени принадлежит обоим, что подтверждает верно подмеченное в нем Громовым любопытство путешественника «посмотреть новую часть света». Однако между самим автором и его героем, при соотнесении этих эпизодов, обнаруживается существенная разница: если о. Прокопий всячески сопротивляется Божественному предопределению, то о. Иоанн отдается ему со всей душой и доверием, сам становится его орудием.

Сюжет травелога «Путь из Иркутска в Камчатку» организован как цепь новелл, описывающих сложности и опасности путешествия. Сначала путь лежит по Лене – и это относительно легкий и безопасный участок, но от Якутска до Охотска каравану приходится более месяца пробираться на лошадях с проводниками-якутами по непроходимой тайге: «...лошади издыхали под нами: надобно было беречь только ноги, чтобы не придавило при непредвиденном падении лошади. Пешком, по причине сплошных топей, идти было никому невозможно... Вечером почтовый ящик велел разложить нам большие огни для устрашения во множестве водящихся здесь медведей и новых пяти беглецов с завода... переезжали несколько бродов, где старый Николай только и молился, чтобы баранчуков (детей) не утопить... Где утешение в таком случае? В молитве» [13. № 16. С. 198–199]. Повествование динамично, а основная авторская эмоция – страх за близких.

Кульминацией путешествия становится встреча на Алдане с разбойником Горкиным, образ которого выстраивается Громовым по принципу романтического контраста и напоминает образы «благородных разбойников». «Горкин сидел, глубоко задумавшись, на лавке в переднем углу кузницы... При входе моем он встал и молча принял от меня благословение... Я сел подле Горкина и с горестным чувством смотрел на падшего, отчуждившегося от общества человеческого, одичавшего подобно зверю, носившего на душе своей сотни убийств, на человека, собрата, со-христианина. Стройный и плотный стан, довольно высокий рост, нежное при всем загаре и отпечатке диких страстей лицо, карие, приятные, но постоянно опущенные вниз, как бы не смеющие вознестись на Небо, глаза; волосы в кружок, и тихий разговор – таковы отличительные черты Горкина. Ему казалось лет 30». [13. № 6. С. 76–77].

Ближайший литературный контекст к этому эпизоду в записках Громова – повесть «Сохатый» (1830) Н.А. Полевого и «Капитанская дочка» (1836) А.С. Пушкина (знаменитый пугачевский заячий тулуп)¹. Но отличие в том, что у Громова взгляд на разбойника – это взгляд священника, который хотел бы видеть в нем, прежде всего, потенциального раскаявшегося грешника: «...как бы не смеющие вознестись на Небо, глаза...». И в этом плане романтический контраст наполняется более глубоким христианским смыслом: сожалением о несовершенстве мира и в то же время ощущением его единства. Одичавший зверь и душегуб – это все же человек, более того, собрат во Христе. Тем самым закладывается надежда на воскресение или, по терминологии, предложенной И.А. Есауловым, реализуется пасхальный архетип.

В многотрудном путешествии Громов и его спутники сталкиваются не только с опасностями и приключениями, но и с суетой и рутиной обыденной человеческой жизни. В Охотске их ждет вынужденная задержка, связанная с тем, что осень – это традиционное время балов и других увеселений, и капитан единственного судна, на котором можно добраться до Камчатки, не желает отказывать себе в удовольствиях. Собственный контраст с охотским обществом автор иронично подчеркивает с помощью библейской параллели: «Чиновные и купечество, знакомые прежде и совсем неведомые, нахлынули в дом протоиерея смотреть на нас, подобно Израильтянам, чудно прошедшим чермное море» [13. № 17/18. С. 217].

Морское плавание до Петропавловского порта также не проходит без дрязг и суеты, вызванной конфликтом капитана и штурмана. Контраст создает образ океана, дающий автору повод к размышлению о Божьем величии: «Киты играли во множестве не вдалеке от нашего судна. Стоишь, смотришь на восток, а с запада раздается будто залп из пушек. Оборотится, видишь на поверхности моря огромный столп воды, – он медленно обращается

---

¹ Путешествие Громов совершает в промежутке между публикацией этих произведений. Однако издавая свои путевые дневники в 1869 г. при этом редактируя и литературно обрабатывая дорожные записи, Громов уже мог ориентироваться на сочинения Полевого и Пушкина как литературные образцы.

в брызги и рассыпается... туловище... перегибается над морем в виде арки, голова касается воды, выказывается хвост... и наконец животное ныряет... Подобные картины были живописуемы Порфироносным Давидом: «Как многочисленны, – восклицал он, – дела Твои, Господи!... и вот левиафан, которого Ты сотворил играть в море!» – цитирует Громов строки 103-го псалма, воздающего хвалу Господу как Творцу мира [13. № 20. 252–253].

Завершается травелог описанием Петропавловского порта – конечной цели путешествия: «В распадке с юга на север показались хижины пресловутого Петропавловского порта, крытые травой, не исключая дома начальника Камчатки. Ближе к берегу стояла крытая тесом низменная церковь, но в таком еще среди самого распадка углублении, что едва можно было отличить ее от хижин обывательских. При виде зданий у меня выкатились слезы жгучие, как будто предвещавшие мне особенное горе в этой пустыне...» [13. № 20. С. 254]. Финал, таким образом, остается драматически открытым: автор не смирился со своей новой судьбой и не готов к ее приятию. Смысл его камчатского предназначения раскрывается уже в «Припоминаниях современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском».

«Припоминания...» были написаны и опубликованы в 1879 г., в год смерти митрополита Иннокентия. Формально они представляли собой развернутый некролог-воспоминание. Составление некрологов обо всех, чемлибо замечательных представителях духовенства и их публикация в епархиальных ведомостях и других церковных журналах были широко распространенной и фактически обязательной в духовной среде практикой. Некрологи являлись полуофициальными документами и составлялись с использованием данных формулярных списков и других документальных источников. И в этом смысле «Припоминания...» были одним из многих текстов, посвященных усопшему митрополиту Московскому [21, 22].

Но «Припоминания...» – это не только некролог и воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, это подведение жизненных итогов для самого Прокопия Васильевича, который скончается в следующем, 1880 г. Судьба святителя становится поводом для размышлений автора над собственной судьбой. Громов всегда ощущал близость к Иннокентию, считал его не просто современником, как скромно указано в заглавии, но «школьным товарищем» (по крайней мере они учились в Иркутской семинарии в одно и то же время), а впоследствии и соратником, собеседником и корреспондентом. Доказательство этой близости и составляет подлинную цель повествования, приводящую его к уровню романного обобщения.

Данная интенция, как и в случае с «Какими судьбами...», обозначена уже в первых строках, что может быть оценено как устойчивый прием и признак авторского стиля: «Промысел Божий как бы проводит иногда незримую нить от колыбели одного младенца к колыбели другого. Колыбели зыблются на дальнем одна от другой расстоянии, но зыблемым в них предназначено повстречаться на пути жизни и идти рука об руку через всю жизненную стезю. Нечто похожее могу сказать о моих отношениях к покойному теперь высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию» [11. С. 27].

Один из мальчиков – Иван Попов (Вениаминов), другой – Прокопий Громов, образы же колыбели и нитей судьбы определяют внутреннюю символику текста.

Путь Иоанна Вениаминова, будущего святителя Иннокентия, – это «восхождение из славы в славу», определенное исключительными личными достоинствами героя, но, главное, особым о нем Промыслом Божиим. В воспоминаниях о детских годах своего героя Громов подчеркивает его незаурядный ум, трудолюбие, природное любопытство. В биографических и мемуарных сочинениях духовенства, даже в конце XIX в., часто отдается дань агиографической традиции. В наследии Громова также имеются собственно агиографические сочинения, посвященные первому Иркутскому святителю Иннокентию (Кульчицкому): по мнению Н.К. Чернышовой, именно Громов стоит у истоков его агиографии [9]. Однако в «Припоминаниях...» житийные мотивы если и присутствуют, то сильно редуцированные: их можно увидеть в указании на несходство Вениаминова с другими семинаристами, в том числе с самим Громовым, что подчеркивается авторским самоопределением «ничтожный» по отношению к будущему святителю.

Громов не описывает подробно первые годы миссионерства Иннокентия, так как это нарушило бы принцип личного свидетельства как основы мемуарного повествования. Он дает об этом периоде краткую информационную справку, составленную на основании путевых дневников и научных сочинений самого Иннокентия, прежде всего «Записок об островах Уналашкинского отдела».

Повествование возобновляется только с момента учреждения новой Камчатской епархии, первым епископом которой в 1840 г. и становится Иннокентий. Это назначение – не менее кардинальная и неожиданная перемена судьбы, чем решение отправиться миссионером на Аляску. Вопрос о выделении из состава Иркутской самостоятельной Камчатской Курильской и Алеутской епархии назревал долгие годы, но не решался по причине отсутствия необходимой кандидатуры. И только внезапная смерть супруги позволила о. Иоанну Вениаминову принять постриг с именем Иннокентий, а в скором времени и епископскую хиротонию. Таким образом, практически в одночасье простой миссионер стал владыкой новообразованной епархии.

Центральное совместное деяние мемуариста и его героя – поездка по обозрению Камчатской епархии зимой 1842/43 г. Составляя ее дневник, о. Прокопий выполняет традиционную функцию сопровождающего архиерея лица. Но как талантливому писателю ему удается превратить путевой журнал-отчет в увлекательнейшее повествование авантюрного плана. Вот, например, описание перевала через Дранкинский хребет: «Подъехав уже под вечер к обрыву, у которого дна не видно и по которому надлежало спускаться в темное ущелье, преосвященный сказал: “Ну, теперь я вижу физиономию Камчатки! Как же тут быть?”. “Извольте, Ваше Преосвященство, – сказал я, – шубу снять и надеть куклянку (которая была у него в запасе)”. Камчадальчики подвязали под торбаза (обувь) башлыки, это вроде подковок из железа с шипами, потом обвели преосвященного ремнем и приготовились

к его спуску. “А вы как спуститесь?” – спросил у меня преосвященный. “Поребачь, – отвечал я, – на оленьей шкуре, которая на мне (на мне была куклянка), скачусь вниз, как ребята катаются на масленнице, а чтоб не обнесло, возьму в руки оштол, чтоб, в случае быстрого разноса, упереться и отдохнуть, и чрез две минуты буду я на дне ущелья” [11. С. 80–81].

Как и в рассмотренных выше травелогах, в «Припоминаниях...» используется поэтика контраста: «Если бы кто нарисовал картину: на одной стороне изобразил иерарха, в скромном облачении, священнодействующего в глухом уголке на северной оконечности Камчатки, в смиренном деревянном храме... а на другой стороне представил бы этого же самого иерарха, совершающего служение в большом Московском Успенском соборе... где вместо обрюзглых, в оленьих куклянках и в торбазах камчадалов и камчадалок предстоят вельможи, сенаторы, министры в блещущих золотом одеяниях и дочери первопрестольной столицы... Какую бы выбрать для такой картины надпись? «Неисповедимы судьбы твои, Господи!» Приличнее не найти» [11. С. 78–79]. Совмещая два пространственно-временных измерения, две картины мира, казалось бы, бесконечно удаленные друг от друга – суровую и «скромную» Камчатку и великолепную Москву, Громов создает образ удивительной судьбы своего героя.

Но при всей исключительности своей биографии Иннокентий не искатель приключений, а православный подвижник. И его жизненный путь не может быть осмыслен в категориях окказионального, напротив, это путь апостольский – актуализация этого мотива в тексте и становится формой художественного завершения биографического сюжета: «В этом, одном из глубочайших ущелий Камчатки, как сейчас вижу епископа, в темную зимнюю ночь сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающимся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди добродушных детей природы камчадалов... Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли. Первому архиерею, Иннокентию Камчатскому, предоставлена в наше время честь олицетворить на себе начертанную апостолом Павлом картину многотрудной жизни подвижников веры: проидоша в милостех, и в козних кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастьех земных» [11. С. 82–83].

Несмотря на близость, жизненные пути Прокопия Громова и Иннокентия (Вениаминова) существенно отличаются. Если жизнь святителя соответствует идеальной духовной и даже просто житейской схеме, то жизнь протоиерея часто от нее отстает. Так, на Камчатке он оказывается не только в результате данного Голенищеву обещания, как сам это описывает, но и вследствие конфликта с иркутским владыкой Иринеем (Нестеровичем), т.е. назначение было не личным, как у его героя, выбором автора, но своего рода ссылкой. По возвращении же в Иркутск, спустя почти 12 лет, ему придется долго восстанавливать свое материальное и служебное положение. «Одна только замечательная между нами разница: высокопреосвященный Иннокентий, от начала и до конца своего служения, восходил от славы в славу...

Со мною же, напротив, бывали такие толчки, которые выдвигали из меня сколоченную посуду, каковая, по пословице, два века живет. Сострадание обо мне вносило в наш союз долю с его стороны участия, а с моей – сердечного благодарения» [11. С. 101]. Для Громова характерно осознание своего внутреннего несовершенства, перед ним остро стоит проблема самоопределения.

В финале повествования, после отъезда автора с Камчатки и прекращения его личного общения со святителем, мотив совместного пути сменяется мотивом пространственной разделенности, которая, однако, не прерывает духовной связи между повествователем и его героем, даже после его смерти: «Нить, связующая нас в течение полувека, прервалась, хотя на самом деле она приняла только иной вид протяжения от времени к вечности». Синонимичность первых и последних строк книги замыкает повествование композиционно, но идейно, напротив, выводит его за пределы завершенности, что свойственно именно для романа. «Одна из задач романа – показать скрытую всеобщность жизни, что и осуществляет Громов на примере соотносительности своей судьбы с судьбой преосвященного. Символом этой всеобщности и становится образ нити, связующий две судьбы» [10. С. 21]

Говоря о романе и романизации мемуарно-автобиографического повествования, нельзя, однако, не учитывать их принципиального отличия – как вымышленного и ориентированного на документальность типа повествований. «Припоминания...» – сочинение документальное и реалистичное, по крайней мере, в отношении всего, что касается биографических фактов из жизни святителя: слишком бы высока была авторская ответственность за их искажение. Но романное начало проявляется не в фактах, а в способах их осмысления. О романе можно говорить в том случае, когда эта *взаимосвязь – автобиографического и мемуарного, своего и чужого – становится объектом сознательной авторской рефлексии*, а разворачивание этой проблемы во времени и пространстве – основой художественной целостности повествования и в то же время причиной его незавершенности («...вид протяжения от времени к вечности»). Именно это, на наш взгляд, и имеет место в «Припоминаниях...».

Какого-то принципиального художественного открытия в этом, конечно, нет. Мемуарист, пишущий об известном историческом лице, всегда старается подчеркнуть собственную с ним связь. И в этом стремлении может достигать уровня романного обобщения, показывающего «скрытую всеобщность жизни». Внимания заслуживает содержание этих связей, имеющее свои особенности в сочинении духовного писателя. «Судьба о. Прокопия, как это изображено в «Припоминаниях...», приобретает осмысленность и целостность только в контексте судьбы Иннокентия... Оправдание своей жизни автор прозревает в жизни «другого», более совершенного в духовном отношении, соратником и другом которого ему довелось быть» [10. С. 21].

Отношения со святителем как духовным авторитетом имеют для Громова метафизический характер, это своего рода *высшая реальность*, которую Громов и хотел бы приоткрыть своим читателям. «Припоминания...»,

таким образом, могут рассматриваться в контексте «реализма в высшем смысле», как он представлен в романах Достоевского, или «христианского реализма» (как литературоведческий термин впервые был введен В.Н. Захаровым [1] и получил дальнейшее теоретическое обоснование в работах И.А. Есаулова [23]) – «трансгисторического творческого принципа», основанного на «сопряжении человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ» [23]. Божий промысел как определяющая судьбу сила, апостольский подвиг, роль духовного авторитета в жизни человека – все эти мотивы в сочинениях протоиерея П.В. Громова и определяют сущность его христианского реализма.

Особенно важно, что данные мотивы встречаются не только в его сочинениях, они характерны для сибирской духовной словесности в целом. Так, в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) создается образ Сибири как храмового пространства, освященного присутствием Творца, а позитивная программа собственной судьбы в Сибири сводится к реализации апостольского сюжета [24]. В автобиографии иркутского архиепископа Вениамина (В.А. Благодравова) используется житийная топка, а центральными мотивами повествования являются Божественный промысел и духовное покровительство святителя Иннокентия (Кульчицкого) [25]. Сюжет путевых дневников святителя Герасима (Г.И. Добросердова) определяется перемещением решившегося на монашеский постриг автора не только в физическом пространстве, но и его переходом из мирской, чувственной и окказиональной картины мира в сферу сугубо духовной жизни [26]. Вместе с тем все эти сочинения имеют несомненную связь и со светской литературой Сибири: они используют актуальные для нее жанры и дополняют создаваемый светскими авторами образ Сибири.

Подводя итог сказанному, можно предположить, что роль духовной словесности в общей истории сибирской региональной литературы и заключается в привнесении в сибирский текст черт христианского реализма, связывающих его с многовековыми традициями христианской словесности и их отражением в русской классической литературе.

Список источников

1. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.
2. Есаулов И.А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 17–28.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература : [в 6 ч.]. 2-е изд., испр., доп. М. : Христиан. лит., 2001–2004.
4. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М. : Кругъ, 2004. 559 с.
5. Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков : библиогр. указ., 1800–2000 / сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева ; под ред. В.А. Котельникова. СПб. : Наука, 2002. 891 с.
6. Костанов А.И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв.: (Ист.-архивовед. исслед.). Владивосток : Дальнаука, 2007. 351 с.

7. *Кусков В.П.* Краевед Прокопий Громов // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1970. Вып. 2. С. 124–133.
8. *Крючкова Т.А.* Вклад духовенства Иркутской епархии в изучение истории Сибири // Сибирь (Иркутск). 2010. № 4. С. 178–183.
9. *Чернышова Н.К.* Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. 534 с.
10. «*Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии*» протоиерея Прокопия Громова: к вопросу о мемуарах сибирского духовенства // Сибирский филологический журнал. 2007. № 2. С. 16–21.
11. *Громов П.В.* Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском / сост. С.В. Мельникова. Иркутск : ИОГУНБ, 2014. 260 с. Серия: Мемуары сибирского православного духовенства XIX века. Вып. 2.
12. *Громов П.В.* Какими судьбами я был управлен в Камчатку // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 2. С. 16–22, № 3. С. 29–33.
13. *Громов П.В.* Путь из Иркутска в Камчатку // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 4. С. 41–47; № 5. С. 56–63; № 6. С. 75–80; № 7. С. 81–87, № 9. С. 105–114; № 12. С. 145–149; № 16. С. 193–201; № 17/18. С. 216–222; № 20. С. 249–257.
14. *Камчатка* в судьбе иркутского протоиерея П.В. Громова (1801–1880) и его научном и мемуарном наследии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История русской православной церкви. 2019. № 87. С. 11–22.
15. *Константинова Н.В.* Специфика «художественного сознания» в женском травелоге первой половины XIX века (на материале записок Е.А. Авдеевой) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 3644–3648. doi: 10.30853/phil20210650
16. *Паньков Н.А.* М.М. Бахтин и теория романа // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 252–315.
17. *Тютелова Л.Г.* Теория романа М.М. Бахтина и проблема романизации драмы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. №2-1(93). С. 121–126.
18. *Русский травелог XVIII – начала XX века: аннотированный указатель* / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Номо Пресс, 2018. С. 240–392.
19. *Строганов М.В.* Заглавие как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 3. С. 53–77.
20. *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М. : Никитинские Субботники, 1931. 31 с.
21. *Виноградов А.А.* Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1879. № 39. С. 441–457.
22. *Сизой А.* Годичное поминование в Благовещенске митрополита Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1880. № 34. С. 430–434.
23. *Есаулов И.А.* Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград, 2007. С. 9–20. URL: <https://esaulov.net> (дата обращения: 07.07. 2023).
24. *Мельникова С.В.* «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 110–133.
25. *Мельникова С.В.* Формы авторского самоопределения и самооценки в церковной автобиографии (на примере сочинений Иркутского архиепископа Вениамина) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 112–120.
26. *Мельникова С.В.* Духовная проза Сибири: дневники епископа Герасима (Г.И. Доброserдова) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 29–35.

References

1. Zakharov, V.N. (2001) Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (statement of the problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 6. pp. 5–20.
2. Esaulov, I.A. (2005) Khristianskaya traditsiya i khudozhestvennoe tvorchestvo [Christian tradition and artistic creation]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 7. pp. 17–28.
3. Dunaev, M.M. (2001–2004.) *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature]. In 6 parts. 2nd ed. Moscow: Khristianskaya literatura.
4. Esaulov, I.A. (2004) *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [The Paschal Archetype of Russian Literature]. Moscow: Krug".
5. Dmitriev, A.P. & Dmitrieva, L.V. (2002) *Khristianstvo i novaya russkaya literatura XVIII–XX vekov : bibliograficheskiy ukazatel', 1800–2000* [Christianity and the New Russian Literature of the 18th–20th centuries: Bibliography, 1800–2000]. Saint Petersburg: Nauka.
6. Kostanov, A.I. (2007) *Dokumental'naya istoriya Sibiri. XVII – seredina XIX vv.: (Istoriko-arkhivovedcheskoe issledovanie)* [The documentary history of Siberia. 17th – mid-19th centuries: (historical and archival research)]. Vladivostok: Dalnauka.
7. Kuskov, V.P. (1970) Kraeved Prokopy Gromov [Prokopy Gromov as a local historian]. *Kraevedcheskie zapiski. Petropavlovsk-Kamchatskiy*. 2. pp. 124–133.
8. Kryuchkova, T.A. (2010) Vklad dukhovenstva Irkutskoy eparkhii v izuchenie istorii Sibiri [The contribution of the Irkutsk eparchy clergy to the study of Siberian history]. *Sibir' (Irkutsk)*. 4. pp. 178–183.
9. Chernyshova, N.K. (2009) *Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoy kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya (1805–1919 gg.)*. [Veneration of St. Innocent of Irkutsk in Russian spiritual culture: book and manuscript tradition (1805–1919)] Novosibirsk: Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tehnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.
10. Mel'nikova, S.V. (2007) “Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii” protoiereya Prokopya Gromova: k voprosu o memuarakh sibirskogo dukhovenstva [Archpriest Prokopy Gromov's “Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent”: On the memoirs of Siberian Clergy]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 16–21.
11. Gromov, P.V. (2014) *Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom* [Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent, Metropolitan of Moscow]. Compiled by S.V. Mel'nikova. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya gosudarstvennaya universal'naya nauchnaya biblioteka.
12. Gromov, P.V. (1869) Kakimi sud'bami ya byl upravlen v Kamchatku [What fate has brought me to Kamchatka]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 2. pp.v16–22, 3. pp. 29–33.
13. Gromov, P.V. (1869) Put' iz Irkutsk v Kamchatku [The trip from Irkutsk to Kamchatka]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 4. pp. 41–47, 5. pp. 56–63, 6. pp. 75–80, 7. pp. 81–87, 9. pp. 105–114, 12. pp. 145–149, 16. pp. 193–201, 17/18. pp. 216–222, 20. pp. 249–257.
14. Mel'nikova, S.V. (2019) Kamchatka v sud'be irkutskogo protoiereya P.V. Gromova (1801–1880) i ego nauchnom i memuarom nasledii [Kamchatka in the fate of the Irkutsk archpriest P.V. Gromov (1801–1880) and his academic and memoirs heritage]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi*. 87. pp. 11–22.
15. Konstantinova, N.V. (2021) Spetsifika “khudozhestvennogo soznaniya” v zhenskom traveloge pervoy poloviny XIX veka (na materiale zapisok E.A. Avdeevoy) [Specifics of “artistic consciousness” in female travelogue of the first half of the 19th century (based on the

notes of E.A. Avdeeva)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 14 (12). pp. 3644–3648.

16. Pan'kov, N.A. (2007) M.M. Bakhtin i teoriya romana [Bakhtin and the theory of the novel]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 252–315.

17. Tyutelova, L.G. (2012) Teoriya romana M.M. Bakhtina i problema romanizatsii dramy [Bakhtin's theory of the novel and the problem of drama novelisation]. *Vestnik Samarского gosudarstvennogo universiteta*. 2–1 (93). pp. 121–126.

18. Pecherskaya, T.I. (ed.) (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX veka: annotirovannyi ukazatel'* [Russian travelogues of the 18th – early 20th centuries: annotated index]. Novosibirsk: OOO Nomo Press.

19. Stroganov, M.V. (2021) Zaglavie kak problema istoricheskoy poetiki [The title as a problem of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 19 (3). pp. 53–77. doi: 10.15393/j9.art.2021.9942

20. Krzhizhanovskiy, S.D. (1931) *Poetika zaglaviy* [Poetics of titles]. Moscow: Nikitinskiye Subbotniki.

21. Vinogradov, A.A. (1879) Vospominaniya o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom [Memoirs of His Eminence Innocent, metropolitan of Moscow]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 39. pp. 441–457.

22. Sizoy, A. (1880) Godichnoe pominovanie v Blagoveshchenske mitropolita Innokentiya [The first year of metropolitan Innokentiy's commemoration in Blagoveshchensk]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 34. pp. 430–434.

23. Esaulov, I.A. (2007) Khristianskiy realizm kak khudozhestvennyy printsip russkoy klassiki [Christian realism as an artistic principle of Russian classics]. In: *Fenomen russkoy dukhovnosti* [The phenomenon of Russian spirituality]. Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia. pp. 9–20. [Online] Available from: <https://esaulov.net> (Accessed:07.07.2023)

24. Melnikova, S. V. (2022) “V korablike moem gorit svecha...”: obraz reki “Putevyh zapiskah” arhiiepiskopa Nila (N. F. Isakovicha) [“A Candle Is Burning in My Boat...”: The Image of the River in the “The Travel Notes” of Archbishop Nil (N. F. Isakovich)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 20 (1). pp. 110–133. doi: 10.15393/j9.art.2022.10222

25. Mel'nikova, S.V. (2012) Formy avtorskogo samoopredeleniya i samoosenski v tserkovnoy avtobiografii (na primere sochineniy Irkutskogo arhiiepiskopa Veniamina) [Forms of author's self-definition and self-evaluation in church autobiography (on the example of the works of Irkutsk Archbishop Veniamin)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 112–120.

26. Mel'nikova, S.V. (2011) Spiritual prose of Siberia: Diaries of Bishop Gerasim (G.I. Dobroserdov) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta –Tomsk State University Journal* 346. pp. 29–35. (In Russian).

Информация об авторе:

Мельникова С.В. – канд. филол. наук, доцент, гл. научный сотрудник отдела библиографии Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (Иркутск, Россия); докторант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: memuaristika@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Melnikova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky (Irkutsk, Russian Federation); postdoctoral student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.07.2023;
одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 20.07.2023;
approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 004.55
doi: 10.17223/19986645/86/13

Поэма Ф. Мистрала «Мирей» в русских переводах

Анна Борисовна Стрельникова¹, Вера Владимировна Филичева²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, annas24@yandex.ru*

² *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
Intfmd@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются два перевода на русский язык поэмы Ф. Мистрала «Мирей»: книга Н.П. Кончаловской, выпущенная в 1977 г., и неопубликованный перевод Ф. Сологуба, выполненный в 1923–1924 гг. для издательства «Всемирная литература». Анализ архивных материалов позволяет охарактеризовать стратегии перевода, присущие писателям, выявить ориентацию на разные источники и издательские практики, которые повлияли на конечный текст.

Ключевые слова: Ф. Мистраль, Н. Кончаловская, Ф. Сологуб, «Мирей», перевод, перевод-посредник, «Всемирная литература»

Для цитирования: Стрельникова А.Б., Филичева В.В. Поэма Ф. Мистрала «Мирей» в русских переводах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 230–242. doi: 10.17223/19986645/86/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/13

Russian translations of the poem “Mireille” by Frédéric Mistral

Anna B. Strelnikova¹, Vera V. Filicheva²

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, annas24@yandex.ru*

² *Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation, Intfmd@rambler.ru*

Abstract. The article compares two Russian translations of the poem “Mireille” (1859) by Frédéric Mistral. The translation by Natalia Konchalovskaya published in 1977 was preceded by two feature stories based on the translator’s impressions of her trips to France. These stories reveal the reasons to translate the Occitan poem, which was highly appraised worldwide but remained unknown in the USSR. It is noteworthy that the poem was first translated into Russian by Fyodor Sologub in 1924, within the scope of the global project induced by the Vsemirnaya Literatura Publishing House. However, this translation remained unpublished. There are several archive documents analyzed in the course of this study: the typewritten piece by Konchalovskaya edited by Wilhelm Levick and submitted to the Khudozhestvennaya Literatura Publishing House (Russian State Archive of Literature and Art); the handwritten and typewritten

piece by Sologub submitted to *Vsemirnaya Literatura* (Manuscript Department, the Institute of Russian Literature, the Russian Academy of Sciences). Konchalovskaya translated the poem from the interlinear French translation by Mistral and slightly abridged the text. However, it has been revealed that the first translation version was full but later it was abridged so that the length of the published version reduced by approximately 17% in comparison with the initial one. Also, in the course of editing, many inaccuracies connected both with the poetic form (the rhyme, rhythm, caesura location) and meaning were corrected. A comparison of the handwritten and the latest typewritten versions by Sologub shows that, at the first stage of the work, when the Russian poet learnt the peculiarities of the Occitan language and the poem itself, he developed the principles implemented in the course of the work. In his attempt to make an accurate translation (the guideline prescribed by *Vsemirnaya Literatura*), Sologub, as well as Konchalovskaya, tried to retain the form and the rhythm of the text. It is remarkable that he worked with several editions. Firstly, it was the original in Occitan and the interlinear French translation by Mistral. Secondly, he used bilingual editions and French translation in poetry fitted with commentaries. The most striking revisions Sologub made were connected with the transcription of proper names and fragments of the text commented on in earlier editions. These revisions are concentrated in the first songs of the poem, which were retouched more than once. The conducted research allowed identifying different approaches to translation, stipulated by individual creative strategies of the Russian writers, editorial policies, and different target audiences.

Keywords: Frédéric Mistral, Natalia Konchalovskaya, Fyodor Sologub, “Mireille”, translation, intermediate translation, *Vsemirnaya Literatura* Publishing House

For citation: Strelnikova, A.B. & Filicheva, V.V. (2023) Russian translations of the Poem “Mireille” by Frédéric Mistral. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 230–242. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/13

Поэма Фредери Мистрала «Мирей» (окс. «Mirèio»; здесь и далее по тексту, если не оговаривается иное, название поэмы на русском языке приводится в соответствии с опубликованным в 1977 г. переводом) была закончена в 1859 г. и с тех пор переводилась на многие языки мира. Будучи активным членом общества фелибров, боровшихся за сохранение национального языка, Мистраль стал создателем обширного словаря провансальского языка. Филологические труды и «Мирей» (в совокупности с другими поэтическими произведениями) послужили основанием для присуждения Мистралу в 1904 г. Нобелевской премии по литературе с формулировкой «в знак признания свежей оригинальности и подлинной вдохновенности его поэтических произведений, которые правдиво отражают пейзажи и истинный дух своего народа, а также за его выдающийся труд по провансальской филологии»¹.

---

¹ «...in recognition of the fresh originality and true inspiration of his poetic production, which faithfully reflects the natural scenery and native spirit of his people, and, in addition, his significant work as a Provençal philologist» [1].

В жанровом отношении поэма «Мирей» – идиллия, повествующая о трагической любви юной дочери фермера Мирей и бедного молодого корзинщика Винсена. Мирей отказывает трем сватающимся женихам, один из них тяжело ранит Винсена, и его относят в сопровождении Мирей к колдунье Тавен, которая исцеляет его. Отец Винсена просит выдать Мирей за своего сына, но родители Мирей против этого союза, и девушка отправляется на берег моря к церкви Нотр-Дам-де-ля-Мер, чтобы просить помощи и покровительства у двух Святых Марий Морских. По дороге в пустынной долине Мирей обессиливает от палящего солнца и на пороге церкви теряет сознание, ей являются две Марии, и Мирей погибает на руках у своих родителей и Винсена. Специфика этого произведения – в художественном соединении исторического, фольклорного и этнографического материала с христианскими мотивами и античными реминисценциями, что и сделало поэму событием для культуры Прованса, оригинальным памятником литературы и получило высокую оценку современников.

В.Ф. Шишмарев охарактеризовал писательскую стратегию автора так: «...сюжет для Мистралья только повод; его цель – дать синтетическую картину, в глубокой перспективе которой разместились бы целые вереницы фигур, мотивов <...>. Так в Мирейи <sic!> три плана и, в сущности, три героя: влюбленная пара <...> современный Прованс, его природа, люди, и, наконец, прошлое страны. Композиция вышла в силу этого невероятно громоздкой, тяжеловесной, прерывистой, благодаря множеству отступлений, и растянутой в целом и частях <...>. Мистраль не упускает случая, чтобы расцветить свое изложение всевозможными историческими деталями» [2. С. 99]. По мнению Шишмарева, «история и этнография заслоняют основной сюжет», а «программность *Мирейи* – ее слабое место», но «ее искупает необычайная яркость красок, способность передачи цветных пятен <...> простота воспроизведения элементарной психики героев...» [2. С. 99–100].

Поэма состоит из 12 песен и включает в себе более 6000 строк, т.е. 838 строф, не считая вставных песен. Написана она особой строфой – «строфой Мирей» – семистишием с чередующимися восьмисложниками и александринами, с твердым рисунком рифмовки.

На русском языке «Мирей» появилась в переводе Натальи Кончаловской, в издательстве «Художественная литература» в 1977 г. [3]. Перевод был воспринят как литературно-политическое событие. Еще до выхода книги каллиграфически переписанный текст с рисунками Александра Адабашьяна был подарен в музей Арлатен в Арле (Le Museon Arlaten – musée de provence). В мемуарном очерке переводчицы переданы слова советника по делам культуры местного муниципалитета: «Ваше присутствие здесь, мадам, и ваш драгоценный подарок, который Вы сделали нашему городу, – это одна из тех попыток, о которых говорил советский поэт Маяковский и которые помогают созданию того необходимого взаимопонимания между народами, чтобы давние наши мечты о братстве стали явью» [4].

Наталья Кончаловская «чистой» поэзией занималась мало: ее произведения являлись скорее «образовательными проектами», выполненными в литературной (в том числе стихотворной) форме – «Дар бесценный» (с подзаголовком «романтическая быль» – книга, повествующая о жизни и творчестве Василия Сурикова, деда Кончаловской), поэма «Наша древняя столица» (адресованная детям история Москвы с момента ее основания и до XVII в.) и некот. др. При всем том Кончаловская, хорошо знавшая иностранные языки (английский, французский, итальянский), по свидетельствам членов ее семьи, активно переводила, и часто – именно поэзию: например, из У. Шекспира и Дж. Китса (хотя далеко не многое было издано); оперные либретто (всего около 30) [4. С. 6–7]. Увлекаясь творчеством Жоржа Брасенса и Эдит Пиаф, Н. Кончаловская живо интересовалась культурой современной ей Франции (так, ей принадлежит авторство книги о певице «Песня, собранная в кулак», 1965).

Работа над переводом поэмы Мистрала длилась около трех лет. В двух предшествующих изданию книги очерках, опубликованных в журнале «Октябрь» в 1971 и 1973 гг., Кончаловская рассказывала о поездках во Францию [4. С. 347–436]. В них через личные впечатления описаны особенности местности и легенды Прованса, а также изображен момент, когда Кончаловской пришла идея перевести поэму: «Мы смотрим на памятник Мистралу: он изображен еще молодым, в широкополой шляпе, по которой сейчас разгуливают голуби, и я думаю о том, что не многие мои соотечественники знают этого провансальского Гомера. И тут же, на площади, принимаю решение: переведу “Мирей”! Весь этот огромный труд, эту поэму о народе Прованса с его мифами, с его пахарями, виноделами и рыбаками, с его прелестной героиней – девушкой, спаленной солнцем в долине Кро» [4. С. 374]. Определенную роль в реализации этого переводческого проекта сыграло и эссе И. Шкляревского, о котором упоминается в одном из интервью [5].

Таким же образом, через личное, Кончаловская сообщает и о некоторых особенностях работы над переводом: одно из путешествий пришлось на середину мая – «...я смотрю на эти черешни и вспоминаю, как удивлялась я, когда переводила строчки из поэмы Мистрала “Мирей”:

В то утро майское Мирей собирала лист.
Кокетка между делом спешным
Себе на ушки утром вешным
Подвесила по две черешни.

Здесь они цветут в марте, когда у нас еще только начинают подтаивать сугробы» [4. С. 389]. Так Кончаловская подчеркивает, что для переводчика в поэме очень много непривычного уже на бытовом уровне, кроме тех реалий, которые необходимо было бы прокомментировать.

Составлением примечаний, так же как и написанием вступительной статьи к изданию, занимался В.В. Левик, который выступил и редактором перевода, вычитывал текст, производя литературное редактирование, сопо-

ставляя с провансальским оригиналом, что помогло избежать многих неточностей как в форме (рифмах, размере, расположении цезуры), так и в содержании. Приведем несколько примеров:

Я дочь Прованса воспеваю.
Там юная любовь живая
Близ моря, на полях долины Кро цвела.
Я, скромный ученик Гомера,
Ее прославлю для примера.
Земную, скромную в манерах.
За грани Кро о ней молва не шла [6. Л. 1].

У пятой строки редактором было подписано: «скромный-скромную – бедно!», у последней – «еще один слог. “И за пределы Кро...”». В итоге 4–7-я строки в напечатанном виде выглядят так: «Я, скромный ученик Гомера, / Хочу прославить для примера / Ее достойные манеры, – / Ведь за пределы Кро молва о ней не шла» [3. С. 31]. Отметим, что в начальном варианте перевода – еще в очерке «Трубадуры и святые Марии» строфа выглядела иначе, размер Кончаловской еще не соблюдался:

Я девушку Прованса воспеваю,
Там юная любовь ее, живая,
Близ моря, на полях долины Кро, цвела.
Как скромный ученик Гомера, я
Последую за ней, ее хвала,
Ту девушку, простую, как земля,
За грани Кро молва о ней не шла [4. С. 373].

Запись на полях к строке «Но кто-ж по-провансальски вам споеет?» гласит – «цезура! Еще один слог!», и предложен вариант: «По-провансальски кто теперь из нас поет?...» [6. Л. 16] (который был принят в окончательной редакции [3. С. 44]). Комментарий к тексту «А люди за столом в заботе / Все говорили о работе / (Как раньше, при отцах, в былые времена!)» предупреждает о нарушении другого рода – эмоциональной окраски: «в ориг. более грустно: “Как в mas, во времена моего отца, увы, увы!”» [6. Л. 9]. Левик дает отсылку к оригиналу, обратим внимание, что слово «mas» передано редактором в латинском написании.

Текст перевода поэмы Кончаловской был полным, но на этапе вычитки Кончаловская сократила его. В машинописи многие строфы, в том числе те, к которым у редактора не было вопросов и предложений замен, оказались перечеркнуты и не вошли в окончательный вариант, по всей видимости, из-за «громоздкости» и «тяжеловесности», замедления рассказа, что в послесловии «От переводчика» поясняется так: «...перевела с французского подстрочника, сделанного самим автором. Воспроизводя стихотворную форму провансальского текста, я черпала смысл его в подстрочнике, а ритм и музыку в стихах – в оригинале, позволив себе немного сократить поэму, именно в тех местах, где Мистраль, отступив от основной темы, начинает

рассуждать несколько риторично, вводит множество подробностей, имевших значение лишь для его современников» [3. С. 345]. Такой подход был поддержан и редактором: «...поскольку данное издание отнюдь не претендует на академическую полноту, переводчица поступила правильно, пойдя на такие сокращения» [3. С. 23]. В общей сложности текст Мистрала был усечен на 115 строф, при этом только в очень редких случаях это происходило путем объединения строф, а по большей части они изымались целиком.

За полвека до работы Кончаловской, а именно в 1923–1924 гг., полный перевод поэмы на русский язык в рамках сотрудничества со «Всемирной литературой» выполнил Федор Сологуб. В личном фонде писателя сохранился полный текст – рукопись и авторизованная машинопись [7]¹.

Кончаловская, как и Левик, не знали о существовании перевода Сологуба. Об этом свидетельствует тот факт, что информация о нем появилась в статье Левика на последних этапах подготовки книги и отсылает к «Стихотворениям» Сологуба в серии «Библиотека поэта», вышедшим в свет в 1975 г.: «Известно, что в послереволюционное десятилетие поэму Мистрала переводил Ф. Сологуб» [3. С. 23].

Обратимся к рукописи и машинописи перевода Сологуба, чтобы охарактеризовать его принципы работы.

В кратком предисловии Сологуб утверждает, что перевод сделан с провансальского языка по изданию поэмы 1900 г. Однако известно, что Сологуб мог пользоваться французским переводом в прозе, выполненным самим Мистралем, или же подстрочником, который должен был сделать В.Ф. Шишмарев, о чем говорится в одном из писем Сологуба. В 1918–1923 гг. Шишмарев жил и работал в Костроме, где в эти же годы проводил летние месяцы и Сологуб. Там, видимо, и было принято решение перевести Мистрала, редактором же должен был выступить Шишмарев, о чем Сологуб сообщал А.Н. Тихонову, заведующему издательством «Всемирная литература» в 1919 г. [9. С. 221].

В письме к Григорию Лозинскому в 1920 г. Сологуб, разыскивая необходимые для работы книги, писал: «В прошлом году я сговорился с проф<ессором> В.Ф. Шишмаревым относительно переводов из Мистрала; он должен написать вступительные статьи, примечания и сделать подстрочный перевод с провансальского, я же переложу этот перевод в стихи» [9. С. 225]. Нужные издания были отправлены Сологубу Михаилом Лозинским в августе 1923 г., когда уже были готовы варианты перевода первых пяти песен. Среди них были словарь и грамматика провансальского языка [9. С. 231].

Перевод был закончен Сологубом, однако к его редактированию так и не приступили, так как в декабре 1924 г. началась реорганизация «Всемирной литературы» и передача её дел в «Государственное издательство».

Перевод выполнялся в соответствии с требованиями «Всемирной литературы». Это определило и характер получившегося текста. Ориентируясь

---

¹ В архиве ИМЛИ также хранится машинопись перевода: [8].

на требование точности, Сологуб сохранил объем поэмы и, по возможности, ее стихотворную форму. Обращают на себя внимание записи на оборотах листов, относящиеся к рифмам: «Р. фр. м. / On: ona – on 26 / oi 28 / our: lour 28; our 40 / a: la 2, 42 / a: ga – ca 4, 26, 30 <...>»; «Р. р. м. / oc: roc – лоз 6–7 / og 7 / ад: гляд – град 8; алад – я рад 9» [7. Л. 35 об., 55 об.]. Эти «Р<ифмы> р<усские> м<ужские>» встречаются не в строках или строфах, в которых использованы, как можно было бы предположить, а на страницах сохранившегося в небольшом количестве первого варианта перевода в одной из тетрадей. «Р<ифмы> фр<анцузские> м<ужские>» (есть также выписки французских и русских женских рифм) на самом деле не французские, а провансальские, и цифры напротив них – это номера страниц в широко распространенном двуязычном провансальско-французском издании [10]. Однако русские рифмы не являются эквивалентами французских, и выбранные аналоги не находятся на том же месте, что и в оригинале.

Охарактеризовать процесс работы Сологуба позволяют наблюдения за авторедактированием писателем текста. Во-первых, это изменения в пользу передачи местного колорита в именах собственных и отдельных специфических наименованиях: Мирейо он заменил на Мирею, Крау – на Кро; Баус – Бо/Бос; Прованс – Прувенса; Крауянка – крайенка – кроенка; мызу, хутор – мас (mas); мастера – мёсте (mèste). Разная транскрипция в части случаев вела к изменению количества слогов в словах, что заставило Сологуба вернуться к уже готовому материалу и править текст, особенно эта работа заметна в первых песнях, где Сологуб только примерялся к поэме Мистрала.

Гипотеза, что названия могли поменяться из-за позднейшего знакомства со статьей Шишмарева о Мистрале, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1915 г., не подтвердилась, так как в тексте работы Шишмарев называет поэму «Мирейо», говорит о местности «Баус» и «Прованс», а такие слова, как mas, mèste («почтительное наименование, которое дается пожилым работникам и ремесленникам, также как и адвокатам и всем, имеющим ученую степень» [7. Л. 14 об.]), не переведены и переданы латиницей [2. С. 99].

Замене подверглись не только имена собственные. Из-за неудачно выбранного слова «корзиночник» Сологубу пришлось провести дополнительную работу, чтобы изменить в готовых песнях «корзиночника» на верную форму – «корзинщик» и местами синонимичную – «плетельщик лоз».

При подготовке перевода Сологуб не забыл и о примечаниях. Комментарии по большей части были почерпнуты из изданий, с которыми работал писатель. В предисловии он сам указывает на свои источники [7. Л. 7 об.]: издание поэмы Мистрала, подготовленное и прокомментированное Эдуардом Кошвицем [11], а также Шарпантье и Руманиля [12], которые обозначались в круглых скобках в конце каждого примечания.

Сологубу казалось, что для русского читателя не хватит того, что было дано в изданиях на французском языке, поэтому появились многие очень краткие пояснения самого писателя. К примеру:

«И вот самшитовые ложки». Примеч.: «Самшит или букс, дерево (С<ологуб>)» [7. Л. 359-а].

«Чтобы ловить там кантариду». Примеч.: «Кантарида – шпанская муха (С<ологуб>)» [7. Л. 43, 42 об.].

«Сбираем мы кермес багряный». Примеч.: «Кермес – кошениль, насекомое; из него добывается красящее вещество (С<ологуб>)» [7. Л. 44, 43 об.].

В тексте перевода встречаются окказионализмы, употребление которых зачастую вызвано нехваткой имен для реалий и передачи особой художественности языка поэмы. К примеру, «Осолнечить себя сияньем...» [7. Л. 89] или «Висит на каждом ухе ветка, на каждой вишня-алоцветка» [7. Л. 63] (которая переведена Кончаловской как «черешня»). Часть из таких случаев была объяснена:

«Пусть бог меня вовек не вraith». Примеч.: «В подлиннике *empardiso*, от слова *парадиз*, рай (С<ологуб>)» [7. Л. 86, 85 об.].

«Ведь лабиринт меж мной и вами...». Примеч.: «Слово *laberinto* употребляется в провансальском народном говоре. Быть в лабиринте – говорят в Провансе, желая сказать: быть в смущении, в беспорядке, в расстройстве (К<ошвиц>)» [7. Л. 86, 85 об.].

«Я думаю, что и с удачей / Питался б только поглядячей». Примеч.: «*Regardello* – воображаемое кушанье. Есть *регарделлу* – есть глазами, жевать впустую (К<ошвиц>). Русские подходящие выражения: “пить чай с сахаром впригядку”, “питаться воздухом и надеждой” или вопрос и ответ: “Что на третье? – Кресты”, т. е. перекрестись да и выходи из-за стола, больше ничего не дадут (С<ологуб>)» [7. Л. 70, 69 об.].

Последний пример иллюстрирует также приверженность Сологуба требованиям «Всемирной литературы» – при подготовке вступительных статей и примечаний отмечать параллели с русской литературой и искать аналогии в русском быте и культуре.

Однако самые интересные случаи – это изменения в самом тексте перевода, которые были вызваны, по всей видимости, тем, что, выверяя текст по разным изданиям, Сологуб находил собственные неточности и пропущенные примечания и исправлял уже готовое: «Задавши корм червям, прошла по каплям рос» была заменена строкой «Маньянам давши корм, прошла по каплям рос» (примеч.: «*Magnan*, шелковичный червь (К<ошвиц>)» [7. Л. 15 об., 16]; «Под легким ветерком два полевых цветка» – «Две астры, цвет к цветку под лаской ветерка» (примеч.: «*Cabridello*, *aster tripolium*, Lin., растение, часто встречающееся в болотистых местах Франции (Ш<арпантье>, Р<уманиль>)» [7. Л. 42, 41 об.]; «Как будто выпил я горячего вина» – «Как будто выпил я вареного вина» (примеч.: «Вареное вино (*vincue*) – свежий виноградный сок, который по выходе из топтального чана кипятится в котле и затем разливается в бутылки. Через год он приобретает цвет и вкус лучших испанских вин. Провансальцы пьют его по праздникам, преимущественно в Рождество (К<ошвиц>)» [7. Л. 68, 67 об.].

Все говорит о том, что Сологуб опирался прежде всего на провансальский оригинал. Во всех случаях, когда Сологубом в комментариях приводится написание, это провансальская транскрипция, точнее транскрипция Мистрала – так же, как и в случае с выписанными из текста окончаниями, т.е. «французскими» рифмами.

Ориентация на разные источники Кончаловской и Сологуба проявилась и в названии первой песни. У Сологуба это «Мас Фалабрега», как в оригинале Мистрала, у Кончаловской же это «Ферма Микокули» – то же, что во французском подстрочнике Мистрала, т.е. в тексте-посреднике.

Целью Сологуба было обратиться к оригиналу напрямую и дать наиболее близкий к нему текст (вероятно, переводимый по подстрочнику, но ориентированный на оригинал), снабженный при этом множеством комментариев, не только делающих понятным текст для русского читателя, как и требовалось во «Всемирной литературе», но и приближающих к идее самого Мистрала, чтобы и на русском «Мирей» стала не просто поэмой, а целой энциклопедией, картиной, отражающей своеобразие провансальской культуры.

Однако эти комментарии вряд ли можно считать «реверансом» в сторону читателя; перевод Сологуба подходил скорее для академического издания поэмы, что, вероятно, не вполне соответствовало просветительским целям пореволюционных издательств (этим можно объяснить тот факт, что после закрытия «Всемирной литературы» перевод так и не нашел своего издателя; несмотря на усилия Сологуба, ни в «Государственном издательстве», ни в «Государственном издательстве Украины», куда перевод был также предложен, ни в «Academia» [13. С. 58], где он был даже включен в план издательства, текст опубликован не был; позже, по понятным причинам, шансы на публикацию последовательно снижались, поскольку «кулацкая направленность поэмы» была «вне всяких сомнений»¹).

Федор Сологуб, всегда принципиально деликатный в работе с чужим текстом, использовал прием соположения вариантов поэтических переводов, дабы компенсировать «упущения» каждой отдельной версии. При переводе основного текста поэмы Мистрала приоритетом для Сологуба являлся оригинал, к которому он подходил, как обычно, с особым, пристальным вниманием к звуковому воплощению поэтического текста (здесь Сологуб был успешен и признан современниками, примерами могут служить его переводы из П. Верлена, О. Уайльда). Судя по просмотренным нами вариантам, «консультирование» со стороны Шишмарева эпизодически загоняло перевод в буквализм, когда наиболее удачный с поэтической точки зрения вариант приносился в жертву языковой точности воспроизведения оригинала.

Кроме того, «Мирей» Сологуба можно рассматривать как еще одну попытку мифологизации действительности в период личных, общенациональных и мировых потрясений. Для Сологуба мысль о любви, превосходящей

---

¹ По словам автора статьи о Мистрале в советской «Литературной энциклопедии» [14. Стб. 344].

все остальные онтологические категории, о любви, превосходящей и жизнь и смерть, – смысл не то что актуальный, принципиальный для продолжения жизни в ситуации кризиса, трагической гибели близкого человека (Ан.Н. Чеботаревской) и родной страны.

Сологуб, пытавшийся после 1921 г. математически вывести формулу бессмертия, эмоционально «отзывался» на концепцию Мистралья, в поэтической форме отразившуюся в другой его поэме – «Календаль»:

«La Mort, despietouso, tabasso
Que sus lis amo negro e basso;
Mas li simple de cor e li grand de vertu, –
Respoundeguè moun Esterello,
La Mort pèr éli, sauvarello,
Es uno man que desfourrello
L'esperit trelusènt de soun fourrèu estu...

т.е. неумолимая Смерть наносит свой удар только душам черным и низким; простым и чистым сердцам Смерть протягивает руку спасения, руку, которая освобождает от его душевой оболочки светлый дух» [2. С. 103].

Так эстетически представленная христианская составляющая текстов Мистралья оказалась в определенной мере созвучна и мотивам оригинального творчества Сологуба.

О том, что Наталья Кончаловская придерживалась отличной от сологубовской стратегии – стратегии ориентации на читателя, красноречиво свидетельствуют фрагменты из включенной в издание статьи «От переводчика», сокращение текста, а также косвенно – представления писателя-переводчика о специфике художественного творчества: даже преследуя просветительские цели, поэтический текст должен в первую очередь оказывать эстетическое воздействие на читателя. Так, в переписке с академиком М.Н. Тихомировым по поводу книги «Наша древняя столица» Кончаловская признавалась: «...ведь поэзия у меня не менее важное дело, что и история. А иногда, должна Вам признаться, одно идет за счет другого» [15. С. 360]. Выбор произведения для перевода, несколько парадоксальный на первый взгляд (Мистраль – писатель, уже «архаичный» во Франции второй половины XX в. и малоизвестный в России), объясняется живым интересом писательницы к истории, унаследованным, по ее собственным словам, от деда, рассказывавшего «всякие сказки из истории Руси». В поэме «Мирей» существенное внимание уделено описанию народного быта, верований, легенд, песен и сказок, что явно импонировало Кончаловской. Думается, обращение к Мистрально – это еще и попытка обозначить свой писательский статус: нахождение в «тени славы» мужа, Сергея Михалкова, требовало творческого самоопределения. В подтверждение тому – фрагмент из той же переписки с Тихомировым, анализировавшим стихи Кончаловской «на фоне стихов» С. Маршак и С. Михалкова: «...с такими корифеями детской литературы никак не иду в сравнение. Но должна Вам сказать, что ни тот ни

другой и никто из детских поэтов, пожалуй, не возьмется за такую труднейшую, серьезнейшую тему, как история родной земли. <...> Трудно написать такое количество абсолютно хороших строк, гораздо проще написать книгу коротких детских стихов, которые легче придумываются, легче пишутся и начисто отделяются» [15. С. 360].

В аспекте значимости оригинального текста для формирования пространства национальной культуры принципиальным для Кончаловской становится образ Мирей. По сути, это образ канонизированной девы-мученицы. В ситуации отсутствия в стране религии как таковой (приверженность которой, по свидетельствам членов семьи, Кончаловская сохраняла, живя «внутренней жизнью православного человека» [5]), в связи с ее социальным статусом жены «главного» советского детского писателя, принципиально значимыми смыслами, вероятно, становятся жертвенность, преданность и вера главной героини.

Таким образом, переводы «Мирей» Мистралья, выполненные в первой и второй половине XX в., воплощают разные творческие установки авторов-переводчиков, что обуславливает и значимость, и знаковость каждого из этих текстов в русской литературе XX столетия. Будучи версиями, воплощающими варианты прочтения оригинала писателями-переводчиками, художественные переводы одного и того же произведения, рассматриваемые в совокупности, создают представление о неповторимой художественной специфике поэмы, ставшей памятником мировой культуры. Перевод Сологуба, всегда почтительного, в силу собственных эстетических установок, к сложно организованному структурно-смысловому единству переводимого текста, характеризует ориентация на оригинал, что не вполне соответствовало «духу» времени и обусловило сложную эдичионную судьбу произведения. Культурно-образовательную роль перевода Н. Кончаловской сложно переоценить ввиду того, что до настоящего времени этот текст являлся единственной возможностью для широкого русскоязычного читателя познакомиться с одним из наиболее значительных произведений Ф. Мистралья.

Список источников

1. *The Nobel Prize in Literature 1904* // The Nobel Prize. Nobel Prize Outreach AB 2022. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1904/summary/> (дата обращения: 24.11.2022).
2. *Шшимарев В.* Фредерик Мистраль // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 9. С. 87–103.
3. *Мистраль Ф.* Мирей / пер. с провансальского Н. Кончаловской ; ред., предисл. и примеч. В. Левика. М. : Худож. лит., 1977. 364 с.
4. *Кончаловская Н.П.* Волшебство и трудолюбие / сост. Е.М. Лопухина ; авт. предисл. А.С. Кончаловский. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 2004. С. 347–436.
5. «*Портрет в розовом платье*». Наталья Кончаловская: [Документальный фильм]. Реж. А. Шувиков. Студия спецпроектов и специальных программ ГТРК «Культура», 2003. URL: <https://smotrim.ru/brand/28064?ysclid=lauzua3eoj849760445> (дата обращения: 24.11.2022).

6. *Мистраль Фредерик*. «Мирей»: поэма / пер. с провансальского Н.П. Кончаловской (1976) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5187.
7. *Сологуб Ф.* «Мирея»: Поэма: Перевод из Фредери Мистрала. Рукопись, машинопись (полный текст) (1923–1924) // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 47.
8. *Сологуб Ф.* «Мирея»: Поэма: Перевод из Фредери Мистрала (машинопись) (1924) // ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 54–60.
9. *Переписка Ф. Сологуба* с издательством «Всемирная литература» (1918–1924) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. В.В. Филичевой // Русская литература. 2018. № 2. С. 211–237.
10. *Mistral F.* Mireille, poème provençal / Traduit en vers français par le premier Président Rigaud. 4ème éd. revue et corrigée. Paris : Librairie Hachette et Cie, 1884. 511 p.
11. *Mistral F.* Mirèio, poème provençal / Édition publiée pour les cours universitaires par Eduard Koschwitz. Avec un glossaire par Oscar Hennicke. Marburg : N.G. Elwert, libraire-éditeur; Paris : H. Le Soudier, libraire-éditeur; Marseille : P. Ruat, libraire de l'Université, 1900. 436 p.
12. *Mistral F.* Mirèio, pouèmo prouvençau, emé la traducioun litorale en regard. Paris : Bibliotéco-Charpentier, G. Charpentier et E. Fasquelle editours ; Avignon : Enco de Roumaniho, libraire, 1892. 511 p.
13. «Academia», издательство: Каталог изданий 1929–1933 с приложением плана изданий на трехлетие 1933–1935. М. ; Л. : Academia, 1932. 76 с.
14. *Дробинский А.* Мистраль Фредери // Литературная энциклопедия. М. : ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 7. Стб. 343–345.
15. *Шмидт С.О.* Переписка Н.П. Кончаловской и М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. Т. 1. № 1. С. 359–363.

References

1. The Nobel Prize. (n.d.) *The Nobel Prize in Literature 1904*. [Online] Available from: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1904/summary/> (Accessed: 24.11.2022).
2. Shishmarev, V. (1915) Frederik Mistral' [Frédéric Mistral]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 9. pp. 87–103.
3. Mistral, F. (1977) *Mirey* [Mirèio]. Translated from Occitan by N. Konchalovskaya. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Konchalovskaya, N.P. (2004) *Volshebstvo i trudolyubie* [Magic and Hard Work]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 347–436.
5. Smotrim. (2003) “*Portret v rozovom plat'e*”. *Natal'ya Konchalovskaya* [“Portrait in a pink dress.” Natalya Konchalovskaya]. [Online Video] Available from: <https://smotrim.ru/brand/28064?ysclid=lauzua3eoj849760445> (Accessed: 24.11.2022).
6. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 613. List 10. Item 5187. *Mistral' Frederik*. “*Mirey*”. *Poema. Perevod s provansal'skogo N.P. Konchalovskoy (1976)* [Mistral Frederic. Mireille. Poem. Translation from Provençal by N.P. Konchalovskaya (1976)].
7. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). Fund 289. List 1. Item 47. Sologub, F. (1923–1924) “*Mireya*”. *Poema. Perevod iz Frederi Mistralya* [Mireille. Poem. Translation from Frederic Mistral]. Manuscript, typescript (full text).
8. Manuscript Department of the Institute of World Literature (OR IMLI). Fund 210. List 1. Item 54–60. Sologub, F. (1924) “*Mireya*”. *Poema. Perevod iz Frederi Mistralya* [Mireille. Poem. Translation from Frederic Mistral]. (typescript).
9. Russkaya literatura. (2018) *Переписка Ф. Сологуба с издат'льством “Всемирная литература” (1918–1924)* [Correspondence of Fyodor Sologub with the World Literature publishing house (1918–1924)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 211–237.
10. Mistral, F. (1884) *Mireille, poème provençal*. 4th ed. Paris: Librairie Hachette et Cie.

11. Mistral, F. (1900) *Mirèio, poème provençal*. Édition publiée pour les cours universitaires par Eduard Koschwitz. Avec un glossaire par Oscar Hennicke. Marburg: N.G. Elwert, libraire-éditeur; Paris: H. Le Soudier, libraire-éditeur; Marseille: P. Ruat, libraire de l'Université.

12. Mistral, F. (1892) *Mirèio, pouèmo prouvençau, emé la traducioun litorale en regard*. Paris: Bibliotéco-Charpentier, G. Charpentier et E. Fasquelle editours; Avignon: Enco de Roumaniho, libraire.

13. Academia. (1932) *Katalog izdaniy 1929–1933 s prilozheniem plana izdaniy na trekhletie 1933–1935* [Catalog of Publications 1929–1933 with an Appendix of a Plan of Publications for the Triennium 1933–1935]. Moscow; Leningrad: Academia.

14. Drobinskiy, A. (1934) *Mistral' Frederi* [Mistral Frederic]. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: OGIZ RSFSR. Columns 343–345.

15. Shmidt, S.O. (1997) *Perepiska N.P. Konchalovskoy i M.N. Tikhomirova* [Correspondence of N.P. Konchalovskaya and M.N. Tikhomirov]. In: Shmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1997 god* [Archaeographic Yearbook for 1997]. Moscow: Nauka. pp. 359–363.

Информация об авторах:

Стрельникова А.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annas24@yandex.ru

Филичева В.В. – канд. филол. наук, научный сотрудник Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: lntfmd@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.B. Strelnikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

V.V. Filicheva, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: lntfmd@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.11.2022;
одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 26.11.2022;
approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/19986645/86/14

«Как можно написать эти глаза?»: экфрасис в повести Г.Д. Гребенщикова «Купава. Роман одного художника» (1936)

Елена Владимировна Яркова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, beork.berkana@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается поэтика экфрасиса в оригинале и автопереводе повести Г.Д. Гребенщикова «Купава. Роман одного художника». Автоперевод данного произведения впервые вводится в научный оборот, что обеспечивает перспективность исследования. Поэтика экфрасисов в повести имеет свою специфику и связана в первую очередь с реализацией женского образа, привлечением аллюзий и дополнительным раскрытием образа главного героя-художника.

Ключевые слова: экфрасис, автопереводы, Г.Д. Гребенщиков, «Купава. Роман одного художника»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00040 «Литературный билингвизм как творческая стратегия русских писателей-эмигрантов: на материале наследия Г.Д. Гребенщикова (1883–1964)», <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>.

Для цитирования: Яркова Е.В. «Как можно написать эти глаза?»: экфрасис в повести Г.Д. Гребенщикова «Купава. Роман одного художника» (1936) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 243–257. doi: 10.17223/19986645/86/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/14

“How could one paint those eyes?”: Ekphrasis in *Kupava*. *Roman odnogo khudozhnika* (1936) by George Grebenstchikoff

Elena V. Yarkova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
beork.berkana@gmail.com*

Abstract. The article examines the poetics of ekphrasis in the original George Grebenstchikoff's story *Kupava. Roman odnogo khudozhnika* and its self-translation *Kupava. A Novel About an Artist*. This work was published in 1936 by the Alatas Publishing House and is dedicated to the realities of emigre life relevant for

Grebenstchikoff, which is an atypical phenomenon for the writer's works. A self-translation into English was created later, presumably in the late 1930s and early 1940s, and was not published. In this article, it is being introduced into scholarly discourse for the first time. There are two versions of the self-translation contained in cases no. 67513-67515, no. 67526, no. 67512, up to 75 pages. The study aims to identify ways of create ekphrases, describe their functioning in the text, and determine their influence on the poetics of the work. The research material consists of seven verbal descriptions of portraits written by the protagonist of the story. When creating the ekphrases, Grebenstchikoff relied on recognizable, archetypal images, which is in consonance with his strategy of focusing on already acknowledged, classical examples in art. The ekphrases also perform a psychological function, becoming representatives of the characters' inner world. The literary analysis of the poetics of ekphrasis resulted in the following. When creating the ekphrases, the author uses antitheses (*In them was life and death, desperation and happiness, love and hatred, God and the devil*), religious images (*She was depicted as a nun in a white veil, walking with a candle in the dark*), references to Nicholas Roerich's paintings (*Her tresses – froth, snow and the light of the stellar rays*) and Renaissance artists (*like an innocent child, just born from a seashell*). When writing the English version of the story, Grebenstchikoff implemented the same strategies as in the original work. The analysis shows the high accuracy of the translation: all the ekphrases were verbalized in the same way as in the original version, the key climactic fragments were rendered in a precise way. However, the author expands the self-translation with a prologue. This compositional element serves as an additional frame that fits the story into the circle of interests and values of the American reader. In the final part of the article, the author makes a number of conclusions. The poetics of the ekphrases has its own specifics and is connected, first of all, with the realization of the female image and the translation of the rendering of the protagonist's inner world. The audial code of the story complements the ekphrases, expressing the idea of a synthesis of the musical and the expressive. Being synonymous texts, the original and auto-translation of the story reveals a number of stylistic, semantic and contextual differences.

Keywords: ekphrasis, self-translation, George Grebenstchikoff, *Kupava. Roman odnogo khudozhnika*

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-00040, <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

For citation: Yarkova, E.V. (2023) "How one could paint those eyes?": Ekphrasis in *Kupava. Roman odnogo khudozhnika* (1936) by George Grebenstchikoff. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 243–257. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/14

Г.Д. Гребенщиков – поэт и писатель-эмигрант, с 1924 г. проживавший в США. Его литературное наследие во многих аспектах тематико-образной организации обращено к Алтаю, Сибири и судьбам жителей региона. Сам Гребенщиков писал: «... всю свою жизнь старался словом и делом показать Сибирь как страну великого будущего с неограниченными красотами и богатствами» [1. С. 130]. Эмиграция не стала препятствием для развития данной идеи, и ряд ключевых произведений на сибирскую тему был создан уже после эмиграции, в частности, роман «Былина о Микеле Буяновиче» (1924 г., англоязычное издание 1940 г.), сборник «Моя Сибирь» (1920–1930-е гг.), повесть

«Егоркина жизнь» (1964 г.) и многие другие. В те же годы Гребенщиков работал над созданием англоязычных автопереводов собственных произведений, как написанных в годы эмиграции, так и более ранних (характерным примером является автоперевод повести «Ханство Батырбека» (1913 г.)). Англоязычные сочинения и автопереводы Г.Д. Гребенщикова стали предметом более детального рассмотрения в диссертационном исследовании [2], однако данный материал до сих пор имеет высокую исследовательскую перспективу. Результаты анализа корпуса таких текстов позволят установить специфику художественной организации произведений автора. Научная рефлексия творческих стратегий Гребенщикова требует привлечения ряда неопубликованных материалов как на русском, так и на английском языках, что обеспечивает научную новизну настоящего исследования.

Несмотря на доминирование сибирской тематики, ряд произведений Гребенщикова посвящен и другим темам. Автор осмыслил собственные монархические взгляды (поэма «Златоглав» 1938 г.), обращался к форме традиционной поэтической сказки (сказка на английском языке «The Charming Mead», 1930–1940-е гг.), в лирическом творчестве Гребенщикова преобладает тема христианства (в частности, можно выделить англоязычный сборник «The Trumpet Call» 1947 г.). Помимо этого, писатель обращался к темам актуальной ему жизни за рубежом. В ряду таких произведений можно выделить очерк «Толкай телегу к звездам», а также повесть «Купава. Роман одного художника», которая станет предметом рассмотрения в настоящей статье.

Повесть была опубликована в издательстве «Алатас» в 1936 г. на русском языке [3]. Не сохранилось достоверных сведений об изданиях повести на английском языке, однако в архиве ГМИЛИКА (Барнаул) были найдены машинописные рукописи (№ 67513-67515, 67526, 67512) объемом включительно до 74 листов. Рукописи № 67513-67515 содержат полный автоперевод повести и являются копиями друг друга, рукопись № 67526 содержит лишь первые три главы автоперевода, рукопись № 67512 является рукописной копией предыдущего документа. Автоперевод повести отличается высокой точностью; единственный фрагмент, отличающийся от русскоязычной версии, – пролог, существующий только на английском языке.

Действие произведения происходит в современной Гребенщикову Америке. Главный герой художник Николай Пегин пишет портрет слепой девушки Бетти. Прототипом Пегина представляется возможным считать друга Г.Д. Гребенщикова, художника и полярника Н.В. Пинегина (1883–1940), с которым писатель познакомился в Крыму в 1918 г. [4]. Со временем они стали друзьями, известен портрет Гребенщикова авторства Пинегина [4. С. 10]. В дальнейшем их пути разошлись – Н.В. Пинегин в 1923 г. вернулся в СССР, а Г.Д. Гребенщиков остался в эмиграции.

В процессе работы над портретом Бетти Пегин сближается с девушкой и рассказывает ей о том, как написал портрет русалки под названием «Купава». В этой картине художник объединил образы женщин, которых он любил в прошлом: «...в изумрудной пене распущенных кос появилось девичье

лицо, возлюбленное в моей юности и оставленное навсегда в родных горах Сибири. А глаза нарисовал той, которую любил недавно и которую перед уходом на войну оставил в глухой провинции Печерского края» [5].

Важно отметить, что образ русалки или «водной девы» [6] является продуктивным как в фольклоре, так и в литературной традиции и изобразительном искусстве. В эпоху романтизма образ «водной девы» становится особо популярным, что связано с возросшим интересом к народному творчеству и мифологии и складывается как из фольклорного материала, так и из средневековых представлений о существовании духов различных стихий. В русской литературе данный образ использовался А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем, Н.С. Лесковым и другими писателями, в живописи русалок изображали И.Н. Крамской, И.Е. Репин, К.Е. Маковский. Г.Д. Гребенщиков, ориентировавшийся в своем творчестве на классические образцы, в том числе литературы романтизма [7], не мог не быть знаком с указанными произведениями, что позволяет предположить бытование «Купавы» в особом «русалочьем» мифопоэтическом континууме. Симптоматичным является само заглавие повести – «купава» означает водяную лилию, кувшинку, – таким образом, автор выбирает уникальный вариант интерпретации образа, связывая портрет и героиню с пространством родной, покинутой героем природы.

Пегин влюблен в учительницу музыки Бетти – Юлию (Джульетту), портрет которой ему также заказывает брат Бетти Чарли. В итоге Пегин создает четыре портрета Юлии, которые реализованы посредством экфрасисов, включенных в текст повести. В дальнейшем финансовые трудности вынуждают художника продать три портрета Юлии. Героиня узнает об этом и испытывает отчаяние, осознавая, как много ее души было вложено в эти портреты («Именно теперь она почувствовала, что в ней самой ничего от нее не осталось. Она вся выпита до последней капли ее чувств и крови художником...» [5]), и это чувство заставляет ее уничтожить два своих портрета. В этот кульминационный момент Пегин понимает, что Юлия тем самым восстановила свою духовную целостность («В ней вспыхнул и взорвался гнев протеста против умерщвления духа, против похищения священного огня из храма ее сердца» [5]).

Произведение изучалось в ряде работ, однако наблюдения ученых преимущественно фрагментарны [8], в то же время они представляют основание для дальнейшего исследования повести в различных аспектах. С.С. Царегородцева [9. С. 105] указывает, что «Купава» может находиться в центре исследования образов искусства в творческом наследии Гребенщикова наряду с главами «Чураевых», которые посвящены музыке и театру. В.Н. Леонов связывает повесть с концептом кризиса культуры, который отражается в разрушении иерархической системы ценностей и тотальном стремлении к материальному обогащению: «...русский эмигрант-художник Пегин, поселившийся в Нью-Йорке, “не мог понять, как так могло случиться, чтобы задачей целого народа стала одна нелепейшая мысль: непрестанно богатеть...”, и что “школы учат молодежь зарабатывать деньги, но не

учат радоваться творчеству»» [10. С. 15]. А. Сенкевич позиционирует Г.Д. Гребенщикова как писателя-мистика, «последователя Е.П. Блаватской», в связи с чем рассматривает «Купаву» с позиции мистицизма и приходит к выводу, что Гребенщиков «в романе «Купава» и книге «Первая любовь» решительно отошел от земного – к надземному, от вековечной неподвижности – к зыбкой мистичности» [11].

Образ живописного портрета в литературе – многоплановое, сложное явление, не теряющее актуальности в связи с необходимостью дополнительного анализа, в частности на материале вновь вводимых в научный оборот текстов. Для анализа данного типа образности используется понятие экфрасиса, который понимается как «вербальный текст о невербальном феномене искусства» [12. С. 194]. Глубокое теоретическое осмысление экфрасиса с позиции семиотики представлено в статье Ю.В. Шатина [13]. Автор полагает, что «семиотика позволяет более глубоко и предметно понять взаимоотношение живописи и литературы, поскольку основывается на соотношении иконического и символического типов знака», воспринимая таким образом экфрасис как «последующее звено между неподвижным изображением фигуры и диегезисом». Автор анализирует образ портрета в литературе, опираясь на категории «означающего» и «означаемого», последовательно доказывая, что экфрасис позволяет менять позицию данных категорий в тексте, усложняя тем самым «отношения времени и пространства». Ценным для настоящего исследования представляется наблюдение о превращении портрета в символ и последующее формирование символом «будущего сюжета» за счет использования персонажами перформативных практик.

Обширная классификация экфрасиса представлена в работе Е.В. Яценко [14]. Автором выделяются экфрасисы прямые и косвенные [14. С. 48], где прямые – непосредственное описание предмета искусства, а косвенные – описание с имплицитным привлечением художественных аллюзий. Особенный интерес в классификации автора представляют категории миметического и немиметического экфрасиса, т.е. разделенные «по наличию или отсутствию в истории художественной культуры реального референта» [14. С. 49] с последующими выводами о том, что искусство второй половины XX в. склоняется к использованию экфрасиса миметического [15. С. 49]. Также заслуживает отдельного внимания выделение дескриптивного и толковательного видов экфрасиса [14. С. 51].

Биографические предпосылки введения экфрасиса в текст художественных произведений подробно разбирает В.А. Доманский на материале прозы М.Ю. Лермонтова [15]. Исследователь, проводит параллель между прозой романтика и созданными им картинами: «Оно [живописное наследие Лермонтова] является и ключом к разгадке его биографии и литературного творчества, и самоиллюстрацией к его произведениям, и отражением его художественных вкусов» [15]. В частности, вслед за Н.Н. Пахомовым В.А. Доманский связывает портрет неизвестного мужчины на страницах повести «Княгиня Лиговская» и картину поэта «Портрет герцога Лермы» [15]. Таким

образом, исследователем выделяется «культурно-типологическое сопоставление» для характеристики Лермонтовым своего героя: «Прием двойного зеркала – литературного и живописного, – которые использует автор романа, позволяя ему не только более масштабно представить своего «странного героя», но и познакомить читателя с его художественной генеалогией» [15].

По мнению Л.Н. Дмитриевской, экфрасис может использоваться для создания или углубления образа героя, для дополнительного воплощения образа художника в произведении и образа того, кто воспринимает описываемый портрет [16]. Также исследовательница утверждает, что «мотив портрета в литературном произведении по функциональности шире, чем портрет героя, так как мотив портрета в той или иной степени влияет на развитие сюжета произведения, подчёркивает связь живописи и литературы, вводит образ героя-художника» [17. С. 31]. С опорой на представленные классификации полагаем возможным проанализировать как визуальную образность повести «Купава», так и психологические портреты ее героев, связанные с поэтикой экфрасиса.

В работе О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [18] анализируется русская рецепция легенды о Рафаэле, «рефлексы этой легенды связаны и с последующими эпохами русской словесной культуры» [18. С. 125]. Ученые дают определение романтическому экфрасису, который понимается как «оригинальное миромоделирование, органично включающее концепцию творческого вдохновения и образ самого творца» [18. С. 125]. Опираясь на обозначенную в статье связь экфрастической мифологемы с концептом жизнотворчества писателя, возможно более обширно проанализировать схожие процессы, представленные в повести Г.Д. Гребенщикова.

Образным и смысловым ядром повести «Купава» являются в равной степени художник Николай Пегин и создаваемые им портреты. Автор открывает повесть внутренним диалогом главного героя: «Как истинный художник, Пегин обладал способностью возвышенных воображений и мечтательностью свою оспаривал сам у себя: – Если бы я не был мечтателем, я был бы лишь чернорабочим у чужой мечты» [5]. Он мечтает написать портрет Юлии, и уже тогда в повествовании появляется образ ее необычайно красивых глаз: «Как можно написать эти глаза? Кто, какой гений может на это осмелиться? Никогда, никакие мастера не могли и никогда не смогут воплотить этот свет, и грусть, и ласку вечности, и благостную, ранящую своей неотразимой силой красоту улыбки» [5]. Художник поражен красотой и гармоничностью девушки, благоговеет перед ее образом: «Пегин пытался набросать ее портрет. Несколько полотен стоят набросками к стене. Не смел при дневном свете даже посмотреть на них. Писал по ночам, украдкой, как вор...» [5]. Так, описывая отношение главного героя к красоте и искусству, повествователь создает психологический портрет Пегина, который будет последовательно развиваться на протяжении повествования.

В дальнейшем на какое-то время сюжет концентрируется вокруг портрета слепой девушки Бетти. Пегин, вдохновленный красотой Юлии, опечален, что не может нарисовать ее, но находит выход для своей творческой

энергии: «Он внес с собой в квартиру Бетти очарование от глаз Джульетты, а должен был писать слепую... Но именно поэтому в этот день он решил писать с Бетти не портрет, а сложную, глубокую картину» [5]. В ходе работы художник и девушка сближаются, Пегин рассказывает ей о своем прошлом, о детстве и о России, наполняя тем самым работу над портретом новыми смыслами: «Он видел, что слепая, как никто иной, внимательно слушала его и сама преображалась и светлела изнутри. Это делало ее счастливой и отсвечивало в красивых и больших, кукольно-прозрачных глазах ее так, что иногда она казалась зрячей и чем-то своим, далеким трогала художника» [5]. По классификации Е.В. Яценко, это косвенный, имплицитный экфрасис – в тексте явно дан автор произведения, художник Николай Пегин, однако самого портрета, по сути, еще нет – описываются создание предмета искусства и те объекты и образы, которые впоследствии будут там изображены. Также стоит отметить высокий психологизм данного описания, поскольку именно за счет видения Пегина читатель узнает больше о внутреннем мире Бетти, расширяющемся и обогащающемся за счет общения с художником. Важно также отметить, что образ прекрасных глаз Юлии становится настолько диффузным, что простирается и на слепую Бетти, заставляя Пегина обращать особое внимание на ее незрячие глаза, также воспринимая их красивыми, хоть и «кукольными».

Во время художественных сеансов Пегин рассказывает Бетти об эвакуации из России через приполярные области: «И, не зная, что нас ожидает завтра, не ведая судьбы грядущих дней в России, мы повернули наш корабль на Север» [5], – и о многих лишениях, постигших его спутников на том пути. В момент временной передышки он пишет главную картину, признавая, что равной ей он больше не создаст: «...я написал свою Купаву в свете изумрудных лучей, отраженную на пурпурно-фиолетовой и тихой, бездонной глубине неведомых широт и долгот Северного океана... Коса ее – пена, снег и свет звездных лучей...» [5]. Купава становится для него одновременно воспоминанием о былой любви и символом последней надежды. Когда ситуация становится безнадежной, Пегин и его товарищ покидают корабль, оставляя «Купаву» на борту тем, кто больше не может продолжать путь: «Я оставил им Купаву, как последнюю надежду, как утешение за то, что их покинул» [I left them the Water Nymph as their last hope; as consolation for having abandoned them] [5] [19. Л. 24]. Здесь важно обратить внимание на стратегию переложения названия картины: Гребенщиков-переводчик использовал стратегию описательного перевода, опираясь на межъязыковую синонимичность понятий «Купава» и «Water Nymph».

Таким образом Купава становится эстетическим центром повести, Пегин все эти годы равняется на этот портрет, воспринимая его как личный *Opus Magnum*, как то, что он больше никогда не сможет повторить. По сути, все портреты, которые пишет Пегин, являются его попытками вернуться к написанию Купавы и привнести в данный образ что-то новое. «Купава» – цельный, монологический, толковательный экфрасис, поскольку образ русалки становится своеобразным «порталом» в художественное видение Пегина.

Его рассказ сосредоточен не столько на непосредственном описании, сколько на собственных чувствах и воспоминаниях, связанных с портретом: образах любимых им женщин, воспоминаниях о покинутых умерших товарищах.

Опираясь на рассуждения А. Сенкевича, можно также предположить, что данный портрет является для Г.Д. Гребенщикова рефлексией эстетических и духовных исканий Н.К. Рериха: об этом свидетельствуют использованная цветовая гамма синего, зеленого и фиолетового, характерная для картин Рериха, а также позиционирование Купавы как отражения мистической, надмирной женственности. Как писала Е.И. Рерих, «...женщина обладает всеми космическими энергиями <...> Между прочим, полеты в дальние миры есть прерогатива женщин» [20. С. 145]. Так, «космический» образ Купавы, изображенной на фоне северного сияния и сравнимой со звездным светом, является ярким примером включения рериховской образности в прозу Г.Д. Гребенщикова.

Мотив Купавы как «водяной нимфы» широко представлен у «литературных учителей» Гребенщикова и поэтому интересен для рассмотрения в контексте процесса автоканонизации автора. В частности, небезынтересна параллель между «Купавой» и рассказом И.А. Бунина «Руся». Последний был написан и опубликован четырьмя годами позже, в 1940 г., что не дает возможности прямо говорить о преемственности образа Купавы у Гребенщикова, но позволяет предположить их сосуществование в рамках общего мифопоэтического континуума. По мнению Т.В. Марченко, «в рассказе “Руся” под покровом незамысловатой обыденности клубятся древние языческие образы и представления» [21. С. 112]. Главной обительницей этого болотного, потустороннего мира становится Руся, которая «ведет себя с героем как настоящая русалка» [21. С. 121]. Также исследователями [22] подчеркивается особенное внешнее сходство Руси с окружающим ее животным и растительным миром.

Гребенщиков также акцентирует связь Купавы с природой, однако природа эта не летняя и подмосковная, а полярная, ледяная: «Тело ее – прозрачный, светящийся и горячий лед; руки ее легкими крыльями подняты для объятия всей земли <...> а сосцы груди ее струили из себя тепло и свет и питали ими всю тишину полуночных просторов». Подобное осмысление достаточно необычно – традиционно русалки теплолюбивые создания, тем не менее, как было сказано выше, автор использует в автопереводе понятие «Water Nymph», однозначно соотнося Купаву с архетипом «водной девы».

До встречи с Юлией идея создать произведение, похожее на «Купаву», воспринималась художником принципиально недостижимой, однако еще до написания первого портрета Пегин осознает, что именно Юлия является продолжением того надмирного, мистического образа, подчеркивая «зрячие, недавно встреченные им, смертельно ранившие его дух и волю, глаза испанской Купавы» [5]. Тем не менее образ Юлии не гомогенен, он заключает в себе не только «природно-русалочью» доминанту, а строится на ан-

титезе между мирским и надмирным, между художественным видением Пегина и реальностью: «Эту ли, влекущую трагической покорностью американскую красавицу с прекрасными невидящими глазами? Эту ли, со знойным взором южную Мадонну древнего испанского письма? Или же ту, ушедшую на мертвом корабле в безвестность океанских льдов, рукотворную любовь искусства своего, свою – Купаву?» [5].

Портреты Юлии в повести занимают отдельный пласт экфрасического дискурса. Всего Пегин написал пять портретов возлюбленной: самый первый, не имеющий отдельного названия, «Мадонна», «Русалка», «Ее глаза» и последний портрет с младенцем на руках, также не имеющий названия. Каждое из описанных в повести изображений Юлии раскрывает отдельные черты характера героини, представляя яркими образцами психологического экфрасиса. «Мадонна» отражает ее религиозность, возвышенность: «Она была изображена монахиней, в белом покрывале, идущей со свечой во тьме, и свет свечи играл в больших, глубоких, наполненных слезами глазах» [4]. «Мадонна» также становится выражением размышлений Пегина над темой религии, безуспешных поисков духовности на новой родине.

«Русалка» олицетворяет связь Юлии с природой и ее витальностью: «...точно она была одна во всем мире, или, как невинное дитя, только что родилась из морской раковины, лежала на песке под ярким солнцем» [4]. Здесь мы видим скрытый художественный диалог с «Купавой» – Пегин вновь изображает любимую женщину в образе русалки, создания одновременно природного и потустороннего, не принадлежащего к миру людей. Отличие от Купавы заключается, в частности, в том, что Юлия изображена на теплом песке, что подчеркивает дополнительно ее жизненную силу и тепло, которое она может дать. Отсылка подкрепляется в автопереводе использованием характеристики «Water Nymph», ранее применяемой именно к «Купаве». Помимо этого, портрет «Русалка» можно считать косвенным цитированием картины Сандро Боттичелли «Рождение Венеры», где богиня, рожденная из морской пены, плывет к берегу, стоя на морской раковине, что дополнительно выражает склонность Гребенщикова ориентироваться на уже признанные, классические образцы в искусстве. Можно также предположить, что образ Венеры является имплицитным диалогом с континуумом литературы Серебряного века, для которой картина «Рождение Венеры» была одним из смыслообразующих образов, оказывающих влияние на портрет героя [23. С. 63].

«Ее глаза» – наиболее выразительный портрет Юлии, в котором Пегин выразил как свою любовь и восхищение девушкой, так и всю глубину не только ее души, но и «тайну жизни, саму радость бытия, саму несокрушимость сил материи и духа» [5], транслятором которых Юлия для него являлась. Портрет создается при помощи антитез: «Они влекли к себе, они как будто матерински убаюкивали душу, мысли и надежды зрителя, и всей своей глубиной, всей жуткою бездонностью тоски поглощали мысль и сердце. В них были жизнь и смерть, отчаянье и счастье, любовь и ненависть, Бог и дьявол» [5].

В каждый из этих портретов Пегин заключает частичку души Юлии, что впоследствии станет движущей силой сюжета: в финале повести Юлия уничтожит часть своих портретов, восстановив тем самым свою духовную целостность. Так Гребенщиков, возможно невольно, обыгрывает архетипический сюжет, где портрет является вместилищем жизни и души персонажа, а создание портрета – отделяет душу или ее часть у героя. Ю.В. Шатин отмечает: «Весьма характерно, что ожившая картина, получив статус означаемого, превращает живые предметы в картины». Схожий процесс наблюдается и в анализируемой повести, где портреты, поглотив сущность Юлии («Теперь она вся здесь, в руках этого человека. Именно теперь она почувствовала, что в ней самой ничего от нее не осталось» [5]), становятся из означаемого – означаемым, а затем и самостоятельно существующими символами любви и благоговения главного героя. Перфомативным актом, запускаящим процесс превращения портрета в символ, являются слова Пегина: «Да, именно она, Юлия, приняла для меня новый образ той же моей Купавы» [5]. Юлия, уничтожив портреты, восстанавливает свою целостность, возвращая себе статус означаемого, а вместе с тем и субъектность.

Интермедиаальный код повести составляет не только изобразительное искусство, но и музыка. Музыка сопровождает процесс написания портретов Бетти, которая позирует за роялем и, будучи слепой, особенно чутко воспринимает мелодии и использует их, в том числе как средство выражения эмоций: «Бетти уронила руки на рояль, и клавиши запели о невыносимой боли отчаянья» [5]. Музыка используется как дополнительный иллюстративный и сопроводительный пласт, выражающий духовное состояние Пегина: «А звуки, как мечи остры, – как должно быть глубоко и протестующе любил венгерец Лист. Именно протестующе. Разве можно было бы назвать любовью теперешнее состояние Пегина?» [5]. Музыкальность Юлии и острота восприятия прекрасного приводят художника к мечте о синтезе музыкального и изобразительного: «И лучше, глубже Листа донеслись две ноты ее голоса. Какое мягкое, глубокое контральто. Вот так бы ее написать, чтобы звучал бы этот голос с полотна» [5].

Характерен в данном контексте и подбор музыкальных произведений: аудиальный код повести представлен произведениями классических композиторов, преимущественно представителей романтизма: «Тихо перебирая клавиши, она извлекала из них какой-либо отрывок из Шопена, Шуберта или Чайковского и тут же, как бы поймав себя на неуместно грустных нотках, начинала что-либо радостное из Бетховена или Листа» [5]. Подобный выбор, с одной стороны, подчеркивает «неизлечимую тоску художника-мечтателя» Николая Пегина, который, подобно творцам-романтикам, чувствует себя одиноким «во всей Америке и во всем мире», противопоставляя себя прагматичной реальности Америки (её в повести со всей полнотой выражает делец Чарли). С другой же стороны, выбранные произведения отвечают творческим ориентирам Гребенщикова – писатель автоканонизировал свой образ как «наследника» классической традиции [24] и был склонен использовать, как было упомянуто ранее, уже устоявшиеся, проверенные временем образцы для подражания и творческого переосмысления.

Оригинал и автоперевод обнаруживают небольшое количество отличий, которые важны с точки зрения изменения восприятия произведения, переведенного на английский язык. В частности, в автопереводе присутствует пролог, которого нет в оригинале. В нем рассказчик приходит на вручение дипломов в колледж, где он работал. Туда же приходят Пегин и Юлия. Пегин описывается как «tall and slender, rather thin-bodied, the man had the well carved profile of an average intelligent American» (высокий и стройный, довольно худощавый человек с выточенным профилем типичного интеллигента. – Здесь и далее перевод наш. – Е.Я.) [19. Л. 2]. Юлия описывается рассказчиком следующим образом: «Her age was of that depictive period when a woman may insist upon a limitless “over-thirty”, when, in fact, she might well be over forty... But her eyes were amazingly large, deep, dark, and had a fiery sparkle» (Она была того характерного возраста, когда женщина может настаивать на бесконечном «за тридцать», тогда как на самом деле ей могло быть за сорок... Но ее глаза были удивительно большими, глубокими, темными, с пламенеющим отблеском) [19. Л. 2]. Как видим, образ необычайных глаз Юлии переходит в дописанный позднее пролог. Важно также отметить, что это единственное описание внешности Пегина, что предположительно связано с тем, что Пегин – художник, он транслятор, и его внешность не так важна.

Герои появляются с большим опозданием несмотря на то, что Пегин – почетный доктор и является важным гостем на вручении дипломов: «The situation promised to be not only explosive, but scandalous» (Ситуация обещала быть не только потенциально опасной, но и оскорбительной) [19. Л. 3]. Рассказчик также упоминает детей пары: в русскоязычной версии Пегин и Юлия имеют только одного ребенка, а в англоязычной – у них близнецы. Также у детей появляются имена, которых не было в русской версии, их зовут *Paul* и *Olga*.

На мероприятии Пегин произносит речь, в которой отдает должное Америке и наставляет выпускников. Здесь важно обратить внимание на то, что в основной части повести Пегин воспринимает Америку критически, как в оригинале, так и в автопереводе: «Да, – размышлял он, – сытая, механически усовершенствованная, полнокровная и шумно-танцующая жизнь Нью-Йорка лишена истинных радостей» [5]. Художник не чувствует, что духовные потребности американцев соответствуют его потребностям: «Пегин не мог понять, как так могло случиться, чтобы задачей целого народа стала одна нелепейшая мысль: непрестанно богатеть за счет непрестанного удешевления жизни» [5]. В прологе Пегин, напротив, характеризует Америку как страну, многому его научившую: «I learned to love this land, and its most bounteous nature. I learned to love its people, and their tireless creative labor» (Я научился любить эту страну и ее щедрую природу. Я научился любить ее народ и его безуданный творческий труд) [19. Л. 4]. Положительная характеристика Америки включается рассказчиком в первое предложение пролога: «This event occurred in our God-loving land...» (Это произошло в нашей Богом возлюбленной стране) [19. Л. 1]. Такая смена позиции героя может быть объяснена не только годами, отделяющими события пролога от основной части повести и изменениями, произошедшими в душе Пегина, но и авторской ориентацией на вкусы американской читательской аудитории [2].

Поэтика пролога настраивает читателя на ожидание счастливого финала, что обеспечивается появлением героев, жизнь которых уже сложилась благополучно. Можно предположить, что Гребенщиков намеренно создал данный элемент композиции, чтобы дополнительно заинтересовать читателя историей, которая привела героев к описываемой точке сюжета. Такой вывод подтверждается репликой рассказчика, которой тот завершает пролог, переходя к основной части повести: «But the entire story, so happily ended, must still be told in all its details, and from its beginning, it is a story epic of a great love» (Но вся история, так счастливо завершившаяся, должна быть рассказана во всех деталях, с самого начала, это эпическая история великой любви) [19. Л. 9]. Автопереводы для Г.Д. Гребенщикова – тексты-синонимы [25], однако не всегда они являются примерами полной синонимии, обнаруживая в себе ряд стилистических, семантических и контекстуальных различий. Так, англоязычная версия повести «Купава», представляя собой точный и адекватный перевод русскоязычного текста, расширяется за счет пролога.

Исследование поэтики экфрасиса – перспективное направление современных гуманитарных исследований. Поэтика экфрасисов в повести имеет свою специфику и связана в первую очередь с реализацией женского образа и привлечением различных узнаваемых смыслов и аллюзий для раскрытия центрального женского образа: в частности, можно отметить образ Купавы как отражение мистической, надмирной женственности, свойственной образной системе Н.К. Рериха, а также портрет Юлии в образе русалки, отсылающей читателя к картине «Рождение Венеры». Помимо этого, экфрасисы являются средством трансляции внутреннего мира главного героя: через описание создания картин автор репрезентирует читателю внутренний мир художника Пегина и его отношение к искусству и красоте. Аудиальный код повести дополняет экфрасисы, выражая идею синтеза музыкального и выразительного, о котором мечтает главный герой.

Таким образом, поэтика экфрасиса становится для «Купавы» ключевым звеном, анализ которого позволяет выявить специфику сюжетостроения и художественного мира автора. Портреты Юлии открывают особенности женской образности в наследии автора, а наличие англоязычного текста-синонима позволяет нам говорить о том, что «Купава» занимает важное место в творческой рефлексии писателя. Обращение к традиционным для русской литературы мотивам и образам, в частности к образу русалки, связывает Гребенщикова с контекстом и с историей русской классической литературы, изобразительного искусства и славянской мифологии. Экфрасис позволяет писателю объединить собственные художественные размышления по поводу женской образности и остаться причастным к русской литературе и ее традициям, что было свойственно писательской манере автора.

Список источников

1. Корниенко В.К. Георгий Гребенщиков – последние годы жизни. Ч. 2: из писем Г.Д. Гребенщиковой, Л.Ф. Магеровскому и Н.Н. Яновскому // Культурное наследие Сибири : сб. науч. ст. Барнаул, 1994. С. 127–143.

2. *Масяйкина Е.В.* Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск., 2020. 180 с.
3. *Гребенщиков Г.Д.* Купава. Алатас. Southbery, Connecticut, 1936. 104 с.
4. *Росов В.А.* Портреты Георгия Гребенщикова. М., 2021. 32 с.; ил.
5. *Гребенщиков Г.Д.* Купава. Роман одного художника // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. URL: <http://grebensh.narod.ru/kupava.htm> (дата обращения: 28.10.2022).
6. *Матасова У.В.* Мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 226 с.
7. *Масяйкина Е.В.* Стратегии автоперевода поэзии В.А. Жуковского и Г.Д. Гребенщикова: сравнительный аспект // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания : материалы II Международного научного форума, 18–19 сентября 2019 г. Томск, 2019. С. 62–68.
8. *Царегородцева С.С.* Мотив «гонца» в творчестве Н.К. Рериха и Г.Д. Гребенщикова // Дельфис : культурно-просветительский журнал. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/motiv-gontsa-v-tvorchestve-nk-rerikha-i-gd-grebenshchikova> (дата обращения: 26.10.2022).
9. *Царегородцева С.С.* Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. М., 2020. 127 с.
10. *Леонов В.Н.* Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 141 с.
11. *Сенкевич А.* Жанры оккультной прозы в Русском Зарубежье // Альманах «Русский мир и Латвия. 2011. № 26. URL: http://www.intelros.ru/readroom/rus_mir_lat/xxvi-2011/9016-zhanry-okkultnoj-prozy-v-russkom-zarubezhe.html (дата обращения: 26.10.2022).
12. *Бушев А.Б.* Проблема экфрасиса // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2012. № 2. С. 194–198.
13. *Шатин Ю.В.* Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 217–226.
14. *Яценко Е.В.* «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы литературы. 2011. № 11. С. 47–57.
15. *Доманский В.А.* Портретная живопись Лермонтова-прозаика // Acta eruditorum. 2013. № 12. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/acta-eruditorum/ak12-2013/27388-portretnaya-zhivopis-lermontova-prozaika.html>
16. *Дмитриевская Л.Н.* Образ живописного портрета и пейзажа в русской прозе: экфрасис, мотив и художественная деталь // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 9 (29). С. 70–85.
17. *Дмитриевская Л.Н.* Мотив портрета в русской литературе как способ воплощения философского взгляда на искусство // European Social Science Journal / Европейский журнал социальных наук. 2011. № 8. С. 28–36.
18. *Лебедева О.Б., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский и А.В. Никитенко о Сикстинской Мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 124–151.
19. *Гребенщиков Г.Д.* Купава : [рукопись] // ГМИИЛИКА. ОФ. Д. 67515. Л. 1–75.
20. *Рерих Е.И.* Избранное: Фрагменты из писем. 3-е изд. / сост. Г.С. Николаиди, О.А. Ольховая. Новосибирск, 2019. 280 с.
21. *Марченко Т.В.* Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья. М., 2010. 624 с.
22. *Богданова О.В., Лю Миньцзе.* Русалочий мир «Руси» (сказочно-мифологические мотивы и образы рассказа И. Бунина) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 11. С. 3392–3400.

23. Гребнева М.П. Миф о флорентийском художнике Сандро Боттичелли в русской литературе XIX–XX веков // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 61–67.
24. Горбенко А.Ю. Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.
25. Hokenson J. History and the Self-Translator // Self Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture. London ; New York, 2013. P. 39–61.

References

1. Kornienko, V.K. (1994) Georgiy Grebenshchikov – poslednie gody zhizni. Ch. 2: iz pisem T.D. Grebenshchikovoy, L.F. Magerovskomu i N.N. Yanovskomu [George Grebenshchikoff: the last years of his life. Part 2: from letters to T.D. Grebenshchikova, L.F. Magerovsky and N.N. Yanovsky]. In: *Kul'turnoe nasledie Sibiri* [Cultural Heritage of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 127–143.
2. Masyaykina, E.V. (2020) *Literaturnoe nasledie sibirskogo oblastnichestva: na materiale arkhivov G.N. Potanina i G.D. Grebenshchikova* [The literary heritage of Siberian regionalism: based on the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikoff]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Grebenshchikov, G.D. (1936) *Kupava*. Southbery, Connecticut: Alatas. (In Russian).
4. Rosov, V.A. (2021) *Portrety Georgiya Grebenshchikova* [Portraits of George Grebenshchikoff]. Moscow: GMV.
5. Grebenshchikov, G.D. (n.d.) *Kupava. Roman odnogo khudozhnika* [Kupava. A novel by an artist]. [Online] Available from: <http://grebensh.narod.ru/kupava.htm> (Accessed: 28.10.2022).
6. Matasova, U.V. (2011) *Motiv "vodnoy devy" v tvorchestve nemetskikh i russkikh pisateley epokhi romantizma* [The "water maiden" motif in the works of German and Russian writers of the Romantic era]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
7. Masyaykina, E.V. (2019) [Strategies for self-translating poetry by Vasily Zhukovsky and George Grebenshchikoff: comparative aspect]. *Nemetskiy yazyk v sovremennom mire: issledovaniya statusa i korpusa i voprosy metodiki prepodavaniya* [German Language in the Modern World: Studies of stats and corpus and issues of teaching methodology]. Proceedings of the 2nd International Forum. Tomsk. 18–19 September 2019. Tomsk: Tomsk State University. pp. 62–68. (In Russian).
8. Tsaregorodtseva, S.S. (2003) Motiv "gontsa" v tvorchestve N.K. Rerikha i G.D. Grebenshchikova [The "messenger" motif in the works of Nicholas Roerich and George Grebenshchikoff]. *Del'fis*. [Online] Available from: <http://www.delphis.ru/journal/article/motiv-gontsa-v-tvorchestve-nk-rerikha-i-gd-grebenshchikova> (Accessed: 26.10.2022).
9. Tsaregorodtseva, S.S. (2020) *Roman G.D. Grebenshchikova "Churaevy" v sotsiokul'turnom kontekste epokhi* [Churaev's Novel by George Grebenshchikoff in the sociocultural context of the era]. Moscow: NITs INFRA-M.
10. Leonov, V.N. (2003) *Kul'turologicheskaya kontseptsiya G.D. Grebenshchikova* [Culturological concept of George Grebenshchikoff]. Philosophy Cand. Diss. Barnaul.
11. Senkevich, A. (2011) Zhanry okkul'tnoy prozy v Russkom Zarubezh'e [Genres of occult prose in the Russian Abroad]. *Al'manakh "Russkiy mir i Latviya*. 26. [Online] Available from: http://www.intelros.ru/readroom/rus_mir_lat/xxvi-2011/9016-zhanry-okkul'tnoy-prozy-v-russkom-zarubezhe.html (Accessed: 26.10.2022).
12. Bushev, A.B. (2012) Problema ekfrasisa [The problem of ekphrasis]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo*. 2. pp. 194–198.
13. Shatin, Yu.V. (2004) Ozhivshie kartiny: ekfrasis i diegezis [Pictures come to life: ekphrasis and diegesis]. *Kritika i semiotika*. 7. pp. 217–226.
14. Yatsenko, E.V. (2011) "Lyubite zhivopis', poety...". Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model' ["Love painting, poets..." Ekphrasis as an artistic and worldview model]. *Voprosy literatury*. 11. pp. 47–57.

15. Domanskiy, V.A. (2013) Portretnaya zhivopis' Lermontova-prozaika [Portrait painting of Lermontov the prose writer]. *Acta eruditorum*. 12. [Online] Available from: <http://www.intelros.ru/readroom/acta-eruditorum/ak12-2013/27388-portretnaya-zhivopis-lermontova-prozaika.html>

16. Dmitrievskaya, L.N. (2013) Obraz zhivopisnogo portreta i peyzazha v russkoy proze: ekfrazis, motiv i khudozhestvennaya detal' [The image of a pictorial portrait and landscape in Russian prose: ekphrasis, motive and artistic detail]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 9 (29). pp. 70–85.

17. Dmitrievskaya, L.N. (2011) Motiv portreta v russkoy literature kak sposob voploshcheniya filosofskogo vzglyada na iskusstvo [The motif of a portrait in Russian literature as a way of embodying a philosophical view of art]. *European Social Science Journal / Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 8. pp. 28–36.

18. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2017) V.A. Zhukovsky and A.V. Nikitenko on Raphael's Sistine Madonna: the typology of ekphrasis as a representative of aesthetic consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 124–151. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/46/10

19. State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILKA). Main Fund. File 67515. Pages 1–75. *Grebenshchikov G.D. Kupava: [rukopis']* [Grebenshchikov G.D. Kupava: [manuscript]].

20. Rerikh, E.I. (2019) *Izbrannoe: Fragmenty iz pisem* [Favorites: Fragments from letters]. 3rd ed. Novosibirsk: Sibirskoe Rerikhovskoe Obshchestvo.

21. Marchenko, T.V. (2010) Opyt arkhетипического prochteniya rasskaza “Rusya”: k interpretatsii pozdney buninskoy prozy [Experience of archetypal reading of the story “Rus”: towards the interpretation of Bunin's late prose]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya*. 1. pp. 107–140.

22. Bogdanova, O.V. & Liu, M. (2022) Rusalochiy mir “Rusi” (skazochno-mifologicheskie motivy i obrazy rasskaza i. Bunina) [The mermaid world of “Rus” (fairy-tale-mythological motifs and images of Ivan Bunin's short story)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (15). pp. 3392–3400.

23. Grebneva, M.P. (2008) Mif o florentiyskom khudozhnike Sandro Botticelli v russkoy literature XIX–XX vekov [The myth of the Florentine artist Sandro Botticelli in Russian literature of the 19th – 20th centuries]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 61–67.

24. Gorbenco, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel'stvo G.D. Grebenshchikova: genesis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-building of George Grebenshchikoff: genesis, mechanisms, semantics, context]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

25. Hokenson, J. (2013) History and the Self-Translator. In: *Self Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture*. London; New York: Bloomsbury Academic. pp. 39–61.

Информация об авторе:

Яркова Е.В. – канд. филол. наук, ассистент кафедры романо-германской и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: beork.berkana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Yarkova, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: beork.berkana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2022;
одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 02.11.2022;
approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 26.12.2023.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 81-13
doi: 10.17223/19986645/86/15

**Синергетический подход к обучению иностранному языку.
Рецензия: Гураль С.К., Смокотин В.М. Синергетическое поле
обучения иноязычному дискурсу. Томск: Издательство
Томского государственного университета, 2023. 342 с.**

Павел Викторович Сысоев¹

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия,
psysoyev@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена анализу монографии С.К. Гураль и В.М. Смокотина «Синергетическое поле обучения иноязычному дискурсу». Автор указывает на актуальность исследования С.К. Гураль и В.М. Смокотина. Сделан обзор содержания структурных разделов работы: 1. Лингвофилософские основы синергетического подхода к обучению иностранному языку (иноязычному дискурсу): эволюционная концепция языка. 2. Дискурс-анализ в свете синергетического видения. 3. Методика обучения иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе. Показано значение рецензируемой монографии для методики обучения иностранным языкам в вузе.

Ключевые слова: синергетический подход, дискурс-анализ, обучение иностранным языкам в вузе

Для цитирования: Сысоев П.В. Синергетический подход к обучению иностранному языку. Рецензия: Гураль С.К., Смокотин В.М. Синергетическое поле обучения иноязычному дискурсу. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. 342 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 258–262. doi: 10.17223/19986645/86/15

Review
doi: 10.17223/19986645/86/15

**Synergetic approach to teaching a foreign language.
Book review: Gural, S.K. & Smokotin, V.M. (2023)
Synergetic field of teaching foreign language discourse.
Tomsk: TSU Press. 342 p.**

Pavel V. Sysoyev¹

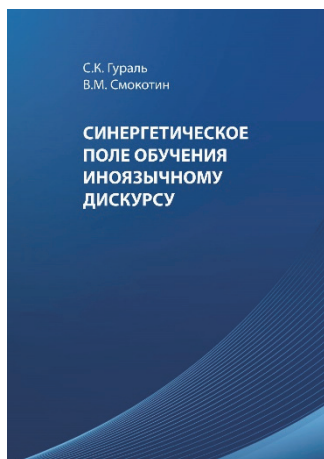
¹ *Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation,
psysoyev@yandex.ru*

Abstract. The review analyses Svetlana Gural and Vladimir Smokotin's book *Synergetic Field of Teaching Foreign Language Discourse*. The reviewer (1) indicates the

relevance of the authors' study; (2) reviews the content of the book sections: a) "Linguistic and philosophical foundations of the synergistic approach to teaching a foreign language (foreign language discourse): an evolutionary concept of language.; b) "Discourse analysis in the light of a synergetic vision", c) "Methods of teaching a foreign language discourse as a super-complex self-developing system"; (3) indicates the book's importance for the methods of teaching foreign languages at the university.

Keywords: synergetic approach, discourse analysis, teaching foreign languages at the university

For citation: Sysoyev, P.V. (2023) Synergetic approach to teaching a foreign language. Book review: Gural, S.K. & Smokotin, V.M. (2023) *Synergetic field of teaching foreign language discourse*. Tomsk: TSU Press. 342 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 258–262 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/15

Методика обучения иностранному языку является прикладной наукой, которая достаточно быстро и гибко реагирует на изменения социального заказа к владению обучающимися языком. На основе на ключевых положений системного подхода в методике как теории обучения языку создаются отдельные методические системы, в основе которых в качестве доминирующего выступает конкретный методологический или педагогический подход, определяются цели обучения, осуществляется отбор содержания, средств, методов и форм обучения.

Синергетический подход традиционно выступает предметом и объектом исследования в трудах по философии, истории философской мысли и филологии. Его лингводидактический потенциал позволил С.К. Гураль и М.В. Смокотину в монографии «Синергетическое поле обучения иноязычному дискурсу» рассмотреть изучение иноязычного дискурса как сверхсложной саморазвивающейся системы, в которой находит отражение вся широкая палитра современных мультикультурных сообществ с присущими им большими угрозами и вызовами, конфликтами и дискриминацией, агрессией и взаимодействием культур в духе мира и диалога. В этом смысле лингвистическое образование на основе синергетического подхода создает реальные условия для подготовки специалистов, способных к осуществлению профессиональной деятельности в контексте современного мира с постоянно меняющимися потребностями, интересами и ситуациями иноязычного взаимодействия.

Целью исследования профессоров С.К. Гураль и М.В. Смокотина выступает разработка теоретических основ и практической методики обучения иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе. Достижение поставленной цели предполагало решение ряда задач, которые и определили логику построения работы.

Первую главу монографии «**Лингвофилософские основы синергетического подхода к преподаванию иностранного языка: эволюционная концепция языка**» ученые начинают с анализа ключевых понятий исследования, которыми выступают термины «синергия» и «синергетика». Анализ трудов отечественных и зарубежных философов позволил авторам определить синергетику как «...новую науку, в основу которой положена идея недуральной модели мира и нелинейного мышления... дающую возможность увидеть мир по-другому... путь, на котором формируется холистическое мировидение. Синергетическое видение мира – это признание не только самоактивности бытия, но и единства всех происходящих процессов, включая социальные, мыслительные и этические».

Далее С.К. Гураль и М.В. Смокотин показывают генезис синергетики и синергетических процессов, происходящих в языке. Авторы рассматривают коммуникативную природу языка и отмечают значительную и важную роль среды в развитии коммуникативной модели языка. На основе изучения процессов эволюционного развития языка как сверхсложной системы, описанных в трудах Н. Хомского, С. Пинкера, Ф. Капры, У. Матураны и Ф. Варелы, ученые выделяют и обосновывают зарождение лингвосинергетики – нового научного направления, изучающего процессы самоорганизации в языке как коммуникативной системе. Исследователи приходят к выводу, что в сложной системе коммуникаций происходит саморазвитие языка, сопровождающееся диссипацией элементов системы, рождением новых элементов.

Одним из ключевых методов реализации синергетического подхода к обучению иностранному языку является дискурс-анализ. Поэтому вполне закономерно, что вторая глава монографии «**Дискурс-анализ в свете синергетического видения**» посвящена изучению лингводидактического потенциала этого метода исследования в условиях реализации синергетического подхода. Речь, погруженная в контекст, или дискурс, – зеркало проявления коммуникативной функции языка как средства общения во всем многообразии ее проявлений. Вслед за М. Макаровым авторы рассматривают и иллюстрируют примерами следующие категории дискурса: пропозицию, референцию, экспликатуру и имплекатуру, инференцию, релевантность и пресуппозицию. В процессе обучения дискурс-анализу студенты-лингвисты изучают теорию языка, приобретают базовые знания о языке, его устройстве и функционировании, используют эти знания в реальном иноязычном общении, где многие традиционные правила требуют переосмысления. Дискурс-анализ позволяет студентам увидеть и объяснить существующую вариативность языковых форм в зависимости от социального и культурного контекста коммуникации и этим приблизиться к более глубокому пониманию функционирования языка как сверхсложной и саморегулирующейся системы. Вторая глава монографии содержит достаточно большие по объему примеры дискурс-анализа фрагментов литературных произведений, на материале которых авторы показывают, как именно происходит процесс обучения лингвистов анализу дискурсивных маркеров и аналитической работе.

Наибольший интерес для методики обучения иностранным языкам представляет третья глава монографии «**Методика обучения иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе**». В ней авторы представляют методику как методическую систему обучения, подробно описывая все ее компоненты. В основе методической системы лежит комбинация из методологических и педагогических подходов к обучению, ключевым из которых выступает синергетический подход. На практике он реализуется через ряд методических принципов. К методическому новаторству С.К. Гураль и М.В. Смокотина относятся перечень и дидактическое наполнение этих принципов: принципа коммуникативности, принципа нелинейности, принципа незамкнутости, принципа наблюдаемости, принципа возникновения и усиления порядка через флуктуацию и принципа гомеостатичности. Далее авторы показывают сферы реализации каждого из предлагаемых принципов. Безусловно, большая часть из них реализуется при отборе предметно-тематического и языкового содержания обучения, а также при разработке систем или комплексов иноязычных заданий речевой направленности. Также в главе представлено описание подготовки, проведения и результатов экспериментальной работы по внедрению синергетического подхода в обучение студентов-лингвистов дискурс-анализу.

В ходе проведения исследования С.К. Гураль и М.В. Смокотину удалось достигнуть поставленной цели – разработать теоретически обоснованную методику обучения иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе. Работа написана хорошим научным языком, ключевые положения достаточно аргументированы и доказаны.

С.К. Гураль и М.В. Смокотин вносят существенный вклад в развитие методики обучения иностранным языкам, акцентируя внимание на двух важных моментах. Во-первых, на том, что язык как средство общения является живым и динамичным конструктом, полное овладение которым возможно через когнитивную деятельность его познания. Во-вторых, дискурс-анализ представлен в качестве основного метода исследования при изучении языка как системы, используемого в обучении студентов-лингвистов, которые по роду своей будущей профессиональной деятельности вовлекаются в процессы изучения языковых форм.

Уверен, материалы исследования будут полезны студентам, аспирантам языковых направлений подготовки и исследователям, изучающим и разрабатывающим новые инновационные методики обучения иностранным языкам. Книга будет также представлять интерес для ученых, занимающихся вопросами лингвистического и филологического потенциала дискурс-анализа как метода овладения языком как системой.

Список источников

1. Гураль С.К., Смокотин В.М. Синергетическое поле обучения иноязычному дискурсу. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. 342 с.

References

1. Gural, S.K. & Smokotin, V.M. (2023) *Sinergeticheskoe pole obucheniya inoyazychnomu diskursu* [Synergetic field of teaching foreign language discourse]. Tomsk: TSU Press.

Информация об авторе:

Сысоев П.В. – д-р педаг. наук, профессор, заведующий лабораторией языкового поликультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: psysoyev@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Sysoyev, Dr. Sci. (Education), Professor, Head of Foreign Language Multicultural Education Research Laboratory, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia). E-mail: psysoyev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 26.01.2023;
approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication 26.12.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2023. № 86

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.12.2023 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 16,5; усл. печ. л. 21,4. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5743.

Дата выхода в свет 27.02.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru